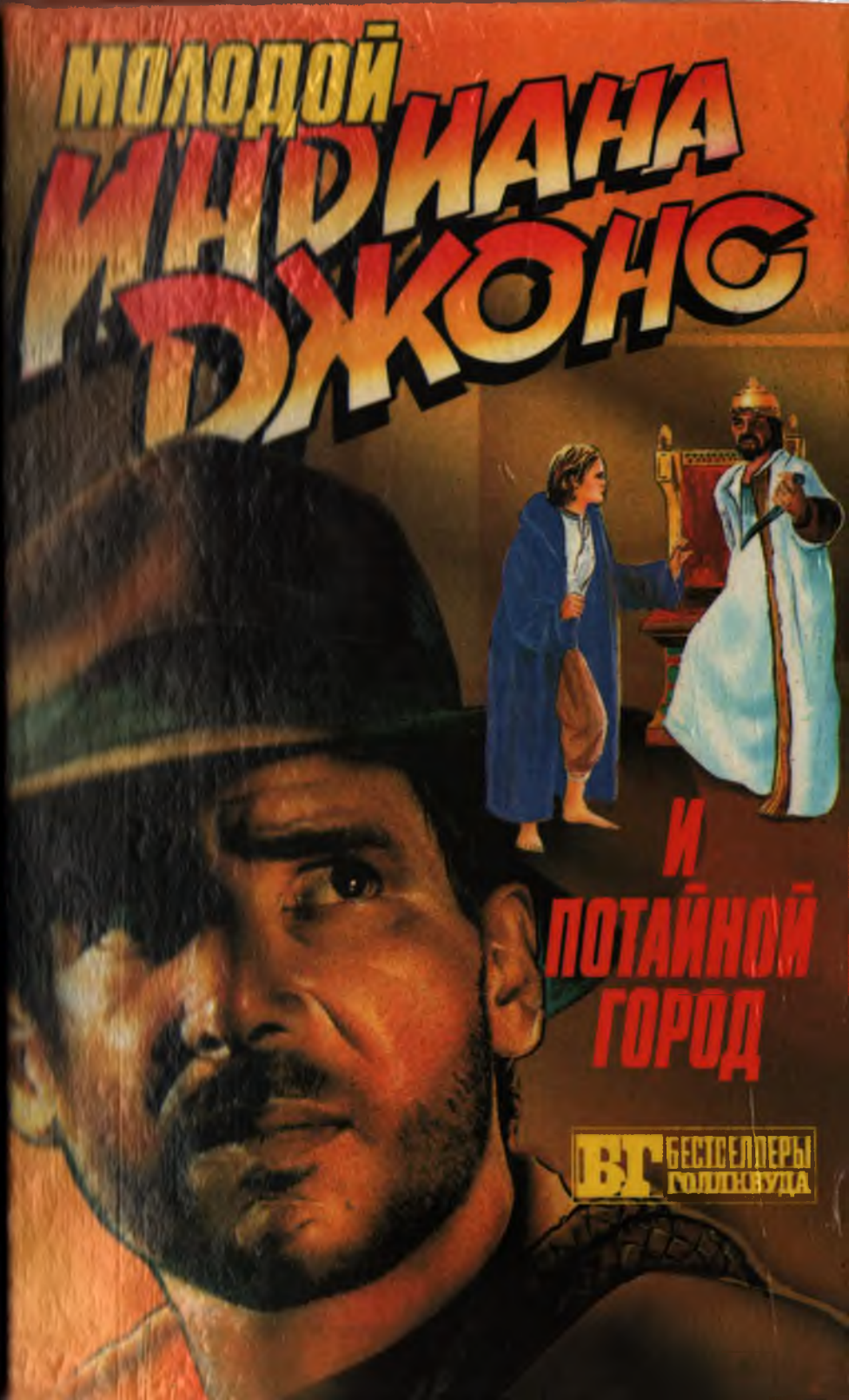
ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК / МОЛОДОЙ ИНДИАНА ДЖОНС И ПОТАЙНОЙ ГОРОД

ВГ



БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

В книге три романа:

«МОЛОДОЙ ИНДИАНА ДЖОНС И ПОТАЙНОЙ ГОРОД» Леза Мартина;

«ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК» (часть 1, 2) Джона Томпсона;

«ТЕМНЫЙ КРИСТАЛЛ» Э.С.Х. Смита.

Индиана Джонс поехав летом 1914 года с отцом в экспедицию на Ближний Восток, в Турцию, пренебрег советом отца: в незнкомой, чужой местности не ввязываться в приключения, которые постоянно сопровождают Инди на его пути...

На этот раз ему и его другу Герману угрожает настоящая, смертельная опасность от человека, называющего себя Королем королей, и его слуг, избежать которую им удается с большим трудом ...

С облегчением вздохнули монахини в приюте Святого Брута, кое-кто даже расчувствовался, когда бездетным Бену и Фло Хили удалось подсунуть на воспитание семилетнего повесу Джуниора. Воспитывать этого «бесенка», способного поджечь собственную комнату и мучать соседских детей предстоит новоявленным родителям...

(Фильм с аналогичным названием снят в США в 1990 году. Режиссер Дэннис Дьюген. В главных ролях Джон Риттер, Джек Варден, Майкл Оливер).

Бен Хилли озабочен поисками ребенку походящей мамы и приехав в процессе поисков в один городок, где подавляющее большинство населения — одинокие и разведенные женщины разного возраста...

(Фильм с аналогичным названием снят в США в 1991 году. Режиссер Брайен Ливэнт. В главных ролях Джон Риттор, Майкл Оливер, Джек Уорден).

В далеком мире должно произойти важное событие — Великое Слияние трех солнц планеты. Жестокие Скексисы, правящие миром из замка Темного Кристалла напуганы открывшимся им пророчеством: выживший Гельфлинг из расы Эльфов, которую они считали уничтоженной, во время Великого Слияния восстановит в Темном Кристалле его осколок. Пройдя через множество испытаний, Гельфлинг разгадывает тайну своей миссии и спасает планету от злых сил.

ЛЕЗ МАРТИН

МОЛОДОЙ ИНДИАНА ДЖОНС И ПОТАЙНОЙ ГОРОД

Э.С.Х. СМИТ

ТЕМНЫЙ КРИСТАЛЛ

ДЖОН ТОМПСОН

ТРУДНЫЙ РЕБЁНОК

«БАДППР»
МИНСК
1994

Эта книга продолжает популярную серию «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой либо созданные по мотивам самых популярных кино- и видеофильмов.

Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, ЗАПРЕЩЕНА.
Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.
Использование данного знака без согласования с правообладателем преследуется по закону

ISBN 5-87378-030-7

© БАДППР, 1994
© Lucasfilm Ltd.,
«Yung Indiana Jones And Secret City», 1990
© John Tompson, «Problem Child I», 1994
© John Tompson, «Problem Child II», 1994
© Henson Associates, Inc., «The Dark Cristal», 1990
© В. Суриков, знак серии, 1993
© В. Зорин, оформление, 1994

МОЛОДОЙ ИНДИАНА ДЖОНС И ПОТАЙНОЙ ГОРОД

Les Martin

«YUNG INDIANA JONES AND SECRET CITY»

Перевод с английского *А. Цветкова*
Редактор — *Н. Виноградова*

Лез Мартин

«МОЛОДОЙ ИНДИАНА ДЖОНС И ПОТАЙНОЙ ГОРОД»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Константинополь! — с глазами, полными восторга, воскликнул Индиана Джонс, как только из-за утренней туманной дымки показались контуры столицы Турции.

— Да уж, это не Солт-Лейк-Сити, — согласился его товарищ Герман и в недоумении пожал плечами.

На фоне светлеющего неба возникли величественные очертания куполов и минаретов.

Два четырнадцатилетних паренька стояли на палубе направлявшегося к турецкому берегу греческого грузового судна, которое доставило их, а также отца Инди — профессора Генри Джонса — из самого Нью-Йорка. Пароходишко был так себе: краска его местами пооблупилась, корпус покрылся ржавчиной, и даже экипаж судна был какой-то оборванный. Отец Инди был не из тех людей, которые выкладывают значительные суммы за удобства во время путешествий, — по крайней мере тогда, когда его деньги могли быть вложены в редкие книжные издания.

И теперь профессор Джонс пребывал в своей каюте с одной из таких книг. Большую часть плавания он

провел именно за этим занятием... Плавания через Атлантику... по Гибралтарскому проливу... по Средиземному и Эгейскому морям со стоянками в Марселе, Неаполе и Афинах... Плавания по узкому пространству Дарданелл и беспокойному Мраморному морю в направлении тесной гавани одного из самых легендарных городов на земле.

— Никак не могу поверить, что я здесь, — признался Герман и пожал плечами. — Я не могу поверить, что когда-то тебе пришлось меня уговаривать поехать вместе с вами.

Инди только посмеялся над своим товарищем. Это потребовало не так уж и много времени — убедить Германа присоединиться к их с отцом поездке. Худой, быстрый и бесстрашный Инди был героем Германа, желавшего во всем походить на своего друга. Герман всюду следовал за другом, словно щенок, пухленький пыхтящий щеночек, заплетающийся в собственных лапках.

Отец Инди предложил сыну прихватить с собой в путешествие какого-нибудь приятеля, и выбор Инди тотчас же пал на Германа. Задумка профессора Джонса заключалась в том, что он хотел занять чем-нибудь своего отпрыска, чтобы на время исследования крестовых походов на Турцию выбросить из головы мысли о своем отпрыске. Для него было большой и, надо сказать, не очень приятной, неожиданностью то, что ему пришлось взять Инди с собой, но тетушка, которая, как предполагалось, должна была провести с Индианой лето, внезапно тяжело заболела.

И для Инди выбор Германа в качестве спутника был самым верным: этот последует за Инди, куда бы тот ни направился. Ну, а самое плохое, на что был способен Герман, это проявить чрезмерную осторожность... но его товарищ уже хорошо научился чувствовать такой момент, когда необходимо вдруг неожиданно "оглохнуть".

Но теперь сам Инди забивал уши Германа своими знаниями о Константинополе:

— Это единственный город на земле, одна часть которого располагается в Европе, а другая — в Азии.

Впервые он был выстроен еще древними греками, — надоедливо вещал Инди. — Они называли его Византией. Потом он стал центром Восточно-Римской империи — тогда-то этот город и получил свое современное название — Константинополь. Это случилось тогда, когда турки сделали его центром своей империи. — Глаза Инди заблестели. — Но некоторые местные жители теперь не хотят называть город его именем... его *теперешним* наименованием. Они желают дать городу новое имя — современное и в то же время воистину турецкое — Истамбул, или по-нашему — Стамбул. И я надеюсь, что это произойдет, — и Турция, оставит прошлое позади, приблизится к нашему времени.

— Да, для парня, который жалуется на то, что его отец слишком много читает, ты сам действительно неплохо начитан об этой местности, — поддел друга Герман.

— Я люблю книги, — согласился Инди. — Я *действительно* люблю книги, то есть не так, как мой отец. Я использую литературу для того, чтобы больше узнать об окружающем мире, а не прятаться от него.

В тот же момент позади них прозвучал голос профессора Джонса:

— Эй, младший!

Инди повернулся к отцу:

— Я уже говорил тебе, пап, что не хочу, чтобы ты меня так называл.

— Но ведь это же твое имя, — возразил профессор. — Тебя зовут Генри Джонс-*младший*.

— Индиана — вот имя, которое я для себя избрал, — настаивал Инди.

— Индианой это *собачья* кличка! — возмутился его отец.

— Эта «собака» отдала свою жизнь, чтобы спасти меня от гремучей змеи, — вскипел Инди. — И я принял это имя, чтобы оно жило. И кроме того, Индиана намного благозвучней... Во всяком случае, куда лучше, чем Джонс-Младший.

— Сейчас у меня нет времени для споров, — прервал его профессор. — Скоро мы причаливаем, так что лучше вам с Германом пойти укладывать вещи.

— А мы уже, — заявил Инди.

— Инди поднял меня с рассветом, — объяснил Герман. Он зевнул. — Думаю, мне удастся немного подремать, когда мы доберемся до гостиницы.

— Вряд ли, — «обнадежил» его Джонс-младший. — Слишком многое в городе нам надо посмотреть. И слишком многое предстоит сделать.

— Согласен, — проговорил его отец. — Здесь роскошная библиотека, и я жду не дождусь того момента, когда смогу ее посетить.

Четырьмя часами позже их багаж уже был доставлен в отель «Пера-палас». Гостиница была оформлена в превосходном стиле, призванном ошеломить путешественников с Запада. Но взгляд Германа был устремлен лишь на одну местную «достопримечательность» — огромную кровать с мягкой периной. Но едва он успел умыться с дороги, как Инди тут же выволок его наружу.

— Наконец-то мы будем предоставлены сами себе, — объяснил Инди. — Отец до самой ночи будет просиживать штаны в здешней библиотеке... пока его не выгонят оттуда служители.

— Но, Инди,.. — запротестовал было Герман, поворачиваясь назад.

— Что еще? — нетерпеливо спросил Индиана.

— Помнишь, что твой папа просил обещать ему перед самым своим уходом? — поинтересовался Герман.

Инди почесал голову.

— М-м-м, не очень... Он всегда заставляет что-нибудь обещать ему.

— Что ж, я тебе напомню, — произнес Герман. — Он попросил тебя обещать ему, что ты будешь думать над каждым своим шагом и остерегаться опасностей.

— Ах, *это*... — усмехнулся Инди. — Безусловно, я буду раздумывать над каждым своим шагом — это ведь лучший способ избежать опасностей.

И он, а за ним, словно на поводке, Герман, скользнули в толпу. Поток людей струился по улицам, изгибавшимися в этом евро-азиатском городе, подобно громадному знаку вопроса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Эх, как бы нам только не заблудиться... — проговорил Герман. Ноги у него были покороче ног Инди, и поэтому ему довольно-таки часто приходилось чуть ли не рысью пускаться, чтобы поспевать за широкими шагами друга.

— Конечно этого не случится, — успокоил его Инди. — Я предварительно хорошенько изучил карту.

Их первая остановка была возле самого известного сооружения Константинополя — храма Софии. Ребята дружно уставились на это величественное здание, вокруг куполов которого в ясном голубом небе порхало великое множество птиц.

— Восхитительно, не правда ли?! — воскликнул Инди. В его голосе слышался неподдельный трепет. — Когда-то это была христианская церковь, и когда в пятнадцатом веке городом завладели турки, они решили не разрушать строение, а использовать его во благо собственной религии, превратить в мечеть — исламский храм. — Инди указал на другое здание, стоявшее по ту сторону громадной площади. — А это Голубая мечеть.

Турки выстроили ее, пытаясь превзойти размахом сам храм Софии.

— Здесь так много мечетей, — заметил Герман.

— В Константинополе полно правоверных — исламистов, — объяснил Инди. — И здесь, во всех уголках города, действительно много замечательных мечетей. Мы сможем посмотреть их все. А еще посетить и Великий базар, где продается все, что только существует в этом мире. Плюс поглядеть на фасад дворца Топ Капу — того места, где до сих пор, хоть власть от него и перешла уже новому правительству, живет турецкий султан.

— И все это за один день — сегодня? — взвыл Герман. — Бедные мои больные ноги!..

Буквально в этот же момент воздух разрезал завывающий мужской голос. Людской поток вливался в здание храма.

— Что это? — спросил Герман.

— Приглашение к молитве, — ответил Инди. — Мусульмане молятся пять раз в день.

— Надеюсь, на нас они внимания не обратят, — тревожно произнес Герман. — Мы ведь для них чужаки.

— Ничего не случится до тех пор, пока мы будем выказывать уважение к их религии, — успокоил его Инди. — Они уже привыкли к иностранцам, которые вот уже несколько тысячелетий приезжают сюда со всех концов света, чтобы поторговать или просто поглядеть на город.

— И до завтра здесь ничего не изменится, ведь так? — полувопросительно произнес Герман. — Я имею в виду, если сегодня мы пораньше ляжем, то завтра нам предоставится возможность пораньше встать...

Инди сжалился над своим товарищем:

— Хорошо, сейчас мы пойдем в отель, а по пути посмотрим на корабли, что прибывают в здешнюю гавань со всего мира.

Инди остановил Германа посреди моста, по которому они шли на обратном пути в гостиницу. Мост этот был перекинут над Золотым Рогом — заливом, разделяющим Константинополь. Сверху были отлично видны водруженные над кораблями всевозможных типов флаги самых разных государств.

— Почему все эти корабли военные? — удивленно спросил Герман. — Тот вон английский, а вон и французский... и немецкий. А вон тот чей?

— Российский, — ответил Инди. — Все европейские державы используют Турцию в качестве базы для собственного флота. Все они заинтересованы в этой стране, чтобы в случае возникновения войны она оказалась на их стороне.

— Войны не будет, — твердо заявил Герман. — Мой отец говорит, что он и ломанного гроша не поставит на то, что разразится глобальная война. Все-таки 1914 год на дворе. Мир достаточно цивилизован, чтобы позволить разорвать себя на части.

— Вот так значит? — задумчиво пробормотал Инди. Он бросил взгляд на оружейные стволы, торчащие с военных кораблей, и пожал плечами. Затем он заметил нечто, что нашел более занимательным зрелищем.

С огромного серого броненосца, шедшего под русским флагом, на воду спускался небольшой белый катер. Инди принялся наблюдать за тем, как моряки на катере отдали швартовы и взялись за весла. Но было странным то, что катер направился вовсе не к берегу, а напротив, взял направление в сторону другого катера, ожидавшего его в открытом море.

— Интересно, что это происходит? — предался размышлениям Инди.

— Нас это не касается, — быстро пресек его раздумья Герман. — Нам уже пора быть в гостинице.

— Ничего страшного не произойдет, если мы еще немного посмотрим, — отмахнулся от него Инди.

— Золотые слова, — со вздохом произнес Герман и не стал больше тратить энергию на бесполезные споры: если Индиана чувствовал запах какой-либо загадки, ничто не могло оторвать его от попытки ее разрешить.

— Взгляни-ка вон на того мужика на втором катере, — сказал Инди.

Было сложно не обратить внимание на человека, на которого указывал Инди, — он выделялся среди всех

остальных, находившихся в шлюпке. Этот человек был высок — около семи футов ростом. Телосложением он напоминал медведя и весил, судя по всему, по меньшей мере стоунов[1] двадцать. У него была густая борода, и одет он был в черный костюм, сшить который был в состоянии разве только мастер по пошиву туристских палаток.

Бородач, протянув руку, забрал у морского офицера, командовавшего другим катером, кожаную сумку. И, как только передача состоялась, катера моментально разошлись в разные стороны. Первый направился назад, в сторону военного корабля, а второй — к берегу.

— Будем мыслить более широко, — пробормотал Инди. — Этот город считается очагом всемирных интриг. И не исключено, что за одной из них мы наблюдали только что собственными глазами.

Шанса возразить этим словам Герману не представилось — произнеся их, Индиана тут же рванулся туда, где должен был причалить второй катер. Инди с Германом оказались на месте раньше шлюпки. И в тот момент, когда катер входил в док, мальчики сделали вид, что с интересом разглядывают различные ювелирные украшения, выставленные на продажу в витрине местной лавки.

Бородач вылез из катера. В руке у него был кожаный саквояж.

Следить за «черным медведем», когда тот прокладывал себе дорогу в уличной толпе, оказалось довольно простым занятием.

Через некоторое время Герман заметил:

— Знаешь, а эта дорога кажется мне знакомой.

— Ты прав, — согласился Инди. — Мы направляемся в сторону нашего скучного отеля.

— Так ведь и этот мужик идет туда же, — догадался Герман.

— Возможно, нам даже удастся узнать, в каком номере он живет. Надо будет посмотреть, ключ от какой комнаты даст ему портье, — сказал Инди.

[1] Один стоун равен приблизительно 6,3 килограмма. — Здесь и далее прим. перев.

— И возможно, тогда мы оставим его в покое, — в тон товарищу добавил Герман.

— Интересно знать, и куда же делось твое любопытство? — насмешливо произнес Индиана.

— Видно, ты никогда не слышал рассказ о любопытстве и кошке, — огрызнулся Герман.

— Ну, я-то скорее собака, чем кошка, — заявил Инди.

— Ага, бладхаунд, — вздохнул Герман.

Но Индиане так и не удалось проследить путь бородача до портье.

Мальчика перехватил его отец, ожидавший их в фойе гостиницы.

— Слава богу, наконец-то вы вернулись, — воскликнул профессор Джонс. — Надеюсь, вы еще не успели распаковать вещи?

— Нет, — ответил Инди. — А что такое?

— Мы немедленно съезжаем отсюда, — ответил ему отец.

— Вам не нравится эта гостиница? — со вздохом спросил Герман. Кровать с периной выглядела такой замечательной!

— Гостиница? — не понимая переспросил профессор Джонс. — А чем она может мне не понравиться? Я говорю о чем-то более значительном и важном. Книги! В местной библиотеке нет необходимых книг. Но они есть в Конье. И ночной поезд отправляется туда через час.

— Вам удалось взять места в спальном вагоне? — голосом полным надежды поинтересовался Герман.

— Такого там нет, — ответил профессор Джонс. — Хотя это и не имеет большого значения. Это путешествие не такое уж длинное — всего каких-то двенадцать часов... — и я, наконец, смогу закончить чтение вспомогательной литературы, достать которую мне все никак не удавалось.

— Будь готов, Герман, к тому, что тебе придется совершить незабываемую поездку на платформе для перевозки скота, — рассмеялся Инди. — Мой отец поку-

пает всегда единственный вид билетов — самый дешевый.

— По правде говоря, на этот раз мне пришлось приобрести билеты первого класса — признался его отец. — Прямо какой-то грабеж на большой дороге. Но, что произошло, то уже произошло, и будем рады, что удалось купить хотя бы эти. Только в самую последнюю минуту кто-то аннулировал свой заказ. А теперь нам уже пора. Если мы опоздаем на этот поезд, то следующего нам придется ждать целых двое суток.

Они прибыли на железнодорожную станцию с запасом в десять минут. Локомотив их состава уже вовсю извергал пар. Обнаженный по пояс мужчина подбрасывал в топку уголь. Проводник показал им их купе — четыре полинявших обитых красным плюшем сидения — два, и напротив еще два.

— В конце концов, одно-то место у нас свободно, — сказал Герман, когда они уложили багаж на полки над головами. — Значит, есть место, на котором один из нас сможет растянуться и немножко вздремнуть. — Это намек, — добавил он как бы невзначай.

— Сладостные мечты, — заметил Инди. Его отец, сидевший рядом, распахнул книгу, и Джонс-младший сделал то же самое.

— Главное — поудобней устроиться, — произнес Герман и, растянувшись на двух сиденьях, закрыл глаза.

Но минуту спустя он был выдернут из мира сладких снов — дверь купе с шумом распахнулась.

В дверном проеме показалась громадная фигура мужчины... знакомая, надо сказать, фигура — семи футов роста, двадцати стоунов веса, густая черная борода, кожаный саквояж в руке.

Мужчина оглядел всех троих испытующим взглядом, от которого по телу Германа побежали мурашки...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— *Deutsch? Francais?* Вы англичане? — спросил бородач.

Профессор с неохотой оторвался от книги и бросил поверх тома недовольный взгляд на незнакомца.

— Мы — американцы, — произнес он.

— А я — русский, — сказал бородач. — Федор Ростов, агент по продаже высококачественных ковров, к вашим услугам.

— Я — Генри Джонс, — представился профессор. — Это мой сын Генри-младший. А это — его товарищ, Генри Мюллер.

— Индиана, — произнес Инди.

— А, так вы из штата Индиана! — догадался Ростов.

— Нет. Это мое имя, во всяком случае я предпочитаю, чтобы меня так называли, — объяснил Инди.

— Понимаю. Меня мои друзья называют Федей, — сказал Ростов. — Вы направляетесь в Конью? Довольно необычный маршрут для американцев.

— Я изучаю крестовые походы, — начал рассказ профессор Джонс. — И в настоящий момент занимаюсь исследованием истории турков-сельджуков, которые выступили против крестоносцев, когда те продвигались

вдоль турецкого берега в направлении Палестины. Их столицей была Конья.

Пока он это рассказывал, Инди бросил на Германа красноречивый взгляд. Будь осторожен, говорил он, не дай понять этому парню о том, что нам известно.

— А, вы увлекаетесь историей, — сказал профессору Ростов. В то же время он втащил в купе массивный чемодан и легко, будто тот весил не больше пушинки, положил его на багажную полку.

Затем Ростов пристроил свое грузное тело на сидение рядом с Германом. Кожаный саквояж он так и не выпустил из рук.

— Да, Конья — самое подходящее для этого место. В Конье лучше, чем в других местах, сохранилось *прошлое*.

Профессор Джонс пожал плечами:

— Меня это не сильно волнует. Достаточно того, чтобы они сохранили в хорошем состоянии старинные манускрипты.

Однако Инди был действительно заинтригован. Кроме всего прочего, ему все-таки хотелось получше узнать, что же собой представляет этот малый по фамилии Ростов.

— Я что-то читал о Танцующих Дервишах, — произнес он. — Есть ли они до сих пор в окрестностях Коньи?

— Танцующие Дервиши? — переспросил Герман.

— Это исламская секта, — пояснил Индиана. — Они кружатся в танце, чтобы тем самым распалить свое религиозное чувство.

— По правде говоря, моя поездка в Конью во многом связана с ними, — признался профессор Джонс. — Их основателем был великий поэт и проповедник по имени Мевлана. Он жил в Конье. Я хочу выяснить, как ему и его последователям удалось прознать о походе крестоносцев.

Профессор Джонс повернулся к Инди:

— Ты можешь пойти в библиотеку вместе со мной и найти там по поводу дервишей все, что угодно твоей душе.

— В библиотеку? — воскликнул Инди. Он в отвращении поморщил нос. — Проделать такой огромный путь только для того, чтобы сходить в библиотеку?

— Ты должен слушаться своего отца, — проговорил Ростов, и в тот же момент раздался паровозный свисток. Состав резко дернуло, и вагоны двинулись в путь. — Конья разительно отличается от Константинополя. Его жители не настолько привыкли к чужеземцам. Фактически они относятся ко всем приезжим с необычайной подозрительностью. И они могут быть недружелюбны. Очень недружелюбны.

— Эге, может быть, посидеть в библиотеке — это и не такая плохая идея, — произнес Герман. — Я имею в виду то, что в библиотеке спокойно. И прохладно. И безопасно. И возможно, там удастся отыскать какую-нибудь картинку с изображением этих дервишей.

— Такое изображение у меня уже есть, — отрезал Инди. Он показал Герману книгу, которую читал.

На одной из иллюстраций в ней был изображен мужчина в белом халате до самого пола туго стянутом на талии кушаком. А ниже пояса полы халата развевались, словно этот человек кружился в танце. На голове у него была высокая конусообразная шапка, которая делала его похожим на какого-нибудь чародея или фокусника.

— Но изображение это еще не все, — вывел Инди. — Я хочу увидеть дервиша живьем.

Ростов хихикнул:

— Да, ты парень с чувством приключения. И с огромным воображением. Должен сказать, мне было очень весело, когда сегодня увидел тебя и твоего друга. Вечером, когда вы следили за мной.

— Вы видели нас? — переспросил Инди, неожиданно почувствовав себя в глупом положении.

— Конечно, — признался Ростов. — Купец, такой, как я, должен иметь острый глаз. Я часто ношу при себе немалые суммы, что заставляет постоянно быть начеку. И вас обоих я заметил в один миг. В одежде западного фасона, вы резали глаз, как нарыв на пальце.

Ростов заметил уныние на лице Инди и вновь хихикнул:

— Могу себе представить, что вы подумали, увидев, как русский офицер передает мне вот этот саквояж. Предполагаю, вы были уверены, что натолкнулись на банду шпионов... Вот что происходит, если читаешь слишком много дешевых приключенческих романов. Они заставляют многие вещи выглядеть намного романтичней и увлекательней, чем они есть на самом деле. — Ростов улыбнулся. — В действительности, этот человек просто передавал мне деньги за ковры, использованные для оформления адмиральской каюты. Но если этого не знать, то можно и не заметить, как окажешься вовлеченным в игру, которая гораздо интересней игры в ковбоев и индейцев. Ведь так?

— Надеюсь, они не сильно вас побеспокоили? — проговорил профессор Джонс.

— Ну что вы! Ничуть, — ответил Ростов. Мальчишки... мальчишками и останутся.

— И еще я надеюсь, что это послужит тебе уроком, младший, — назидательно проговорил профессор. — Ты уже вышел из того возраста, когда можно заниматься подобной детской ерундой. И уж конечно, мне бы не хотелось, чтобы ты вляпался в какую-нибудь неприятность, когда мы прибудем в Конью.

— Хорошо. Я выучил этот урок, — произнес Инди и спрятался за книгой.

— Надеюсь, — еще раз повторил его отец и вновь распахнул свой том. — У меня нет времени, чтобы выручать тебя из какой-либо беды. Я даже не упоминаю о том, что не собираюсь терять возможности посетить эту величайшую библиотеку, попасть в которую дьявольски трудно.

— И я тоже на это надеюсь, — сказал Ростов. — Поверьте мне, для мальчиков, вроде вас, посещение незнакомых частей города может быть очень опасным.

И Герман тоже надеялся на то, что Инди выучил этот урок, и их дальнейшее путешествие окажется спокойным, полным мира и безмятежности.

И эти их надежды были все еще живы, когда на следующее утро они прибыли в Конью и отправились в местную гостиницу. Инди с Германом достался двухместный номер, и на этот раз Индиана ни секунды не возражал, когда его товарищ заявил, что собирается прилечь и немного вздремнуть.

Разбудил Германа яркий солнечный свет, заливавший комнату сквозь окно.

И одновременно наступил конец его надежде на то, что Инди исцелился от своей извечной охоты за приключениями.

Инди в комнате не было: он ушел неизвестно куда...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Герман уселся на постели. Он должен отправиться на поиски Инди: быть может, его друг попал в беду и ему необходима помощь. С другой стороны, возможно, было бы лучше снова с головой накрыться одеялом. Герман подумал о незнакомом городе, который сразу за гостиничными дверями встречает тебя недоброжелательными взглядами турок. Так что, вернуться в кровать было не такой уж плохой идеей.

— Пришло время вставать! — прокричал Инди, врываясь в комнату. — Скоро уже полдень, и так не хочется тратить день впустую.

— А почему бы и нет? — набросился на товарища Герман. — И кроме того, кто сказал, что сон — пустая трата времени! Совсем наоборот, он необходим для всякого подрастающего организма... в том числе и моего.

— Угу, и я надеюсь, что ты достаточно подрос, чтобы эта одежда пришлась тебе в пору, — заметил Инди и бросил на постель белую хлопковую рубашку и такие же штаны.

— Что это? — удивился Герман. — Где ты это взял?

— Это — ношеные вещи, — просто ответил Инди. — Я купил их в одной из лавок на местном базаре.

Теперь, наконец, когда Герман окончательно проснулся и, разлепив глаза, смог сфокусировать взгляд, он обратил внимание на то, что Индиана был одет точно в такие же одежды, выглядевшими достаточно чистыми, хотя и изрядно потрепанными.

— Действительно, нет смысла выделяться среди толпы во время путешествия по городу вроде сорной травы, — пояснил Инди. — Как видишь, я достаточно внимательно слушал Ростова. Жители Коньи подозрительно относятся ко всем приезжим, поэтому нам надо сделать все от нас зависящее, чтобы не выглядеть чужаками.

— А что с обувью? — спросил Герман. — Я думаю, что наши «Вастер-браунсы» выдадут нас с головой.

— Мы вообще не будем обуваться, — ответил Индиана. Он показал на свои босые ноги и покачал в воздухе ботинками. — Я заметил, что большинство детей на улицах босы. Так что, чем беднее мы будем выглядеть, тем меньшее количество людей обратит на нас внимание.

— Но мы ведь абсолютно не похожи на турков, — запротестовал Герман.

— А как ты думаешь, на кого похожи турки? — нетерпеливо воскликнул Инди. — Оглянись на улице вокруг, и ты увидишь, что турки бывают самых разных размеров, форм и расцветок. Множеству разных людей Турция стала родным домом.

И Герман сдался. Его шансы на победу в этой словесной дуэли сводились к нулю, и, тяжело вздыхая, он поднялся с постели и напялил на себя принесенное Индианой свободное одеяние из хлопка.

Два босоногих парнишки прокрались вниз по ступенькам в богато обставленный холл и успели выскочить за двери гостиницы еще до того, как портье смог применить к ним более жесткие действия, нежели просто погрозить вслед кулаком.

— Вот видишь, он принял нас за местных детей, — произнес Инди с улыбкой. И тут же его лицо еще боль-

ше расплылось от удовольствия. — Герман, ты видишь то, что вижу я? — поинтересовался он.

Герман проследил за его взглядом. Впереди них спускался вниз по улице мужчина, одетый в высокую колониальную шляпу и длинный белый халат.

— Это дервиш, — произнес Инди. — Быстрей! Отправимся за ним. Быть может, нам удастся увидеть его в деле — в момент свершения религиозного обряда.

— Не знаю, — замялся Герман. — Он вряд ли будет рад тому, что мы будем за ним шпионить.

— Не беспокойся, — заявил Индиана. — Мы последуем за ним на безопасном расстоянии, и нам совсем не придется рисковать.

Не теряя дервиша из виду, они пошли за ним по суетливым улицам чистого, ухоженного городка. Лавочники вокруг них вовсю расхваливали собственный товар; крестьяне вертели во все стороны фрукты, овощи и пронзительно вопивших кур. Какие-то мальчишки шныряли взад-вперед с подносами, на которых в крошечных стеклянных посудинах был чай. Каждый из этих людей был занят каким-либо собственным делом — и так продолжалось вот уже многие столетия. Герман подумал о том, как все же это разительно отличается от Америки. Такое количество вещей там было в новинку, что казалось, дух перемен прямо-таки витает в воздухе. Он почувствовал, как бесконечно далек он сейчас от родного дома.

Инди, с другой стороны, казалось, только сейчас стал обретать свой дом, свою среду обитания. Он ничуть не притормозил, когда им пришлось пересекать проезжую часть. Улица была запружена лошадьми и верблюдами, а также людьми, тащившими на закорках громадные тюки разнообразных товаров. Мальчик заметил, как дервиш вошел в небольшое белое строение. Инди увеличил скорость, игнорируя протесты задыхавшегося Германа и, подойдя к зданию, потянулся к шарообразной дверной ручке.

— Не беспокойся, — сказал он. — Я просто хочу удостовериться, что дверь незаперта. — Потом он произнес: — Так и есть. Давай-ка заглянем вовнутрь... Ну,

а если нас заметят, сделаем вид, что мы — просто заблудившиеся туристы.

— В этой-то одежде?! — воскликнул Герман.

— Не беспокойся, — повторил Инди. — Все, что от нас потребуется, так это только раскрыть рты, а дальше они поверят нам сами.

И он очень медленно приоткрыл дверь.

— Довольно весело, — произнес он. — Похоже, что здесь всего одна комната, но она пуста.

Он распахнул дверь шире и шагнул внутрь. Герману ничего не оставалось, как последовать за ним.

Комната оказалась выкрашенной в белый цвет и действительно пустой. В ней не было никакой мебели. И единственной вещицей, напоминавшей о том, что дом хоть немного обитаем, был небольшой, раскрашенный в яркие цвета, коврик на полу.

— Это коврик для молитв, — пояснил Инди. Он наклонился, чтобы получше рассмотреть его. Он изучил плетеный зеленый рисунок, выполненный на красном фоне. Узор напоминал очищенное от листьев дерево. — Посмотри-ка на этот орнамент. Его называют Деревом Жизни.

Инди нахмурил брови и вытащил из кармана компас.

— Дерево должно быть сориентировано по частям света и кроной направлено на запад, в сторону священного города Мекка. Но этот почему-то лежит неправильно. — Он наклонился еще ниже и неожиданно дернул коврик в сторону, но тот оказался прикрепленным к полу. Возможно, он лежал здесь для того, чтобы что-то скрыть.

Инди пощупал его края. Так и есть! Под ковриком что-то было.

— Это люк, — произнес Индиана. Он медленно приподнял крышку. Она поддалась на удивление легко. Инди заметил ступеньки, ведущие вниз.

— Инди, — шепотом предостерег его следующий шаг Герман.

— Я же говорил тебе, не беспокойся, — проговорил Инди, — Смотри-ка здесь есть свечи и спички, они осветят нам путь.

— Великолепно! — провозгласил Герман. — Мне совсем не хочется думать о том, что это может быть опасно.

Инди зажег свечу. И мальчики, прикрыв за собой дверцу люка, начали спускаться вниз. В футе от лестницы был проход, в конце которого виднелся тускло освещенный дверной проем. Оттуда раздавалось монотонное песнопение на незнакомом языке. Инди двинулся в сторону проема, следом за ним на цыпочках крался и Герман. Они вошли внутрь, и глаза их стали круглыми от удивления.

В центре большой комнаты все быстрее и быстрее кружился в своем танце дервиш. А восседавшая перед ним публика — человек двадцать — монотонно распевала что-то в ритм его танца.

Позади дервиша возвышалась статуя из черного камня. Статуя уродливого мужчины с поднятой вверх рукой, и в руке той он сжимал нож — нож с лезвием, сверкавшим в пламени свечей красноватым светом.

Инди отпрянул назад из прохода. Герман проделал то же.

— Ну что? — прошептал Герман. — Увидел наконец своих танцующих дервишей?

Инди лишь пожал плечами:

— Это не они, не танцующие дервиши. Ты заметил статую? Так вот, мусульмане ненавидят всякого рода идолов.

— Тогда кто же этот танцор... и эти подвывающие люди? — удивленно спросил Герман.

— Не знаю, — ответил Инди, — но я обязательно постараюсь это...

В тот же момент на его плечо опустила тяжелая рука. А другая — крепко, как тиски, сжала плечо Германа...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Инди попытался было освободиться, но рука на его плече сковывала все движения, как мощнейшие тиски. Мальчик повернул голову, чтобы хотя бы рассмотреть своего пленителя. Уткнувшись носом в широкую развитую грудную клетку незнакомца, он поднял взгляд на его лицо.

— Ростов!!! — воскликнул он. — Что вы..?

— Твоя задача состоит в том, чтобы отвечать на вопросы, а не задавать их, — прорычал русский и с этими словами затолкнул Инди с приятелем в комнату.

Танец мнимого дервиша немедленно, прямо на половине движения, остановился. Песнопения прекратились так же неожиданно.

Фальшивый дервиш проговорил несколько слов на языке, являвшимся, по-видимому, турецким. Его окружение тут же безмолвно поднялось и покинуло помещение.

Ростов что-то сказал фальшивому дервишу на том же самом наречии и затем подтолкнул ребят к стене, отпустив их. Но в то же время сам он встал перед

мальчиками, загородив то, что не предназначалось для их глаз.

— Итак... Вы двое... за кем шпионили? — грозно вопросил он.

— Мы не шпионили, — ответил Инди. — Мы просто... нам было немного любопытно... Вы ведь знаете, насколько могут быть любопытны туристы... Мы бродили в поисках какого-либо занимательного зрелища и... Конечно, если мы оскорбили вас, то приносим свои извинения. Мы действительно виноваты. Правда-правда, мы действительно виноваты. Поверьте...

— Я верю вам... в том, что касается ваших сожалений, — проговорил Ростов. — Ведь теперь вы жалеете лишь о том, что вас поймали... Но не о том, что вы свершили!..

— Но, как я уже сказал вам... — попытался возразить Инди.

— Дай-ка мне кое-что сказать, — прервал его оправдания Ростов. — Я заметил, как вы покидали гостиницу в этих одеждах. Я видел, как вы последовали за человеком в высокой шляпе и проникли в этот дом. Я ясно видел, как вы прокрадывались сюда.

— Но мы вас совсем не заметили, — пробормотал Инди. Он пытался потянуть время и, кроме того, получить хоть малейшую информацию. — Так что шпионом скорее всего правильнее было бы назвать не нас. Вы в этом деле преуспели куда как больше.

Ростов по-военному подтянулся, выпрямившись во весь свой громадный рост.

— Да уж, куда больше вас, — согласился он. — Его Императорское Величество не нанимает на мужскую работу младенцев.

— Его Императорское Величество? — переспросил Инди.

— Да, Николай Второй, — объявил Ростов.

— Русский царь собственной персоной, — проговорил Инди, будто бы ошарашенный таким открытием. — Подозреваю, что в таком случае, вы вряд ли являетесь тем, за кого себя выдаете... Вы не торговец коврами

Ростов. Вы должны быть более важной птицей. Вы должны занимать более высокое положение в обществе.

— Конечно, — кивнул русский. — Я граф Игорь Иванович Стравский. — Он зашелся продолжительным смехом. — Я хочу сказать, что ты наверняка возгордился тем, что настолько умен, что раздобыл из меня эти сведения. Ха! Будто бы я до такой степени глуп, чтобы попадаться на всякого рода детские трюки.

— Простите, — сказал Инди. — В следующий раз я постараюсь быть более осторожным.

Но граф Стравский, похоже, это нашел это забавным:

— Существует лишь одна причина, по которой я столь волен в собственных высказываниях, — зловеще произнес он. — Способен ли ты угадать, в чем ее суть?

Инди сглотнул:

— Думаю, что да. Иногда мое воображение выходит за всякие рамки.

— Что ж, я еще более облегчу работу твоего воображения, — сказал граф Стравский. — Я могу рассказывать вам все, что угодно, потому что мне нет необходисмости беспокоиться о том, что вы расскажете услышанное кому-либо еще.

— Это верно. Мы никому ничего не расскажем! — энергично воскликнул Герман. — Слово скаута.

— У-у-у, Герман... Я не думаю, что граф имел в виду именно это, — проговорил Инди.

— Я даже не собираюсь вас спрашивать, на кого вы работали, шпионя за этими людьми, — заявил граф Стравский. — Вы, американцы, не можете рассматриваться всерьез. Вы совсем еще младенцы, к тому же проживающие настолько далеко от остального мира!

— Да, действительно далеко. Слишком далеко, чтобы иметь хоть какой-то интерес в шпионаже в этой части света, — поддакнул Инди.

— И слишком далеко, чтобы кто-нибудь бросился выяснять, что же произошло с двумя с американскими парнишками, — в тон ему продолжил граф. Он вытащил из кармана кожаный ремень. — Знаете, что это?

Инди взглянул на него.

— Скажем так: этот предмет слишком толст, чтобы оказаться шнурками для ботинок.

— Я раздобыл его во время выполнения особой миссии в Испании, — нежно объяснил Стравский. — Там этот ремень называют гарротой[1]. Весьма интересная штука. Я использовал ее бесчисленное количество раз. Гаррота легка, без труда помещается в кармане и на ней не остается следов. Я просто оборачиваю ее вокруг шеи, резко тяну за концы и... за все время работы не было ни единой осечки.

— И вправду замечательно. Что только не выдумают люди! — воскликнул Инди. Мысли его в этот момент были заняты совсем другим: как с этим покончить. Все, что ему было видно — это только массивное тело графа Стравского. Так просто мимо русского не пробежишь. Попытаться оттолкнуть его в сторону — все равно что пытаться головой пробить каменную стену. Он не мог больше ни о чем думать, не мог говорить о другом.

А Герман, оказывается, мог:

— Но вы не можете этого сделать! — запротестовал он. — Мы невиновны!

«Все лучше, чем ничего», — подумал Инди. — «Хотя и не намного лучше.»

И он присоединился к воплям друга:

— Это точно. Вы не можете этого сделать. Мы невиновны!

Но граф Игорь Иванович Стравский лишь пожал плечами:

— Вы говорите, что я не могу этого сделать. Я же утверждаю, что могу. Вот и поглядим, кто из нас прав.

И он с гарротой наготове направился к Индиане.

Инди встретился со смертью лицом к лицу. Ничто их уже не разделяло.

Ничто... кроме одного-единственного слова.

— Остановись! — приказал графу мнимый дервиш.

---

[1] Гаррота — вид железного ошейника, обруч, стягиваемый винтом — орудие пыток, смертной казни в средневековых латиноязычных странах.

Как видно, ему был знаком английский — самый сладостный язык в мире.

Граф Стравский опустил свое грозное оружие.

— Вы, двое мальчишек, вы клянетесь, что невиновны? — грозно вопросил фальшивый дервиш.

— Да, сэр, — ответил Инди. — Абсолютно. Совершенно. Полностью. Слово скаута.

Герман был более убедителен. В его надломленном голосе было что-то, что не оставляло места сомнению в его искренности.

— Честное слово! Мы не делали ничего такого!

— Я верю вам, — произнес дервиш. — Вы невиновны. Вы оба невиновны. Вы оба невинны, как младенцы.

Он улыбнулся.

Но от этой улыбки Индиане ничуть не стало спокойней. Наоборот, она заставила его содрогнуться. Зубы этого человека были как-то нечеловечески остры. Его блестящая, как черный янтарь борода выдавалась вперед острым клинышком. Прямо-таки зеркальное отображение дьявола. Угольно-черные глаза уставились на Инди и, казалось вот-вот проткнут его, как кинжалы.

— Спасибо вам, сэр! Большое спасибо! — благодарил дервиша Герман. Он почти рыдал от радости.

Инди ожидал, что граф Стравский будет разгневан таким поворотом дел, но русский улыбался. Он улыбался своей мерзкой улыбкой.

— Я бы не стал так рано себя благодарить, — заметил граф и его хохот пронесся по помещению как громовой раскат перед бурей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Довольно, — сказал фальшивый дервиш, обрывая хохот графа Стравского. — У меня есть то, что было нужно. Теперь нам необходимо выбраться отсюда. У нас не так много времени. Всего лишь несколько дней.

— Да, Ваше Высочество, — ответил граф.

— «Ваше Высочество»? — переспросил Инди у дервиша. — Вы кто-то вроде короля?

Мнимый дервиш гордо выпрямился.

— Кто-то вроде короля? — передразнил он. — Я и есть король. Король королей. Король Зэд.

— Король королей, так? — пробормотал Инди. Он обернулся к графу. А где же вы оставили своего русского царя?

Граф Стравский улыбнулся:

— Умный мальчик... Тянешь время и пытаешься вбить клин в отношения между мной и Королем, — догадался он. — Позволь мне заверить тебя, что повелитель мой — царь, а Король — лучший из друзей. Вот почему я здесь... чтобы предоставить Королю ту помощь, в которой он может нуждаться.

— Ты можешь помочь мне прямо сейчас, — заявил человек, назвавшийся Королем Зэдом. — Свяжи этих мальчишек и приготовь караван. Мы покинем город, как только станет темно.

— Слушаю и повинуюсь, — проговорил граф.

Он низко поклонился Королю и затем вынул из кармана моток тонкой веревки. Ею он воспользовался, чтобы связать руки и ноги Индианы. То же самое он проделал и с Германом.

— Обманывать вас больше я не намерен, — сказал после всех этих процедур граф. — Вы можете кричать сколько вам вздумается. Никто вас все равно не услышит... Вскоре мы снова увидимся, мальчики. Нам всем предстоит небольшое путешествие.

И он с Королем покинул комнату. Как только они ушли, Герман произнес:

— Как же все-таки хорошо, что они еще не знают тебя, Инди, в достаточной мере. Я думаю, ты уже нашел способ, как нам развязаться и сбежать отсюда. Правда, Инди?

Ответом ему была тишина. Герман повторил:

— Инди!?

— У-у-у, ну, пока еще не совсем, — сказал Инди. Эта веревка довольно крепкая. Она прочна как сталь. Она врежется в нас, если мы будем пытаться шевелиться.

— Но какой-то выход ты уже нашел, ведь так? — настаивал Герман. Он сделал все возможное, чтобы в его голосе было побольше надежды. Но его попытки не дали результата.

— Конечно, — согласился Инди. — Но лишь с одной стороны. Мы должны дождаться своего часа. Как бы то ни было, я хочу выяснить, что же происходит между Королем и русским графом. Я прямо умираю от любопытства.

— И что, мы должны умереть из-за этого желания. Неужели то, что ты услышал нисколечко тебя не испугало? — воскликнул Герман. И через некоторое время тяжело вздохнул: — Да уж, как видно, нет.

Больше сказать ему ничего не удалось. В комнату

вернулся граф. Его сопровождали четверо могучих на вид мужчин. Они тащили два огромных восточных ковра.

— Надеюсь, у вас, ребята, состоялась хорошая дружеская беседа? — поинтересовался граф. — И надеюсь, вы пришли к согласию в споре о том, можно ли от нас убежать. В любом случае попытка ваша окажется безуспешной, а вот наказаны вы будете весьма жестоко. Так что советую вам расслабиться и насладиться предстоящим путешествием. Оно станет настоящим удовольствием для таких ребят, как вы... для мальчишек, столь живо интересующихся миром. Вы сможете увидеть то, что ранее доводилось видеть лишь немногим избранным. И должны испытывать волнение от мысли, что вы, сами того, может быть, не подозревая, будете учавствовать в сотворении истории.

— Огромное спасибо, — с болезненной усмешкой выдавил Инди. Он чувствовал себя так, словно его заставляли брать назад его собственные слова.

— Не стоит, — ухмыльнулся граф. Он кивнул своим людям, и те разостлали ковры. Они уложили каждого из мальчиков на отдельный ковер и затем обернули вокруг Инди и Германа, спрятав их в таких своеобразных коконах.

Изнутри своего ковра Инди слышал, как граф продолжал издеваться:

— Устраивайтесь, ребятки, там поудобнее, как жуки в своих норах. И ни о чем не беспокойтесь... Мы не собираемся давить вас как клопов. Мы и мысли не имеем о том, чтобы задушить вас. Мы хотим сохранить вам жизнь... до поры до времени.

Инди почувствовал, что его ковер подняли. Он не знал, как далеко его пронесли. Ощущение его напоминало путешествие в лодке, окруженной бушующими волнами. И закончилось оно неприятным падением. Он все еще оставался завернутым в ковер, но рядом, по-видимому, никого не было. Слышалось какое-то движение: вверх — вниз, вверх — вниз. Его

увлекла мысль, можно ли заболеть морской болезнью на суше.

Наконец, он почувствовал, как кто-то поднимает его «темницу», а затем куда-то кладеть. Ковер принялись катать по земле, ничуть не обращая внимания на то, что внутри был Индиана. В конце концов ковер развернули, и парень смог вдохнуть в себя воздух. Он посмотрел наверх и увидел, что на него уставилась удивленная верблюжья морда.

Рядом с верблюдом стояли граф с Королем. Оба они были одеты в распахивающиеся халаты с капюшонами вроде тех, что носят арабы-пустынники. Люди, окружавшие их, были одеты точно так же; в руках у них были ружья.

Инди повернул голову. Рядом с ним лежал Герман. Приятель Индианы, зевая, пытался разлепить глаза. Ему все-таки удалось немного вздремнуть.

— Черт возьми, — пробормотал Герман, — я так надеялся, что все это лишь ужасный сон.

— Теперь некоторое время тебе будет не до сна, — настоятельно сказал граф. — Всю ночь мы будем в пути.

Граф отдал распоряжение одному из своих людей, и тот, в то время, как его товарищи проверяли ружья, развязал ребят.

Затем граф Стравский протянул им арабские халаты — такие же, какие были и на других членах каравана.

— Наденьте это, — приказал русский. — Мы неплохо проведем время, путешествуя в седле.

— Неплохая маскировка, — прокомментировал Инди. — Эти капюшоны оградят наши лица от взглядов встречающихся нам путников и сможем сойти за торговцев арабскими коврами, возвращающихся домой. Ведь мы направляемся на восток, не так ли?

— Какой умный мальчик! — воскликнул граф. — Ты без устали пытаешься сделать так, чтобы я выложил тебе побольше фактов. Но не беспокойся. Очень скоро ты узнаешь, куда мы держим путь.

— Достаточно разговоров. Седлайте, — приказал Ко-

роль. — У нас не так много времени, чтобы бросать его на ветер. Мы должны прибыть в мой город вовремя.

— Вовремя? — переспросил Инди. — У нас готовится какой-то праздник?

Король рассмеялся, услышав эти слова:

— Да-да... Праздник... какой-то... — согласился он.

— И мы тоже приглашены? — поинтересовался Индиана.

— *Приглашены*? — повторил Король. — Вы даже более чем просто приглашены. Вы, мальчики, там самые желанные гости!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Свет от утренней зари простирался на все пространство перед ними. Восседая вместе на покачивающемся верблюде, Герман и Инди щурясь, смотрели на то, что открывалось их взорам.

— Теперь я просто уверен, что сплю, — заявил Герман.

— Да, это сон — согласился Инди, в изумлении качая головой.

Караван двигался всю ночь, затем день и следующую за ним ночь. Они отдыхали всего несколько часов во время полуденной жары. Их путь пролегал через необъятное пшеничное поле, колыхавшееся волнами, словно золотое море во время бриза. Это было своеобразной турецкой версией Канзаса или Небраски, где фермеры не покладая рук трудились, чтобы накормить нацию.

Но теперь, на вторую ночь путешествия, их глазам открылся совсем иной ландшафт.

— Как здесь много камней! — удивился Герман.

— Да, и каких! — согласился Инди.

Повсюду, куда только можно было кинуть взгляд, были гигантские камни. Камни, напоминавшие вздыма-

ющиеся в небо трубы башен. Камни, похожие на гигантские грибы. Камни, походившие на огромные шляпы. Камни, которые, казалось, были громадными фигурами, выстроенными гигантскими детьми из песка с помощью огромных игрушечных совочков и ведерок и дикой фантазии. Они больше всего напоминали сцены из каких-то сказок.

— Каппадосия, — произнес Инди.

— Каппа... что? — переспросил Герман.

— Каппадосия, — повторил Индиана. — Это такая местность в Турции. Я читал о ней. Видишь вон те горы вдалеке на горизонте?

— Откуда у тебя... — начал было Герман, но времени закончить вопрос уже не было. Инди ударил верблюда плеткой, — именно так, он заметил, делали туземцы, — и это сработало.

Животное бодро устремилось галопом вперед, и Индиане оставалось лишь резко дернуть поводья вправо.

Когда они огибали валун, пуля расщепила лаву над их головами на множество кусочков. Но теперь мальчики были уже с другой стороны камня, а значит — в безопасности, пусть и на очень непродолжительное время.

— С этого момента мы играем в прятки, — произнес Инди и обвел взглядом местность вокруг. Между двумя гигантскими валунами он заметил узкий проем и вновь ударил верблюда. Животное протестующе всхрапнуло, однако незамедлительно подчинилось приказу — рвануло с места и понеслось по открытому пространству в сторону расщелины.

Вслед им неслись крики преследовавших их всадников и ружейные выстрелы.

— Когда захочет, этот зверь может быть весьма резв, — задыхаясь проговорил Инди, когда они добрались до проема. — Единственное неудобство в том, что верблюды не слишком поворотливы, когда нужно за доли секунды спрятаться или броситься наутек. Так что лучше бы нам слезть.

Инди приказал верблюду остановиться, и мальчики спрыгнули вниз. Они сделали несколько шагов внутрь

расщелины и обнаружили, что находятся в своеобразном каньоне, извивавшемся между двумя камнями-стенами.

— Дорога у нас одна, — сказал Инди и перешел с шага на бег. Но побежал он не во всю свою силу. Он должен был быть уверенным, что Герман будет в состоянии поддерживать этот темп все время, пока они не оторвутся от преследователей.

Мальчики проследовали вдоль изгиба, который делал каньон, и снизили скорость. Они вышли на поле, где рос виноград.

— Небольшой виноградник, — заинтересованно произнес Инди. — Любой мало-мальски приличный клочок плодородной земли должен использоваться здесь для выращивания урожая.

Но Герман не проявлял никакого интереса к методам, используемым в местном фермерском хозяйстве. Его интересовал лишь один-единственный вопрос:

— Но это означает, что где-то здесь должны быть люди! — воскликнул он. — Люди, которые помогут нам выбраться из этой беды. — Он огляделся вокруг себя. — Но где же они? Я не вижу поблизости ни одного дома.

— Да, это так... — согласился Инди. — Правда, ты не знаешь что именно искать. — Он указал на отвесный утес слева. — Видишь то, что вижу я?

У Германа от удивления отвисла челюсть.

— Это дверь, — умудрился как-то выговорить он.

— Этот камень достаточно мягок, чтобы выдолбить из него середину и устроить внутри уютное жилище, — объяснил Инди. — Именно здесь должны жить местные. Внутри камней.

И друзья ринулись в сторону двери, которая была сделана из дерева и была довольна старой на вид.

— Нет времени стучать, — проговорил Инди. Мальчик слышал голоса преследователей все громче и отчетливей. Он толкнул дверь, чтобы посмотреть заперта ли она.

И она была незаперта!

Инди наклонил голову и зашел внутрь пещеры. Туземцы должны были быть весьма невысокого росточка...

если, конечно, этот дом вообще не появился здесь из сказочной страны, населенной эльфами.

Инди и Герман вошли в безукоризненно чистую комнату. Хотя обстановка здесь и была крайне простой, пол устилали великолепные ковры. И кроме того, в комнате находились два вполне реальных человека из плоти и крови.

Старуха, вся в черном, и совсем юное дитя, абсолютно без всего, громадными как блюдца глазами уставились на Индиану и его приятеля.

Сперва Инди закрыл дверь. Затем он вновь повернулся к старухе с ребенком и только в этот момент осознал, что до сих пор сжимает в руке хлыст.

Инди поспешно спрятал плетку под одежду и поднял обе руки вверх, показывая тем самым, что не желает обитателям дома зла.

Шанса что-либо еще объяснить туземцам ему уже не представилось.

Дверь начала содрогаться от сильных ударов; снаружи послышались злобные голоса. Индиана узнал один из них — тот, который принадлежал русскому графу:

— Я знаю, что вы здесь! Немедленно сдавайтесь! Вы в ловушке!!!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Инди в отчаянии осмотрел комнату в поисках какого-либо выхода. Но ничего, абсолютно ничего...

Затем он встретился глазами со старухой. И произошла необыкновенная вещь. Несмотря на то, что они с Германом являлись чужаками, ворвавшимися в ее дом, чужаками, принесшими с собой беду, старуха улыбалась. Эта была беззубая улыбка на испещренном морщинами лице. Но это была самая привлекательная из всех улыбок, что видел Инди за свою жизнь.

Женщина показала жестом, чтобы Инди с Германом следовали за ней. Держа в одной руке ребенка, другой она откинула в сторону занавесь и провела их на кухню. Здесь находился очаг и полки с тарелками. По стенам были развешены массивные медные и латунные горшки и кастрюли.

Женщина прошла к противоположной стене. Она отодвинула висевший на ней ковер с ярким орнаментом, за которым оказалась дверь. Эта дверь, была еще меньше, чем та, через которую вошли в жилище старухи

мальчики. Туземка отворила ее, и Инди снова увидел солнечный свет.

— Спасибо, — просто сказал он и тут припомнил одну из тех нескольких фраз, которые необходимо знать на всех языках. Спасибо. — Тесэккюр эдерим.

— Бирсей дегил, — ответила старуха. Это должно было означать: «Добро пожаловать». Она вновь улыбнулась, дотронулась ладонью до лба, затем до сердца и поклонилась.

Инди и Герман проделали то же самое. Затем они вышли через эту дверь и пустились бежать.

Пройдя через черный выход, они покинули каньон, но все еще были в царстве огромных камней. Здесь было полно мест для укрытия, но у мальчиков не было ни малейшего представления, куда следует направляться. Им было известно лишь одно: они должны оторваться от преследователей еще до наступления темноты. Впереди предстояла долгая дорога.

Инди услышал, как Герман, задыхаясь, произнес позади:

— Эй, Инди, дай перевести дух.

Индиана остановился и прислонился спиной к одному из валунов. Герман сделал то же самое.

Согласись, это было очень любезно со стороны старухи, — сказал Герман, немного отдышавшись. — Я имею в виду то, что она абсолютно не знала нас и все равно помогла.

— У этих людей есть обычай проявлять доброту к путешественникам, — объяснил Инди. — Я думаю, она решила обойтись с нами, как с собственными гостями... Хоть мы и не были *званными* гостями.

— Это большая удача, что в доме оказался черный выход, — продолжал восторгаться Герман. — Иначе пришлось бы нам снова оказаться гостями Короля Зэда и графа Стравского. А я думаю, что смогу обойтись без *их* понимания гостеприимства.

— Сомневаюсь, что это была просто удача, — возразил Инди. — Местным жителям частенько приходится сталкиваться со всякого рода оккупантами, бандитами и сборщиками податей. Поэтому вот уже многие тысячелетия они должны быть готовыми быстро покинуть собственное жилище.

— Что ж, и мне тоже хочется побыстрее покинуть эту местность, — вздохнул Герман. — Твой хлыст вряд ли многого стоит по сравнению с их ружьями. Скажи все-таки, откуда он у тебя взялся?

— От спавшего погонщика верблюдов. Я «занял» его вчера, когда в полдень мы были на привале, — объяснил Инди. — Кстати, в трудном положении и плетка может стать отличным подспорьем. — Он вытащил хлыст погонщика на свет и осмотрел его, качая головой. — Конечно, он не настолько хорош, как тот, что остался у меня дома. Там я немного попрактиковался в обращении с подобными предметами. Удивительно, какие возможности у хлыста, как оружия. Надо было все же мне взять свой хлыст из дома, но я этого не сделал. Впредь больше никогда не допущу подобной ошибки.

— Ага, никогда-никогда не покидай дом без плетки иль хлыста, — улыбнулся Герман. — Кстати, по-моему запоминающаяся фраза, не так ли? Проговаривая ее в уме, ты сможешь накупить в будущем бо-ольшое количество хлыстов...

— ... Или продать, — подхватил Индиана. — Тебе, когда вырастешь, стоит пойти работать в рекламу.

— Если мне *удастся* вырасти, — проговорил Герман, и в этот момент раздался ружейный выстрел. Огромное облако пыли взмыло в воздух, когда в землю у их ног впилась пуля.

Инди взглянул наверх, туда, откуда стреляли. На вершине гигантского камня стоял один из людей Короля Зэда. В руках он держал ружье с дымящимся стволом.

— Давай-ка двигать отсюда, — сказал Инди. — Прижимайся к камню плотнее, тогда ему будет сложнее целиться.

Так они обогнули камень, но, как выяснилось на другой стороне, удача, похоже, отвернулась от них. Повсюду рыскали вооруженные люди, которые прочесывали окрестности в поисках беглецов.

— Они развернулись веером и окружили нас, — констатировал Инди.

— Ага, — выпалил Герман, — и подстрелят нас, как кроликов каких-нибудь.

— Было бы действительно хорошо, если бы мы были такими же быстрыми как кролики, — проговорил Инди и замер с открытым ртом. — Кстати о кроликах... Ты видишь то, что вижу я?

Мимо них промчался встревоженный стрельбой огромный кролик с длинными серыми ушами. Зверек направлялся прямо в густые заросли кустарника и через мгновение ока пропал в них.

— Можем ли мы быть такими же проворными, как кролик? Да, — заявил Индиана. — Вон те заросли станут замечательным убежищем для нас. Это единственное решение, которое пришло мне сейчас на ум.

И мальчики рванулись в заросли.

— Будем надеяться, что эти друзья пока нас не заметили, — задыхаясь проговорил Герман.

— Прости, дорогой кролик, но мы составим тебе компанию, — шутливо произнес Инди. Они с Германом встали на четвереньки и прошмыгнули в кустарник.

Но кролика там не было.

— Должно быть, мы совсем испугали его, — пробормотал Инди. Затем он сказал: — Гляди, Герман. *Вон то место*, куда направлялся наш кролик.

В земле была скрытая ветвями кустарника наклонная дыра.

— Но проделана она вовсе не кроликом, — заметил Герман. — Она достаточных размеров и для человека.

— Правильно, — согласился Инди. — Кролик лишь известно, где она находится. Здесь должны быть и другие подобные убежища, выстроенные для себя людьми. Возможно, они ведут в подземное помещение, которое служит местным жителям временным приютом до тех пор, пока их не минует опасность. — Он усмехнулся. — Ну... И чего же мы теперь ждем?

— Спускаться *туда*? — переспросил Герман. — Но там темно и... страшно. Кроме того, кто знает, что там, внизу... Крысы... Змеи...

Инди обернулся. Лицо его было бледным и приобрело какой-то зеленоватый оттенок.

— *Змеи*? Я и правда как-то не подумал об этом.

— Ну, конечно, — продолжал Герман. — Это самое замечательное место для них. Интересно, а водятся ли в Турции гремучие змеи? Или кобры? А может, гадюки?

— Да уж, давай-ка повременим с этим... О'кей, — пробормотал Инди. Он тяжело сглотнул.

И в тот же момент они услышали, что выкрики преследователей становятся все ближе и ближе.

— Они появятся около зарослей через несколько минут, — сказал Инди. — Приходится выбирать: либо лезть в эту дыру, либо... гарантировано попасть в могилу.

— Ну, если ты ставишь вопрос таким образом... — пробормотал Герман. — Но раз эта идея твоя, то тебе и лезть первым.

— Ладно, ладно, ладно, — приговаривал Индиана, но особенно-то не спешил — Эй, Герман, — позвал он, протискиваясь в узкий лаз, — ты читал «Алису в Стране чудес»?

— Нет. А что? — насторожился Герман. Индиана не переставал удивлять его неожиданными и, на первый взгляд, абсолютно неуместными мыслями, ассоциациями и вопросами, появлявшимися у него в критические моменты. — Эта книга о девочке, которая последовала за кроликом в точно такой же лаз, — ответил Инди.

— Ну, и что же с ней произошло? — заинтересовался Герман, но так как Инди не раскрыл даже рта, чтобы ответить, заявил: — Ну, и не надо! И не рассказывай... Мне намного интересней, что же случится с *нами*. Потому что эти парни уже совсем рядом.

— А вот это мы узнаем совсем скоро, — сказал Инди. Он снова тяжело сглотнул и сделал глубокий вдох. Времени выжидать больше нет. — Мы идем к тебе, Страна чудес.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Знаешь, Инди, у меня сложилось довольно-таки веселое впечатление от происходящего, — заявил Герман.

Дневной свет остался далеко позади. Наклонный ход в земле, как оказалось, шел куда глубже, чем они предполагали. И хотя каменные ступени облегчали мальчикам спуск, им все-таки приходилось использовать не только ноги, но и руки, словно они спускались по стремянке.

— Веселое впечатление? — переспросил Инди. — Что ты имеешь в виду?

Честно говоря, и у него самого появилось «веселое впечатление». Оно приводило его в трепет, заставляя ежиться. Впечатление, или скорее предчувствие того, что в любой момент откуда угодно он может услышать змеиное шипение. Или ощутить, как вокруг него обвивается скользкое змеиное тело. Или ядовитые змеиные зубы впиваются в его тело. *Змеи, бррр*!

И сколько Инди не пытался отбросить в сторону этот леденящий кровь ужас, это ему не удавалось. У него был «пунктик» насчет змей, который не позволял забыть о страхе. И лучшее, что Инди мог сделать, это скрыть свои тревоги хотя бы в голосе. Ему вовсе не хотелось давать Герману повод еще чего-либо бояться. Герман и так достаточно напуган, а им никогда не удастся выбраться из этой беды, если друг Индианы не сможет пошевелить от страха ни рукой, ни ногой.

— У меня такое чувство, что все это происходило раньше, — объяснился Герман. — По правде говоря, это даже больше, чем просто чувство. Скорее это факт. Помнишь, как в Конье мы спускались по подобной лестнице? И прямиком попали в беду. И, знаешь, у меня такое ощущение, что мы снова идем к ней в руки... все так же, кроме того, что на этот раз чувство опасности во мне намного сильнее.

— Давай-ка не будем снижать темп, — сказал Инди. Он продолжал спускаться вниз, Герман был прямо над ним. — Нет времени на панику. Здесь все совсем не так, как в Конье. Тогда *мы* преследовали человека Короля Зэда. Теперь же *он* идет по нашему следу. *Мы не можем попасть в беду — мы пытаемся выбраться из нее.* Так что все происходит с точностью до наоборот.

— Ладно, ладно, все наоборот, — согласился Герман. — Но нехорошее предчувствие остается у меня все равно.

Инди вздохнул. Он продолжал спуск так быстро как только мог.

— Какое такое «нехорошее»?

— Этот человек... Король Зэд. Похоже, он чувствует себя под землей совсем как дома, — пояснил Герман. — Мне кажется, что это единственное место, где он может сбросить с себя маскировку и стать королем. У меня такое чувство, что мы сейчас на его территории, а не на своей. Будто мы пытаемся сыграть в прятки в таком месте, где ему знаком каждый куст.

— А я-то надеялся, что только у одного из нас разыгрывается воображение, — усмехнулся Инди. — Тебе следовало бы заняться написанием приключенческие рассказы, Герман. Или, на худой конец, не читать их в таком количестве.

Затем Инди закрыл прения:

— Ты должен быть благодарен этим ступеням, а не пугаться их, — твердо заявил он. — Кто бы ни построил *эту* дыру, он позволил нам выбраться из *той* дыры, в которой мы находились. *Та* дыра вполне могла бы обернуться для нас могилой.

— Ага, хорошо. Но *эта* дыра, похоже, куда глубже, чем любая могила, — пробормотал Герман. — И все выглядит таким образом, что спускаемся мы туда навсегда.

— Вероятно, она просто ведет в какое-нибудь место, где можно хорошенько укрыться, — сказал Инди. — Или, быть может, в где-нибудь месте она пойдет вверх и приведет нас к секретному выходу. В любом случае, мы должны переждать здесь до темноты. Затем мы сможем выйти, не беспокоясь, что Зэд или его люди заметят нас. Так что мы почти дома... И смотри, куда ступаешь. Мне вовсе не хочется, чтобы ты свалился на меня.

Сам Инди досконально следовал своему же совету. Он внимательно прощупывал землю ногой, прежде чем опускался на нее всем своим весом. Вот какие чувства, должно быть, испытывает слепой, думал он. Вот, что значит продвигаться в полной темноте, используя одно только осязание. Это было одновременно и пугающим и захватывающим, впрочем, как и всякое исследование неизведанного.

Затем Инди заметил нечто, еще более захватывающее и пугающее. Теперь он, хоть и с трудом, но мог видеть собственные руки.

Он глянул вниз.

Оттуда исходило слабое свечение.

Далеко внизу под ними, там, где заканчивались ступени, Инди заметил, как из щели в каменном монолите льется свет.

Он услышал голос Германа над собой: «Инди, видишь то, что вижу я? У меня веселенькое...»

— Только не громко, — предупредил Инди. — Там живут какие-то люди, и этим все сказано. Если туземцы живут в камнях, то почему бы им не жить и в подземных дырах...

— Ага, это точно, — пробормотал Герман. Но по его

голосу нельзя было с уверенностью сказать, что он согласен. — Но, я предполагаю, они, должно быть, будут несколько раздражены, когда мы ввалимся к ним без приглашения.

— Не стоит задумываться об этом, — остановил его Инди. — У тебя уже была возожность возможность убедиться, насколько дружелюбны туземцы к незнакомцам. На турецкую гостеприимность мы можм положиться. Отчего бы им, в крайнем случае, не указать нам кратчайшую дорогу в Конью?..

Так мальчики достигли входа и вошли внутрь. Они обнаружили, что находятся в туннеле, выдолбленном в мягкой вулканической породе. В стенных нишах находились горящие керосиновые лампы. Посмотрев дальше в туннель, ребята заметили с обеих сторон целый ряд дверных проемов.

— Ну и ну! — воскликнул Индиана, когда они шли по этому коридору. Сквозь дверные проемы были прекрасно видны сами комнаты. Комнаты, полностью обставленные мебелью, с устланными коврами полами.

В конце концов проход разветвлялся на два других.

— Куда теперь? — поинтересовался Инди. Он бросил взгляд сначала направо, затем налево. В обоих направлениях были все те же керосиновые лампы и дверные проемы.

— Здесь целый лабиринт с комнатами, — произнес наконец он. — Похоже, мы натолкнулись на что-то весьма необычное.

— Заметь, что лабиринты — те самые места, где людям представляется блестящая возможность заблудиться, — предупредил Герман. — Давай-ка пока не поздно повернем назад, откуда мы пришли... пока можем найти туда дорогу.

Но Инди не слушал его. Его мысли были заняты чем-то очень важным.

— Воздух здесь не так уж сперт, — задумчиво проговорил он. — Я даже не ощущаю запаха гари от керосиновых ламп. Похоже, он как-то выветривается. Значит здесь должно быть что-то, вроде вентиляционной системы.

Он направился в правый проход и вскоре нашел то, что искал. В конце этого коридора было огромное отверстие в полу. И прямо над ним было такое же отверстие в потолке.

Инди обнял себя руками. Он ощутил здесь сильный сквозняк.

— Вентиляционная шахта, — сообщил он. — Она должна выходить на самую поверхность. Но мне интересно, насколько глубоко она идет вниз. — Он поднял с пола камень и бросил его в отверстие в полу, но звука удара так и не дождался.

— Под нами должно быть находится еще множество уровней, — заявил он. — Очень много. Кто мог все это построить? На это потребовалась бы целая армия рабочих.

— Инди!.. — внезапно позвал его из-за спины Герман.

Но Индиана даже и не подумал оборачиваться.

— Мы только найдем путь, по которому можно попасть на другой уровень под нами, — сказал он. — И все. Затем мы вернемся обратно. Обещаю тебе, сразу же вернемся.

— Инди!.. — на этот раз более настойчиво обратился к нему Герман.

— Ну, что еще? — нетерпеливо откликнулся Индиана. Герман мешал ему размышлять о том, где мог находиться тот самый лаз на другой уровень.

— Расскажи мне еще раз о турецкой гостеприимности, — апатично попросил Герман.

Инди повернулся и проследил глазами за неподвижным взглядом товарища.

Там, откуда они не так давно пришли, стоял теперь мужчина, одетый в старинный халат. Но в руках у него было вполне современное ружье... и ствол его был направлен прямо на ребят.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мужчина не сказал ни слова по-английски... Не было у него особой нужды и в том, чтобы говорить на своем родном языке. Он лишь дернул ружьем, показывая, куда мальчикам следует идти.

Он «пас» их таким способом по разным хитросплетениям лабиринта; пока, наконец, они не достигли лестничного пролета. Они спустились по этим ступенькам на другой уровень, похожий на предыдущий как две капли воды — те же коридоры и ряды комнат. Затем — еще ниже, на еще более глубокий уровень.

Весь путь Инди был само внимание: он подмечал все вокруг. Теперь по дороге им встречались и другие люди: мужчины, женщины, дети. Они проходили мимо кухонь, спальных комнат, огромных обеденных зал. Инди заприметил огромные валуны, достаточно больших размеров, чтобы в случае нападения ими можно было перегородить проходы. Не остались вне его внимания и охранники около каждого ряда ступеней. Эти были вооружены до зубов как современными ружьями и револьверами, так и старомодными мечами и кинжалами.

— Это крепость, — заявил Инди Герману. — Ее обитатели могут сдержать здесь натиск любого врага, пожелавшего войти сюда без спросу.

— Или отсюда выйти, — мрачно пробормотал Герман.

— Смотри-ка, судя по всему, мы к чему-то приближаемся, — заметил Инди. Он увидел, что коридор постепенно расширяется. Стены, пол, своды подземелья теперь были не из шершавого камня, судя по всему, вулканического происхождения, вместо этого на них прекрасными яркими узорами была выложена плитка.

— Ага, куда-то мы подходим, — согласился Герман. Ружье тут же толкнуло его в спину. — И чувствуется, что близок конец...

— Ого! — воскликнул Инди, когда они завернули за угол. Пленники оказались в зале, венчавшемся массивной двустворчатой дверью, перед которой стояли два часовых. Охранники были одеты, как древние воины в кирасы с золотого цвета нагрудниками. Они держали золотые щиты и длинные копья с золотыми наконечниками.

Человек с ружьем заговорил с ними, и часовые распахнули перед ним монументальные двери.

Ружье тут же подтолкнуло ребят вперед, к дверному проему.

— Я в это просто не верю, — признался Инди.

— И я тоже, — пробормотал Герман.

Комната, представшая перед их взорам, была величественна и ослепляла неожиданно ярким светом. В центре ее стоял большой золотой трон.

И с трона прогремел оглушительный голос:

— Ну вот вы наконец и прибыли. Что задержало вас?

— Король Зэд! — задохнулся от неожиданности Герман.

— Думаю, что он действительно король, — беззвучно, одними губами, пробормотал Инди.

Взгляд Инди прошелся по трону Короля... украшенной драгоценностями короне... скипетру, который тот держал в руках. И мальчик почувствовал, как по его телу побежали мурашки, когда он увидел символ на этом скипетре: ослепляющая своей белизной мертвая голова.

— И граф, похоже, тоже натуральный, — прошептал Индиана.

Граф Игорь Стравский стоял справа от трона. На нем были надеты роскошно скроенная форменная одежда защитного цвета и блестящие черные сапоги. На голове красовалась высокая меховая шапака черного цвета. Грудь его украшали медали и ордена. И в щзаверешние всего, на его плечи была небрежно накинута великолепная горностаевая бурка как у кавалеристов.

— Король был прав, — заявил Стравский, улыбаясь. — Наши люди доложили, что вы наткнулись на один из входов. И тогда Король сказал, что дальнейшую дорогу вниз вы найдете сами. Дорогу сюда, к нам.

— Я знал, что ваше любопытство укажет вам верный путь, — пояснил Король. Он также улыбался. Улыбка его была одновременно жестока и ликующа. Инди сразу пришло на ум, что будь Король ребенком, его любимым занятием было бы отрывание крылышек у мух, дабы насладиться их муками.

— Я знал, что нам не следовало спускаться в эту дыру, — проворчал Герман, направляя свой гнев на Индиану. — Зачем я только послушал тебя?!

Но Инди много больше интересовало то, что говорит Король.

— Я отдал приказ своим людям взять под охрану вход, чтобы вы не смогли выбраться наверх, — продолжал Король. — Затем я сказал, чтобы они спустились вниз и ожидали вашего прибытия здесь.

— Таким образом, теперь мы там, где вы и хотели нас видеть, — резюмировал Инди.

— Но неужели вам не хочется узнать, зачем я захотел вас здесь видеть? — поинтересовался Король.

— Вот уж не думаю, что придется вас об этом спрашивать, — заявил Инди. — Я ведь прямо вижу, как вы умираете от желания поведать нам об этом.

Король издал царственный смешок.

— Я не из тех, кто собирается умирать.

— Ха-ха! — саркастично ответил Инди.

Герман схватил его за руку.

— Послушай, Индиана, может тебе стоит немного расслабиться. У меня нет желания сводить Его Величество с ума, — зашептал он.

— Сводить с ума? — переспросил Инди так громко, как только мог. — А он уже... ненормальный, я имею в виду. Да, у него мания величия: во-первых, называет себя Королем королей; потом эта чепуха о желании нас убить. И все это в то время, когда сам он собирается получить за нас выкуп от моего отца. Все думают, что американцы чудовищно богаты. Вот и этот парень исходит из себя, чтобы тоже заиметь несколько баксов. Да он просто... дешевый вымогатель!

— Инди, что ты делаешь?! — с ужасом воскликнул Герман, видя как лицо Короля Зэда темнеет от гнева.

Но Инди, как бы то ни было, знал, что делает. Он хотел стереть ухмылку с лица Короля. Ему хотелось закончить игру в кошки-мышки, навязанную ему Зэдом. Он желал, чтобы Король показал свои зубы... и свою хватку. Ведь чем больше Индиане удастся узнать о планах Короля, и чем быстрее это произойдет, тем будет лучше. Тем больше у него будет шансов отвести ту беду, что нависла над их с Германом головами.

— Довольно разговоров, — прогремел Зэд. — Я покажу вам, на что способен Король королей.

Он один раз хлопнул в ладоши. Эхо от его хлопка отразилось от стен величественного помещения с грохотом ружейного выстрела.

В комнату на четвереньках вползли двое мужчин. Так они добрались до трона и пали ниц.

Король приказал им: «Восстаньте!», и они поднялись.

— Мы будем говорить по-английски, чтобы эти мальчишки поняли, кто я такой и *что* им предстоит. Я сделал так, чтобы вы выучили английский и другие языки, используемые теми, кто ныне правит миром. Я также выучил их... чтобы царствующие особы поняли меня, когда придет моя очередь повелевать.

— Да, о Король из королей, — сказали двое, сгорая от внимания.

Эта была страшная и странная парочка. Один был

худ как игла, с острыми, выпирающими костьми. Другой же был безмерно толст и напоминал собой надувной мяч для игры на пляже, даже голова его была без растительности и гладка как мяч.

— Во-первых, уверены ли вы в правильности указанной даты? — спросил Король худого.

— Всю мою жизнь я посвятил изучению священных таблиц, — ответил тот. — Весь этот год я следил за перемещением звезд через наш новый телескоп...

— Предоставленный, между прочим, моим царем... Простите мне мою смелость напомнить это Вам, Ваше Величество, — проговорил граф Странский.

— Да, да, конечно, я помню об этом, — нетерпеливо согласился Король. Затем он вновь обратился к худому:

— Я задал тебе простой вопрос. Уверен ли ты в правильности выбора даты?

— Я поставлю на это свою жизнь, — заявил тот.

— Ты *уже* поставил на это свою жизнь, — резко поправил его Король. Затем он спросил толстяка:

— Готов ли ты к своей работе?

— Конечно, о Король из королей, — ответил тот. — Мне необходимы лишь мои инструменты.

— Тогда достань их и без промедления приступай, — скомандовал Король Зэд.

Теперь наступила очередь толстого хлопать в ладоши.

В комнату вошли двое слуг. Один из них нес выполненный из золота ящик для инструментов. У другого в руках был золотой поднос, на котором лежал невзрачный белый камень, имевший форму яйца.

— Теперь осталась лишь одна вещь, — произнес толстый.

— Скажи мальчишкам, что тебе еще необходимо, — приказал Король. — *Мне ведь известно, насколько они любопытны.*

Толстяк обернулся к Герману и Инди.

— Ваша кровь, — произнес он.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Это не будет больно, — заявил толстяк, распахивая свой ящичек с инструментами.

— В последний раз я слышал эту фразу от зубного врача, — признался Герман. — И дантист, надо сказать, соврал.

Инди бросил Герману взгляд, который говорил: *не дай им увидеть, что ты испуган.*

Тот ответил ему также взглядом, который откровенно заявлял: *но я-то действительно напуган.*

И все, что Индиане оставалось сделать, это заявить: «Я буду первым» и, сделав шаг вперед, предстать перед толстяком.

Толстяк между тем раскрыл свой ящик и вытащил оттуда длинную серебрянную иглу.

— Дай мне руку, — приказал он.

Инди тяжело сглотнул и протянул ему руку. Толстый захватил ее у запястья. Быстрым, выверенным движением он воткнул иголку Индиане в большой палец.

Инди не доставил толстяку удовольствие, не дал ему услышать возглас «ох!». Он даже не мигнул от резкой боли — лишь закусил нижнюю губу и устремил взгляд

вперед. Он следил за тем, как толстяк выдавливал капли крови из уколотого пальца. И кровь капала на белый камень-яйцо.

Камень начал мерцать. Казалось, будто свет исходит прямо изнутри его.

— Хорошо! — воскликнул толстый. — Теперь другой!

Как только кровь была смыта с камня, его свет поблек.

— Теперь другой мальчишка! — скомандовал Король.

— О-ох! — вскрикнул Герман со всей силой своих легких, когда закапала и была проверена и его кровь.

— Блестяще! — провозгласил толстяк, когда камень вновь замерцал. Он поклонился Королю Зэду. — О Король Королей, священный камень, который никогда не обманывает, говорит, что оба мальчишки невинны. И Вы можете использовать любого из них, на кого падет Ваш выбор.

— Гм-мм-м, — пробормотал Король. — Вот это проблема. Кого же из них выбрать? Я приму свое решение позднее. У нас еще есть время. — Он повернулся к тощему. — Сколько там времени?

Худой вытащил золотые карманные часы и скосил на них взгляд.

— Если говорить точно, то до того как ударит полночь, остается десять часов и четыре минуты, — ответил он.

— Другими словами, нам придется еще долго ждать, чтобы узнать всю эту ерунду, — сказал Инди. — Хорошо. Дайте и нам передохнуть.

— Десять часов — это совсем немного, — сообщил ему Король Зэд. — Мой род дожидается этого момента в течении почти четырех тысячелетий.

— Ну конечно. Так и есть. Четыре тысячи лет, — насмехался Инди. — Нас-то ты обмануть не сможешь. Ты ведь не только вымогатель и похититель... Ты еще и жулик. Сначала показал нам представление из разряда «мы вам спляшем и споем» с идолом в Конье. А

теперь эту мумбу-юмбу. Давай-ка, признавайся. Ты ведь король ничуть не более, чем и дервиш.

Но на этот раз Король посчитал ниже своего достоинства злиться на его слова. Он только улыбнулся.

— Твои речи не задевают меня. Они не более, чем жужжание назойливой мухи. Мухи, которую запросто можно раздавить. Но я, Зэд, Король Королей, буду милосерден. Я придам наивысшее значение вашим маленьким, жалким, никчемным жизням. Я объясню вам, почему вы должны умереть.

— Ну, конечно, скажи нам, — продолжал насмешки Инди. — Будет хоть над чем посмеяться.

— Увидим, кто из нас будет смеяться последним, — сказал Король. — Наступит полночь, и мой победный смех прогремит над всей землей.

— Ладно-ладно. Уже загрустил, — проговорил Индиана, все так же насмешливо, насколько он был только способен. — Давай же, рассказывай свою сказку.

— Знаете ли вы библейский Ветхий Завет? — спросил Король. — Вы ведь, наверное, считаете, что строфы Библии являются сказкой.

— Я знаю Библию, — заверил его Инди. — Всякий, кто хочет познать свою историю, обращается к ней.

— Тогда тебе известна история про Каина и Авеля, — продолжал Король.

— Естественно, — ответил Инди. — Они были братьями, сыновьями Адама и Евы. Каин разозлился на Авеля и прикончил его, став тем самым первым убийцей в истории рода человеческого.

— Очень хорошо, — похвалил его Король Зэд. — Я смотрю, что ты юный знаток. Но известно ли тебе, что произошло с Каином после убийства?

Инди на мгновение задумался.

— Он был изгнан из родительского дома и вынужден пойти на восток от Эдема. В сторону земли Нод, — Инди сделал паузу, но затем продолжил. — Есть еще кое-что. Он был клеймен Господом за свое преступление. Особой печатью, которая называется печать Каина.

— А что это была за печать? — поинтересовался Король.

— Не думаю, чтобы в Библии говорилось об этом, — признался Индиана. — По правде говоря, даже уверен в этом.

— Ты прав, — согласился Король Зэд. — Этого в Библии нет. По крайней мере в той Библии, которую знаешь ты. Но существует иная Библия, которая рассказывает эту историю по-иному.

— Я слышал об этом, — сказал Инди. — Этот сборник древних легенд и суеверий называется Апокриф. В мире распространены и различные версии этой книги.

— Но одна лишь ее версия правдива, — сказал Король. Его голос был глух, будто слова исходили из самой глубины души. — В этой версии говорится о том, как Властитель Тьмы дал Каину нож и одарил его заклятьем. И Каин с тем ножом мог быть уверенным в полной своей безопасности и мог править надо всем, чем только хотел повелевать.

Король еще больше понизил голос.

— Все, что Каин должен был для этого сделать, это окропить нож кровью Авеля и назвать имя убийцы — свое имя — всему миру. И после вся власть клинка переходила к нему. И она должна переходить к каждому, кто бы ни владел этим ножом вслед за ним. И так до скончания времен.

Инди покачал головой.

— Я просто обязан тебе в этом признаться, о Король, что у тебя просто царское воображение.

— Ты не веришь мне? — вскипел Король Зэд.

— В этой истории слишком много дыр, — ответил Индиана, пожимая плечами. — Во-первых, Каину безусловно не доставалось то, чего он желал. Я имею в виду то, что после совершения им убийства, ваш Властитель Тьмы послал его далеко и высоко.

— Не совсем, — возразил Король. — Каин направился на землю Нод, как говорит ваша Библия. Но она ни словом не обмолвилась о том, что он стал правителем этой земли. И никто не мог убить его, и ни один враг не мог покорить его владения.

— Но затем ее все-таки захватили, не так ли? — проговорил Инди, продолжая играть в игру с этой иди-

отской сказкой. — Я имею в виду, что его правление в Ноде продолжалось недолго.

— Да, там действительно произошел «захват», как ты это называешь, — принял его возражения Король Зэд. — Сила клинка продолжалась ровно столько, сколько продолжалась земная жизнь Каина. То есть, одну сотню лет. Затем его империя пала, и его наследникам пришлось спасаться бегством.

— Иными словами, это был трюк, этот разговор о передаче свойств кинжала по наследству, — резюмировал Инди. — Он мог передать его, но это было все равно бессмысленно.

— Нет, это не было трюком, — возразил Король. — Это было никогда не кончающаяся мудрость Властителя Тьмы. Он хотел быть уверенным, что дух убийства никогда не покинет землю. Что здесь всегда будут те, кто будет поклоняться его памяти и молиться о его возвращении.

— А он вообще трюкач, этот твой Властитель Тьмы, — пожимая плечами проговорил Инди. Неужели Король Зэд ожидал, что он действительно во все это поверит? Беда состояла в том, что Король, похоже, верил. И это было плохой новостью для мальчиков. Даже *очень* плохой.

Между тем, Король продолжал, голос его становился резче и жестче:

— Итак, Властитель Тьмы объявил о том, что, когда звезды, планеты и луна сойдутся в той последовательности, в какой они были в момент убийства Авеля, магическая сила вернется в клинок. И будет она продолжаться столько времени, сколько ею наслаждался сам Каин. То есть, одну сотню лет. Но для этого, чтобы овладеть этой силой, необходимо проделать то же, что и Каин... Окропить кинжал кровью. — Король остановился и улыбнулся в сторону мальчиков, показав им прямые ряды блестящих зубов. — Невинной кровью.

Инди смело продолжал доводить Короля до бешенства.

— Действительно думаешь, что мы в это поверим?

— А в это вы поверите? — вскипел Король.

Из украшенных драгоценностями ножен он достал

нож. Кинжал был выполнен из грубой стали и выглядел довольно древним.

— И в это? — Он распахнул царственный халат, чтобы выставить на всеобщее обозрение обнаженную грудную клетку.

На груди его было огромное красное родимое пятно.

— Нет, только не говорите мне... — задохнулся от удивления Индиана.

— *Да*, — настойчиво произнес Король Зэд. — Это Печать Каина.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Теперь ты мне веришь?! — спросил Король Зэд. Он засунул кинжал в ножны и запахнул халат.

Инди попытался привести в сторону своего мнения еще один аргумент.

— Итак, у тебя есть некое клеймо. И что из этого? — рассмеялся он. — Это еще отнюдь не означает, что остальная часть всей этой чепухи — правда. О магической силе кинжала. Об окроплении клинка... — Инди остановился и сглотнул. — Об окроплении клинка невинной кровью. Предположим, что все это неправда. Я хочу сказать, никто и никогда не пытался еще этого сделать. А так вы потеряете хорошие деньги, которые могли бы получить за нас в качестве выкупа.

— Проделать это уже пытались, — заявил Король Зэд.

— Когда? — насторожился Индиана.

— Однажды, три тысячи лет назад; звезды сошлись тогда именно так, как требовалось, — сказал Король. — Мой предок повторил священный обряд крови. И сила клинка принадлежала ему на протяжении ста лет.

— Неужто? — заинтересовался Инди. — И отчего же мы никогда не слышали о нем? Что же он сделал с так называемой силой ножа?

— Сначала он покорил могущественную империю, — ответил Король. — Это заняло у него двенадцать лет. Затем он начал приготовления к тому, что сила клинка начнет ниспадать. Миллионы рабов в течение пятидесяти лет работали на строительстве великого города. Города, в который он мог направить своих людей, когда не смог бы уже защищать свою империю. Подземного города.

Король сделал рукой жест, которым мысленно обвел тронный зал и все другие комнаты, коридоры и лестницы, которые видел Инди и о которых Индиана мог только догадываться. Инди потряс головой от благоговейного трепета, охватившего его при мысли о том, насколько же необъятно должно быть это пространство.

— Здесь были свои источники воды, — продолжал Король. — И много, много комнат для хранения пищи. Проходы этого города могли быть заблокированы, так что ни один враг не мог захватить его. Итак, когда с севера на его империю пошли могучие крестоносцы, он увел своих людей под землю. Здесь его царственные наследники могли переждать, пока не вернется клинку его магическая сила.

— Вы хотите сказать, что люди живут здесь на протяжении вот уже трех тысяч лет? — переспросил Инди.

— Я живое доказательство этому, — заявил Король, гордо подтянувшись. — Наверху земли... были разрушены все следы нашей империи. Но здесь, внизу, мы в безопасности. Нас становилось все меньше и меньше, но нам удалось выжить.

— И что, никто вас так и не обнаружил? — поинтересовался Индиана.

— Все эти годы? — вступил в разговор Герман, недоверчиво покачивая головой.

— Первых из тех, кто наткнулся на нас, мы убили, — пожав плечами ответил Король. — Но затем,

когда их становилось все больше и больше, мы отступили. Мы оставили верхние уровни нашего города для использования другими беженцами. Христиане спасались там от язычников. Затем язычники спасались от христиан. Потом христиане спасались от исламистов. Для того, чтобы избегать встреч с ними, мы выстроили отдельные входы на самые нижние уровни, где сейчас и живем.

— Такие входы, как и тот, через который забрались сюда мы, — произнес Инди.

— Да уж, повезло нам несказанно, — пробормотал Герман.

Но Король не обратил на эти слова никакого внимания. Он весь без остатка был теперь погружен в историю. Он воскрешал в памяти деяния собственных предков.

— Мы использовали эти секретные ходы, чтобы выбираться на поверхность, пополнять запасы продовольствия. Еще мы использовали их, чтобы засылать на землю шпионов. Эти люди держали нас в ведении того, что происходило во всех концах света. Мы должны были быть готовыми, что в один прекрасный день солнце взойдет и над нами.

— Это те самые люди, пред которыми вы танцевали в Конье? — поинтересовался Инди. — Это были шпионы твоего подземного царства.

Король кивнул:

— Мои преданные слуги. Преданные, как и все те люди, что были здесь на протяжении трех тысячелетий. Там, на земле, им приходилось сначала быть христианами, затем мусульманами... Но все это время они хранили веру. Одну единственную, но правильную веру. Веру в силу тьмы. Веру в пришествие времени Каина. Столетие, королем которого станет убийство. И вот теперь, звезды и солнце и луна вновь в верном порядке. Сегодня, когда наступит полночью, начнется новый век, новое столетие, новая эпоха.

Инди быстро размышлял.

— То есть двадцать восьмого июня.

— Да, по вашему календарю, — согласился Король. — Можешь отметить эту дату красным: двадцать восьмое июня 1914 года. — Он улыбнулся. Инди мог со всей ответственностью сказать, что Король ждал и не мог никак дождаться полуночи.

— Тогда начнется самое ужасающее столетие в истории людей, — продолжал Король. — И вам представляется честь стать первыми из многих миллионов ее жертв.

— Но разве никто из ваших людей не хочет удостоиться этой чести? — удивился Инди.

— Да-да, если кто хочет, то мы с радостью... готовы уступить, — заявил Герман.

— У моих людей нет невинной крови, — гордо ответствовал Король. — Как я уже сказал вам они хранили веру. Мы уже собирались отрядить на заклание какую-нибудь местную деревенщину, но... тут появились вы. Пролитие американской крови вызовет у всех менее тягостное чувство, чем если бы это была кровь турка.

— Но это не может произойти, — возразил Герман. — Я имею в виду, что на дворе все-таки двадцатый век.

— Спроси-ка своего дружка, произойдет это или нет, — посоветовал ему Король Зэд.

Герман повернулся к Индиане. Он ждал, что Инди скажет ему расслабиться и не беспокоиться.

Но Индиана молчал.

Затем Герман заметил нечто, что дало ему возможность расслабиться от облегчения. Инди подморгнул ему. Быстро так подморгнул — так, что это мог видеть только Герман. И это подмигивание сказало Герману все, что он хотел услышать — то что у Инди готов план.

Герману этого было достаточно. Инди один раз уже освободил его от крепких пут, сделает он это и на этот раз.

Герман страстно желал разузнать у Индианы, в чем заключался его план, но и когда Король Зэд послал их отдыхать и дожидаться до полуночи, англоговорящие слуги последовали за ними. И эти охранники были

слишком близко, чтобы иметь возможность о чем-либо говорить.

И только позже, гораздо позже, Герману предоставился шанс задать свой вопрос.

Они стояли, погруженные в собственные раздумья, в громадном подземном храме. Здесь находилась статуя, вроде той, что они видели в Конье, — пугающая фигура человека, сжимающего окрававленно-красный кинжал. Только эта статуя была раз в десять больше той.

Король стоял на выдающейся над поверхностью пола платформе перед массивным идолом. Рядом с ним находился золотой таз. В руке он держал нож Каина. Перед ним беззвучно толпились люди. Вероятно, все обитатели подземного королевства собрались здесь в этот момент.

К Королю Зэду подошел русский граф с саком в руках. И в этот момент Герман решился. Глаза всех присутствующих направились на графа, когда он устроил настоящий водопад из золота к ногам идола. И Герман поспешно прошептал Индиане:

— О'кей, что у тебя за план?

— Какой план? — в ответ ему зашептал Инди.

— Ну, твой план, — нетерпеливо пояснил Герман. Иногда чувство юмора Индианы сводило его с ума. — План побега. План, о котором ты дал мне знать, подмигнув.

Инди, похоже, почувствовал себя неуютно:

— Э-э-э-э, Герман, это, понимаешь, было не совсем подмигивание. Просто какая-то дрянь попала ко мне в глаз и...

— Ты имеешь в виду..? — ужаснулся Герман.

Инди уныло кивнул.

И сразу после этих слов рядом с ними встал человек Короля.

— Я ваш переводчик, — сказал он, улыбнувшись отнюдь не самым любезным образом. — Его Величество желает, чтобы вами было понято все, о чем здесь будет вестись речь. Он говорит, что ему придется по душе

наблюдение за вашими лицами, по мере приближения вашей гибели.

Король с платформы сделал прозвеневшее в тишине храма утверждение.

Переводчик тут же дал мальчикам перевод: «А теперь пришло время преподнесения Властителю Тьмы последней жертвы. Жертвы крови».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Если бы только у нас было побольше времени! — безнадежно воскликнул Герман.

— Немного времени у нас все-таки есть, — ответил Инди. — На крупных сборищах, вроде этого, обычно произносятся довольно длительные и нудные спичи.

Индиана был прав. Выступления все продолжались и продолжались. Толмач доперевoдился уже до хрипоты.

Первым выступал Король Зэд. Он говорил о том, что наступает величайший день. Что люди во всех уголках Турции готовы и ждут лишь знака. И так как настоящий король, как можно убедиться, жив и здоров, то они составят новое правительство Турции. И нож Каина позаботится о любом, отважившемся пойти против их воли. Но, возможно, Нож никогда и не понадобится. У них достаточно денег, чтобы потратить их военные расходы. У них также великолепный арсенал самого современного оружия, за что Король поблагодарил князя Игоря Стравского.

Затем слово взял князь. Он дал обет вечной дружбы русского царя с собравшимися и выразил уверенность в том, что Россия и новая Турецкая Империя возглавляемая Королем Зэдом будут достаточно сильны, чтобы управлять остальным миром. Он также поблагодарил Короля Зэда. Король обещал дать русским кораблям возможность использования Дарданелл, чтобы пройти к Средиземноморью и взять эту территорию под свой контроль.

Граф Стравский все еще расточал заверения, когда человек в белом халате внезапно повернулся к рабам Зэда. Он вытащил карманные часы и указал на них. Король Зэд кивнул. Затем он сделал шаг вперед и прервал тираду русского князя прямо на полуслове.

— Стремительно приближается момент, когда часы пробьют полночь, — торжественно объявил он. — Давай-те же начинать церемонию. Подведите сюда двух невинных!..

Герман бросил на Инди взгляд, полный отчаяния. Придумал ли его товарищ какой-нибудь план?

Сам Инди на Германа не смотрел. Все, что он смог сказать теперь, это: «Думаю, время раскрывать карты».

Охранники затолкнули мальчиков на платформу. Теперь ребята стояли прямо перед Королем. В руке его был Каинов Нож. И ни Индиане, ни Герману, не было нужды объяснять, для чего предназначался золотой тазик рядом с Королем.

Король заговорил с ними на английском. Он, казалось, упивался их страхом:

— Теперь перед нами стоит лишь одна дилемма, и все веровавшие на протяжении трех тысячелетий ждут ее разрешения, — сказал он. — Кто из двух мальчишек будет удостоен великой чести испытать наивысшее наслаждение от того, как Нож Каина вскроет его вены? Чья кровь окрасит клинок в кроваво-красный цвет на ближайшие сто славных лет?

Инди прочистил горло и проговорил:

— Я ненавижу стукачей и уж тем более презираю себя в такой роли, — заявил он, — но мой приятель Герман не столь уж невинен, как это можно сказать на вид. Был случай, когда я застукал его за курением кукурузной мочалки позади амбара. И я просто уверен

в том, что он завязал далеко не все узлы, сдавая норматив на получение значка «Примерный скаут», хоть и выторговал его себе. Плюс однажды я заметил, как он подглядывает ко мне через плечо, пытаясь списать у меня контрольную по географии. Нет! Герман определенно не тот, кто вам нужен. С другой стороны, я... Вот кого вам стоит использовать... Самый неиспорченный, самый добрый, самый нежный, самый невинный ребенок из тех, о которых вы могли разве что только мечтать.

Король Зэд взглянул на него тяжелым взглядом. Он облизнул губы.

— Долгое время хотелось мне стереть эту оскорбительную улыбку с твоего лица, мой маленький американец. И сейчас я это сделаю.

— Чтож, о'кей, тогда я смиряюсь со своей участью и умываю руки, — сказал Инди, зная, что у Германа остается хоть какой-то шанс на спасение. Не более одного шанса. Но и это лучше, чем ничего.

Кинг Зэд поднял руку, чтобы остановить Индиану.

— Просто убить тебя сейчас означало бы практически простить тебя. И это слишком легко, — хихикнул Король. — Я хочу видеть твое лицо, когда ты будешь наблюдать за тем, как умирает твой друг. Вот я и посмотрю, как ты будешь шутить в этот момент. — Он потер руки и продолжал. — После этого, естественно настанет твоя очередь. Но мне необходимо время, чтобы придумать, какой смертью ты умрешь. Я хочу, чтобы она была как можно более продолжительной и мучительной.

— Прости, Герман. Я сделал все, что мог, — произнес Инди надломленным голосом.

— Я знаю, Инди, — умудрился как-то выдавить из пересохшей глотки Герман. — Твоя попытка была превосходна. Это правда.

Король кивнул, отдавая приказ. Один из охранников подтолкнул Германа копьем поближе к тазику. Другой схватил мальчика за запястье. Он поднял его руку вверх.

Инди прекрасно видел голубые вены на запястье Германа и то, как по ним пульсировала кровь. Король так же внимательно следил за происходящим. Затем он поднял нож.

— *Вот так все и происходит*, — произнес про себя Инди и полез рукой под халат.

Одним ударом сердца позже в его руке уже была плетка погонщика верблюдов.

И еще до того, как кто-нибудь мог его остановить, он ударил ею по сжимавшей Нож Каина руке Короля Зэда.

Ужасный крик боли, изданный Королем, эхом пронесся по храму. И Каинов Нож выпал из его руки.

Все замерли от неожиданности.

Все, кроме Индианы.

Как только Нож с клацанием ударился о каменную платформу, Инди нырнул за ним.

И тут же очнулись остальные: каждый пытался первым добраться до заветного клинка.

Но выигранный Индианой старт принес ему желанный трофей. Рука его сомкнулась на рукоятке. И, взяв Каинов Нож перед собой, мальчик поднялся на ноги.

Король отдал какую-то команду своим стражникам.

Но никто из них не сделал ни единого движения. Ужас был в их глазах, и все они, не отрываясь, смотрели на Нож в руке у Индианы.

— Тогда я сделаю это сам, — зарычал на Инди Король.

Он отобрал у слуги меч и, держа его на высоте легких, двинулся в сторону Инди.

Но Инди думал лишь о единственном движении, которое ему сейчас предстояло сделать.

— Эй, Герман, лови! — крикнул он. И бросил направленный рукояткой вперед нож своему другу.

И сделав это содрогнулся. Он помнил все передачи, что отдавал Герману во время игры в американский футбол. Одну из них тот ловил всегда.

— Молодчина, Герман!!! — облегченно завопил он, увидев, как пальцы руки Германа сомкнулись на рукоятке, и тот прижал Нож Каина к себе.

Но Герман выглядел куда более удивленным, чем сам Инди.

Он уставился на клинок и пожал головой.

Что ему с этим делать?!

А Король Зэд, несмотря ни на что, знал, что ему делать. Все так же с мечом в руке он повернулся теперь к Герману и перешел в атаку на него.

Герман выждал некоторую долю секунды, затем усмехнулся.

— Инди, лови! — крикнул он, и бросил Нож Каина в воздух.

Но на этот раз Король был наготове. Он подпрыгнул, задрал в высоту руку и схватил кинжал налету.

Единственной мыслью, на которую в создавшейся ситуации оказался способен Индиана, оказалась: «Начался второй тайм».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Инди был готов к тому, что сейчас раздастся победный выкрик Короля, но вместо этого он услышал нечто другое — возглас ужаса и боли.

Мальчик видел, что произошло.

Взамен того, чтобы поймать кинжал за рукоятку, Король Зэд схватил его за лезвие, и исходя из появившегося на его лице выражения безудержного страха, он, как видно, знал, что произойдет теперь, когда его собственная кровь попала на священную сталь.

Страх охватил всех без исключения свидетелей этой сцены — Индиану, Германа, графа Стравского, всех людей Короля.

Крик Короля Зэда длился всего одно мгновение. А затем он умер, как умер и издававший его человек. Казалось, что невидимый огонь моментально сжег тело Короля Зэда. Его одежды сморщились. Его плоть растаяла прямо на глазах окружающих. Его кости словно что-то сожрало. В течение считанных минут Король Зэд превратился в маленькую горстку пепла.

И чуть позади ее на платформе возлежал клинок.

Его лезвие не окрасилось в красный цвет. Оно стало теперь черным и блестящим как гагат.

Не тот тип крови, — подумал Инди. — *Этот человек определенно не был невинным.*

Это было единственным, на что еще был способен его мыслительный аппарат.

Но чья-то рука потянулась к Каинову Ножу и подобрала его.

Рука русского графа.

Другая его рука сгребла к себе безвольное тело ошеломленного Германа.

Затем он крикнул Индиане:

— Давай же! Бежим! Бежим, пока еще есть время!

Инди застыл, как был — с раскрытым ртом. Но у него не было времени интересоваться планом графа Стравского. Не было его и на то, чтобы остановиться и начать до посинения спорить с русским. Времени хватало лишь на то, чтобы решиться покончить со всем происходящим раз и навсегда.

Люди Короля Зэда все еще не были в состоянии отойти от потрясения. Из разных концов просторного зала раздавались слабые стоны и причитания, но Инди знал, что, как только они очнуться, тут же возжелают мести.

— Он прав! — крикнул Инди Герману, который лишь безвольно переставлял ноги. — Пора навострять лыжи!

Герман кивнул и бросился вслед за русским графом. Инди присоединился к ним, и троица выбежала из комнаты вон.

Коридоры и комнаты снаружи оказались безлюдны. Все обитатели подземного города собрались в храме на торжественную церемонию.

— Куда мы направляемся? — задыхаясь спросил Герман, в то время, как они блуждали по запутанным лабиринтам, перебегая из одного прохода в другой, из этого — в третий...

— Дорога у нас одна, — ответил ему Инди. — На поверхность.

— Здесь лестница, — крикнул им граф Стравский.

Они понеслись наверх, перепрыгивая сразу через две ступеньки.

Наверху тускло светилась одна-единственная масляная лампа. И позади нее была полная тьма.

— Здесь должно быть то место, где заканчивается убежище Короля Зэда, — заявил Инди. — Пустые уровни подземного города должны быть прямо над нами.

— Да, но до того, как мы сделаем еще хотя бы шаг, я хочу все-таки выяснить: что вы-то здесь делаете? — спросил Герман у русского графа.

— С момента гибели Короля Зэда я нахожусь не в меньшей опасности, чем вы, — объяснил Стравский. — Все его люди составляли одну единую группу, а значит все незнакомцы составляют для них другую — враждебную. И теперь, когда пришельцы убили их Короля, они будут стремиться к тому, чтобы получить наши жизни взамен. И не только наши, а любого незнакомого им человека. Успокоятся они очень не скоро. Поэтому нам надо действовать сообща, помогая друг другу.

Он заметил сомнение в глазах Германа и попытался оправдаться:

— Когда ты подрастешь, то все поймешь. Люди, которые не слишком-то любят друг друга, в состоянии объединиться, когда на карту поставлены их жизни.

— Я чувствую, что уже сейчас я подрастаю громадными скачками, — усмехнулся Герман.

— А я надеюсь, что нам обоим еще представиться шанс подрасти и стать совсем взрослыми, — в тон ему подхватил Инди, — но только в том случае, если нам удастся отыскать дорогу отсюда.

Граф кивнул.

— К нашему несчастью, все связи с верхними уровнями города перекрыты. Так говорил Король Зэд, — напомнил он.

— Никогда не лишне проверить предполагаемое на собственном опыте, — сказал Инди и, взяв керосиновую лампу, двинулся в темноту.

— Храбрый парнишка! — одобрительно воскликнул граф.

— В этом весь Инди, — согласился с ним Герман.

Они шли по коридору, пока не наткнулись на каменную стену. Туннель, ответвлявшийся от главного прохода, так же вел к тупику.

— Мы вынуждены вернуться, — произнес русский. — Может, хоть что-нибудь предпринять мне еще удастся.

— Я бы на это не рассчитывал, граф, — сказал Инди. — Попробуем еще раз.

Они спустились вниз и на этот раз пошли по другому проходу.

— Есть! — воскликнул Инди.

Здесь в каменной стене было отверстие.

— Возможно, она появилась здесь в результате землетрясения, — предположил Инди. — Дыра достаточных размеров, чтобы сквозь нее можно было пролезть.

— Да, для вас двоих — достаточных, — согласился граф Стравский. — Но не для меня.

— Хорошо, я пролезу сквозь нее и посмотрю, что там дальше, — сказал Индиана.

— А меня бросите здесь?! — вскипел граф.

— Этого я не сделал бы по отношению ни к кому, — ответил Инди. — Даже по отношению к *вам*.

— Индиане можно доверять, — попытался успокоить русского Герман.

— Чтож, тогда ты тоже доверишься ему. Ставкой будет твоя собственная жизнь, — заявил Стравский. Он крепко схватил Германа за руку и скомандовал его другу: — Иди!

Инди протиснулся в дыру. Затем граф подал ему керосиновую лампу.

Граф с Германом пребывали в черной как смоль темноте. Они ожидали возвращения Индианы... И ждали... Ждали и ждали...

— Ну вот, видишь, насколько ты был глуп, доверяя ему, — заявил мальчику граф. Его рука сжимала руку Германа все так же крепко. — Это, знаешь ли, первое правило выживания. Никогда никому не доверяй.

— Может, он заблудился, — предположил Герман. — Или, быть может...

— Может, мне спуститься с тобой вниз, — продолжил за него граф. — Может, преподнести мне тебя людям Короля в знак примирения..? Не думаю, правда, что это поможет, но все лучше, чем совсемничего не предпринимать.

— Не надо! Давайте подождем еще нес... — запротестовал Герман, когда русский потянул его за собой вниз.

— Эй! Есть хорошие новости! — Голос Индианы никогда еще не был столь сладостен для его друга. — Я наткнулся на несколько старых инструментов. С их помощью мы сможем расширить дыру.

Герман принял у Инди керосиновую лампу и поднял ее вверх, чтобы осветить отверстие. Затем Индиана передал сквозь дыру древнюю кирку. Граф Стравский взял ее в свои огромные руки и тут же принялся ею размахивать. С другой стороны слышались похожие звуки: Инди трудился там.

Менее чем через полчаса графу наконец удалось протиснуться сквозь пролом. За ним последовал Герман.

— Спасибо тебе, малыш, — сказал русский Индиане. — Я обязан тебе жизнью. — Затем он улыбнулся. — И совсем скоро я буду обязан тебе даже большим.

С последними словами он вновь одной рукой сгреб к себе Германа. Другой он полез за пазуху и вытащил оттуда почерневший Нож Каина.

— Что вы делаете? — вскричал Герман.

— Как я уже говорил тебе, — усмехнулся русский граф, — ты не должен никому доверять. И я добавлю еще, даже более того: *особенно мне...*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Внезапно Инди словно прозрел, и ужасная правда ошеломила его. Он закрыл глаза и потряс головой, будто пытаясь отогнать от себя явь, будучи не в состоянии поверить в происходящее.

— Вы ведь не собираетесь его использовать? — воскликнул он, обращаясь к графу. — Это ведь безумно!

— И я так думал сперва, — ответил граф Стравский. Он продолжал сдерживать Германа в крепких как тиски объятиях. — Я тоже считал Короля Зэда сумасшедшим. Но это не имело тогда для меня значения. Безумцы свергали правительства разных государств и до него. Но, если бы его попытка удалась, Турция стала бы союзником России. И если бы в Европе вдруг разразилась война, это было бы весьма важным фактором.

— Безусловно, это имело бы резонанс, — согласился Инди, — Но эта нынешняя выходка с ножом... Это бессмыслица.

— И ты говоришь это... после того, как ты видел собственными глазами, что этот ножик сделал с Королем Зэдом?! — изумился русский.

На это Инди не мог ничего возразить. Он видел только блеск в глазах графа. Точно такой же блеск доводилось ему видеть и до этого... в глазах безумного Короля... Блеск, означавший стремление к свершению безумных мечтаний.

— Нож действительно наделен силой — силой, про которую рассказывал Король Зэд! — провозгласил Стравский. — Моя страна также готова к революционным изменениям. Царь слабоволен и глуп, но население жестоко, зло и нетерпеливо стремится к переменам. С этим ножом в моей руке и Русью за спиной я смогу повелевать всем миром!

Инди попытался вразумить его другим способом:

— Поглядите же на нож. Он черен как деготь. Его силы разрушены.

— Ничего!.. Невинная кровь восстановит их в лучшем виде, — ответил граф. — В особенности, если я скормлю ему двойную порцию.

Инди предпринял еще одну попытку:

— Но заветный час уже прошел. Полночь пробило уже давно. Ваш поезд ушел, но без вас. Вы не него опоздали.

— Вы не слишком внимательно слушали Короля, — сказал граф. — Полночь просто обозначает начало нового столетия. Столетия, в котором верховным правителем является сила Каинова Ножа. Но Зэд не хотел упустить и минуты из этого столетия. Так что его сила до сих пор заключена в нем и ждет не дождется раскрепощения. И сейчас нож в моих руках.

«Довольно слов», подумал Инди.

Он вновь выхватил из-под одежды хлыст и размахнулся, чтобы ударить им по сжимавшей нож руке графа.

Но граф ответил ему лишь смехом, когда нож разрубил ремень на две части.

— Ты снова хотел использовать свой маленький трюк?.. Против этого-то?! — осклабился он. — Пришло время молитв... Молитв, направленных Властителю Тьмы. Настало время высвободить силу Ножа Каина!

— Ты не прав! — воскликнул Инди. — Настало вре-

мя вот для этого! — и с этими словами он схватил увесистый булыжник и с силой швырнул его метясь графу в голову.

Граф, смеясь, выставил вперед кинжал, и ударившись в него, камень отскочил в сторону.

Стравский раскрыл было рот, собираясь что-то сказать, но речь его была на удивление коротка:

— А-аа-аа-а-хххх!

Не прошло и секунды после того, как Инди швырнул в него камнем, но сразу же после этого парень поднял с пола керосиновую лампу и выплеснул ее содержимое графу прямо в лицо.

Лампа свалилась вниз, оставив троицу в полной темноте.

От неожиданности и боли русский оттолкнул от себя Германа и схватился свободной рукой за обожженную щеку.

Инди нащупал в темноте халат Германа.

— Старый трюк — трюк «на раз-два». Никогда не подводит, — сообщил он с усмешкой. — Пойдем. Держись за мой халат и тогда мы не потеряем друг друга.

Инди повел товарища за собой, бегом пробираясь по коридору в непроглядной темноте. Эта дорога просто обязана была куда-нибудь их да вывести. Инди горячо надеялся, что она не закончится тупиком.

Позади они слышали также звук шагов бежавшего за ними русского. Для того массивного мужчины, каковым являлся граф Стравский, двигался он довольно быстро. И он выигрывал у них этот забег.

Затем Инди почувствовал нечто на лице — совсем легкое дуновение чистого воздуха. Он резко затормозил и пожатием руки показал сделать это и своему другу. Потом он прижал Германа спиной к стене тунеля.

И тут же громко зашептал:

— Ну, давай же, Герман! Бежим быстрее! Я вижу впереди выход!

Несколькими мгновениями позже прямо рядом с ними загромыхали шаги графа Стравского. И еще через секунду эти звуки заменились другим — ужасным воплем. Воплем, который быстро превратился в тишину. Мертвую тишину.

— Рядом с нами была вентиляционная шахта, — объяснил Индиана Герману. — И судя по крику графа, она устремлена весьма глубоко. Наверное, в убежище Короля Зэда. А может быть, и еще дальше вглубь.

— О графе мы уже позаботились. Впрочем, как и Ноже Каина, — сказал Герман. — Дело за малым... Осталось позаботиться лишь... о нас самих. Мы-то до сих пор вынуждены торчать здесь.

— Нет проблем, — просто отреагировал Инди. — Они должны были строить этот город в соответствии с какой-то схемой. Мы можем выяснить, как соединяются между собой коридоры и лестничные пролеты. И тогда по этой схеме нам удастся пройти один уровень за другим. Это достаточно просто.

Несколькими часами позже мальчишки с ног до головы были покрыты пылью и потом. Но грязь и мерзкий пот были забыты в одно мгновение, когда впереди они заметили свет.

Инди встал на цыпочки, дотянулся до кромки отверстия в земле и, подтянувшись на руках, выбрался на поверхность. Потом он наклонился и помог также вылезти на землю Герману.

— Вот так так! — воскликнул Герман. — Если по твоим словам это было легко, то я и знать не хочу, что такое «тяжело».

— Но теперь потеть нам не придется, — улыбнулся Инди. — Здесь дорога идет под уклон.

— Да уж, — пробормотал Герман.

Он обернулся вокруг, чтобы насладиться прекрасным, фантастическим горным миром Каппадокии. Восход окрасил небо на востоке в розовые тона.

— Все, что нам теперь остается, это отыскать обратную дорогу в Конью.

— Да, — согласился Инди, — это первоочередная задача. Он осматривал ландшафт перед собой, разыскивая гору вполне определенной формы. — Вот она! — крикнул он, указывая на памятную скалу.

И они пошли в ее сторону. Рядом с ней располагалось отверстие, которое, как оказалось, вело в убежище Короля Зэда.

— Давай-ка... У нас есть еще одна работенка здесь, — сказал Индиана, навалившись плечом на ближайший камень. При помощи друга ему удалось докатить его до дыры и закрыть ее.

— Я тебя понимаю, — кивая, произнес Герман. — Это чуть задержит людей Короля, когда они захотят вылезти наружу. Им придется возвратиться назад и воспользоваться другим выходом.

— Существует другая, более существенная причина, — сказал Инди. — Этот камень удержит любого, кто возжелает войти туда. Помни, что Каинов Нож сохранит свою силу на протяжении всего этого столетия. А мне не очень-то хочется раздумывать о том, попал ли он в чьи-нибудь руки.

— Ты хочешь сказать, что мы никому не расскажем о подземном городе? И о всем прочем? — спросил Герман.

— Как мне не горько это говорить, но действительно это так, — признался Инди. — В других случаях это было бы нашим долгом проинформировать мир о такой находке. Так поступил бы всякий примерный археолог. Но существуют такие обстоятельства, когда лишнее знание может стать шагом назад для всего человечества. И сейчас как раз такой случай.

— Это действительно так, — согласился Герман, размышляя о судьбе ножа, покоящегося под землей. Одна мысль об этом предмете приводила его в трепет. И он был бы счастлив обо всем происшедшем забыть.

Затем он вспомнил о другом:

— Ну, а теперь, когда все расставлено по своим местам, как мы думаем добираться до Коньи? Не припасен ли у тебя случаем волшебный ковер-самолет? Ну, так как?

— У меня есть что-то получше, — ответил Инди. Он достал из-под своего халата небольшой мешочек и потряс его. Мешочек издал звенящие звуки. — Золотые монеты. Это часть дани графа Стравского Королю Зэду. Я прихватил их перед тем, как мы дали деру. Я предположил, что они могут нам пригодиться в трудную минуту.

И тут Индиана заметилна расстоянии группу всадников, погонявших своих верблюдов.

И тогда он завопил со всей мощью своих легких:

— Эге-гей, та-а-ааксиииии!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Двумя днями позже на стоянке перед самой лучшей гостиницей Коньи появились два верблюда. Каждый из них нес на себе по два седока. Но все-таки ноша животных не была столь тяжела, поскольку одним из всадников на каждом из верблюдов был мальчик.

Хлещет плетка в руке погонщика, и вот уже верблюды встают на колени. Молодые люди обмениваются с погонщиками теплыми рукопожатиями, затем один из мальчиков передает своему кучеру мешочек, который так приятно и громко позвякивает когда турок укладывает его в седельный карман.

— Тесэккюр эдерим, — благодарит погонщик мальчишек с огромными тюрбанами на головах и такими же большими улыбками.

— Бирсей дегил, — ответил Герман. Он преисполняется самодовольства от того, что помнит, как сказать на этом языке «добро пожаловать». Существует так много «за» за изучение иностранных языков. Их знание делает тебя солидней, дает возможность почувствовать себя уверенней. Это одна из мудростей, которым обучило его это путешествие. Одна... из многих и многих...

— Аллахайсмарладик! — ответили ему оба погонщика.

— Это означает: «Да прибудет с тобой Аллах», — пояснил Инди Герману. — Ты говоришь это, когда прощаешься с кем-нибудь.

И когда новые друзья тронулись в путь, Инди крикнул им вслед: «Гюлэ-гюлэ!» и помахал на прощанье рукой.

Внезапно позади них послышался какой-то голос:

— Итак, мальчики, вы достаточно изучили здешний язык. Очень приятно видеть, что вы провели свое время здесь не впустую.

Это был отец Инди.

Мозг Индианы принялся лихорадочно работать. Он нисколько не беспокоился о том, что отец заметил их отсутствие. Это было одной из вещей, о которой в отношении своего отца он мог сказать с уверенностью. Когда профессор Джонс занимался собственной работой, то погружался в исследования с головой; и если бы даже остальной мир рухнул в тартарары, то он с большой долей вероятности этого бы не заметил.

Но Инди размышлял сейчас о том, что подумает его отец, увидев их перед тем, как им удалось сменить этот наряд. Как объяснить ему, почему они не в нормальной одежде?

Но, оказывается, повода для беспокойства не было.

— Я вижу, вы, ребята, играете в арабчат. И даже в песочке извозюкались, — проговорил профессор.

Инди мысленно тяжело вздохнул. Его отец до сих пор видел своего сына в возрасте от трех до пяти лет.

— Ага, ты прав. Нам было безумно весело, — ответил он и бросил на Германа взгляд, предписывающий сохранять на лице искреннее выражение.

— Вижу, я был прав в том, что тебе необходимо взять в путешествие друга, — продолжал профессор Джонс. — На этот раз ты не представлял никаких хлопот. Это дало мне возможность провернуть огромную массу работы. Какие прекрасные, замечательные манускрипты хранятся здесь! Я обнаружил дикое их число.

— Очень рад это слышать, — проговорил Инди.

— В один прекрасный день и ты узнаешь, как много

можно открыть с помощью книг, — говорил отец Индианы. — Знаешь все скрытые секреты прошлого. Но, конечно, прежде тебе стоит подрасти.

— Я с нетерпением жду не дождусь этого момента, — обреченно подтвердил Инди.

— Ну, а что касается меня, то я с нетерпением дожидаюсь того момента, когда снова окажусь дома, — признался Герман. — Я хочу сказать, что все эти белые пятна — это, конечно хорошо... Но я с трудом переживал разлуку с моими родными, хоть и переполненным, домом.

— Что же, ей длиться еще не долго, — сказал профессор. — Завтра мы возвращаемся в Америку.

— Ты уже закончил свои исследования? — удивленно спросил Инди. Он-то предполагал, что его отец будет «пировать» над книгами в течение многих недель.

— Не совсем, — ответил профессор. — Как я уже сказал, мною была проделана огромная работа. Но случилось нечто, что заставило меня встревожиться.

— Что такое? — спросил Инди. Это должно было быть что-то серьезное, даже очень серьезное, чтобы отец обратил на это свое внимание и отвлекся от своих исследований.

— Об этом рассказал мне библиотекарь, — поведал профессор. — Он прочел последние газеты и... Похоже, что застрелен наследник австро-венгерского престола. Это произошло в каком-то крошечном городке на Балканах под названием Сараево. Этот случай вызвал волну насилия. Некоторые горячие головы поговаривают даже о возможной войне. И в этот конфликт может быть вовлечена Турция.

— Все равно война, о которой говорил твой отец не может произойти, — сказал Герману Инди.

Герман кивнул в ответ. Теперь-то он знал, какие странные вещи могут происходить в мире. Это было второй мудростью, которой обучило его это путешествие.

— Я согласен с папой Германа, — сказал профессор Джонс. — Я чувствую уверенность в том, что однажды все рванет. Если бы я находился здесь один, то не

обратил бы на происходящее ни малейшего внимания. Но я чувствую ответственность за вас, мальчики. Я не хочу подвергать вас даже тени опасности. Лучше один раз сбежать от беды, чем потом всю жизнь горевать.

— Пап, а когда произошло это убийство? — спросил Инди. — Я хочу знать дату.

— Сейчас поглядим. — ответил Джонс-старший. Он замолчал, но затем вспомнил. — Двадцать восьмого июня. Но узнал я об этом только сегодня. Газеты приходят сюда всегда немного позднее. Но почему ты спросил?

Индиана пожал плечами.

— Да нет, просто так, без всякой задней мысли. — Затем он сказал: — Ты знаешь, у меня такое подозрение, что надвигается беда. Большая беда.

Герман кивнул:

— И у меня такое же подозрение.

Отец Инди покачал головой.

— Вечно вы ребята со своими подозрениями. Это все от чтения приключенческих романов..., вместо серьезных исторических трудов.

И ни Индиана, ни Герман не качали сейчас привычно головой... И уж тем более не улыбались бы...

— Ага, пап,— пробормотал Индиана. — Вечно-то мы со своими подозрениями!..

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Наследник австро-венгерского престола Франц Фердинанд был застрелен в Сараево 28 июня 1914 года. В августе того же года была развязана Первая Мировая война, продолжавшаяся до 1918 года. Это была самая ужасная война в истории человечества. И она посадила семена еще более крупного бойни — Второй Мировой войны, проходившей с 1939 по 1945 год. Но даже эта война не принесла желаемого на планете мира и спокойствия, сделав тем самым двадцатый век самым разрушительным во всемирной истории.

После окончания Первой Мировой войны уважаемый всей страной лидер Кемаль Ататюрк заложил основы нового турецкого государства. Константинополь был переименован в Стамбул, как называется и поныне.

Подземные города Каппадокии были открыты совершенно случайно в 1963 году. С тех пор было найдено более тридцати таких городов. Все они соединены между собой в огромный город многими милями туннелей. Раскопано семь подземных уровней, четыре из них открыты доступу туристов. Но никому до сих пор не известно, насколько они велики, насколько глубоко устремлены под землю, кто их построил и для чего. Правда, никто еще не находил там древнего, почерневшего ножа.

Пока не находил...

John Tompson

«PROBLEM CHILD»

Перевод с английского.

Джон Томпсон

«ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК»

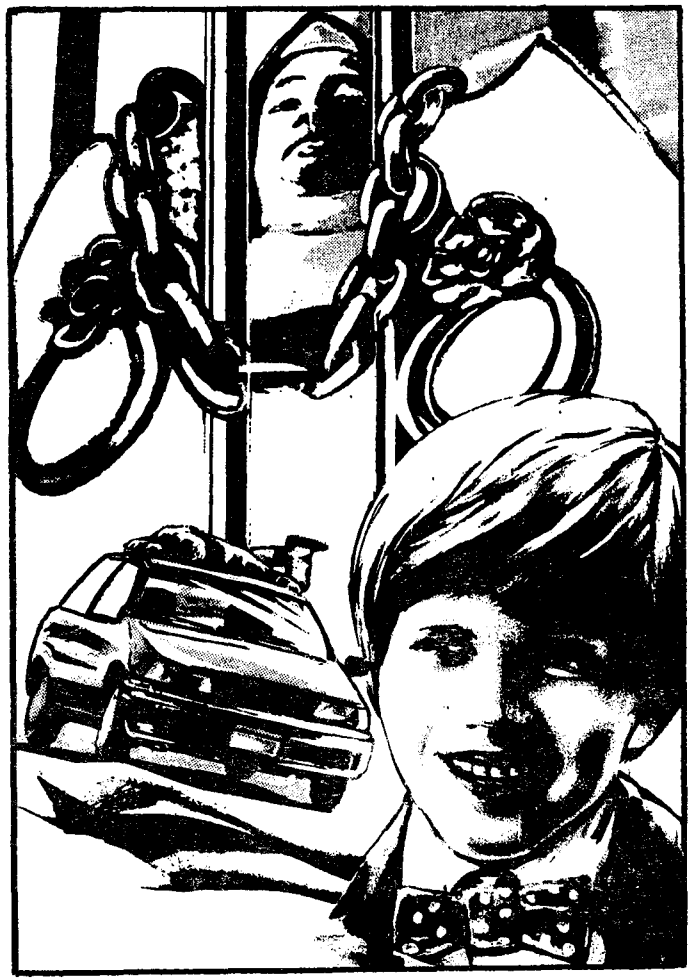
Без учета основных черт характера наших героев восприятие жизненных уроков и моральных ценностей, раскрытию коих и посвящено произведение, следует считать недействительным.

Внутренний голос автора

ДЖОН ТОМПСОН

ТРУДНЫЙ РЕБЁНОК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



John Tompson

«PROBLEM CHILD»

Part 1

Перевод с английского.

Джон Томпсон

«ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК»

Часть 1

Прежде всего нужно перечислить основных действующих лиц нашего моралите.

Главным героем, без всякого сомнения, следует читать маленького мальчика Джуниора, упитанного и подвижного сына неизвестных родителей. Папы и мамы у него нет — точнее, их никто не знает. Первые смутные воспоминания малыша сохранили образ мамы. Правда, это весьма необычные картинки. Каждый раз, когда Джуниор пытается вспомнить свою родную мамулю, первым делом на память приходят гладкие ручки великолепной ивовой корзинки и не уступающие им в упругости пальцы молодой женщины. Конечно, это рука красавицы, потому что вообразить уродиной мать такого прелестного мальчугана просто невозможно. Потом — очертания полных, причудливо выточенных ног под мокрой волнующейся юбкой. И все это — через мерно покачивающуюся пелену дождя. О том, что это дождь, Джуниор узнает немного позже. Пока же он просто проснулся, разбуженный неприятным ощущением от прикосновения мокрых пеленок. И удивился — стручок был непривычно полон, не было знакомой легкости исполненного желания. Джуниор впервые удивился, а удивление заставило его изучать окружающий мир. Мальчика поразило черное, разорванное блеском молний, небо, он впервые увидел косые струи ливня, впервые понял, что

от дождя женским юбкам куда больше достается, чем мальчишечьим штанишкам. Стремясь удержать новое чувство — чувство удивления, Джуниор впервые осознанно преодолел естественное желание. Он стал человеком — и за это был бесконечно благодарен и темному небу, и раскатам грома, и грациозно шагающим рядом с корзинкой прелестным женским ножкам.

— Хорошенькая ножка, чтобы впервые познать свет! Видно, мои папа и мама не очень отдавали себе отчет в важности такого события, как мой первый осознанный взгляд на мир. Ведь это моя мама меня несет! Ставит на крылечко. Дождь прекращается, и не знаю даже, благодарить мне маму за это или нет. Впрочем, все равно не успеваю. Мама дергает звонок, посылает мне последний поцелуй, накидывает капюшон. Все. И вот моя мама убегает. Ничего, все еще может получиться. Посмотрите, какой дом!

В доме звонок надежды был услышан. Милые, очаровательные обитательницы уютного уголка в самом центре Луизианы, поклонницы Диккенса и Филдинга, старая миссис Дьюитл и ее верная служанка Поли вышли на крыльцо встречать запоздалых путников, нуждающихся в их тепле и ласке. Поли — возможно, в юности ее звали совсем не Поли, но миссис Дьюитл всех своих служанок звала так в память о своей нянюшке — первая заметила подкидыша.

— Бог услышал ваши молитвы, миссис Салли! Он послал вам ребеночка!

— О! А! Ой! Господи, Боже мой! Да кто же мог отказаться от такого замечательного малыша?! — с этими словами неумелая, но нежная миссис Дьюитл неосторожно надавила на пухленький животик маленького ангелочка, которого она на высоко вытянутых руках вознесла над собой в благодарность небу, услышавшему ее горячие просьбы.

Джуниор довольно долго с интересом рассматривал и новую обстановку, в которую он попал, и старых дев, хлопочущих вокруг него. Но столь наглого и бесцеремонного вмешательства в свою внутреннюю жизнь он простить не мог. Да и к этому времени малыш окончательно утратил интерес к поразившему его вначале чувству полного контроля над своими желаниями. Он просто расслабился — и оба капора, все напудренные букли и переднички миссис Дьюитл и ее служанки пострадали до степени, которую до изобретения стирального порошка можно было бы назвать не подлежащей восстановлению. Фонтанчик не уступал по силе знаменитому Бахчисарайскому, а по меткости выражения своих эмоций даже превосходил великолепную игрушку крымского хана.

Судя по тому, что больше образ громадного двухэтажного особняка в викторианском стиле не приходил в воспоминания Джуниора, этот поток прорванного человеческого «я» переполнил озеро терпения почитательниц романов о найденышах и приемышах. Образ настоящей мамы тоже не возникал в памяти Джуниора. Поэтому всех вышеуказанных героев женского рода можно не относить к когорте главных, а включить в длинный ряд второстепенных лиц и мужского, и женского пола, растений и животных, уютных домишек и хлипких хибар. Все это при соприкосновении с живительным темпераментом нашего главного героя становилось одушевленным, испытывая, правда, при этом чаще всего чувства негодования, ужаса, сожаления о поспешно принятом решении. В долгом ряду второстепенных персонажей стоит выделить довольно примечательных героев, достойных упоминания в нашей истории.

Ну вот, например, известный детский психолог, доктор Ричмонд Кид, профессор центра воспитания хороших мальчиков и девочек. В заочном диспуте-телемосте с нашим героем он не нашел никаких аргументов на железное опровержение Джуниора. Спор шел вообще-то на довольно отвлеченную тему о наличии или отсутствии врожденных дурных привычек у ребенка. И профессор поначалу был строг и убедителен:

— Я знаю одно. Одно я знаю совершенно точно. Не существует никаких плохих детей...

В этот момент и использовал Джуниор единственный подвернувшийся под руку и, по счастью или несчастью,

железный аргумент. Гантеля была не очень тяжелой, но достаточно увесистой.

— Да что он может знать!

Экран телевизора с вежливо-кислой улыбкой оппонента мигнул в последний раз и погас. Собственно, экрана вообще не осталось. Он просто перестал существовать, и теледебаты, таким образом, были прерваны.

Встретилась на пути Джуниора и чарльстонская голубошейка, чемпионка породы, двухлетняя прелестница — кошка Китти. Любимица всех окрестных прихожих, дама сердца кошачьих романсьеро, закатывавших хоры в долгие зимние вечера под окнами следующего дома, ставшего родным для Джуниора после победы в теледебатах с доктором Кидом. И она смогла по достоинству оценить душевные качества своего нового молодого хозяина. Кошка простила ему все, списав на необразованность унизительное для себя замечание Джуниора:

— Ух ты, какая симпатичная собачка! Наверное, проголодалась.

С интересом взирая сверху на маленького человечка, копошившегося внизу, Китти похвалила его вкус. Она тоже не раз с вожделением поглядывала на коробки «Ариана» — лучшего в мире пеномоющего средства, толпящиеся на застекленных полках. Ей туда было не добраться, а маленький шалунишка легко раскокал неодолимую преграду подвернувшимся под руку маминым сабо. Содержимое одного из пакетов тут же перекочевало в Киттино молоко.

— Здорово выглядит, — и с этим высказыванием Джуниора кошка была вполне согласна. Ей даже пришлись по вкусу ароматные мыльные пузырьки, которые сопровождали ее мяуканье еще добрую неделю. Они добавили ей столько новых поклонников!

Молодой хозяин пострадал не за это. На его несчастье, новую приемную маму очень огорчило не предусмотренное никакими правилами и уставами использование домашней обуви. Джуниор в очередной раз сменил дом и родителей.

Вскоре в своей недолгой жизни наш герой столкнулся и с золотой рыбкой. Нет, она не исполнила всех его желаний. Она даже хотела отказаться удовлетворить естественный для любопытного мальчугана интерес, и не давалась в руки, чтобы он смог рассмотреть ее поближе. Как очумелая, металась она между пухленькими пальчиками-сосисочками, умудряясь выскальзывать из буквально железных объятий. Он вооружился пылесосом.

— Ну-ка, иди сюда! Ты где?

Этот призыв, подкрепленный мощным насосом 60-ваттного железного чудища, любимица хозяйки дома не смогла проигнорировать. Точно так же, как новая мама Джуниора — исчезновение своей ненаглядной рыбки. Джуниору снова пришлось сменить дом.

Вообще-то, новое место пришлось нашему герою по душе. Там ему была предоставлена полнейшая свобода. Просто никто не интересовался малолетним шалуном, который вечно болтался где-то на улице, таская домой игрушки всех соседей. По большей части это были оставленные на открытом воздухе машины, паровозы и прочая техническая дребедень, толстенькие водители которой поспешили на всполошенный мамин призыв обедать. Джуниора никто обедать не приглашал, но он особо и не огорчался. Зато вскоре у него был целый парк — автобусно-тракторно-автомобильный, и он часами перевозил песок с одной стороны своего дома-вагончика — на другую. Конечно, все эти самосвалы и трактора были его любимыми игрушками. У него других просто не было. Девчонки — те всегда убегали домой со своими нарядными куклами, а если не уходили, то и близко не подпускали пользовавшегося дурной репутацией Джуниора к своим разодетым подружкам и дочкам.

Малыш уже привык к такой жизни. Она казалась ему вполне привлекательной, пока его папаша — тяжеленный ирландец Пит Сампран не остановил свой семидесятитонный бульдозер, который он перегонял со стройки, у своего вагончика на время обеда. Вообще-то, он редко появлялся дома днем, и еще реже сумрачный ирландец заходил в детскую. На этот раз произошло

редкостное совпадение невероятных событий: Джуниор во время обеда был дома, его папаша тоже заехал домой и, мало того, зачем-то заглянул за ширму, которая отделяла детскую от остальной части вагончика. Заглянул и пошел себе дальше, а вот автомобильно-тракторно-автобусного парка не стало. С сожалением осмотрев обломки, Джуниор решил не поддаваться унынию и использовать еще остававшееся в его распоряжении время для поиска новых машин и для пополнения пострадавшей коллекции. Он выскочил на улицу и с радостью убедился, что сделал это не напрасно. Оказывается, бывают и очень большие игрушки. Еще не зная, как огромный бульдозер поместится в их вагончике, но опасаясь, что скоро вернется хозяин и заберет красивую игрушку, Джуниор решил переправить бульдозер поближе к своему жилищу. Видно, такой уж был тогда день. Малышу не удавалось сдвинуть махину с места.Он опять совместил невероятное с возможным и завел грозную машину, и сумел направить ее куда надо. На этом цепь невероятных счастливых совпадений оборвалась, и все пошло естественным путем. Затормозить Джуниор не сумел, бульдозер неторопливо сокрушил вагончик и поехал себе по улочке, уничтожая ограды, клумбы и палисадники, пока Пит не догнал свою машину. (Возможно, он догонял своего приемного сына. Но если он делал последнее, то уж, наверняка, не для того, чтобы похвалить свое чадо.)

Джуниор опять оказался в приюте «Трех монахинь-францисканок», который не в первый раз послужил ему временным пристанищем после недолгих отлучек в нормальные семьи.

И вот теперь, в спокойной обстановке, можно опять приступить к представлению главных героев нашей истории. По сути, мы начинаем саму историю — историю приключений Джуниора Хилли, Джуниора — приемного сына Бена и Флоренс Хилли. И ее главными действующими лицами стоит считать всеми уважаемого сына достойного папаши — милого симпатягу Бена Хилли, в просторечии именуемого Маленьким Беном, и его жену Флу. Ласковое имя, обозначающее вечное цветение,

этой молодой и, безусловно, талантливой даме родители дали, скорее всего, по ошибке. Молодой мистер Хилли в этом вопросе в душе вынужден был согласиться со своим хамоватым папашей, не раз в доверительных беседах называвшем Флоренс бесплодной смоковницей.

Десять лет брака заострили губы, когда-то пухленькие и нежные, добавили практичности и деловитости дочке местного пастора, сосватанной Бену его отцом. Итак, через десять лет совместной жизни возникла ситуация, поиски выхода из которой и привели молодую чету к встрече с Джуниором.

Бен Хилли, в свободное от работы время тренировавший принадлежащую папаше бейсбольную команду «Бравых ребят из Сент-Луиса», страстно хотел ребенка. Возможно, это был единственный вопрос, в котором его жена соглашалась с тюфяком-мужем. Чопорно-холодная днем, ночью она преображалась. Разбрасывая во все стороны подушки, они барахтались в жаркой печке обоюдной страсти, но пока безрезультатно.

Как известно, юбки женщин страдают от дождя больше, чем мужские брюки. Женщинам почти все дается тяжелее, чем мужчинам, кроме одного. Если утром Флу выглядела привычно собранной и деловитой, блестящим образцом американской феминизированной гражданки, муж ее заспанно и лениво хлопал глазами и с трудом просыпался даже к тому моменту, когда супруга выталкивала его из машины у шикарного входа в спортивный универмаг Большого Бена. Машину, естественно, вела сама миссис Хилли. Автомобиль оставался в ее распоряжении до вечера. Мистеру Хилли приходилось довольствоваться вечным состоянием незлобивой усталости, приятной полудремы и вальяжно-ленивой истомы в ожидании того момента, когда Флоренс заберет его вечером из магазина и отвезет домой.

Это, естественно, не могло понравиться его папаше, Большому Бену. Со своей женой он мирно расстался еще семнадцать лет назад, со слезами опустив ее в холодную могилу семейной усыпальницы Хилли. Не надо думать, что теперь Большим Беном руководила зависть к спокойно-изнеженному состоянию вечного до-

вольства, в котором пребывал его сын. Отец очень хорошо понимал причину такого поведения. Нет, и в этой стороне жизни Большой Бен находил немало привлекательного. Но на первом месте для него была работа. Кипучую энергию, еще более сконденсировавшуюся за многолетнюю жизнь с сыном, Большой Бен щедро расходовал в острой полемике по биллю о правах домохозяек выращивать букеты искусственных роз на полисадниках для экономии воды, в предвыборных кампаниях, где основным его оппонентом выступал лысый сморчок — агент оклахомских демократов в Луизиане, с-е-е-р Генри Падаль, как его ласково прозвал Большой Бен, в охоте за разбрасывателями окурков на территории Скалистых гор. Как хотел он видеть в сыне помощника в этих важных и трудных делах! Но каждый раз, пытаясь привлечь Хилли младшего к активной жизни, Большой Бен с грустью убеждался: телесное в его отпрыске пока сильнее духовного. Возможно, появление ребенка еще могло что-то изменить. Большой Бен страстно хотел стать дедушкой, чтобы почувствовать себя настоящим отцом!

Объективно ситуация требовала встречи четырех основных действующих лиц нашей истории. Главный герой уже вымахал в семилетнего верзилу. Еще трое персонажей искренне хотели сына. Чтобы желания, совпадающие теоретически, воплотились в реальность, нужно было участие еще нескольких важных исторических особ. Все в мире происходит не само по себе, а как сумма усилий и желаний многих и многих людей.

Историческими лицами нашего произведения, локомотивами прогресса сюжета надо признать очень колоритных теток и одного дядю, возглавляющего их дружный коллектив — директора приюта «Трех сестер-францисканок», мистера Дибати. Если бы даже удалось проникнуть в архивы секретных служб Америки, России и Израиля — все равно учетной карточки на него мы нигде бы не обнаружили. Демагог и прокламатор, самовлюбленный Демосфен не представлял никакого интереса ни для одной из спецслужб. Он, честно говоря, представлял весьма незначительный интерес и для

адвокатского агентства по усыновлению штата Луизиана, но этого явного потомка самураев по внешности и наследника древних греков по духу, держали в приюте из-за того, что только он своей пустопорожней болтовней мог держать в узде воинственный дух умертвивших плоть сестер-монахинь. Уже за одно это в Сент-Луисе местный бомонд отдавал должное уму и сообразительности узкоглазого бездельника и болтуна.

А сестры-монахини были воистину великолепны. Все, как на подбор, гренадерских статей, дебелые и румяные, неопределенно-неопрятного возраста, они славились воинственным пуританством и раблезианским чревоугодием. Первое ваяло их лица, второе лепило формы мощных и суровых тел.

Если приют «Трех сестер-францисканок» был храмом всего духовного в Сент-Луисе, то уж столовая приюта, наверняка, была его святилищем. Мрачная и торжественная обстановка всегда сопутствовала литургии принятия пищи воспитанниками. Каждый из них вышколенно исполнял отведенную ему роль в этой суровой церемонии, которая не менялась годами. Диссонансом в эти органные мессы чревоугодия вплеталось только поведение малолетнего Джуниора, раз за разом нарушавшего установленный порядок священнодействия. Он слишком часто игнорировал висевший на самом видном месте девиз этого богоугодного заведения — «Опасайтесь улыбки ребенка, потому что дьявол рядом. Святой Брук», чтобы монашки могли любить его.

Напрасно будет Джуниор Хилли уверять своих будущих биографов, что он пытался понравиться всем в приюте. Простить здесь могли что угодно: даже слишком рьяное увлечение фотографией, доставившее немало хлопот всему персоналу, вынужденному не терять бдительности даже в самых интимных местах; даже не предусмотренные уставом полеты монашек во время воскресной проповеди. Было много мелких, полулегально разрешенных маленькому шалуну «даже»... За них наказывали, но не слишком строго. Только одного, святотатственного, с редким постоянством повторявшегося нарушения, не могли простить Джуниору — срыва ри-

туалов принятия пищи. Никогда. Да никто, в принципе, и не просил монашек этого делать. За исключением мистера Дибати, возможно, питавшего какие-то иллюзии относительно своего воспитанника.

Вероятно, втайне сам директор приюта не одобрял монастырской кухни. По крайней мере он осмеливался высказывать удивление: как на таких харчах можно получать такой естественный привес всех, без исключения, сестер-воспитательниц?

Чтобы представить себе, как проходил обед в приюте, необходимо вообразить себе мрачный церемониал посвящения в орден массонов. Теперь расширяем зал до размеров хорошего футбольного поля, разгоняем полумрак только светлячками горящих от голода глаз ребятишек, ровными шеренгами выстроившихся вдоль исчезающих в глубине трапезной длинных обеденных столов. На месте магистра — суровая и недоступная сестра Кетрин. Гневом и укором звучат ее слова:

— Ешьте хорошенько, дети. Растущему организму нужна пища и дисциплина.

Ответом на эту сентенцию уже много лет служит вежливое:

— Спасибо, мэм!

И вдруг неслыханное:

— Если это еда, то сами ее и ешьте!

Каракозов, посягнув на святую особу императора всероссийского, совершил в глазах монахинь из Сент-Луиса меньшее святотатство, чем то, которое только что прозвучало из уст Джуниора. В ужасном молчании застыла вся огромная зала. Пауза затягивалась. Но искусный политик способен выйти из любой ситуации. Ведь не каждый выстрел «Авроры» предвещал революцию. Сестра Кетрин железной рукой вновь вернула церемонию на накатанные рельсы ритуального спокойствия. С какой грацией она утвердительно кивнула замершей с ковшом в руках молодой сестре Симоне! В этом кивке более робкий человек на месте Джуниора увидал бы свой смертный приговор. А наш герой разглядел только кусок чего-то непонятного: то ли теста, то ли обычной строительной замазки, который звонко шлепнулся ему на тарелку.

Визуальный осмотр не прояснил природу полученной пищи. Осязание и обоняние тоже ничем не смогли помочь Джуниору. Если бы этот кусок передать в криминалистическую лабораторию штата, там, возможно, и разобрались бы в его происхождении. Но такой возможности у Джуниора не было, и он так никогда и не понял, что ему дали сестры-монашки в тот день — еду или дисциплину.

— Из чего они это делают?

Вопрос, собственно, был риторическим. В темном дальнем углу трапезной обедал штрафной контингент всего приюта. Как говорила мать Тереза, «глаза бы мои не видели этот сброд», и, наверно, с целью улучшения своего аппетита всех ненадежных монахини сплавили в слабо освещенный угол столовой. Странно, но Джуниор был вполне согласен с определением, данным монахинями его соседям по столу. Они были жидковаты для трудных детей, весьма и весьма ненадежны. Вот один из них уже заканючил:

— Слушай, пожалуйста, только не надо. А то у нас опять будут из-за тебя неприятности.

Джуниор ничего не ответил. Он просто был уже занят, заинтересовавшись необычными свойствами полученного в свое распоряжение подопытного материала. Вязкий, клейкий, но достаточно тягучий, он вполне мог иметь неземное происхождение. Возможно, именно такую поверхность имеет планета Венера. Смоделировать посадку космического корабля на туманную голубую планету Джуниору помогла случайно оказавшаяся рядом вилка. «Да, не очень эстетично будет выглядеть посадка на Венеру», — подумал испытатель, глядя, как напряженно дрожит воткнутая в вязкое тесто прямая, как столб, вилка. Нет, на столб это не очень похоже. Пожалуй, более подходит сравнение с картинками из фильмов про голых дядей и тетенек, которые часть крутят монахини по видику. Спеша поделиться «находкой» с товарищами, Джуниор воскликнул:

— На что это похоже? А ведь похоже, не правда ли!

Штрафной изолятор, многие из обитателей которого неоднократно подвергались наказаниям именно за процветавшее в их среде подглядывание в замочные скважины, по достоинству оценил сравнение Джуниора. Звонкий смех подбодрил юного шалуна, он вскочил на скамью и стал размахивать сооруженным фетишем с яростью поэта, читающего свои стихи студентам в таверне. Это привело к довольно неожиданному результату — кусок пищи, условно названный в меню тестовым куличом, сорвался с вилки и повис высоко на потолке, дрожа и колебаясь своими коричневыми подрумяненными боками.

Данное обстоятельство спасло Джуниора от немедленной порки. Исчезла улика преступления, и подоспевшая на шум сестра Кетрин, включив свет в темном углу, в «своем» изоляторе, обнаружила просто улыбающегося малыша, счастливого, довольного и невозмутимого. За улыбку его, конечно, следовало наказать. Но не это в данный момент более всего интересовало монахиню. Больше всего мучил ее вопрос: осилит ли растущий организм полученные им сегодня калории — или все же в «тесто» надо было положить хоть немного муки. Тарелка была пуста.

— Джуниор, что произошло с твоим обедом?

— Такой вкусный обед был. Я его сразу съел.

— Просто невероятно. Наконец-то ты стал вести себя так, как положено. Спасибо тебе, Господи!

Открывался еще один источник доходов. Если против нового рецепта не взбунтовался даже отъявленный смутьян Джуниор... Сестра Кетрин в молитвенном экстазе вскинула руки, обратив благодарственный взор к небесам. Горячая молитва, однако, так и не зазвучала торжественным басом сестры-монашки.

Земное притяжение можно ослабить, но до конца уничтожить его никогда не удастся. Подтверждая этот фундаментальный закон физики, кусок «теста» покинул занятую им ненадолго верхнюю точку своей траектории и устремился к центру Земли. На беду, на этом его долгом пути он очень скоро встретил непреодолимое препятствие в виде вскинутого к небу рубленого без

каких-либо особых затей носа сестры Кетрин. Возможно, кусок кулича просто хотел смягчить очертания этого грозного шнобеля. Но он оказался не в силах исполнить предначертанное и только размазался по волевым чертам лица своей новой хозяйки. Ей это пришлось не по вкусу. Как, впрочем все, что исходило от этого Джуниора. Как, впрочем, и сам Джуниор.

Биографы малыша, наверняка, позже напишут, что именно в этот момент и родился заговор, направленный на свержение кумира приюта, Джуниора, с его пьедестала. Более того, в соответствии с прямым и горячим нравом сестры Кетрин план заговора тут же начал воплощаться в жизнь.

Сперва маленькому шалопаю нужно было внушить мысль о том, что он должен покинуть приют, что его предназначение в мире куда выше, чем просто разрушение веками установленного порядка в стенах обители «Трех сестер-францисканок». Его ждут более великие дела.

Джуниора, привычно ожидавшего щелчка здоровенной деревянной ложкой по лбу, неожиданная атака сестры Кетрин застала врасплох. Ухо моментально раскраснелось и показалось мальчугану совершенно лишней частью тела. Убеждая и монахиню, и себя в обратном, Джуниор завопил:

— Эй, эй, отпустите, мне этим еще слышать надо будет!

Хватка если и ослабела, то только оттого, что при выходе из трапезной сестра Кетрин споткнулась о порог, затем она перехватила ухо в левую руку и быстро перекрестилась правой. «Дурная примета, как бы замысел не сорвался».

Постепенно удаляющиеся крики подсказывали всему приюту маршрут следования спецконвоя. Как всегда, Джуниора потащили в комнату самого лучшего воспитанника. Он там бывал неоднократно, но так и не понял, почему именно этот мальчик носил звонкий и почетный титул, придуманный мистером Дибати. У Джуниора был другой, такой же звучный, но менее рекламируемый титул самого плохого воспитанника приюта.

Просто в этом богоугодном заведении привилегией не убирать в своей спальне был награжден Лучший воспитанник. Уборку за него выполняли провинившиеся сироты.

Джуниору слишком просто было бы по шесть раз на день мыть полы только в одной комнате, с течением времени ареал его уборок сильно расширился. Но сегодня он попался первый раз, и естественным было направление, которое избрала сестра Кетрин.

По пути она вооружилась ведром и шваброй. Символика предстоящего наказания, однако, только обрадовала Джуниора. Теперь сестра Кетрин, не доверявшая столь опасных предметов находящемуся в непосредственной близости озорнику, вынуждена была отпустить ухо своего воспитанника. Джуниор еще поорал, чтобы доставить себе и окружающим радость от своего звонкого голоса и замолк.

В мрачном молчании оба переступили порог комнаты Лучшего воспитанника. Мягкая мебель, телевизор и папки чистой бумаги на столе, ящик с игрушками должны были по замыслу мистера Дибати внушить его воспитанникам почтительное отношение к Лучшему, заставить их стремиться занять быстро освобождающуюся комнату. Лучших усыновляли быстрее, чем остальных.

Джуниор, знавший все секреты комнаты лучше ее сменяющихся обитателей, без всякого интереса застыл в самом центре довольно светлого и опрятного помещения. Сестра Кетрин сложила весь свой реквизит уборщицы у его ног и поспешно отступила к двери.

— Ну, ладно, давай, приступай к уборке. Ты знаешь, как это все делать. Давай, начинай драить!

Джуниор неспешно нагнулся, взял швабру. Половицы у входа скрипнули — сестра Кетрин восстановила безопасную дистанцию. В этот момент раздался занудливо плаксивый голос Лучшего — воспитанника Оливера Триста:

— Я уже собрался, я готов.

— О, мой любимый мальчик! Я так буду по тебе скучать, — опасливо скосившись на вроде бы не выказывавшего дурных намерений Джуниора, сестра Кетрин любовно прижала к своей необъятной груди хилого очкарика, дотошного буквогрыза, подхалима и доносчика Оливера Триста. Оторвав его от пола, она запечатлела трепетный поцелуй на его сморщенном лобике. Когда сестра Кетрин опустила малыша на пол, по странному стечению обстоятельств лучший воспитанник приюта и его довольно емкий чемодан оказались между монахиней и вооруженным достаточно длинной шваброй Джуниором. Оливер как будто пытался тощей спиной и пузатым баулом защитить сестру-воспитательницу от возможных провокаций со стороны Худшего приемыша. Из-за этого, пусть шаткого, но все же укрытия, монахиня заворковала, обращаясь к столь услужливо прикрывшему ее Лучшему:

— О, мой любимый мальчик! Я так буду по тебе скучать.

— Скучать по нему? Интересно, куда это он отправляется, — Джуниор не сдержался. Обычно даже Лучшему доводилось ждать усыновления не меньше месяца. Оливер же побыл в почетной роли только две недели.

Сестра Кетрин ухмыльнулась. Похоже, удар достиг цели. Да тут еще Оливер с гордостью напыжился и выдал:

— Да ты что, не слышал что ли? Меня усыновили. У меня теперь будут новая мама и новый папа. Они такие красивые... Правда, мэм?

Монахиня утвердительно кивнула. Стараясь вложить в голос весь столь богато отпущенный ей природой запас сарказма, она пробасила Джуниору:

— Да, хорошие мальчики получают хороший дом, — казалось, что добавить уничтожающих интонаций в этот раскат долго сдерживаемого негодования уже невозможно, но сестра Кетрин опровергла все законы акустики. Она все тянула, тянула вверх: — А дрянные мальчишки получают кое-что еще.

Довольная произведенным впечатлением, сестра-воспитательница испепелила грозным взглядом Джуниора, но, опасаясь переиграть, понемногу стала пятиться к

двери, увлекая за собой и своего любименького Оливера. Потом вдруг молниеносным движением выпорхнула за дверь и с грохотом пушечного выстрела захлопнула ее за собой.

Джуниор проследил за всеми действиями этой пантомимы, потом обмакнул швабру в ведро и лениво оставил два мокрых следа на полустертой краске половиц. Не работалось. Отбросив швабру, он подошел к подоконнику и выглянул во двор. На крыльце приюта мистер Дибати дирижировал руками плавной мелодии своего прощального слова, обращенного к вылетающему в большой мир Оливеру Твисту. Приемные папа и мама у того и впрямь были ничего. Разве что у мамы бюст немного подкачал, зато бедра были очень даже крупными. И «бьюик» ихний за воротами блестел свежей краской недавно сошедшей с конвейера машины. В такие моменты Джуниор всегда чувствовал желание стать Лучшим воспитанником приюта. Но быть таким, как Оливер!

— А, подумаешь! Если надо стать таким козлом, как этот очкарик, не надо мне никаких папы и мамы!

Постояв еще минуту у окна, Джуниор отправился к ведру. Подержав в руках тяжелую швабру, он решительно отложил ее. Работа не волк, а телевизор — средство развлечения. Джуниор щелкнул выключателем и устроился в кресле, с интересом уставившись на экран. На нем четкими линиями прорисовывалось фото экзотичного молодого человека с вызывающим ежиком на лысеющем черепе. Смазливое лицо не выражало абсолютно никакого желания повеселить поникшего в тоске зрителя. Да и голос дикторши за кадром истошно верещал, что этот Мартин шутить не любит. Малыш прислушался:

— Этого человека прозвали бичом столетия.

— Да ну его! Где мои мультфильмы? — но сколько ни щелкал малыш переключателем, барахтаясь в волнах местной телестанции, на всех программах в различных ракурсах мелькал тот же знакомый овал с ежиком.

— Ой, смотрите, он популярный — по всем программам его показывают.

Перебрав все каналы и вернувшись на первый, Джуниор стал внимательно слушать экстренные сообщения, которые слетались в телестудию одно за другим. Становилось ясно, что неделю назад этот парень сбежал из тюрьмы где-то в другом конце штата. Его застукали сегодня утром, и погоня шла по следам за этим Мартином, убийцей с бабочкой. Вот, наконец, пришло сообщение:

— Его поймали. Вот он, гроза штата. Вы видите, как шерифы и полицейские ведут его в машину. Ой! — это арестованный выдернул микрофон из рук опешившего журналиста.

Мартин с микрофоном в руке дал снять камере свой мужественный полупрофиль и затараторил:

— Я неплохой человек. Просто меня не поняли. Всем на меня наплевать, кроме меня самого.

Шериф и здоровенный сержант оправились от неожиданности и стали оттаскивать убийцу с бабочкой от микрофона. Передача прервалась.

Пора было приниматься за работу, но Джуниор восхищенно протянул:

— Какой симпатяга!

Мартин-убийца ему понравился. Джуниор-потрошитель, пожалуй, звучит ничуть не хуже. И по всем каналам телевидения показывают тебя одного. Джуниор твердо решил, что он будет, когда вырастет, таким же, как убийца с бабочкой. Он будет известным, сильным, ловким и смелым. Он даже выглядеть будет так же, как дядя Мартин. Он...

И для начала Джуниор решил, что всегда будет носить на шее бабочку, аляповатый галстук-бабочку, точно такой, какой прославил Мартина и какой он видел на шее клоуна, любимого клоуна всех Лучших воспитанников приюта. Клоун был символом их хорошего поведения и достойных манер.

Решительно подойдя к ящику с игрушками, Джуниор совершил первое самостоятельное преступление на пути к своему новому идеалу — содрал с шеи безмолвного

клоуна его пестрое украшение и нацепил его на ворот своей рубахи. Да, он будет таким, как дядя Мартин.

* * *

Десять лет бесплодного брака неизбежно должны были привести чету Хилли в клинику доктора Хилкинсона. В штате Луизиана, если верить рекламе, не было лучшего учреждения по разрешению всех проблем бездетных отцов и матерей. Девиз у дверей лечебницы гласил: «Обрети надежду, всяк сюда входящий». Две недели назад супруги уже обрели надежду, пройдя предварительное обследование. Теперь они, не в силах сдержать волнения, примчались к доктору Хилкинсону на полчаса раньше назначенного срока и с веселым оживлением рассматривали рекламные проспекты, в изобилии разбросанные на столе в приемной. Подбор книг тоже был подчинен одной цели — дарить надежду. «Имена и их значение», «Детский доктор», «Как воспитать своего ребенка». Не обращая внимания на такие же возбужденные пары, которые сидели в разных уголках приемной, супруги Хилли оживленно обсуждали имя своего будущего ребенка. Как решил дедушка, Большой Бен, это должен был быть мальчик.

— Ты послушай, Флу! Здесь написано, что Генри — это имя сильного, верного, любящего человека.

— Генри, Хенри, Арни... Нет, пожалуй. Это, скорее, имя неудачника.

— Да ты что? Ты послушай: Генри, Хей! Генри, мы победили! Генри, как там в школе! Отлично, папа. Здорово, Хен! Давай все же начнем с Генри.

— Нет, нет, мне не нравится Генри. О, вот, посмотри! Может, Дональд? Здесь написано, что Дональд — это имя богатого и влиятельного человека. Хочу такого ребенка.

— Ладно, ладно. Не важно. Меня совершенно не касается, кем станет наш ребенок. Это будет просто наш ребенок. Неплохо, конечно, если он будет директором.

Когда разговор зашел о директоре, ближайшая пара — симпатичный длинноволосый швед и его молодая белокурая подруга — навострили уши. Увидев это, супруги Хилли понизили голоса, но, видимо, зря пишут о холодном темпераменте народов севера. Попав в благодатную атмосферу долины Миссисипи, причудливо сотканную из запахов плодородного ила речных наносов и эха чисто южноамериканских пересудов и сплетен, даже суровые выходцы из Скандинавии скоро становятся неисправимыми болтунами. И сейчас молодая шведка, потеряв надежду услышать что-нибудь важное о таинственном сыне-директоре таких молодых родителей не выдержала и спросила напрямик:

— А чем занимается ваш ребенок?

По правилам хорошего тона, принятым в Сент-Луисе, на вопрос женщины, обращенный к супружеской чете, должна отвечать женщина. Честно говоря, Флоренс не промолчала бы и в том случае, если бы вопрос задал флегматичный гигант-швед.

— О, вы знаете, я еще по-настоящему не забеременела. Мы просто заранее планируем, — Флу внимательно вгляделась в уже округлившийся живот симпатичной блондинки и жалобно-умильно добавила: — Никому не запрещается помечтать...

— Мистер и миссис Хилли! — двери кабинета доктора Хилкинсона открылись, словно выпуская голос симпатичной медицинской сестры.

Извинившись, Бен и Флу кивнули паре счастливых будущих родителей и поспешили вслед за мелькнувшей в дверях красавицей в белом халате в просторный кабинет.

Усадив обоих супругов в уютные мягкие кресла, медсестра исчезла за ширмой. Через пару мгновений оттуда выскочил симпатичный мужчина средних лет. Черные усики его темпераментного лица излучали немеркнущий оптимизм, а блеснувшая под крылом халата джинсовая ткань потертых штанов подчеркивала демократические взгляды их молодившегося обладателя. Бросив короткий взгляд на застывших в ожидании пациентов, доктор придавил и без того тяжелое кресло к

полу своим достаточно сильным телом и задумался. Он был похож на шахматиста, который решает, какой дебют выбрать в партии с трудным и опасным соперником.

— Вы, наверно, слышали, что мы гарантируем всем: 99 процентов обратившихся к нам женщин беременеет.

— О, здравствуй, Генри-Дональд! — мистер Хилли не обрадовался бы больше, даже если бы его «Бравые ребята» выиграли чемпионат штата по бейсболу.

— Но, к сожалению, — доктор Хилкинсон старался не смотреть на своих собеседников, — остается еще один процент. И вы к нему относитесь.

— Извините, но ведь результаты анализов... — Бен, собственно, не знал результатов анализов. Но что говорить в такой ситуации, он тем более не знал.

— Да, вы правы, результаты анализов неплохие. Вы оба абсолютно здоровы и проживете еще до ста лет. И вы, и ваша жена.

Флоренс, до поры застывшая в оцепенении в своем кресле, переварив, наконец, услышанное, тут же пошла в атаку:

— Вы, вероятно, перепутали. У моего мужа все в порядке. Это, может быть, анализы какого-нибудь другого мужчины. Мой муж вполне справляется со своими обязанностями.

Доктор Хинкилсон с сожалением покачал головой:

— Нет, никакой ошибки нет. Хотя, вы правы, ваш муж совершенно здоров в этом отношении. Положительно хорошо, что он справляется со своими обязанностями. Хорошо, что то, как он это делает, вас устраивает, но, простите, это ничего не значит. Детей у вас не будет, — теперь доктор Хилкинсон обращался исключительно к Флоренс.

Мистер Хилли, растерянно застывший в кресле, не способен был объективно воспринимать ситуацию. Он сидел бледный и понурый. Ведь они так надеялись! Флоренс же, немного сбавив напор, все еще запальчиво наседала:

— Нет, вы хотите сказать, что мы каждую ночь этим зазря занимаемся, что ли!

— Давайте я вам все объясню, — с этими словами доктор Хилкинсон извлек из-под стола сложную разноцветную конструкцию пузырьков, шлангов, шариков и трубочек. — Вот это — система ваших половых органов. Ой, самая важная часть отвалилась.

Действительно, шикарного размера зеленая труба с грохотом покатилась по лакированной поверхности стола, вывев из оцепенения мистера Хилли. Водрузив деталь на место, Хилкинсон продолжил;

— Вот видите эти зеленый штучки. Это ваши яйцеводы, а вот это,.. — неосторожное движение хотевшего подняться из кресла доктора буквально сотрясло систему, какие-то желтые шарики с грохотом запрыгали по столу. Хилкинсон сноровисто схватил один из них и водворил на прежнее место. Второй мяч ускакал под стол, и в лекции по анатомии наступил вынужденный перерыв, вызванный попытками Бена Хилли извлечь его оттуда. Наконец, молодому человеку это удалось, он передал добычу доктору и тот продолжил:

— Нет, этого не должно было произойти. Эти вот желтенькие штучки — это яичники вашей жены. Давайте-ка, я их вставлю. Вы и сами можете убедиться — они очень легко достаются и меняются местами. Подойдите и сами попробуйте. Можете их вставлять, вынимать. Вот так. А, собственно, не важно. Потому что у вашей жены нет этих желтеньких штучек, а ее зелененькие штучки — совсем не зелененькие, а коричневые.

— Подождите, доктор, вы уверены, что для нас нет никакой надежды? — переход от радостного ожидания к крушению всех планов был слишком резок для Бена Хилли. Он никак не мог поверить в то, что они с женой никогда не смогут обзавестись потомством.

— Абсолютно никакой. Нет, но у вас, мистер Хилли, еще есть возможность заиметь собственного ребенка.

И тут миссис Хилли, переварив известие и осознав, что вина ложится не на лентяя и пентюха Бена, а на нее, носительницу материнского начала не того цвета, перешла в атаку:

— Нет, доктор, и у него нет никакой надежды. Зна-

ете, доктор, я, наверно, знаю, когда у меня не стало этих желтых шариков, ну, как их, яичек. В первую же ночь это чудовище стало приставать ко мне. Как я ни просила повременить, он настоял. У меня тогда, наверняка, и вытекли эти яичники, он их раздавил, мастодонт.

Миссис Хилли бушевала и в машине. Бену, который сел за руль, приходилось увертываться и от встречных машин, и от грозных обвинений своей разгневанной супруги. Только к вечеру Флу успокоилась, опять надев на себя личину невозмутимой стопроцентной американки.

* * *

В приюте последний месяц царила напряженная атмосфера ожидания непременного краха. Казалось, громоздкое серо-желтое здание вот-вот взлетит на воздух. Ну, если не все здание, то его левое крыло. Или правое. В том-то и беда, что никто не знал, откуда ждать следующий напасти. Беды сыпались на «Трех монахинь» одна за другой, и, несмотря на то, что сестры-воспитательницы не сомневались в источнике, от которого они исходили, поймать виновника за руку пока не удавалось. Он с добродушным видом бродил по коридорам с пестрым галстуком-бабочкой на рубашке и уверял всех, что будет известным оперным тенором. А в это же время где-то в другом конце приюта уже загоралась проводка или вырывались из запертой туалетной комнаты засидевшиеся там монашки.

Уследить за Джуниором было невозможно. И, несмотря на то, что наш герой всегда настаивал на своем алиби при разбирательствах всех прискорбных случаев, его наказывали в назидание. Мыть котлы и грязные коридоры, носить воду в пекарню, мести двор — лучшего времяпровождения для малыша не представляли себе ни сам Джуниор, ни тем более его воспитательницы.

Вот и сегодня строптивого мальчугана отправили на

кухню в распоряжение сестры-хозяйки мисс Луизы. Шеренга задымленных котлов, сваленных в ужасном беспорядке, не привлекала внимания кухарок уже дней пять. Все давно уже привыкли, что котлам не миновать рук малолетнего шалуна. Недавно в приюте уволили посудомойку: она уже была не нужна. Джуниор отлично справлялся со всеми обязанностями.

Нужно было быть большим психологом — или просто заглянуть в личное дело воспитанника, чтобы понять причину мрачного настроения Джуниора, с которым он отправлялся в этот раз на кухню. Сестра Луиза, которая многопудовой горой переваливалась по шатким ступенькам вслед за малышом, не обладала никакими задатками психолога, и уж совсем невероятной показалась бы ей мысль взглянуть в дело мрачно шагавшего впереди малолетнего разбойника. А между тем, у него сегодня был день рождения. И то, что в другой день было наказанием — и только, в этот раз Джуниор воспринял как личное оскорбление. А он-то надеялся, что сегодня ему, как и другим воспитанникам, устроят небольшой праздник: позволят не заниматься уборкой и на обед выдадут два сушеных финика. Но вместо этого его заставили драить котлы...

— Котлы должны сверкать так, чтобы я в них свое отражение увидела! — привычно бросила мисс Луиза и застыла от негодования.

Маленький хулиган показал ей кукиш и стал передразнивать переваливающуюся походку сестры-хозяйки, при этом приговаривая:

— Вот — это вот — на тебя похоже!

— Ну ладно, умник! За это ты сейчас заплатишь!

Неосторожное движение в посудной лавке не принесло бы большего грохота и шума, чем попытка мисс Луизы немедленно наказать Джуниора. Тот увернулся с необычайной легкостью, которой уже в следующее мгновение не хватило сестре-хозяйке. По инерции она влетела в стеллажи с грязными котлами.

Честно говоря, по весу она мало в чем уступала слону, да и в толстокожести тоже. Только поэтому гигантский котел, который, покачавшись с минуту, рух-

нул с верхней полки и до пояса накрыл мисс Луизу, не нанес ей ощутимого вреда. Из-под капонира, надежно прикрывшего сестру-хозяйку от падения новых, меньших по калибру метательных снарядов, отскакивавших от огромного котла с оглушительным звоном, монахиня услыхала издевательский голос Джуниора:

— Ой, смотрите, пингвин в котле!

И вскоре началась погоня. Конечно, у малыша было небольшое преимущество во времени. Мисс Луиза минут пять выбиралась из громыхающего завала, в который попала, расчищая себе путь к выходу из посудомойки. Поэтому она не могла видеть, как на деревянных ступеньках винтовой лестницы сосредоточенно копошится мальчуган и серьезно приговаривает:

— Мне ведь и полы говорили помыть!

При этом малыш обильно поливал жиром и без того скользкие ступеньки. Потом он замер на мгновение, усмехнулся своей шикарной рекламной улыбкой — и приладил маленький трамплинчик на предпоследней ступеньке...

Все вышло, как и задумал Джуниор. Через гостеприимно распахнутое окно на втором этаже сестра-хозяйка вылетела с истошным криком:

— Джуниор!

Она довольно мягко приземлилась в свалку пищевых отходов, распугав вездесущих ворон и галок.

Вечером в приюте было необычайно тихо. Воспитательницы-монашки на время перестали предъявлять взаимные претензии — время было не то: приходилось отказаться от мелких дрязг во имя великой цели. Последнее происшествие показало, что их враг номер один, Джуниор, вступил на тропу войны. Где-то там, в черных глубинах застывших спален их кровожадный и свирепый противник готовился к новым сражениям. Нервы у сестер-монахинь не выдержали.

С утра к кабинету мистера Дибати сплоченной группой отправились все воспитательницы приюта. По дороге они выбрали самую красноречивую из всех — Кетрин, чтобы она предъявила заранее подготовленный

ультиматум директору: либо они все, либо один Джуниор.

Однако в кабинете каждой захотелось лично рассказать о тех бедах, которые принес ей маленький разбойник. Воспитательницы старались изо всех сил перекричать друг друга и сообщить господину директору именно тот эпизод из ужасной педагогической практики, который должен был окончательно убедить узкоглазого японца.

Директор только успел разобраться, что привело в такое возбуждение обычно сравнительно спокойных и уравновешенных сотрудниц. Больше же абсолютно ничего он понять не мог. Крики монашек слились в протяжный вой. Это было даже похлестче, чем шум в классе, когда на урок по какой-либо причине не являлся вовремя учитель. Монашки с перекошенными от ненависти лицами кричали что-то про ковры, унитазные бачки, туфли и косички, тлеющие шнурки, оконное стекло, чернила, свечки, портреты святых, мыло, сигаретные окурки, дымящуюся шерсть.

Обычно спокойно воспринимавшая всякие перегрузки голова директора пошла кругом, и он изо всех сил закричал:

— Пожалуйста, помолчите! Ну помолчите, пожалуйста. Пожалуйста, — не давая подняться новой волне проклятий в адрес Джуниора, он продолжал: — Ну ладно, ладно. Абсолютно нет никаких доказательств того, что Джуниор каким-то образом связан с происшедшей вчера трагедией.

— Какие нужны доказательства? Он злой. Посмотрите, какие он делает рисунки: чудовища, драконы, пожирающие людей, — одна из монашек продемонстрировала произведения юного художника.

Мистеру Дибати картинки, как ни странно, понравились. Правда, об этом он, естественно, не сказал. Он окинул взглядом разъяренные лица монахинь и с удовлетворением подумал: «Хорошо, что эта ненависть направлена не на меня. Слава Богу. Ну и рожи!» Вслух же он произнес:

— Подождите, я не говорю вам, что я великий пси-

колог. Я не великий психолог. Единственное, что я могу сказать... Может быть, просто ему надо, чтобы его любили.

Вот тут-то наконец и зазвучал голос Кетрин:

— Хватит чепуху говорить! Или он отсюда уйдет, или найдешь себе каких-нибудь других монашек.

Взглянув на монашек, директор понял, что ему придется пойти на уступки.

— Эй, пожалуйста, не надо спешить! Давайте сделаем глубокий вздох и расслабимся. Единственный способ, которым мы можем все это выяснить, — это выслушать Джуниора.

Монашки принялись было возмущаться, кричать, что это уже не поможет. Но большой педагогический опыт подсказывал им: обвиняемый имеет право на последнее слово.

Известие о происходящем в кабинете директора совещании мгновенно разнеслось по всем уголкам приюта. Поэтому, когда парламентеры от воспитателей отправились к Джуниору, они нашли значительные положительные изменения в поведении мальчика. Тот признавал все свои ошибки, просил прощения и был готов к публичному покаянию.

Процесс решили провести не откладывая — в тот же день, после обеда. Собрались чуть ли не все обитатели приюта. Директору всегда нравились показательные мероприятия.

Мальчика ввели в переполненное помещение. По мгновенно образовавшемуся проходу он подошел к судьям. Вид Джуниора недвусмысленно говорил о глубоком раскаянии.

— Извините меня, пожалуйста, простите меня, пожалуйста, не заставляйте меня таскать эти тяжелые камни и драить грязные туалеты. Я хочу быть хорошим мальчиком... Я обещаю.

Слова Джуниора не произвели большого впечатления на хорошо знакомых с его уловками воспитательниц. Но директор был намерен провести эксперимент до конца:

— Ну вот, видите! Он говорит, что извиняется.

— Пожалуйста, дайте мне еще один шанс. Я теперь буду делать уроки, я стану умным и... буду священником.

Директору давно не выпадало случая показать свое красноречие:

— Слышали! Он будет священником. Священник — это же почти как монашка в пиджаке. Мальчик-монашка! Он хочет стать монашкой! — голос мистера Дибати звенел патетикой. — Надо быть великим человеком, чтобы признать свои собственные ошибки. И он — великий человек. По мнению моего агентства, которое я представляю, Джуниор никуда не пойдет из этого приюта...

Удивлению маленького разбойника не было предела:

— Никуда не пойдет! Что значит никуда не пойдет?

— О, не беспокойся, Джуди, ты знаешь, монашки просто сказали, что, может быть, ты сможешь быт счастлив где-нибудь в другом месте.

Неуважительный смех воспитанника оборвал директора. Тот вздрогнул.

— Что такого смешного?

— А что, не понимаешь, что ли? Дурак безмозглый.

После этих слов присутствующие замерли. У директора остановилось дыхание. Он был готов стереть маленького наглеца в порошок.

— Ну вот видите, он... — хотела прийти на помощь одна из монашек.

Но мистер Дибати оборвал ее:

— Что, ты хочешь сказать, что тебе не нравится в приюте?

— Я хочу уйти отсюда.

— Ну вот видите, мистер Дибати, он неисправим, — прошипела та же монашка, используя на этот раз латинское выражение.

— Я кто? Говорите по-английски, а!

— Может быть, может быть... Может быть, он пытается сказать... — директор все еще делал вид, что его нисколько не задели слова Джуниора и он по-прежнему на его стороне.

Мальчик, кривляясь, возбужденно продолжил фразу:

— Может быть, если я буду делать такие движения руками, может быть, наконец-то, вы поймете, о чем я говорю!

На этот раз голос директора был куда более решительным. Он изменил свой приговор:

— Послушайте, я одновременно представляю агентство и государство, поэтому во всем, о чем я говорил, есть две стороны. От имени агентства я заявляю: этот ребенок должен покинуть приют как можно быстрее.

Джуниор в душе только посмеялся над этими слабаками:

— Поторапливайтесь только, я же паинькой не собираюсь быть!

* * *

Несмотря на то, что мистер Хилли всеми силами старался сдерживаться, в последнее время разговоры с женой беспрерывно возвращались к одной теме — о ребенке. Беседа с доктором Хилкинсоном окончательно убила надежду заиметь собственного малыша. Бен потерял интерес к ночным забавам в постели со своей суженой. Ее возбужденные стоны казались ему пошловатой театральщиной. И хотя мистер Хилли успокаивал себя и супругу, что охлаждение является временным, но что-то важное безвозвратно ушло из их прежних отношений. Бен, однако, был совершенно уверен: он никогда не покинет свою Флу.

Уже несколько лет по утрам семейная парочка отправлялась на работу в небесно-голубом «форде». Иметь второй автомобиль было непозволительной роскошью при скромных доходах мистера Хилли. Собственно, такой необходимости вообще не было: жена по своему усмотрению распоряжалась машиной, а Бен никогда не пытался перехватить инициативу. Положение устраивало обоих.

17 августа ничем не отличалось от других дней знойного месяца, но именно в этот день Бена ожидало весьма неприятное известие. Хотя, казалось, сильнее огорчить человека после жестокого приговора доктора Хилкинсона уже нельзя.

Машина, как всегда, притормозила возле огромных стеклянных витрин популярного в Сент-Луисе магазина спортивных товаров «Большой Бен». Так прозвали отца мистера Хилли, владельца этого торгового гиганта, за то, что в юности он учился в Вашингтоне.

— Ну ладно, счастливо тебе, дорогая! — улыбнулся Бен, но не удержался и добавил о наболевшем: — Да прочитай ты эти проспекты об усыновлении!

Флу энергично огрызнулась, будто всю дорогу только и ждала подобной фразы:

— Сам читай! Я не ношу бывшую в употреблении одежду, и мне не нужен бывший в употреблении ребенок. Даже и речи не может быть, чтобы усыновить ребенка.

— Ну ладно, ладно, — постарался успокоить распалившуюся жену мистер Хилли.

Он в очередной раз убедился в бесполезности своих усилий.

Миссис Флоренс умчалась, а Бен уверенной походкой вошел в магазин через автоматические двери, намереваясь провести очередной рабочий день за своим столом с компьютером и телефоном. По пути мистер Хилли бросил беглый взгляд профессионала на прилавки, чтобы воочию убедиться, какие товары активней всего раскупаются, а какие, наоборот, лежат мертвым грузом. Только тут, на работе, ему почти удавалось забыть про семейные проблемы.

Как всегда, оказывая внушительное давление на барабанные перепонки и мозги, голосом отца загремела реклама: «В «Большом Бене» есть все! Добро пожаловать в «Большой Бен»! В нашем спортивном магазине есть все. Он — стопроцентный американский магазин для американцев, у нас — исключительно американские товары».

Маленький Бен — так в городе называли мистера Хилли многие — задумался о своих непростых отношениях с отцом. Профессиональная улыбка появилась на лице.

— Извините, вы здесь работаете? — задал вопрос клиент лет десяти.

— Да. А что такое?

— Я ищу компас-фляжку. Я видел рекламу по телевидению. Там сказали, что у вас все есть.

— Правильно, у нас есть все, — ответил Бен и про себя заметил, что мальчик очень симпатичный и что у него мог бы быть такой же взрослый сын.

Мистер Хилли охотно показал юному покупателю, где находится интересующий того товар.

— Вот, выбери себе, какая тебе понравится.

— Мне вот эта нравится — синенькая.

— Чего нашел? — спросил у мальчика подошедший мужчина, явно его отец.

Парень с готовностью продемонстрировал то, что выбрал.

— А, это нам для кухни пригодится, — одобрительно кивнул головой тридцатилетний красавец в джинсовой куртке и обратился к Бену: — Извините, пожалуйста, если он вам надоел, мы отправляемся в турпоход.

Отец и сын стояли рядом, их лица светились. Мистер Хилли с грустью подумал о том, что мальчуган снова стал чужим для него, хотя, казалось, только-только установились с ним какие-то отношения. Да, конечно, у него же есть свой родной папа.

— Я вижу, вам очень весело вместе, — мистер Хилли изо всех сил старался скрыть нахлынувшее на него чувство.

— Да, вы знаете, благодаря детям снова понимаешь, что стоит жить, — ответил отец покупателя и, обращаясь к сыну, добавил: — Ладно, пошли!

Мистер Хилли еще раз взглянул на милого мальчугана:

— Ну что, нашел, что искал?

— Да, спасибо большое.

— Не за что, — Бен уже победил временную слабость.

— Эй, Маленький Бен, — послышался голос отца мистера Хилли.

С тех пор, как старший Хилли стал Большим Беном,

он постоянно называл сына именно так. Сначала наследник не мог привыкнуть и даже злился, позже понял, что подобное обращение лучше всего отражает его отношение с родителем.

— Что такое?

— Давай поднимайся, у меня для тебя большой сюрприз.

Из громкоговорителей снова на всю мощь понеслись слова рекламы: «Большой Бен» — стопроцентный американский...»

Бен Хилли младший никогда не мог угадать, что взбредет в голову его дорогому папочке. Правда, на этот раз интуиция подсказывала: нужно ждать очередную пилюлю. Уж слишком радостно тот выкрикивал в микрофон привычные фразы.

Мистер Хилли спокойно, не торопясь, поднялся на второй этаж в кабинет хозяина. Да и чего было, собственно, волноваться — семь бед, один ответ. Жизнь и так дала трещину. Вряд ли папочка сможет сообщить что-нибудь более неприятное, чем сказал вчера гинеколог.

И все-таки Большому Бену удалось поразить новостью Маленького.

— Я продаю магазин японцам, — отчеканил отец и, заметив, что сын шевелит губами, пытаясь что-то ответить, продолжал: — Что-что? Ты думал, я тебе его оставлю, что ли?

— Да, — наконец-то сумел выговорить мистер Хилли.

— Нет, не оставлю! Я продаю магазин корпорации «Хиро-хиро».

— Но земля-то мне останется? — окончательно пришел в себя сын.

— Нет. Конечно, нет, я и землю тоже продаю. Все. Отсюда — до реки!

— Что?.. Папа, ты что? Просто с ума сойти. Я на тебя корячился больше десяти лет, а ты мне даже прибавки никогда не дал.

Бен не смел повышать голос на отца, и даже сейчас возражения его звучали как-то неубедительно, мягко.

— Пусть это будет тебе уроком!

— Уроком?!

— Да! Никому нельзя доверять, даже своему собственному отцу. Особенно своему собственному отцу! Знаешь, в чем твоя проблема? Ты слишком милый человек. Мне нужен был более сильный сын, который мог бы карабкаться на вершину, а ты остановился и не последовал моему примеру.

Мистер Хилли хлопнул дверью кабинета. Он прекрасно понимал, что изменить решение Большого Бена не удастся. То, что только что говорил отец, было не совсем правдой. На самом деле старый аферист решил выдвинуть свою кандидатуру на выборах. Для этого нужны были деньги. Папочка все рассчитал: он победит на выборах как владелец популярного большого магазина. Средства на кампанию дадут японцы. Про это, конечно, никому не будет известно. Победит, а там хоть трава не расти.

Бен Хилли не вмешивался в политику. Ему было наплевать на планы сумасбродного отца. Но теперь он решил твердо, что больше никогда в жизни не обратится к нему за помощью. Как-нибудь проживет. Было жаль только десяти лет работы, ведь магазин держался на плаву благодаря и его, Маленького Бена, стараниям. «Да пошло все к черту!» — успокаивал себя мистер Хилли.

* * *

Бен Хилли даже из-за навалившихся на него проблем не бросал любимых занятий. Только это и отвлекало его от печальных назойливых мыслей. Кроме того, он чувствовал себя обязанным продолжать работать и в магазине, и в клубе, где он тренировал «Бравых ребят из Сент-Луиса». Парни были замечательные, команде иногда даже удавалось побеждать. Через день после разговора с отцом проходили очень важные для бейсбольного клуба соревнования. Играли, ка всегда, с соседней школой. С самого начала все пошло наперекосяк. Игра у команды Маленького Бена явно не клеилась, тренер никак не мог понять, в чем дело: ладно, у него неприятности, но почему ребятам так не везет? «Бравые ребята» сами ничего не понимали. Они с виноватыми лицами в перерыве собрались возле тренера.

— Ничего, еще три розыгрыша осталось. Не забывайте, — пытался подбодрить своих воспитанников Маленький Бен, — если выиграем, будем есть мороженое, а если проиграем — ну что ж тут сделаешь, — все равно будем есть мороженое. Давайте, идите, я вами горжусь. Ну!

— Эй, Маленький Бен, можно с тобой поговорить? — обратился к мистеру Хилли весельчак Рой, тренер команды, которая громила сейчас «Бравых ребят».

Естественно, проигрывающий всегда чувствует себя несколько неловко. Бен не хотел давать возможности старому приятелю позлорадствовать и попытался опередить его:

— Эй, Рой, не важно, сколько мы проигрываем...

— Да плевать на игру. Все равно мы уже выиграли. Я просто пришел, чтобы сказать, какой я счастливый. Посмотри на эту фотографию, — он протянул ультразвуковой снимок своего восьмимесячного с момента зачатия очередного наследника.

— Что это такое?

— Мальчик! — с гордостью ответил Рой и указал пальцем в место на снимке.

Тут он, хитровато прищурившись, достал что-то из кармана и быстро проговорил:

— Это тебе, открывай, открывай рот.

Растерянный Бен обнаружил у себя в зубах соску, что в Сент-Луисе издавно обозначало следующее: аист собирается принести в семью пополнение.

Стадион радостно загудел, и Рой с удовлетворением заметил:

— Еще одно очко! Молодец, Генри.

Последние слова относились уже к одному из воспитанников.

* * *

Мистер Хилли мужественно переносил свалившиеся на него неприятности. Он твердо знал: единственное, чем можно изменить ситуацию, — это убедить супругу усыновить ребенка. Разговоры на эту тему теперь он не начинал просто так, ожидал подходящего момента.

По выходным дням Бен и Флу почти всегда оставались дома. Спали допоздна, смотрели телевизор, готовили обед, а чаще — просто скучали. С некоторых пор Флу подолгу просиживала у окна, с нескрываемым интересом наблюдая за жизнью соседей. Это заполняло пустоту. Бен решил как-нибудь использовать эту новую привычку своей любимой.

Однажды он сам обратил внимание жены на то, что происходило на улице:

— Смотри-ка, Эра, Салли... и их маленький Джим прошли. Наверное, у них там день рождения. Ой, посмотри, как она одета!

Любопытная Флу выглянула в окно и охотно поддержала разговор:

— Ой, я везде такие туфли искала.

— Мне интересно, почему нас не пригласили?

После этого вопроса жена не сдержалась и со злостью объяснила недогадливому мужу:

— Потому что нас не пригласили ни к Керсакам, ни к Пурксам. Тебя не приглашают на дни рождения детей, потому что у тебя нет детей. Быть родителем — это власть!

Бен был рад такому повороту. Строптивая жена сама затронула больной вопрос. Он, как бы в продолжение ее мыслей, заметил:

— Но послушай, для того, чтобы быть родителями, нужны мама, папа и ребенок.

Миссис Флоренс уже поняла свою ошибку и энергично остановила мужа:

— Да! Только ребенка никакого не будет. Будем только мы с тобой. Навсегда!

— Слушай, почему мы не можем усыновить ребенка? — снова не сдержался Бен.

— Мы это уже обсуждали.

— Но ведь у нас столько любви, которую мы можем кому-нибудь подарить. Чего тратить любовь на этих дурацких кошек?

В последнее время в доме Хилли появились еще две кошки, роскошные, дорогие. Флу тщательно ухаживала за своими питомицами — мыла, кормила — и почти не расставалась с ними. Ее задели слова мужа, и она стала защищать своих любимиц, при этом ласково поглаживая одну из них:

— Они не дурацкие.

— Здрасте, здрасте... — Бен заранее продумал аргумент: — Давай посмотрим на это с другой стороны. Всем матерям приходится смириться с тем, что дает им природа. А мы можем сами выбрать себе ребенка. Как в магазине.

— Как в магазине?

— Да.

— Но соседи... Никогда не поймешь, что они скажут.

— Соседи? Что они скажут? — супруг на мгновение растерялся. — Они скажут: «Посмотрите, вот Бен и Флу Хилли идут опять на день рождения со своим сыном. Какой милый ребенок! А посмотрите, как замечательно выглядит Флу в новом платье». А потом они скажут: «Давайте пригласим Хилли к себе на ужин».

— Отлично, Бен, ужин! Хорошо, пойдем заведем себе ребенка.

Бен ликовал. Теперь не он, а жена требовала поскорее обратиться в приют.

* * *

Педагогические приемы, используемые в приюте, были самыми различными. Особой популярностью у детей пользовалась пятиминутная пауза на уроках, во время которой нужно было писать письма. Большинство воспитанников вообще не знали никаких своих родственников, поэтому избирали какого-нибудь кумира и

именно с ним вели переписку. Найти достойный адресат помогали телевизоры и газеты. Слава Богу, их было достаточно. У самых примерных воспитанников, награжденных отдельными комнатами, были даже личные телевизоры.

Кому писали дети? Естественно, людям влиятельным и добрым, тем, на кого хотели стать похожими в будущем. Сью Хиттон, девочка хрупкая, с мягкими косичками и мечтательными глазами, например, так начинала свое послание: «Дорогая королева Элизабет! Как там в Англии? Наверное, хорошо быть королевой...» Она писала в туманный Альбион не в первый раз, но ответа все еще не получила. Девочка была уверена, что королева читает письма, но просто не находит времени ответить.

Дилли Фостер, мальчик на удивление спокойный, немного прихрамывающий на правую ножку, несколько лет вел активную переписку с духовным лицом. На тетрадном листке в клеточку он старательно выводил: «Дорогой епископ Душо, как поживаете? Со мной все в порядке...»

Самым примечательным во всей процедуре было то, что никто не читал детских писем. Директор приюта справедливо считал, что надо же воспитанникам дать возможность хоть где-то никого и ничего не бояться. Этот эффективный воспитательный прием мистер Дибати нашел в серьезном научно-педагогическом журнале и очень гордился своими нововведением.

Благодаря предоставленной свободе Джуниор сочинил письмо, которое выглядело следующим образом: «Дорогой убийца в бабочке, как ты там в тюрьме? Опять на первой странице газеты опубликовали хорошую фотографию, на которой — ты. Я ее прикрепил к своей коллекции. Я все еще ношу галстук-бабочку, чтобы быть похожим на тебя. Да, кстати, у меня хорошие новости: я скоро выхожу. Здорово, правда?» Внизу стояла аккуратная подпись: «Твой самый главный фанат Дж. Р.».

Джуниор был в полной уверенности, что письмо доходит до адресата, так как получил не один ответ. «Дорогой убийца» в редких посланиях выражал свои дружеские чувства и мечтал о том, что они устроят, когда оба окажутся на свободе.

* * *

Красавчик в бабочке, он же Бабочка, он же Мартин Корсак, чувствовал себя в тюрьме великолепно. Временами, когда он оказывался на свободе, неуважение и неподчинение окружающих очень быстро начинало надоедать. Тогда Бабочка привлекал внимание общественности к своей персоне, совершая очередное ограбление, убийство или ограбление с убийством. Особенно ему нравились судебные процессы. Корреспонденты, телевидение, судьи... Он становился в центре всеобщего внимания. Мог беспрепятственно выражать им свое презрение, смеяться над их глупостью и упиваться своими собственными достоинствами.

Погуляв таким образом на свободе, Бабочка возвращался домой — в тюрьму. Все тюрьмы штата Луизиана давно стали для Мартина Корсака родными. Здесь он чувствовал себя прекрасно. Хорошее питание, масса развлечений, разнообразие в сексуальной жизни и, конечно же, всеобщее почитание — это было по душе Бабочке да к тому же стало привычкой. А привычка, как известно, вторая натура.

Когда-то, в годы своей юности, Бабочка, как и остальные заключенные, упорно работал над совершенствованием своей личности. Он осваивал мельчайшие подробности карточного шулерства, брал уроки блатного жаргона, изучал приемы борьбы всех видов и, как это принято во всем штате, усиленно накачивал мышцы. Учеба не прошла даром. Многочисленные побеги и прославленные дела Бабочки лучше всего свидетельствовали об этом.

Он был первым лицом в штате. Иногда Мартин Корсак даже подумывал, не пойти ли на заслуженный отдых. Но неуемная жажда деятельности вносила свои

коррективы. Новые подвиги только увеличивали его славу.

Уже около года красавчик с бабочкой отбывал срок в Шривпортовской тюрьме, и однообразие понемногу начинало надоедать. Тем более, что в последнее время он активно переписывался с одним корешом, который отбывал свой срок в Сент-Луисе. Бабочка никогда не видел его: тот первым прислал письмо, но Мартину Корсаку пришлись по душе проекты, о которых говорил Дж. Р. Такие мысли, был уверен Бабочка, могли родиться в голове только у классного парня.

Совершая ежедневную прогулку, Бабочка заглянул в спортивный зал, где гремели железом еще не оперившиеся новички. Работали старательно, с энтузиазмом, мечтали накачать мышцы, чтобы иметь вес в блатном мире. Некоторые, правда, подумывали и о том, как в будущем своими формами станут покорять женские сердца.

— Покурить хочу... — лениво проговорил Красавчик.

Через мгновение ему предоставили такой широкий выбор табачных изделий лучших фирм мира, какой не часто можно увидеть в супермаркете. Бабочка взял «Кэмел» и с удовольствием затянулся — сигарета уже дымилась. Счастливый хозяин пачки с пренебрежением посмотрел на остальных: сегодня он оказался проворнее и все будут выполнять его распоряжения.

В этот момент к Бабочке почти строевым шагом подошел сержант охраны с подобострастным выражением лица. Красавчик поиграл сигаретой и приготовился слушать доклад.

— Сэр, извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас, но вам вот письмо пришло, — и сержант протянул конверт.

— Прочитайте мне это, — не обращаясь ни к кому конкретно, повелительным тоном рявкнул Бабочка с такой силой, что эхо загудело под крышей. Он даже сам распечатал конверт.

Иваси, так звали одного из самых шустрых и услужливых заключенных, быстро пробежал глазами по листу из школьной тетради:

— А, это опять от Дж. Р.

— Да, когда-нибудь мы встретимся на свободе. Мы провернем серьезные дела, — мечтательно проговорил босс.

— Хорошие новости. «Я выхожу», — кратко, чтобы не утомлять Бабочку, пересказал содержание письма Иваси.

— Что-то? Он выходит? Они, наверное, спятили. Этот парень, он такой же ненормальный, как и я...

Не совсем вовремя вверху, на металлическом переходе для охраны, появился начальник тюрьмы мистер Джон Старк. Бабочке указали на шефа:

— Смотри, начальник тюрьмы.

Джон Старк убедился, что его появление заметили. Стараясь быть развязным, чтобы не выдать своего страха перед заключенными, он заговорил о Красавчике:

— Так, так... Посмотрите, какой симпатяга наш основной заключенный сегодня в своей бабочке.

Но, видно, не в добрый час появился мистер Старк. В голове у Бабочки проснулись мысли о свободе, о предстоящих подвигах, о совместной увлекательной работе в паре с Дж. Р. Он схватил десятикилограммовую покрытую каучуком гирю и со словами «На, получи!» мощным рывком швырнул ее в шефа заведения. Тот как будто бы даже поймал летящий предмет, но гиря имела такую скорость, что увлекла ожиревшее тело мистера Старка к противоположным перилам, толкнула его еще дальше — и начальник тюрьмы с криком сорвался вниз.

Такого результата не ожидал даже сам Бабочка. Впрочем, шеф заведения отделался многочисленными ушибами и только одним переломом. Это было на руку Красавчику: начнется разбирательство, обследование, а значит, появится больше шансов выбраться на свободу с комфортом. Бабочка любил покидать государственные заведения эффектно. О его побегах уже много лет по всему штату и за его пределами рассказывали истории и даже анекдоты.

* * *

В кабинете у мистера Дибати сидели двое — Бен и Флу. Они только что поведали свою историю директору приюта. азиатское.

Выслушав своих посетителей, Дибати многозначительно заметил:

— Может быть, мы слишком спешим? Пусть природа сама всем займется.

Эти слова всегда одинаково действовали на проситeлей — те становились еще более настойчивыми. Вот и на этот раз мужчина не выдержал и возбужденно запротестовал:

— Природа? К черту природу! Пусть теперь в дело вступит коммерция.

— Ну ладно, посмотрим, что я могу для вас сделать, — и после непродолжительной паузы мистер Дибати добавил: — Вы хотите ребенка, да?

Посетители дружно кивнули головами и как-то виновато переглянулись.

— Я запишу вас на очередь. Вам придется подождать лет семь.

Эти слова директора тоже имели всегда одинаковый результат.

— Семь лет?!

— Да, минимум, — тут мистер Дибати сделал виноватое лицо и активно стал опровергать свои же собственные слова: — А, нет-нет-нет. Я ничего не сказал. Ни слова не сказал, ничего не сказал. Подождите, подождите...

— А что же вы скажете, что?

— Ну и нетерпеливые сегодня у меня гости. Но вы знаете, вы мне понравились оба. Убейте меня, вы мне понравились. А если мне кто-нибудь нравится, я хочу помочь ему. В этом моя слабость: я помогаю людям, которые мне нравятся. Как раз сегодня утром мне попалось на глаза дело одного семилетнего мальчика. Он, конечно, пройдоха, все они такие в этом возрасте. Да, у меня тут его фотография есть.

Директор показал будущим родителям фотографию

их будущего сына. С нее смотрел улыбающийся симпатичный мальчик.

— Он такой солидный в этой бабочке, — проговорила миссис Флоренс, еще не решив, как отнестись к предложению директора приюта.

— Просто замечательный ребенок, — более уверенно отреагировал супруг.

— Ну не знаю, семилетний... Великоват. Я хочу, чтобы думали, что у меня свой ребенок.

Директор сразу же взялся разубеждать миссис Флоренс:

— О, вы знаете, многие женщины так считают. Вам хочется иметь маленького ребенка, а он будет плакать по ночам, вам придется бегать по лестнице, менять ему вонючие пеленки. И вы знаете, столько забот! Вы похудеете.

Слова опытного в подобных делах мистера Дибати попали точно в цель.

— Что, пеленки? — сомнения начали одолевать будущую маму.

— Тебе же нравится вставать поздно, он тебя будет по утрам будить. А мы можем перепрыгнуть через все это и перейти сразу к хорошему, ну, например, к дням рождения и еще... — мистеру Хилли почему-то не приходили в голову другие аргументы, и он пролепетал что-то невнятное, глазами призывая на помощь мистера Дибати.

Однако Флу больше не нужно было убеждать. Ее фантазии значительно обогнали мысли мужчин. Она быстро осваивалась с преимуществами роли мамы школьника:

— Да, я бы в сентябре могла стать президентом учительско-родительской ассоциации.

Даже директора приюта — не новичка в подобных ситуациях — приятно удивило замечание посетительницы. Тем временем и Бен нашел еще одну хорошую сторону:

— Да, да, он бы с нами в бейсбол смог играть.

— Бейсбол? Вот здорово!

— С ума сойти!

Дибати уже предчувствовал успех и, как мальчишка, радовался возможности хоть на несколько дней, а то и недель избавиться от наглеца Джуниора, о котором шел разговор.

Миссис Флоренс, улыбаясь, добавила:

— И с нашими кошками будет играть.

— Джуниор обожает кошек, — с готовностью заверил директор.

Уловив настроение жены, Маленький Бен торжественно объявил о решении:

— Мистер Дибати, вы получили вашу сделку.

— А вы получили своего ребенка.

* * *

На крыльцо приюта вышли все его обитатели — и дети, и взрослые. До ворот Джуниор шел в сопровождении огромной по сравнению с ним сестры Литл. Она с торжественным видом несла в левой руке чемодан. Обе стороны — и отправители, и получатели, супруги Хилли, — замерли в волнительном ожидании. Огромные чугунные ворота скрипнули, и мальчик, уже обремененный поклажей, вышел за территорию приюта и направился к стоящим возле машины приемным родителям.

— Вот он идет, наш сын. С ума сойти! — выговорил наконец Бен, не поворачивая головы к жене.

— Ты посмотри, это наш мальчик. Очень красивый, все соседи будут завидовать.

Фразы произносились достаточно громко, чтобы и ребенок мог их услышать и понять теплые чувства его новых папы и мамы. В ответ Джуниор, как бы обращаясь к самому себе, но уверенным и звонким голосом заметил, имея в вид пятнистый костюм своей будущей мамы:

— Они похожи на чету ягуаров.

— Привет! Я прямо расплачусь сейчас.

Малыш ответил не сразу. Он поставил чемодан на землю, поднял свои живые глаза на взрослых и несколько мгновений внимательно рассматривал их, особенно тщательно изучая костюм Маленького Бена.

— Привет, малыш! Меня зовут Бен, а это — Флу.

— Привет, дружище! Здрасте! Меня зовут Джуниор, — мальчик быстро взглянул на Флу и снова обратился к будущему папе: — Мой любимый цвет голубой, а твой?

— Голубой! Мой любимый цвет — тоже голубой. Да он замечательный! Ну иди сюда!

С этими словами Бен взял малыша на руки, подхватил чемодан и попрощался со стоящими за оградой монахинями:

— Спасибо, сестры! До свидания!

— До свидания, дети! — проговорила жена.

Все трое направились к машине. Джуниор обнял за шею пока еще не знакомого человека. На мгновение мальчиком овладело какое-то странное чувство: давно никто вот так не брал его на руки. Он посмотрел на застывших сзади сестер-воспитательниц и детей и громко прокричал:

— Пока, все!

Больше Джуниор не оглядывался, даже когда тишина вдруг взорвалась счастливыми криками женщин в черных сутанах, которые, позабыв о своем солидном положении, подняв руки к небу, радостно запрыгали в каком-то языческом танце.

Дети из «Трех сестер» тоже подняли ужасный гам, значение которого понять было невозможно. Из окон четвертого этажа здания приюта полетели вниз тысячи листов бумаги и горшки с цветами. Это единомышленники прощались с Джуниором.

Новые родители, недоумевая, оглянулись.

— Он, наверное, у них там предводителем был. Посмотри, все его проводить вышли.

* * *

В машине даже Джуниор чувствовал себя как-то не-

ловко, всем стало значительно легче, когда наконец-то добрались до дому.

— Ну вот и приехали. Здорово, правда? — еще волнуясь, проговорил Бен и радостно скомандовал: — Все выходите из машины!

Мистер Хилли побежал вперед, держа в руках видеокамеру. Флу и Джуниор остановились в замешательстве: они не знали, как себя вести. Новый папа снова взял инициативу в свои руки:

— Эй, как все здорово будет! Ну, хорошо, теперь идите к дому. Это первый день Джуниора в нашем доме. Джуниор, ставь чемодан вот здесь. Дорогая, обними его, улыбнитесь пошире, улыбайтесь, скажите «Чи-из».

Флу и Джуниор послушно выполняли команды.

— Здорово, просто здорово!

Мистер Хилли закончил съемку, взял мальчика за руку и повел его к дому. Джуниор вдруг поднял голову и, глядя прямо в глаза Бену, спросил:

— А почему вы решили меня усыновить? Почему у вас нет своего собственного ребенка?

— Н-ну, ты понимаешь, с детьми никогда не знаешь, что получишь, а с тобой никаких сюрпризов не будет, — дальше Маленький Бен продолжал уже более уверенно: — Мистер Дибати рассказал нам, какой ты замечательный ребенок. Правда?

— Да-да...

— Он сказал нам, что ты был самым популярным воспитанником в течение двух лет.

— Ну и умным оказался этот Дибати!

Вошли в помещение. Джуниор за разговором не успел хорошенько рассмотреть снаружи свое новое жилище. Изнутри прихожая оказалась действительно большой:

— Ой, ну и домище!

— Мы будем держать его в порядке и чистоте, правда? — входила в роль строгой мамы миссис Хилли.

Новые родители сделали вид, что занялись делами, и дали возможность малышу освоиться с обстановкой. Джуниор с удовольствием пока только глазами иссле-

довал хоромы. Тут было к чему приложить руки. Но надо поторапливаться: кто знает, сколько надолго ли удастся ему здесь задержаться. Он чувствовал себя вполне уверенно, потому что заметил откровенную заинтересованность четы Хилли в своем присутствии. Закончив первоначальный осмотр, малыш многозначительно проронил:

— Надеюсь, ребята, вы здесь все застраховали?

Ответа на этот странный вопрос не последовало.

Тем временем малыш обратил внимание на сидящее на полочке полосатое животное, которое с нескрываемыми любопытством и тревогой рассматривало незнакомца.

— О, и кошка у вас есть! Кис-кис-кис...

Мальчик опытным движением схватил зверя за загривок и уже собирался проверить, насколько хорошо тот летает, но миссис Флоренс успела опередить малыша:

— Нет-нет, Джуниор, ты будь подобрее с ней. Ее гладить только вот так можно.

Малыш с виноватой улыбкой повторил движения хозяйки, чем явно ее успокоил.

Подошедший мистер Хилли, непонятно кого имея в виду, сказал:

— Никогда еще раньше такого не видел: вы так быстро нашли общий язык.

На кухне Бен показал приемному сыну клетку с огромным красавцем попугаем и постучал по решетке. Джуниор никогда раньше вблизи не видел таких крупных экземпляров и в душе очень обрадовался: ему наверняка разрешат играть с этой птицей.

— Давай, иди познакомься с Поли. Поли, скажи «Здравствуй!» Джуниору.

— Здр-р-расте! Здр-р-расте!

— Это что, единственное слово, которое он знает? — с деланным равнодушием спросил мальчик, а про себя решил обязательно заняться этой проблемой позже.

Вкусные запахи на кухне пришлись ему по душе. Джуниор подумал, что, в отличие от приюта, проблема

еды и дисциплины здесь решается, видимо, по-другому, это выяснится обязательно уже сегодня.

Бен прервал мысли новосела и любезно предложил осмотреть дом.

— А у меня будет отдельная кровать? — снова съехидничал Джуниор, стараясь на всякий случай вызвать у взрослых жалость.

— Кровать? Ты что? Тебе повезло? У тебя будет своя комната. Надеюсь, ты любишь клоунов?

Пока все поднимались на второй этаж, где и располагалась обещанная детская, малыш представлял себе, что теперь у него, как и у лучших воспитанников приюта, будет свой телевизор, свой шкаф и, возможно, даже свой телефон.

То, что открылось взору Джуниора, никак не совпадало с его представлениями о собственном жилище. Как только все вошли в комнату, сработал тумблер, и множество разукрашенных болванов запрыгало, закрутилось, закачалось и завертелось. При этом из них вылетали пронзительные и отвратительные звуки, слабо напоминающие смех и визжание.

— Господи, Боже мой! Да они же слабоумные.

Казалось, никто не расслышал слов Джуниора.

— Ну, что скажешь?

— Ну-у, — протянул мальчик и, разумно сдерживая свои эмоции, ответил: — Здесь действительно много клоунов.

Малышу не пришлось изощряться дальше — внизу мелодично замурлыкал звонок.

— Это, наверное, твой новый дедушка, Джуниор. Ты оставайся здесь, а мы приготовим ему большой сюрприз.

Дверь в детскую закрыли, и малыш остался один. Творящиеся вокруг безобразия нужно было немедленно прекратить. В первой полке комода Джуниор нашел ножницы — план действий уже созрел.

В это время взволнованные Бен и Флу встречали внизу Большого Бена.

— Здравствуй, папа, я так рад тебя видеть! — сын

не притворялся — личные обиды затмились важностью происходящего.

Большой Бен по-хозяйски ввалился в прихожую и загремел своим волевым голосом:

— Что это за большой сюрприз, ради которого вы заставили меня сюда приехать?

— Ну, папа, вот смотри... — Бен не решился напрямую сообщить отцу новость и многозначительно показал ему соску, подарок Роя.

Большой Бен моментально сообразил, о чем идет речь, и искренне обрадовался:

— Слава Богу, наконец-то! Это кстати, у меня сейчас предвыборная кампания началась. А я смотрю, чего это ты потолстела, — последние слова относились уже к Флу, которая сделала удивленное лицо.

— Потолстела?!

Теперь дед уже ничего не понимал. Маленький Бен поспешил внести ясность:

— Нет-нет, папа, у Флоренс не будет ребенка.

— Ты наконец-то последовал моему совету и нашел такую, которая знает, что делать с твоей спермой?.. Да, ты мне вот что скажи: ты впрыснул ее или трахнул запросто, по-старому?

— Да нет же, папа, мы усыновили ребенка.

— Ты что, спятил, что ли?

— А я думал, ты обрадуешься.

Большой Бен стал решительно подниматься по лестнице.

— Пойдем! Обрадуюсь. Да ты что, идиот? Мало ли какая кровь у него в жилах течет, мало ли кем была его мать. А может, у него отец был... Может, он демократом был?!

— Да брось ты, папа, очень хороший ребенок. Как только ты его увидишь, ты полюбишь его, как своего собственного, — Маленький Бен сам удивлялся, какую чепуху он нес: как относился его папочка к детям, ему пришлось испытать на собственной шкуре.

Между тем родители и дед подошли к двери той комнаты, где сейчас находился объект семейного спора. Маленький Бен, все еще надеясь изменить настроение

Большого, остановился и измененным голосом торжественно отрекомендовал:

— Ну что ж, разрешите представить: новый член семьи Хилли — Джуниор.

Он открыл дверь, и на мгновение все трое застыли с разинутыми ртами: в коридор сразу же устремился желтый едкий дым, стеной стоявший в комнате. Флу заойкала, а когда разглядела тлеющую мебель, с ужасом закричала:

— Да эта кровать тысячу долларов стоила!

Бен искал глазами ребенка и не находил.

— Джуниор, где ты?

Наконец он заметил мальчика. Тот залез на подоконник и высунул голову в открытую форточку. Дед, как опытный политик, мгновенно проанализировал ситуацию и сделал весьма обоснованный вывод:

— Господи Боже мой, да это черт!

Нового папу волновало совершенно другое.

— С тобой все в порядке? — спросил он у Джуниора.

— Да, только немного продымился.

Под ногами валялся обугленный трансформатор. Мистер Хилли младший взял его в руки.

— А, вот в чем дело. Клоуна, наверное, коротнуло.

— Да, у него из носа вдруг такие искры посыпались... Я так перепугался.

Большой Бен не переставал удивляться наивности своего родного сына:

— Неужели ты не видишь: маленький засранец врет?

— Папа, папа, — пытался остановить Маленький Бен отца.

— Надеюсь, вы еще ничего не подписывали. Отдайте его назад.

— Да ты что? Он же тебя слышит. Ты его обижаешь. Это был просто несчастный случай.

— Несчастный случай?! — Большому Бену не хватало воздуха от переполнявшей его почти беспричинной ненависти. — Так я и поверил! Избавьтесь от него.

— Мы уже приняли решение, — на удивление твердо ответил мистер Хилли младший.

Папаша не ожидал проявления характера у сына и обиженно процедил сквозь зубы:

— Ладно. Но я в последний раз пришел в этот дом.

Лучше бы старый хитрец поглядывал за тем, о ком шел спор, а не делал скоропалительных зароков: кто может знать, какие сюрпризы принесет насмешница-судьба.

А вот малыш, обиженный тем, что, скандаля, взрослые совсем забыли о нем, решил защищаться. Джуниор всегда был в состоянии отстоять свое достоинство, а помочь слабым союзникам для него — дело чести. Лучшая защита, вне сомнения, это нападение. Малыш поводил глазами вокруг, изыскивая средство для ведения борьбы. Взгляд остановился на полосатом звере, который, ошарашенный всем происходившим сегодня в доме, замер и даже забыл опустить хвост.

Через мгновение кошку подхватили маленькие, но крепкие руки, а еще через мгновение она летела, выставив вперед растопыренные лапы, чтобы не задеть отца своего хозяина. К тому же, дальше была лестница. Одним словом, полосатое животное приземлилось на грудь Большого Бена, изо всех сил стараясь уцепиться хоть за что-нибудь когтями. От неожиданности тот отпрянул, завопил от боли, сделал шаг назад — и покатился, кувыркаясь, по ступенькам узковатой лестницы.

Результат приятно удивил Джуниора и он победно захохотал. Приемные родители бросились помогать стонавшему внизу дедушке.

Через пять минут примчалась скорая помощь, и люди в белых халатах, искоса поглядывая на малыша, забинтовывали пострадавшего. Виновник вдруг пожалел о содеянном. В конце концов, он ведь уже не в приюте, где, несомненно, человек человеку волк, а почти дома. И с ним как бы его родители, а пострадал как бы его дедушка. Да и стоило ли начинать знакомство с таких крутых мер? Так можно уже завтра опять угодить в приют. А ведь он не научил попугая нужным словам.

Когда санитары, торопясь, выносили забинтованного с ног до головы Большого Бена из помещения, тот ослабевшим голосом причитал:

— Избавьтесь от этого ребенка, избавьтесь от него.

Скорая помощь уехала так же быстро, как и приехала. Растерянные супруги проводили глазами машину. По стриженому зеленому газону, как-то странно изгибаясь и подтягивая забинтованные задние лапки, пробиралось полосатое животное. Флу дрожащим голосом проговорила:

— Бедная кошечка, она уже никогда не будет такой, как раньше.

Слова жены вывели мистера Хилли из задумчивого оцепенения.

— Ты что, серьезно, что ли? Единственное, о чем ты можешь в этот момент, думать, — это о своей дурацкой кошке. Интересно, моего отца отвезли в больницу, Джуниор чуть было не задохнулся от дыма. Подумай о бедном мальчике, он так ужасно себя чувствует.

Многолетняя гармония семьи Хилли явно оказалась поставленной под угрозу.

Джуниор чрез открытую дверь слышал все, что происходило на улице, и подумал, что приемный отец прав, но удачная находка даст возможность почувствовать себя гораздо лучше. Дело в том, что случайно заглянув под лестницу, малыш обнаружил там бумажник, который, без сомнения, принадлежал пострадавшему. Об этом красноречиво свидетельствовали фотография и две большие буквы «ББ» под ней. Денег оказалось не очень много, мальчик чуть-чуть не досчитал до ста. Однако это был достаточный капитал.

Малыш отлично помнил, что во всех фильмах супермены хранили деньги в ящиках письменных столов или секретеров. Джуниор быстро поднялся в свою комнату, где уже почти не было дыма, и небрежным жестом забросил трофей в один из ящиков.

Пустой кошелек был возвращен на прежнее место, под лестницу.

* * *

Вечером в доме Хилли господствовала тревожная тишина. После крупной ссоры из-за Джуниора миссис Флоренс умчалась на машине в неизвестном направлении. За долгие годы совместной жизни это было только третий аналогичный случай. Супруг был уверен, что Флу отправилась к своему папочке-пастору и не позднее, чем завтра вечером непременно вернется домой. Прежде подобная выходка жены причинила бы ему много душевных страданий, этим же вечером мистер Хилли искал решения совершенно иных проблем.

Усталый, развалившийся на мягком диване, он методично перелистывал огромную книгу под названием «Супер-папа» в надежде найти ответы на мучившие его вопросы. Как вести себя с ребенком, чтобы завоевать его доверие? Стоит ли наказывать шалуна за содеянное? Чем вызвано такое поведение Джуниора: условиями его прежней жизни или наследственными характеристиками? И еще множество непростых вопросов терзали его.

Бен оторвался от своих раздумий. В доме было непривычно тихо. Начинающий папа решил посмотреть, чем занимается его воспитанник. Может быть, уже спит? Мистер Хилли осторожно, на цыпочках, поднялся на второй этаж, но в детской никого не оказалось. Через приоткрытую дверь в спальню жены Бен увидел Джуниора, который увлеченно шарил по полкам.

— Эй, что ты делаешь?

— Ничего, — малыш испугался: как это он не услышал приближающихся шагов. За такое занятие по головке не погладят — в этом Джуниор был абсолютно уверен.

Мистер Хилли уловил испуг в голосе подопечного и, давая шанс нарушителю оправдаться, более мягко поинтересовался:

— Так что тебе здесь нужно?

— Я вот просто бумагу искал, хотел порисовать немного, — малыш быстро нашелся и был благодарен за предоставленную возможность.

— Ну что ж, желание твое, Джуниор, хорошее, но ты бы мог обратиться ко мне. А это личные ящики

мамы, и сюда залезать никому нельзя. Она здесь хранит свою вышивку.

Бен заглянул в открытый ящик, и то, что он там увидел, поразило его, как удар тока. С качественных цветных фотографий в аккуратных деревянных рамочках на него смотрели обнаженные накачанные представители сильного пола, мужественные, с мощными подбородками и сверкающими глазами. Рамочки с фотографиями были объединены в специальную кассету и тщательно замаскированы. Без помощи Джуниора Бен, возможно, никогда бы не узнал о существовании тайника.

Теперь уже малыш помогал выпутываться мистеру Хилли из затруднительной ситуации. Заметив растерянность взрослого, Джуниор продолжил разговор, как будто ничего не произошло, только несколько изменил прежнюю тему:

— Ой, извините, мистер Хилли. Мне было страшно быть одному в комнате.

— Ну да, конечно. Я понимаю, тебе было страшно, ведь это твоя первая ночь на новом месте. Надо привыкнуть, — окончательно оправившись от смущения, вызванного увиденным в ящике комода, Бен продолжал: — Знаешь, Джуниор, надо признаться, я тоже боюсь, потому что это моя первая ночь в роли папы.

Собеседники были квиты, а стена непонимания между ними получила несколько пробоин.

— Сейчас поняли? — вдруг спросил малыш.

— Что понял?

— Поняли, что значит быть папой, и теперь от меня обязательно избавитесь.

Бена вдруг захлестнула волна непередаваемой нежности:

— От тебя избавлюсь, Джуниор?! Да нет же, что ты! Мы от тебя никогда не избавимся, ты с нами навсегда, — дальше мистер Хилли заговорил уже только от своего имени. — Мы вдвоем, мы будем делать все вместе. Кататься на машине, на велосипеде, рыбачить. Я действительно хочу быть хорошим отцом, я буду отличным отцом. Знаешь, почему? Потому что я никогда не буду

слишком занят, чтобы сесть рядом с сыном и спросить его, что у него на уме.

Пока рекомендации из просмотренной книги «Суперпапа» были только обещаниями, но мистер Хилли сам верил, что сделает то, о чем говорил.

Заснул Джуниор с новыми, не оформившимися до конца мыслями в голове. Похоже, что этот Бен относится к нему по-другому, не так, как все остальные.

* * *

— Эй, соня! Ну что, готов ехать за город?

Малыш за несколько дней, проведенных в семье Хилли, привык вставать без сигнала боевого горна, которым будили воспитанников приюта. Голос отца напомнил Джуниору, что он сегодня утром забыл выполнить свое же недавнее обещание стать наконец-то прилежным мальчиком. Еще вчера думалось: он никогда не скажет мистеру Хилли, что будет послушным и аккуратным, но тот сам увидит, как чисто убрано в комнате, как блестят почищенные зубы и вымытые уши его приемного сына. Осмотрев привычный бардак в своей комнате, малыш решил отложить перевоспитание и устроить сюрприз отцу вечером, когда тот вернется из загородной поездки. Приедет папа и удивится: все чисто, убрано...

— Я, честно говоря, хотел остаться и посмотреть мультфильмы.

— Ну, не будь таким занудой, — Маленький Бен решительно отказывался понимать своего приемного сына. — Когда я был в твоем возрасте, мой отец, твой дедушка, всегда был слишком занят, чтобы взять меня с собой за город, а тебе повезло...

Бен погладил вихрастую голову малыша и стал помогать ему собирать рюкзачок. С улицы в этот момент донесся призыв миссис Флоренс:

— Бен, веди его сюда!

Мистер Хилли развел руками: извини, брат, ничего не попишешь.

— Пойдем, Джуниор.

У ворот их участка стояли «линкольн», мама, очень нарядная тетя и серьезная девочка лет шести. Увидев своих вышедших из дома мужчин, Флоренс замахала рукой:

— Подойди сюда, Джуниор. Бен, тебя это тоже касается. Вот миссис Хендерсон и ее дочка Люси. Они узнали о том, что произошло с твоим отцом, и приехали выразить свои соболезнования.

Очень нарядная дама закивала, подтверждая слова миссис Флоренс. Она протянула Бену Хилли объемистый пакет:

— Какой ужас! Мы слышали о вашем несчастье и вот — приготовили для вас пирог.

— Спасибо, — не сказать, чтобы Маленький Бен был растроган такой заботой о здоровье его папаши. Он поставил пирог на почтовый ящик и положил руку на плечо малыша: — Вот, познакомьтесь с моим сыном, Джуниором.

Мальчику очень нарядная тетя понравилась: изящная, хрупкая, с добрым блеском в серых умных глазах. Он протянул ей свою руку:

— Очень рад познакомиться с леди.

— О, настоящий маленький джентльмен. Правда, Люси? — видно было, что миссис Хендерсен пришелся по душе живой смышленый мальчуган. Но ее дочка почувствовала явную угрозу своим куклам, исходящую от крепыша в элегантном голубом костюмчике. Она спрятала руки за спину и пробормотала:

— Он такой здоровый. Вчера у них вообще никакого ребенка не было, а теперь у них семилетний ребенок. Такого не бывает. Я не хочу, чтобы он ко мне на день рождения приходил, — и малышка притопнула ногой.

— Люси... — миссис Хендерсен покачала головой, но на дочку это не произвело впечатления.

— Да ну, ты посмотри. Он одевается, как дядя Лео...

Миссис Хендерсон легонько дернула не в меру разошедшуюся дочку за руку. Извиняющимся голосом, в котором проскальзывали решительные нотки, она объявила:

— Люси на этой неделе исполняется шесть лет. Но я думаю, вряд ли у нас в этом году будут клоуны и воздушные шары. И мороженого не будет...

Мисс Люси Хендерсон хорошо знала свою маму. Поэтому она поджала с обидой губки, но как можно более приветливо обратилась к Джуниору:

— У меня в субботу день рождения. Я бы хотела, чтобы ты пришел.

Этим приглашением Люси гарантировала себе веселый праздник в субботу. Исполнив дипломатическую миссию, она посчитала себя вправе выказать свое истинное отношение к происходящему. Девочка с независимым видом отвернулась, втайне представляя, как сконфуженно должен стоять сзади нахал в голубом костюме с бабочкой. Жаль, что такой заряд ледяного презрения не достиг цели: Джуниор еще раньше потерял всякий интерес к происходящему, разглядывая блестящий автомобиль, застывший у калитки. Таким образом, прощание детишек можно было бы назвать весьма прохладным.

Взрослые тоже стали раскланиваться:

— Ну что ж, увидимся в субботу, в два часа. Прошу не опаздывать.

— Спасибо, спасибо. Мы придем.

— Ладно, Люси, поехали, — и Хендерсоны направились к выходу.

Флоренс провожала их до самой калитки, приговаривая:

— Спасибо за пирог! Большое спасибо!

Миссис Хилли еще минуту постояла у калитки, провожая взглядом исчезнувший за поворотом «линкольн», потом радостно, вприпрыжку, подлетела к своим мужчинам:

— Здорово! Нас наконец приняли в этот круг. Молодец, Бен!

— Спасибо, Флу. Вот видишь, все мечты сбываются, и мы сейчас поедем с сыном за город.

— Нет, может, ты и поедешь. А я пойду и куплю себе новое платье для дня рождения. Дай мне денег. И отдай, пожалуйста, ключи от машины.

— Ты что, Флу? С нами не поедешь? Но как же...

— Конечно, нет. Давай деньги и ключи.

С грустью осмотрев опустошенный женой кошелек, Бен вздохнул. Хорошо, хоть машину Флоренс после недолгого препирательства оставила ему, заявив, что в таком случае закажет платье на дом. Дополнительные расходы жены пришлось утвердить. Иначе поездка на природу могла сорваться, а деньги за городом все равно не нужны — у них с Джуниором все приготовлено заранее. Бен Хилли подумал, что у малыша могут появиться какие-то мелкие желания. Поэтому он решил, что оставшиеся деньги лучше отдать ему, а самому обойтись без обычной баночки пива.

— Джуниор! Тут мне в голову одна мысль пришла. Ты знаешь, а почему бы моему сыну не иметь собственных карманных денег. Ну, что ты на это скажешь?

— Отлично!

— Вот, бери, — и тут вышла маленькая заминка. Оказывается, Флоренс обчистила своего мужа капитально, только одну банкноту оставила и ту, скорее всего, просто не заметила. Чтобы замять конфуз, Бен нравоучительно протянул, передавая всю сумму сыну: — Это даст тебе возможность научиться обращаться с деньгами.

— Доллар?

Малыш взял купюру, ибо не в его правилах было отталкивать руку дающего. Но недоумение Джуниора было вполне оправдано:

— Это интересно, как можно обращаться с одним долларом?

Упрятав купюру во внутренний карман пиджака и еще раз ощутив приятную теплоту пестрой бабочки, спрятанной на этот раз туда же, малыш уверенно направился к дому.

— Ну ладно, ты чего? И так опаздываем...

— Ну, не надо, — схитрил Джуниор и, увидев, как отец кивнул головой, опрометью бросился в детскую. Представлялась хорошая возможность потратить доллары Большого Бена, а он чуть не поехал на пикник без денег.

Машина завелась сразу и мягко пошла по накатанному шоссе, вливаясь в поток спешащих куда-то автомобилей. Их владельцы ехали по своим делам в разные концы Сент-Луиса и штата Луизиана, а Джуниор с папой ехали в заповедник «Медвежий угол», ехали отдыхать на природу.

При въезде в заповедник внимание малыша привлек рекламный плакат, изображающий огромного бурого медведя, привставшего на задних лапах и приветствующего посетивших его царство автолюбителей. Джуниор заинтересованно рассмотрел изображение, скептически отнесясь к предупреждающей яркой надписи «Осторожно, опасные хищники!».

— Ух ты! Класс! Медведи!

— Ну, не беспокойся. Медведи здесь теперь такая редкость, вряд ли ты их увидишь. Лучше не проморгай указатели. Наши друзья заняли для нас площадку номер 32.

Гордый оказанный доверием, Джуниор закрутил головой и вскоре завопил, толкая отца в бок:

—- Давай туда! Вот он, номер 32.

Бен Хилли остановил машину на площадке. Они с Флоренс всегда выбирали 32 номер. Обычно тут было довольно уютно, но в этот раз вокруг было непривычно много пустых бутылок, банок из-под колы и пива, фантиков и разноцветных оберток. Возможно, площадки убирают только к уикэндам, но сейчас номер 32 выглядел мрачновато. Джуниор тоже отметил неприглядность картинки:

— Да, хорошенькую площадку специально для тебя заняли твои друзья, мистер Хилли. Вот это называется природа. Небо, деревья, туалеты. Малышня какая-то бегает.

Малышней Джуниор обозвал всю шестерку детей Роя, дружною ватагой шагающих за своим папашей к Миссисипи. Глава семейства шумно приветствовал Маленького Бена и его приемного сына:

— Э, привет! Да вы здесь из-за кустов ничего не увидите. Пошли с нами на речку.

В ответ Бен отрицательно покачал головой. Джуни-

ор, дождавшись, пока шумная стайка разновозрастных ребятишек — от сорока двух до трех лет — исчезла за поворотом, пробормотал:

— Не нравится мне все это.

— Да ну, ты что? — мистер Хилли полной грудью вдохнул свежий воздух, развел руками, потом нагнулся и робко попросил: — Да, кстати, называй меня папой. Мне это нравится.

Джуниор раздумывал полминуты, но ничего не ответил по существу.

— Я хочу вернуться домой, посмотреть телевизор.

— Телевизор! Разве можно сравнить телевизор с этим воздухом, с этими звуками!

Вряд ли мистер Хилли имел в виду звуки кряхтения от напрасно ожидаемого облегчения, которые раздавались из ближайшей уборной, но Джуниору именно они показались наиболее забавными:

— Да, звуки здесь действительно замечательные.

К вечеру настроение Джуниора улучшилось. На природе все-таки здорово! Никому до тебя дела нет. Занимайся, чем хочешь. И доллары можно потратить. Отец разрешил ему сбегать на Миссисипи, попросив вернуться к ужину. Набегавшись, накупавшись, Джуниор проголодался, поэтому, подходя к площадке, он с вожделением поглядывал на огонек костра: «Вот здорово, сейчас будем есть жаркое или шашлыки!» Надежду подкрепляли детские выкрики:

— Эй, ребята, уже почти все готово!

Каково же было негодование Джуниора, когда он разглядел, что в действительности творится у костра. Обманутой надеждой сыт не будешь, а еще говорят: «Соловья баснями не кормят». У огня дети Роя, усевшись в кружок, воображали себя индейцами, распевая идиотские песни. Ни мяса, ни жаркого, ни шашлыка. Не было близ костра и взрослых. Только шестеро ненормальных, которые хоть, слава Богу, вскоре прекратили свою заунывную песню. Вместо этого они начали рассуждать:

— Отлично, отлично! А чем теперь займемся?

— Давайте рассказывать истории, сказки.

Один предложил, а пятеро хлопают, довольные. Нет, надо наставить этих безмозглых на путь истинный, если, конечно, бедняги не безнадежны. Джуниор решительно направился к костру.

— А давайте лес подожжем!

В ответ Джуниор услышал не ответ — диагноз. Этих ребят, явно, уже ничто не спасет:

— Ты что, не знаешь, что это плохо — лес поджигать?

— Да чего там плохого? Подожжем себе и все.

— А я папе расскажу.

— И я папе расскажу.

— И я скажу...

И все шестеро скажут, наябедничают и будут думать, что так и надо.

— Да ну вас, — Джуниор хотел просто отойти от костра, не связываться с малолетками, но за спиной услышал голос:

— Давайте ему бойкот объявим. Просто будем его игнорировать.

Бойкотом запугать малыша было невозможно. Его вообще ничем запугать было нельзя. А ребятишки ему нравились все меньше и меньше. Сусальные какие-то, рождественские. Джуниор резко повернулся к костру и расстегнул ширинку:

— Вот это вот игнорируйте.

И порция мочи, которой с лихвой хватило бы на десяток анализов здорового мальчугана, в несколько мгновений загасила и индейский костер, и желание детей Роя ябедничать своему папе.

Взрослых у костра не было. За несколько минут до появления Джуниора к Бену Хилли подошел Рой и вполголоса предложил:

— Эй, парниша, пойдем-ка отсюда, не будем им мешать.

Оба счастливых отца скрылись в просторной палатке, раскинутой метрах в пятнадцати от костра. Опустив полог, Рой, уже не сбавляя оборотов своего мощного голоса, зарокотал:

— Ну что, как себя чувствуешь? Ведь это твой первый раз — на природе с сыном.

— Слушай, просто мечты сбываются.

— Конечно, я тебе всегда говорил. Раз не можешь своего собственного завести, купи себе ребенка. У нас вот шестеро.

— А у меня один. Но этот один стоит миллиона.

— Послушай, Бен, закрой глаза. У меня для тебя есть два сюрприза. Закрыл? Подожди минуту.

Маленький Бен, послушно закрыв глаза, терпеливо ждал, пока Рой разрешит снова открыть их. Вдруг на своем плече он почувствовал мохнатую тяжелую лапу. Глаза, естественно, сами собой широко открылись — и тут же округлились от ужаса.

Вообразите свои собственные впечатления, когда в полутемной палатке вы открываете глаза и видите обнявшего вас одной лапой здоровенного медведя. При этом учтите, что все это происходит в заповеднике «Медвежий уголок».

Медведь зарычал и другой лапой смахнул с головы ужасную маску. Улыбка Роя, довольного своей шуткой, на этот раз показалась Бену Хилли самой приятной улыбкой на свете.

— Ну ты даешь!

— Я думаю, это напугает ребят.

— Даже меня испугал.

— Подожди, у меня еще кое-что есть.

— Ну уж нет, извини. Больше я глаза закрывать не буду...

— Да ладно, извини, если напугал. Возьми-ка лучше вот это.

Рой достал из пакетика ярко синюю бейсболку — под цвет формы «Бравых ребят из Сент-Луиса» — с надписью «Папа» и нахлобучил ее на макушку Бена. Себе из того же пакета он достал похожую кепочку, но с надписью «Супер-папа».

— Ты извини, что я твой цвет себе присвоил. У нас, ты знаешь, желтая форма, а таких кепок я у твоего папаши в универмаге не нашел. Ему что, глянь в зеркало, нравится? Теперь ты полный отец.

— Здорово, Рой!

Бен Хилли не соврал. Улыбающееся лицо похожего на него мужчины в бейсболке с надписью «Папа» в зеркале казалось Бену младшему солидным и куда более представительным, чем было — ну буквально два дня назад: «Этот Джуниор... Он делает меня просто другим человеком».

— Послушай, Бен. Похоже, у костра что-то происходит. Сходи, посмотри, а я потом подойду. Устроим-ка им сюрприз. Я просто не могу дождаться, чтобы посмотреть на эти лица, которые порозовели, заулыбались. Ну, давай, — и с этими словами Рой легонько подтолкнул товарища к выходу.

На полянке Бен застал суетящуюся ребятню, которая пыталась разжечь угасший костер. Жена Роя, ушедшая с полчаса назад на соседнюю стоянку к подруге поболтать и приготовить заодно ужин на всех своих оглоедов, в число которых на сегодня милостиво включены были Джуниор и он, Бен Хилли, еще не пришла. Сына тоже нигде не было видно.

— Да, видно, Джуниору хорошо здесь. Он просто цветет. Загулялся, даже голода не чувствует. Наверное, и сейчас еще в речке плещется.

Но только первая половина рассуждений Бена была истинной. Вторая же никак не соответствовала действительности. Да и как мог отец догадаться, что именно в этот момент его сын выманивает на ароматную котлету из чащобы к площадке номер 32 здоровенного медведя. Какой таинственный инстинкт указал мальчугану дорогу к логову грозного зверя? Но факт остается фактом: много времени на поиски в огромном лесу едва ли не единственного в этих краях медведя у Джуниора не ушло. Теперь юный укротитель хищников, помахивая перед мордой зверя котлетой, также безошибочно, ведомый сверхъестественным чутьем, шагал по темным зарослям к стоянке, ворча на ходу:

— Я никогда раньше за городом не был. Здесь, конечно, здорово. Солнце, речка... А они занимаются всякими ерундовыми делами. Эти люди. Поют там, пони-

маешь ли, истории рассказывают. Их стоит хорошенько напугать.

Маленький Бен недолго созерцал идиллию мирной индейской жизни шестерых краснокожих у семейного костра. Из кустов внезапно показался здоровенный медведь и деловито прокосолапил на середину полянки. Если бы Бен не был уверен, что это Рой, он испугался бы точно так же, как и детишки у костра. Те сразу же бросились в машину, забыв и про скальпы, и про вигвамы, и про томагавки, и про индейские песни. Наверняка, мистер Хилли поспешил бы последовать их примеру, если бы Рой не предупредил его заранее. То-то был бы конфуз на весь Сент-Луиз!

В благодарность за проявленную другом предусмотрительность, Бен решил подыграть приятелю: пусть ребята повеселятся. Потом, оценивая свои действия, мистер Хилли не раз укорял себя за то, что не придал должного значения тому, что предвестником появления медведя на поляне был небольшой предмет, похожий на картофелину. Темный комочек вылетел из черных зарослей и глухо шлепнулся в центре полянки. Буквально через пару мгновений вслед за картофелиной и вынырнул из кустарника косолапый. Получив от медведя хорошую затрещину, Маленький Бен сразу же сопоставил два этих факта. Вот бы такую ясность в мозгах пораньше!

Пока же мистер Хилли, полный уверенности, что видит перед собой переодетого Роя, смело направлялся к грозному чудищу, маленькие злые глазки которого сверкали почти как у настоящего медведя.

— Рой, здорово! — шепнул Бен товарищу, натянувшему костюм медведя. Потом уже громко, для зрителей, умильно протянул: — Ну что такое, ребята, чего, какого-то там медвежонка испугались? Он совсем не страшный. Интересно, а щекотки он боится? Боишься щекотки?

Единственное, чего боялся Рой, — и это знали его друзья — так это щекотки. Он ржал, если кто-то пытался хорошенько помассировать ему бок, заглушая рев многотысячного стадиона. И поэтому Бен не особенно

удивился, услышав рык выведенного из себя назойливым приставанием медведя. Голос Роя, по правде говоря, мало чем отличался по силе от грозного рычания разгневанного зверя.

Медведь съел котлету и хотел только одного: тихонько удалиться в лес и отоспаться под каким-нибудь вывороченным пнем. Но когда его ткнули пальцем под переднюю лапу, он основательно разозлился. Поднявшись на задние лапы, медведь — в гневе совсем уже не похожий на Роя, совсем настоящий — пошел на Бена. Еще не успев испугаться как следует, мистер Хилли взмыл в воздух, подброшенный могучим шлепком, и с отчаянным криком «Ро-ой!» рухнул в метрах шести от хищника. Тот с удовлетворением отметил, что не утратил былую силу, сводившую медведиц с ума, и гордо отправился в лес. Медведь не оглядывался, довольный произведенным впечатлением, и поэтому не мог заметить, как с противоположного конца полянки из кустов появился его собрат — правда, на задних лапах.

Бросившихся было на помощь Бену Хилли детишек Роя остановил полный ужаса голос их мамы, в этот момент подоспевшей к месту действия:

— Дети! Медведь! Оставайтесь в машине!

— Какой медведь, мама? Он, вроде, уже ушел. Ой, еще один! Спасайся кто может!

Второй медведь был явно более темпераментный, чем первый. Наверное, когда-то он побывал в руках человека и с тех пор усвоил, что за трюки и фокусы можно получить что-нибудь вкусненькое. Поэтому косолапый, не опускаясь на четвереньки, исполнил несколько балетных па, сопровождая свои движения довольным рычанием.

Жена Роя уже готова была признать безопасность прирученного зверя и дать детям сигнал выйти из машины.

— Он, наверное, от туристов фокусам научился.

Но только что испытавший крепость медвежьей оплеухи Бен Хилли не склонен был доверять показному добродушию бурого разбойника. Из кучи хлама, сва-

ленного у костра, он выхватил первый попавшийся под руку увесистый предмет (это оказалась сковородка) и стал осторожно подкрадываться сзади к мохнатой глыбе. Медведь увлекся своим скоморошничеством и потерял осторожность.

Бен Хилли со всего размаху долбанул зверя по черепушке и тут же, для верности, повторил удар. Звонкое эхо отразилось от окружающих поляну сосен. Оно слилось со стоном Роя — медведь, потеряв сбитую ударами маску, превратился в веселого шутника и «супер-папу». Тут же раздались громкие крики жены Роя и его детишек, звавших своего папу. Звуки эти похолодевшему от ужаса Бену Хилли показались жуткими проклятьями. А с ближайшей сосны донесся пронзительный смех Джуниора. Оказывается, приемный сын наблюдал за всем происходящим оттуда, загнанный на дерево то ли страхом, то ли любопытством.

Слава Богу, Рой довольно быстро очнулся.

Два дня Бен Хилли понуро отмалчивался, не отвечая на не слишком настойчивые расспросы жены о пикнике за городом, хотя все, вроде, было в порядке: Рой уберег главное — свое чувство юмора. Тогда, приподнявшись на одной руке, он долго обалдело оглядывался по сторонам и ощупывал здоровенную шишку, мгновенно выскочившую на макушке. Потом, по всем правилам медицины, приложил к ней холодное. На беду, он не нашел вокруг ничего металлического, кроме сковородки. Этим папа вызвал новый приступ смеха своих ребятишек. Причем смеха довольно злорадного, не такого безобидного, какой привыкли слышать все в Сент-Луисе от дружной шестерки ребятишек Роя. И уж совсем задохнулся от хохота Джуниор. Чуть не свалился с сосны.

Потом, конечно, все было обращено в шутку, настроение компании постепенно улучшилось, и вроде бы к утру ничего не напоминало о случившемся. Бен Хилли, пытаясь подавить свои подозрения, десятый раз перечитывал «Супер-папу». Он пытался отыскать ответ на мучивший его вопрос: если мальчик виноват, то не стоит ли ожидать подобных шуток в дальнейшем? И

сам себе отвечал: нет, его малыш явно не укладывается ни в какие схемы. Он такой разный! Вот вчера, например, убрал у себя в комнате, протер подоконник и даже пытался утюжить папины брюки. Неважно, что сжег и утюг, и гладильную доску, и сами брюки. Но ведь хотел помочь. Может, стоит все-таки посоветоваться с женой, поговорить с Флу о поведении сына.

И мистер Хилли выбрал подходящий момент для разговора с женой. Та с утра хлопотала, наряжаясь на день рождения Люси Хендерсон. Грим все никак не ложился в тон к новому сиреневому платью, и помады, подходящей к костюму Флоренс в своем богатом косметическом арсенале не находила. Тут сзади скрипнула дверь, и раздался голос мужа:

— Просто не могу выбросить из головы. Ты знаешь, там, на вечеринке, была солидная заварушка. Рою досталось на орехи. И вот что мне кажется: Джуниор был виноват во всем том, что произошло. Ты бы видела, как он смеялся! До потери сознания.

— Знаешь, Бен, это твои проблемы. Да и вообще, чего ты привязался? Ведь сегодня он не смеется.

— Погоди, Флоренс. Поговорила бы ты с ним. Вот книга, называется «Супер-папа». Ты знаешь, тут написано, что отцу надо наказывать детей только тогда, когда другие средства не действуют. Поговори с ним.

— Постой, ты не видел, куда подевалась моя заколка для волос?

— Да вот она, у зеркала.

— Спасибо. О! Да ты сел на мое платье! Его надо опять утюжить, а этот Джуниор вчера утюг сжег.

— А, дура...

* * *

День рождения дочки городского судьи мистера Майкла Хендерсона уже шесть лет привлекал внимание местной прессы. Цвет общества, столпы гражданской и духовной власти Сент-Луиса считали своим прямым долгом выразить почтение мисс Люси, а их жены бу-

доражили в этот день воображение всех остальных обитательниц Сент-Луиса богатством и разнообразием туалетов.

Первый светский бал Флоренс Хилли произвел на нее неизгладимое впечатление. Она была вне себя от счастья и согласилась бы вальсировать со всеми кавалерами подряд. Правда, до начала танцев еще оставалось немало времени — весь день был отдан детям, взрослые же нетерпеливо ждали вечера. Для них часы тянулись в холодных, вычурных беседах. Миссис Хилли подошла к кружку миловидных красавиц, группировавшихся около миссис Хендерсон, счастливой мамы виновницы торжества.

Миссис Хендерсон, у вас такой красивый дом...

— О, Флоренс! Называйте меня просто Мери.

— Здесь так здорово. Нет ничего лучше детей. Как они играют!

— Да, — протянула миссис Хендерсон и посчитала своим долгом начать любовно разглядывать другой конец огромного салона, отданный во власть детям. Там ребятишки устроили веселую чехарду, разрывая тишину светского раута громкими всплесками радостного смеха.

Естественно, все дамы, которые составляли кружок миссис Хендерсон, с таким же напряженным вниманием стали высматривать в суете карнавальных костюмов, в которые были наряжены приглашенные в возрасте от трех до десяти лет, своих чад.

— Ох, а мой шалунишка, посмотрите, как бегает.

— Моя Розина — вон она, в костюме Золушки. Не правда ли, великолепна?

— А ваша Люси! Настоящая королева.

Миссис Хилли осмелилась подать свой голос:

— Прошу прощения, Мери, а Джуниора вы уже видели? Вон он, в костюме чертика, с бабочкой. Посмотрите, не очарователен ли он?

Эти слова услышал подошедший к сонму богинь красоты Сент-Луиса Большой Бен. Он с утра уже выслушал порцию соболезнований и уверений в том, что рядом с ним в больнице (душой, правда) находилась добрая половина городка. На этот раз женщины явно растерялись при его появлении — они просто не знали, как дальше поддерживать разговор с таким важным и серьезным господином. Дедушка Бен решил помочь им:

— В костюме черта — Джуниор? О, Он великолепен! Джуниор! Здравствуй, внук! Вот, пожалуйста, раздай значки детям. И еще: посмотри, это лотерейные билеты. Велосипеды будем разыгрывать. Послушай, сделай одолжение дедушке — раздай и их.

— Интересно, зачем это?

Дедушка с уважением посмотрел на Джуниора. Малый способный и далеко пойдет. Если полиция не остановит.

— Зачем? За десять долларов. Вот зачем.

— А, конечно, дедушка. Значит, раздать значки и лотерейные билетики...

— О, дети... — уже вслед бросившемуся исполнять поручение мальчугану протянул его дедушка.

Надо сказать, что Большой Бен поручил внуку распространять значки с эмблемой своей предвыборной кампании.

Джуниор чертенком летал по детской половине салона, исполняя ответственное поручение. Значки он давал всем детишкам, а потом и взрослым. Лотерейные билеты — только маленьким мальчикам. Все равно — зачем девчонкам и великовозрастным дядям велосипед?

Значков пять осталось в коробке. Решив, что следует поискать запропавших гостей в других комнатах, мальчуган направился по длинному коридору к лестнице, ведущей на второй этаж. В спальнях мистера и миссис Хендерсон, в бильярдной никого не было. В этих комнатах не было и ничего, что могло бы привлечь интерес малыша. Зато в довольно светлой и просторной комнате, дверь которой украшали соломенные цветочки, Джуниор обнаружил настоящее царство игрушек. Большинство из них было даже не распаковано. Сразу же забыв о цели своего визита на второй этаж, самый младший Хилли принялся отдирать картонную крышку здоровенной коробки, надеясь увидеть там как минимум пулемет или гранатомет.

— Эй, уйди отсюда. Это все мое. Это все мои подарки.

Именинница, Люси Хендерсон, стояла в дверях и готова была задохнуться от возмущения. Вторжение в чужую детскую было вполне в духе этого серого чертика в бабочке. Не даром он ей не понравился еще при первой встрече. И еще смеет оправдываться!

— Да я просто посмотреть хотел.

— Пошел вон отсюда! Это мои подарки.

Надвигавшуюся ссору остановили влетевшие в комнату подружки Люси, которых она пригласила наверх, к себе. Девчушки застыли в дверях, переминаясь с ноги на ногу. Они не ожидали увидеть в детской широкоплечего семилетнего крепыша, совершенно никому незнакомого.

Прояснить ситуацию могла Кетрин Ройс, одна из малюток папаши Роя, но, увидев грозного Джуниора, она только робко пискнула и спряталась за спины подружек. Наконец самая смела из девчонок решилась задать вопрос:

— А это кто такой?

— А это новенький, — Люси была беспощадна. — Но с нами ему играть нельзя. Да он вообще не настоящий ребенок. Его усыновили. Пойдемте отсюда. Нас мама уже зовет.

Действительно, миссис Хендерсон, словно почувствовав неладное, поспешила в комнату своей дочери. Быстрым взглядом окинув детскую, она улыбнулась и предложила:

— Ну, все. Девочки и мальчики, пошли во двор. Будем смотреть фокусы.

— Отлично! — зашумели детишки и опрометью бросились вслед за Мери Хендерсон во двор.

Джуниор, вошедший первым, ..ественно, должен был выйти из комнаты последним. Но в дверях ему преградила дорогу Люси.

— Нет, ты не пойдешь во двор.

— Почему это?

— Потому что я сказала. Это мой день рождения, и я решаю, кто будет смотреть мои фокусы, а кто нет!

— Да нужны мне ваши фокусы!

Джуниор гордо отвернулся и с независимым видом стал рассматривать картинки на стенах. Эта Люси неплохо рисует! Но все равно сердце дрогнуло, когда он услышал хлопок закрывшейся двери. Никто его не любит, никому он не нужен. И малышу совсем не интересны стали разноцветные каракули набитой дурехи в шелковом платьице. Лучше просто в окно смотреть.

А из окна хорошо было видно веселье, которое принесли в забитый ребятней двор проказники-фокусники. Разноцветные шары, пестрые ленты и покрытые узорами ящики обещали шикарное представление, искрящееся затейливым юмором. Джуниор буквально вдавил свой нос в стекло, стараясь не упустить ни одной детали разворачивающегося внизу праздника.

Опять хлопнула входная дверь. Джуниор резко обернулся и увидел отца. Тот, уже давно искавший невесть куда запропастившегося сына, сразу же почувствовал тоскливое настроение малыша. Напустив на себя беззаботный вид, Бен Хилли подошел к окну и стал разглядывать веселый маскарад, который затопил полянку под высоким ясенем во дворе Хендерсонов.

— А что это ты не смотришь фокусников?

— Так, клоуны — это ерунда...

Чутье не обмануло мистера Хилли. Его сын явно был чем-то обижен. Возможно, Бен даже догадался, чем именно, что произошло в комнате в его отсутствие. Он опустился на колени и пристально посмотрел в глаза сыну:

— Плохо, когда тебя бросают. Правда? Если я тебе кое-что дам, ты мне обещаешь за этим хорошенько следить? Да? На, возьми.

С этими словами Бен достал из внутреннего кармана пиджака сверток, раскрыл его и показал малышу небольшой черный камушек. Пальцы мистера Хилли нежно держали непонятный предмет, голос отца предательски дрогнул:

— Это дал мне мой дедушка незадолго до смерти.

— А это что такое?

— Это чернослив. Ну, окаменевший, конечно. Ока-

меневший чернослив. Дедушка под конец жизни занялся разведением чернослива. Но самое важное — это то, что здесь связь между двумя людьми. Я хочу, чтобы ты теперь это в кармане носил.

Малыш взял чернослив из рук отца. Теплый, мягкий и прочный камень так и просился в руки. Была в нем какая-то колдовская сила. Какая-то доброта исходила от обычного чернослива, который созрел еще в начале века.

Вдруг Джуниор и Бен Хилли вздрогнули. Голос их мамы, в этот момент показавшийся крикливым и резким, рассеял очарование колдовства, вернул обоих к действительности. Влетев в комнату, Флоренс дробно зачастила:

— Ах, вот вы где! Бен, пошли! Познакомишься с Хостинами.

— Иду, иду, дорогая. Ну, Джуниор, не скучай. Я знаю, ты будешь хорошенько следить за черносливом.

Малыш утвердительно кивнул. Он спрятал камешек в карман и задумался. Его опять оставили одного. Конечно, у взрослых свои заботы. Его опять оставили одного. Конечно, у взрослых свои заботы. Ему с ними нельзя. Ему и во двор нельзя, к фокусникам. В ушах звучал капризный голос Люси: «Тебе нельзя смотреть моих фокусников». Нельзя? Ну, и не надо. У меня свои собственные фокусы есть.

И Джуниор решил устроить представление, веселенькое представление для самого себя. Весь опыт предыдущей жизни подсказывал малышу, что окружающим не всегда нравятся те остроумные штучки, которые приходят ему в голову. Ну как они не могут понять, что это очень смешно? Разве можно придумать что-нибудь более веселое, чем те шалости, планы которых один за другим возникают в его мозгу. В бесплодных попытках заставить окружающих оценить полет его фантазии Джуниор провел уже семь лет. Он редко находил понимание, но отказаться от воплощения своих задумок не мог. Просто предшествующий опыт научил малыша быть очень и очень осторожным.

Серой тенью мелькал по усадьбе Хендерсонов чертенок в бабочке. Каждое появление его предвещало, что вот-вот в этом месте произойдет нечто необычное. Точно так же всякое происшествие, всякое нелепое падение или столкновение можно было легко объяснить, только учитывая влияние таинственной третьей силы, учитывая возможное участие в этом деле Джуниора.

У нескольких девочек оказались срезанными их прелестные косички — для вездесущего серого чертенка это не составило особого труда. Еще меньше усилий понадобилось, чтобы искупать все подарки Люси в небольшом фонтанчике за домом. Правда, большая часть коробок оказалась слишком тяжелой, и игрушки пошли ко дну, но времени доставать их у Джуниора не было. Его ждали новые дела. Мимоходом он подтолкнул девчушку, которая с завязанными глазами по настоянию Люсиных фокусников пыталась вилкой проткнуть воздушный шарик — и вилка вонзилась в пышные ягодицы жены мэра, утешавшей своего попавшего в невесть откуда взявшуюся мышеловку отпрыска.

Отлучавшаяся на минутку от плиты кухарка не досчиталась нескольких пирожков с капустой. Вместо них на противне шевелилось несколько лягушек. Плита неизвестно кем была выключена...

Еще через минуту вопли раздались в другом конце сада. Оборвались крепчайшие веревки, на которых судья с утра собственноручно прилаживал качели. И апофеозом праздника разрушения стал взрыв именинного торта «Седьмое небо». Грандиозная семиэтажная башня разлетелась на куски. Кремовые цветы украсили окружающие деревья и кустарники, безнадежно испортили шикарные наряды гостей.

Долгого расследования причин взрыва не понадобилось: под торт просто был подложен садовый шланг и вода включена во весь напор. У крана восторженно застыл Джуниор — малыш в костюме серого чертика с бабочкой. Он, конечно, долго, но безуспешно доказывал, что случайно включил воду. Он, де, даже не мог предполагать, что из этого выйдет. А шланг он не трогал — наверное, садовник просто забыл убрать его из-под торта.

И уж конечно все пироги на столе украсил окурками не он, Джуниор. Ведь маленькие дети, как известно, не курят. Скорее всего, это сделали взрослые дяди, которые таким образом выразили протест против того, что хозяева забыли поставить на столах пепельницы.

Однако столь убедительным оправданиям взрослые тети почему-то не поверили. Джуниор был признан виновным и примерно наказан: ему не разрешили участвовать в розыгрыше велосипеда и отобрали значок. С сумрачным и обиженным видом Джуниор ходил среди гостей, всем своим обликом доказывая несправедливость наказания.

Хотя в душе, предчувствуя, что этим дело не кончится и дома его ждет нелегкое разбирательство, Джуниор подумал: «Да, может быть, палку я чуть-чуть перегнул. Могут быть неприятности».

Действительно, вечером в доме Хилли царила грозовая атмосфера. Джуниор одиноко поднялся в свою комнату, а родители заперлись в маминой спальне. У малыша было желание спуститься вниз и подслушать, как решится его судьба, тем более что громкие голоса папы и миссис Хилли едва приглушались закрытой дверью. Но мальчик превозмог искушение: ведь он уже не в приюте, он у себя дома.

А в спальне надутая миссис Хилли с ненавистью посматривала на нервно мечущегося взад и вперед супруга. Как он не понимает, что сегодняшнее поведение Джуниора навсегда закрыло им дорогу в высший свет. Если раньше, когда их не допускали в общество из-за отсутствия детей, была хоть какая-то надежда, то теперь и призрачных шансов вновь оказаться в мире музыки, танцев и развлечений не осталось. Если же, конечно, не отправить сорванца в приют, где ему и надлежит проводить свои дни.

А муж, обхватив голову руками, все мерил нервными шагами спальню жены:

— Проблемы, проблемы... По-моему, у нас проблемы.

Наконец Флоренс, которой надоели шаги супруга, сердито зашипела:

— У нас проблемы!.. Да! А знаешь, что я об этом думаю? По-моему, нам надо избавиться от ребенка и купить себе новую кошку.

Можно сказать, что этими словами Флу достигла своей цели — но только в одном, не самом важном, аспекте. Мистер Хилли остановился. Он застыл как вкопанный и обалдело уставился на жену. Потом, словно не веря своим ушам, покачал головой:

— Ты говоришь чепуху.

Судя по́ всему, Бен остался непреклонен в самом важном на сегодня для Флоренс вопросе; он не желал расставаться с мальчуганом. И миссис Хилли взорвалась истеричными воплями:

— А ты хочешь говорить умные вещи? Мужчина должен пойти и наказать его. Поставь его на колени, поколоти его. Найди в себе мужество! На, возьми вот это, — и Флоренс протянула мужу кокетливый поясок от ставшего ненужным нового сиреневого платья.

Сконфуженный натиском жены и втайне осознающий слабость собственной аргументации в защиту приемного сына, Бен решил последовать совету супруги. Ну, кончено, не буквально: он никому не даст тронуть даже пальцем малыша, но наказания Джуниор действительно заслужил.

Машинально взяв из рук жены ремешок, Маленький Бен повернулся и медленно вышел из спальни. Так же медленно и нерешительно стал подниматься по лестнице. По дороге он обдумывал, какое наказание все же выбрать. Бить мальчика, конечно, ни в коем случае нельзя — про это говорит и «Супер-папа», это же подсказывает сердце.

Так и не придумав, какому наказанию он подвергнет Джуниора, Бен открыл двери детской.

Малыш как будто не услышал громкого скрипа открывающейся двери. Он стоял на коленях перед распятием и самозабвенно молился:

— Господи, прости меня. Мне так жаль, что я это все сделал. Я больше не буду. Никогда не буду. Мне так жаль, что я огорчил мистера Хилли. Он был единственный со мной таким добрым. Он...

Джуниор почувствовал, что за спиной кто-то стоит. Мальчик повернулся и поежился: у дверей с ремнем стоял мистер Хилли.

Учитель местной школы, читавший в детстве «Петра I» мистера Толстого, того, что писал уже при Советах, не раз за прошедшую неделю имел возможность проявить ученость, сравнивая Джуниора с Алексашкой Меньшиковым. Теперь этот прорицатель из Сент-Луиса захлопал бы в ладоши своего сравнения, если бы сумел прочитать мысли малыша, увидевшего поясок в руках приемного отца. Эти мысли буквально совпали с теми, которые высказал будущий фаворит первого русского императора: «Ну, если сейчас выпорет, то уйду. Первый раз помахает ремешком — и повадится драться, боров».

Ну, возможно, Алексашка Меньшиков так и не говорил. Возможно, перевод на английский в том издании, которое прочитал мистер Грин — упомянутый выше преподаватель изящной словесности — был не совсем точен. А может, просто с годами смысл прочитанных в детстве фраз выветрился из уже порядком полысевшей головы провидца-учителя. Но то, что в какой-то момент подобная мысль мелькнула в голове Джуниора, — факт непреложный. Правда, момент этот был недолог: малыш был хорошим психологом и легко прочитал в глазах отца, что порки не будет. С такой же легкостью он понял, что наказания все же избежать не удастся. Поэтому, уже с притворным испугом, стараясь еще более разжалобить отца, Джуниор заканючил:

— Пожалуйста, не наказывайте меня, мистер Хилли.

— Я не хочу, Джуниор. Но ты должен быть наказан. Поэтому... Я заберу то, что я тебе дал.

— Что, целый доллар? — конечно, малыш понимал, что папа ведет речь о черносливе. Но расстаться с камушком... Нет, это было выше всяких мальчишечьих сил.

— Да, да, давай верни, — мистер Хилли закивал головой. Что ж, и лишение доллара, карманных денег, в книге «Супер-папа» признается достаточно серьезным

наказанием. Пусть малыш почувствует, что им очень недовольны.

А Джуниор, добредя с покаянным видом до заветного ящика, в это время решал сложную проблему: у него в «банке» накопилось немало баксов, но мелкие он всегда тратил в первую очередь. Перебирая банкноты, он подумал, что нехорошо все же отдавать папе двадцать долларов. У мистера Хилли просто может не оказаться сдачи.

Однако Бог миловал: в уголке малыш все же отыскал завалявшуюся однодолларовую купюру. Опять приняв крайне огорченный вид, мальчик захлопнул секретер и протянул казначейский билет отцу. Конечно, жалко было отдавать отцу две банки «колы», но в ящичке денег оставалось еще штук на триста.

Увидев искреннее огорчение сына, Бен Хилли чуть не было не отдал доллар обратно, но решил, что более педагогично будет сделать это денька через два. Чтобы закрепить эффект от наказания, отец строго кивнул малышу:

— Хорошо, а теперь ложись спать. И хорошенько подумай о том, что ты наделал, и о том, что ты будешь делать. Ясно? Надеюсь, этот урок пойдет тебе на пользу.

Конечно, урок пошел малышу на пользу. Получив через два дня от отца доллар обратно, Джуниор тут же помчался в лавочку по соседству и разменял две пятидолларовые купюры на однодолларовые: а вдруг у него опять будут отбирать карманные деньги?

* * *

В рамках предвыборной кампании Большой Бен организовал благотворительный бейсбольный турнир. Широко разрекламированные в прессе соревнования неделю держали в напряжении всех в Сент-Луисе. Ожидалось, что вот-вот подъедут знаменитые гранды бейсбола, о скором прибытии которых неустанно твердил Большой Бен. Они-де все с охотой приняли его пред-

ложение и уже мчатся в Сент-Луис на личных самолетах и вертолетах, делая по утрам остановки в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Детройте, чтобы сыграть там календарные матчи национального американского чемпионата.

Посчитав, что этим он окончательно завалил своего конкурента, Большой Бен решил проявить заботу и о состоянии городской казны. Он внезапно переменил решение и объявил, что лично запретил звездам бейсбола прилетать в Сент-Луис. Они настолько разбалованы, что потребуют огромных сумм за свое участие в турнире — и, так как по дружбе не будут щипать старого товарища, Большого Бена, то основательно опорожнят казначейство Сент-Луиса, а федеральная казна и так пуста благодаря нерачительному хозяйствованию демократов.

Да еще эти реактивные самолеты... Экологию, знаете ли, подпортят, медведей в заповеднике распугают. Пусть лучше звезды играют в своем Чикаго, а в Сент-Луис не суются.

Надо сказать, единственный претендент от республиканцев на пост губернатора не зря прожил в тихом провинциальном городке лучшие годы жизни. Он отлично знал характер местных избирателей. Те, конечно, сразу же одобрили решение своего кумира: да, пусть разбалованные бейсболисты сидят в огромных дымных мегаполисах, где людям нет дела до вечных человеческих ценностей. Природа, быт, спокойствие — разве звезды бейсбола стоят того, чтобы ради них отказываться от незыблемых основ жизни.

И, тем более, страшно сказать, один из этих ребят — кубинец по матери, а отец другого бейсболиста вообще приехал из Японии. Из Японии! Из страны разврата, из пиратского гнезда воротил теневого бизнеса. Эти японцы сидят себе в своем Токио и только и думают, как бы ухватиться за Сент-Луис, зацепиться за город и перекачать все богатства Америки на свой самурайский остров. Уж лучше пускай единственным узкоглазым в Сент-Луисе так и останется безвредный мистер Дибати. Нет, не нужны нам такие бейсболисты.

Чтобы благотворительные цели не пострадали, Большой Бен решил не отдавать деньги за билеты, проданные на матчи турнира. Они пойдут бедным вдовушкам! Он, Большой Бен, будет их лично развозить одиноким женщинам Сент-Луиса.

Конечно, и это заявление кумира горожане встретили с ликованием. Правда, уже не таким единодушным. Многие представители сильного пола при встрече высказывали претензии кандидату и даже обещали набить ему морду. Большой Бен стремился сгладить все разногласия.

Чтобы не лишать приятного зрелища — созерцания бейсбола — своих избирателей, владельцем спортивного универмага был организован финальный матч турнира. Он должен был хоть отчасти успокоить горячие мужские головы. Билеты на финал не продавались — вход устроители объявили свободным. Встречались две местные команды — «Бравые ребята из Сент-Луиса» и «Лихие скакуны из Сент-Луиса». Самому старшему из игроков в июне исполнилось тринадцать лет. Команды играли между собой в этом году уже раз двадцать — потому что больше соперников в Сент-Луисе не было. Правда, в случае своего избрания на пост губернатора Луизианы Большой Бен торжественно обещал содействовать включению обеих команд в детский чемпионат штата.

Перед началом матча, собравшего невиданное количество зрителей (кроме родителей, дедушек и бабушек игроков пришли еще в организованном порядке члены местной организации скаутов) выступил инициатор турнира, Большой Бен:

— Я хотел бы прежде всего поблагодарить всех тех, кто пришел ко мне на мой праздник. Турнир удался. Это — финальная игра. И не будет ни победителей, ни проигравших. И вы, ребятки, когда будете смотреть на табло, я хочу, чтобы вы вспоминали о Большом Бене. О Большом Бене — самом достойном из всех претендентов на кресло губернатора Луизианы.

Портрет кандидата, на груди которого теснились значки участника самых разных общественных органи-

заций и фондов, украшавший новое табло бейсбольного стадиона Сент-Луиса, был неплох. А вот игра, честно говоря, вышла не очень. То ли пристальное внимание городской прессы к важному событию помешало раскрыться во всем блеске юным дарованиям, то ли редкая в этих местах жара... Табло нехотя помигивало, отражая ленивое изменение счета. Результат в обеих командах делали питчеры. Без них сиротливые нули так бы и светились на стадионе до вечера. На страйкауты «Бравых ребят» подающий «Лихих наездников» тут же отвечал сквозным бросками в своем иннинге.

Полевые игроки откровенно скучали на базах, ни один мяч пока не стал их добычей. Сочный удар мяча о биту тревожил сонную тишину только во время разминок.

Но все же, благодаря нескольким неудачным броскам питчера соперников, «Лихие наездники» вышли вперед. Разрыв в счете угрожающе вырос до двух очков в пользу питомцев Роя, к ним же перешло и право броска. На скамейке «Бравых ребят» воцарилось подавленное настроение.

Оно перешло в мрачное отчаяние, когда основной отбивающий команды нелепо мазанул еще один довольно легкий мяч. Бен Хилли решил внести коррективы в ход игры:

— Кому-то надо будет заменить Энди...

Тут же вся скамейка запасных сделал глубокий выдох и уткнулась в землю, разглядывая шнуровку кроссовок: позориться никому не хотелось. Ну день сегодня такой невезучий. Вот завтра они голыми руками разорвали бы «Лихих наездников». Этим скакунишкам-хвастунам ни за что не выиграть завтра, а сегодня... Ну, не судьба.

Белые, черные, стриженные наголо макушки... Красноречивый ответ...

Бен Хилл тоскливо скользнул взглядом по «банке». Особого желания выступить на поле никто не выражал. Только на дальнем конце скамейки звонко лопались шарики жевательной резинки: Джуниор сидел довольный и счастливый. Он выпросил себе майку с номером

13. Не беда, что размером она явно великовата. Зато, говорят, Мартин с бабочкой в тюремной бейсбольной команде тоже на воротах с номером 13 стоит.

Бен Хилли решил рискнуть. Если бы он мог читать мысли сына... Какие ворота в бейсболе! Джуниор, честно говоря, впервые в жизни видел, как играют в какую-то другую спортивную игру, кроме хоккея и американского футбола. Монашки в приюте уважали только настоящих мужчин. А те, как известно, играют только в шлемах. Однобокое представление малыша о спорте рушилось буквально на глазах: какая-то вялая получалась картинка на этом бейсболе, совсем не тот размах. Куда больше мальчугану нравились потасовки, которые удавалось увидеть на экране телевизоров в приюте из-за спин собиравшихся на подобное зрелище в полном составе сестер-воспитательниц Трех монахинь.

Справедливости ради стоит отметить, что в приюте такой же популярностью у воспитательниц пользовалась и борьба сумо. Но Джуниор от нее был не в восторге. Вот в хоккей или американский футбол поиграть он хотел бы.

Воспоминание про монахинь пришлось так, к слову. В реальной жизни сестры-воспитательницы были, безусловно, очень набожные и скромные женщины. Мужчины их интересовали только как возможные объекты перевоспитания.

Бен Хилли решил рискнуть. Но не мог он предвидеть, что из этого выйдет.

— Ну ладно, дружище. Твой час пробил.

— Чей? Мой? — Джуниор несказанно удивился.

— Конечно, давай вставай, бери биту! Бери биту! Вот так! Ну, пошел.

— Я не умею в бейсбол играть.

— Не умеешь? Так почему бы сейчас не поучиться?..

— Но ведь...

— Не важно, что будет. Знаешь, сегодня мы, наверно, и так уже проиграли. Самое важное, чтобы ты стоял там и отбивал мячи. Ладно, я буду тобой гордиться в любом случае. Не важно, как ты будешь играть.

Джуниор заковылял в поле, таща за собой по земле биту.

Синоптики в этот момент зафиксировали зарождение грозового облака над Сент-Луисом. Рассказывают, что в родильном доме внезапно начались преждевременные роды у двух молодых женщин из добропорядочных семей. Что уж тут говорить о зрителях на стадионе. Они все почувствовали явное приближение бури. Один из скаутов неизвестно почему вдруг затрубил боевой марш, но горн, прохрипев пару тактов, смолк.

Большой Бен, расслабленно дремавший в уютном шезлонге, вздрогнул. Могучий инстинкт самосохранения заставил его проснуться. Растерянно оглядываясь, он пытался уловить, откуда именно исходит угроза. Внезапно его взгляд привлекла фигура в мешковато свисавшей майке «Бравых ребят» с номером 13, которая с битой пробиралась на игровое поле. Кольнуло сердце. Большой Бен узнал своего приемного внука, а появление подобного типчика на поле не могло не принести беды.

Дедушка вышедшего на замену игрока вскочил с места и бросился к лавке запасных «Бравых ребят». Отчаяние утроило силы, и в полсекунды пыхтящей кометой претендент на кресло губернатора одолел добрых тридцать ярдов. Его крик заставил Маленького Бена вздрогнуть:

— Ты что, спятил, что ли? Выпустил это чудовище на поле? У меня же предвыборная кампания идет. Замени его!

Но Маленький Бен в этот раз не желал уступать Большому, который явно недолюбливал Джуниора:

— Да все в порядке будет, успокойся!

Так был упущен последний шанс остановить побоище, не допустить превращения бейсбола в американский футбол.

Джуниор уже занял исходную позицию, и для описания всех последующих событий лучше всего подошло бы перо баталиста.

Вообще-то, вид Джуниора сегодня был не таким воинственным, как обычно. Вероятно, жаркая погода притупила тягу малыша к веселеньким приключениям, и, возможно, все бы обошлось без происшествий: детонации огромного разрушительного заряда, накопленного Джуниором за предшествующие спокойные дни, можно было избежать. Но верзила Чамберс из «Лихих наездников» просто не мог не наступить на фугас замедленного действия, на который сегодня очень походил присмный сын Маленького Бена. Чамберс, которого еще месяц назад называли грозой Сент-Луиса, болезненно переживал утрату былого авторитета. С появлением в семье Хилли первенца лавры «самого-самого» перешли к невзрачному на вид семилетке, настоящему хиляку.

Тут Чамберс восхитился своем остроумием: Хилли — хиляк. Спеша порадовать мир своим филологическим открытием, подросток завопил:

— Хилли — хиляк! Ребята, хиляка выпустили.

Джуниор миролюбиво протянул:

— Да, ладно, лысый череп. Не вякай — побереги здоровье.

Несмотря на незлобивое замечание соперника, Чамберс все не мог успокоиться. Словно какой-то чертенок подталкивал его. Побривший вчера перед игрой голову подросток порадовал своих товарищей еще одной фразой, сделав решительный шаг навстречу опасности, даже не подозревая, какой пророческий смысл несла в себе предыдущая реплика Джуниора. Итак, Чамберс заявил:

— Ладно, так ладно. Давайте покажем этому уничтожителю девичьих пирогов, где его место.

— Ну что ж, попробуйте.

И начался бейсбол!

Правда, розыгрыш первого мяча Джуниору не понравился. Синий шарик летел слишком быстро, и малыш решил его не трогать. Он дал Чамберсу возможность спокойно захлопнуть в своей ловушке синюю молнию.

Большой Бен, который с тревогой наблюдал за происходившими на поле событиями, облегченно вздохнул: его худшие ожидания не оправдывались. Вопреки прогнозам деда, Джуниор вел себя на поле вяло, не особо горя желанием удивить мир. Точно так же тридцать

лет назад его сын, Маленький Бен, заторможенно бродил по «базам» и не пытался хотя бы частично воплотить в жизнь честолюбивые планы, которые Большой Бен возлагал на первый выход наследника на спортивную арену. Сходство было настолько полное, что претендент на кресло губернатора похлопал сына по плечу:

— Знаешь, ты не усыновлял этого ребенка. Могу поспорить, это твой родной сын.

Маленький Бен застыл. Он, возможно, даже не услышал, что именно сказал отец. Его волновало совсем другое. Что-то случилось с малышом — от Джуниора можно было ожидать чего угодно, только не такой пассивной заторможенности.

— Давай, Джуниор, давай!

Неизвестно, этот ли призыв отца разбудил малыша, или ему добавил азарта диалог с питчером соперников.

Большинство игроков «Лихих наездников» пришло к выводу, что напрасно их подающий вообще вступал в разговоры с малолетним бандитом. Защищаясь, питчер доказывал, что ничего крамольного в его беседе с Джуниором не было. Он просто пожалел «Бравых ребят» и сказал малышу в майке с номером 13 буквально следующее:

— Они же с тобой совсем проиграют!

На это был получен такой же безобидный ответ:

— Я здесь буду, пока тренер считает это нужным.

И вот тут — этот момент питчер особо подчеркивал — в беседу вступил Чамберс, который неосторожно ляпнул:

— А-а, этот рохля, который всем мороженое всегда покупает.

Чамберс, к сожалению, не мог ни подтвердить, ни опровергнуть высказанного в его адрес подающим обвинения. Он находился в больнице, куда был увезен сразу же после окончания матча.

Следствие, таким образом, заходило в тупик, из которого был только один выход: необходимо было признать виновником происшедшей трагедии Джуниора. Всему Сент-Луису давно известно, что в этом мальчугане сидит злой бесенок.

Подобное объяснение, кроме всего прочего, снимало обвинения в трусости с «Лихих наездников». В городе начали было поговаривать, что «Всадники» вели себя не по-мужски: они позорно разбежались от малыша, пусть себе и вооруженного битой. В случае принятия версии о злом бесенке выходило, что спасались «Лихие наездники» от нечистой силы, а совсем не от семилетнего мальчишки.

В качестве аргумента в пользу такой версии приводили факт необъяснимой тяги малыша именно к тринадцатому номеру.

Правда, одно обстоятельство сильно подрывало доводы сторонников теории о нечистой силе. Джуниор вступился за своего приемного отца — ведь все явственно слышали, что он произнес следующие слова:

— Да он никакой не рохля!

Маленькие же бесята, как известно, должного пиитета к старшим не проявляют никогда.

Как бы там ни было, но произошедшие во время розыгрыша второго и третьего мячей седьмого иннинга финальной игры события не укладывались в рамки обыденной жизни. С точки зрения рядового обывателя Сент-Луиса подобное нарушение привычного уклада жизни, безусловно, осуждалось — так что у Большого Бена были веские основания внести результаты этих розыгрышей как жирный минус к итогам своей избирательной кампании. Да еще надо учесть разбитое лобовое стекло его нового автомобиля, припаркованного метрах в пятидесяти от места событий.

Что же именно дало основание отнести события на бейсбольном поле в разряд сверхъестественных? Что заставило Большого Бена?

Едва питчер во второй раз запустил синий мяч, бита Джуниора без промедления угрожающе взмыла над головой. Замах был совсем не плох. Попади малыш по мячу, тот, наверняка, улетел бы за 188,4 метра. В таком случае весь Сент-Луис, несмотря на необычность достижения, только гордился бы тем, что житель их городка попал в «Книгу рекордов Гиннеса». Доволен был бы и дедушка. Но мальчик по мячу не попал.

Правда, он не промахнулся. В самой верхней части траектории бита из рук Джуниора перешла в руки законов физики: она набрала такую инерцию, о которой не мог даже подозревать только-только осиливший первый класс мальчуган.

Инерцию, как известно, изучают в американских школах в шестом классе. Первую, вторую и третью космические скорости — в седьмом. Если исходить из подобных предпосылок, то напрашивается логичный научный вывод: бита все же вернулась на Землю, следовательно, в седьмой класс мальчику идти было рановато. Но для шестого он вполне созрел. Именно об этом и подумал сидевший на скромном кресле позади застывших от неожиданности скаутов их неукротимый предводитель — мистер Дибати. В свободное от обязанностей директора приюта время он любил повозиться с марширующими колоннами, поиграть в войну с мальчишками в шортиках.

Как мы уже упоминали выше, бита все же вернулась на землю. Правда, Большой Бен в минуты откровения не раз говорил своим друзьям, что уж лучше бы она унеслась далеко, к мерцающим звездам и там вечно крутилась яркой кометой. Забрав с собой, конечно, и запустившего ее мальчугана.

Не будем осуждать подобные высказывания дедушки в адрес приемного внука и его биты. Ведь площадкой приземления тяжеленной дубинки стал новый, только что купленный Большим Беном автомобиль. Пробив лобовое стекло, бита окончательно не успокоилась и, как волчок, покрутившись внутри салона, основательно расколошматила приборную доску, прежде чем застыть, так и не одолев днище, рядом с рычагом переключения передач...

— Моя новая машина! Господи Боже мой!

Горе старины Бена было безутешным.

Его сын и наследник, опасаясь, что Джуниор свой следующий удар может нанести по старому «форду» Большого Бена, который тот сразу же после покупки нового автомобиля продал чете Хилли, содрав с них при этом за подержанную машину ту же цену, за которую

четыре года назад купил свое ревущее чудо, поспешил на поле. Его советы малолетнему бейсболисту были просты и убедительны:

— Послушай, покрепче держи биту. Постарайся попасть по мячу. И, самое главное, не отпускай биту! Не выпускай больше ее из рук!

Малыш, уже вооружившийся своим грозным оружием разрушения, выслушал наставления отца, молчаливо кивая головой. Он приготовился к третьему розыгрышу.

Чамберс же окончательно потерял рассудок и принялся издевательски хохотать, глядя на нахохлившегося Джуниора. Он скандировал при этом понравившуюся неизвестно почему фразу:

— Сын рохли. Сын рохли.

«Лихие наездники» из чувства солидарности поддержали своего капитана, но их голоса были менее решительны и вскоре утихли.

Джуниор, внимательно выслушав малоинформативное сообщение соперников, только пожал плечами, потом задумчиво повторил совет отца:

— Что ж, хорошая мысль не отпускать биту. Не выпускать ее больше из рук!

Судья подал знак, и на поле вновь установилась тишина. На трибунах, правда, все еще оживленно обсуждали предыдущий — удачный или не очень, это уж как кому нравится — бросок Джуниора. А малыш уже напряженно застыл, надеясь в этот раз непременно порадовать отца.

Мяч, посланный питчером «Всадников» без особых затей, стал легкой добычей отбивающего, который учел предыдущие ошибки. Замах был не очень силен, но мячик отскочил метров на тридцать. Со своих баз к нему бросились защищающиеся игроки «Лихих наездников».

Им наперерез неторопливой, но уверенной трусцой засеменил мальчуган в майке с номером 13. Бита вновь была угрожающе поднята над головой.

— Беги быстрей. Быстрей! Биту бросай!

Советы с лавки запасных не могли сбить Джуниора

с толку. Тренерскую установку он выполнил безукоснительно — свое оружие из рук так и не выпустил до конца игры.

Более-менее знакомый с правилами американского футбола малыш, не видевший в своей жизни ни одного бейсбольного розыгрыша отбитого мяча, просто побежал отнимать у соперников синий шарик. Те же по правилам «проводили» захваченный трофей по своим базам.

Едва мяч покидал территорию базы, к ней, пыхтя, подлетал маленький броневичок, и, уложив защитника на землю ловким ударом биты, бежал дальше, пытаясь догнать синий шарик. Он не обращал никакого внимания на крики жертв:

— Эй, так нельзя. Нет, так не играют!

Вскоре нервы «Лихих наездников» не выдержали. Видя, что произошло с игроками, стоявшими на двух первых постах, остальные решили не испытывать судьбу. Видно, «всадники» забыли надеть бронежилеты. Под ударами биты они падали, как подкошенные.

Уцелевшие игроки в ужасе бросились врассыпную, успев перед этим, однако, отпасовать мяч своему принимающему, Чамберсу. Этим самым они спасли себя и спортивную честь команды, но своего капитана поставили в очень тяжелое положение. Тот, не успев зафиксировать в ловушке синий шарик, тут же был атакован грозным соперником. Чамберс еще успел, петушась, выкрикнуть:

— Ну ладно, я тебе покажу...

Но дальнейших своих намерений раскрыть бравый парнишка уже не успел. Он на собственном примере осознал, что даже десять касок, одетых одна на другую, не гарантируют солдату, побывавшему в бою, сохранения возможности продолжения рода. Если исходить из ужасных описаний секретных уставов русских спецслужб, где все методы борьбы с инакомыслием в конце концов завершаются ударом в пах (в газетах Сент-Луиса с периодичностью раз в четыре года подобные материалы появлялись на первых полосах), то Джуниора,

безусловно, надо было арестовать как агента КГБ. Удар в пах, честно говоря, был хорош.

Поверженный Чамберс уже не слышал, как довольный победитель торжествовал, опять путая бейсбол с американским футболом:

— Тачдаун. Тачдаун!

Стадион безмолствовал.

* * *

Миссис Флоренс настойчиво убеждала мужа возвратить чертенка в приют. Бен оказался непривычно упрямым, изыскивая все новые и новые средства воспитания, стараясь каждый раз убедить жену, что уж новые средства воспитания, стараясь каждый раз убедить жену, что уж этот педагогический эксперимент обязательно принесет плоды. Маленький Бен переворачивал горы литературы, пытаясь найти объяснение нелогичному поведению сына.

На третий день после злосчастного матча мистер Хилли решил заставить Джуниора сходить на исповедь. Это, по мнению «Энциклопедии детских психических патологий», несомненно, должно было помочь. Однако малыш сначала наотрез отказался идти в костел: его отпугивали неприятные воспоминания о подобных мероприятиях в приюте.

Бен также проявил несвойственную ему твердость характера и настоял на своем. Через какой-то час вся семья была в огромном соборе, величественная архитектура которого должна была производить впечатление даже на самых отъявленных грешников. Каждый шаг человека эхом отзывался в просторах здания, и даже тихий шепот дублировался в многочисленных нишах.

Мальчик застыл, пораженный грандиозностью и красотой костела. Мистер Хилли, обращаясь к жене, держащей за руку малыша, сказал:

— Ладно, подожди здесь, я сейчас найду священника.

Бен отправился на поиски. Нервы были на пределе: неужели и это средство не поможет? Звонкий детский голос оторвал его от тяжелых переживаний:

— А, здравствуйте, мистер Хилли! Помните, мы встречались, я у вас фляжку покупал. Вы знаете, турпоход был таким замечательным, я двенадцать рыб поймал. Мой отец сказал, что гордится мной...

— Пошел ты к черту! — скривился Бен как от зубной боли.

Он еще долго блуждал по собору и никак не мог отыскать святого отца.

Между тем Джуниор уже полностью адаптировался в новых условиях и начал действовать. Он вырвался из рук миссис Флоренс и, увидев монашек, по привычке юркнул под скамейки. Рассерженный голос новой мамы, которая грозила, что все равно найдет неслуха, только сильнее возбуждал малыша. Он переползал из-под одного ряда под другой, пока наконец не заметил приоткрытой двери в небольшую кабину. Вот так укрытие! Там Джуниор и затаился.

В соседнюю кабину в это время решительно зашел мистер Хилли. Ему обязательно было нужно выговориться вслух, облегчить душу.

Малыш сразу же узнал голос Бена:

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Святой отец! Святой отец! Помогите мне. Речь идет о моем сыне, о моем ребенке. Это, знаете, очень серьезная проблема. Он делает такие вещи... мерзкие вещи! Мой отец его ненавидит, моя жена его ненавидит, все его ненавидят. Все, кроме меня. Но из меня не получилось отца, мальчик меня не любит...

За перегородкой неожиданно замолчали, у Джуниора перехватило дыхание, он весь обратился в слух: сейчас, наверное, будет сказано что-то важное.

— Но я знаю, знаю, что мне делать. Я его верну обратно в приют.

— Нет-нет! Это самое плохое, что вы можете сделать, — не сдержался мальчик, понимая, что на карту поставлена его судьба.

Но Бен не услышал этих слов — он уже вышел из кабины.

Малыша все-таки заставили исповедоваться. После продолжительной беседы священнослужитель с горечью подтвердил, что с Джуниором, действительно, большие проблемы: он врет на каждом шагу. За мальчика все равно необходимо бороться.

* * *

Бен так и не задремал в эту ночь. Утром он поднялся с опухшими глазами, злой, измученный, но строгого приговора так и не отменил. Джуниор, взглянув на отца, даже не пытался протестовать. Он послушно оделся, нацепил бабочку, собрал чемодан, не прихватив по привычке ничего чужого, если не считать трофейных долларов из дедушкиного кошелька: они всегда пригодятся.

У ворот приюта «Три сестры францисканки» мистер Хилли уговорил жену оставить пока Джуниора в машине, чтобы мальчик не стал свидетелем неприятного разговора взрослых. Супруги направились в кабинет директора вдвоем.

В течение последнего месяца мистер Дибати отдыхал. В приюте почти ничего не происходило, что бы шло вразрез с установленным распорядком дня, если не считать незначительных конфликтов между монашками-воспитательницами. Примиряя строптивых женщин, директор даже получал иногда удовольствие, наслаждался собственным умением гасить возникающие противоречия. В течение двух недель после того, как забрали «замечательного» ребенка, он со дня на день ожидал, что Джуниора вот-вот возвратят обратно. Обычно дольше он не отсутствовал. На этот раз мистер Дибати торжествовал и в то же время удивлялся: «Неужели прижился? Крепкие оказались родители, а на первый взгляд и не скажешь».

Когда на пороге его кабинета появилась чета Хилли, внутри у великого педагога что-то екнуло. Значит, на-

прасными были надежды. Но он, мистер Дибати, будет драться до последнего.

Бен уверенно протянул директору документы Джуниора:

— Вот, заберите!

Что-либо объяснять не было необходимости. Обоим сторонам все было совершенно ясно. Мистер Дибати натянуто заулыбался и откинулся на спинку кресла.

— Подождите, подождите! Давайте все обсудим.

— Нечего обсуждать. Мы все вам возвращаем. Немедленно!

Директор приюта понял, что шансов у него действительно мало, но, по-прежнему не сдаваясь, выпалил:

— У плохих родителей плохие дети.

Это не произвело должного впечатления на собеседников, скорее, наоборот. Миссис Флоренс язвительно проговорила:

— Да-да, ладно. Ну хорошо, я плохая мать... потому что ненавижу своего ребенка. Но с этим мальчиком явно что-то не так.

— Вы его сами взяли, — активно защищался мистер Дибати.

Миссис Флоренс бросила на него взгляд, полный ненависти и презрения:

— Потому что вы, сэр, сказали, что он замечательный.

— А что мне было делать?! Его уже тридцать раз возвращали, — в запале спора цифра, безусловно, была несколько преувеличена.

— Ну, будет тридцать первый, — огрызнулся неудавшийся папа. Тут мистер Хилли заволновался пуще прежнего, на мгновение о чем-то сильно задумался, нервно забегал по комнате, бессмысленно размахивая руками: — Э-эй, остановитесь. Остановитесь! Мы о чем говорим?.. Тридцать раз, тридцать раз! Тридцать раз Джуниора возвращали в приют, да мы же говорим о человеке!

Именно такого поворота событий больше всего боялась миссис Хилли:

— Да это чудовище, а не человек!

— Ты что, не понимаешь? Мы делаем то же самое, что и другие делали с этим ребенком. Да, его легче всего отдать. И...

— И надо отдать.

Директор благоразумно не вмешивался в спор супругов.

Мистер Хилли уже более уверенно продолжал, обращаясь скорее к самому себе, чем к присутствующим:

— Да что случилось с миром, что случилось с людьми?! Все ищут самый легкий выход, все надеются, что сложности сами собой испарятся. Но сложности не могут испариться. Вы знаете. Тогда в чем вопрос? Что мы будем делать в нашим маленьким трудным ребенком? Я знаю, что мы будем с ним делать. Мы будем поступать с ним так, как никогда с ним до этого не поступали. Мы будем его любить. Когда он плохо себя ведет, когда он еще хуже себя ведет. Пока в один прекрасный день он не сломается и не скажет: «Э, да эти люди действительно меня любят. Они от меня не откажутся. Мне больше не надо себя плохо вести. Да я же могу стать президентом Соединенных Штатов!»

— Да ты спятил, что ли? Этот Джуниор в тюрьму загремит еще до того, как вырастет.

Супруги еще долго полемизировали, и все-таки жена была вынуждена временно, как ей казалось, покориться. Они покинули кабинет директора, не попрощавшись и вообще не обращая на него никакого внимания. Мистер Дибати не остался в обиде: главное, что инцидент был исчерпан.

Флу, на своих высоких каблуках, даже не пыталась догнать обезумевшего мужа, который, забыв обо всем, бежал к своему сыну. Бен не на шутку испугался, когда, взявшись за дверную ручку, понял, что машина заперта изнутри. Джуниор сидел на месте водителя и волчонком поглядывал на папочку.

— Джуниор, сынок, открой дверь!

— Ты же сам говорил, что я с вами навсегда.

— Прости, я только что хотел сделать большую ошибку. Но поверь мне, мы тебя не отдадим назад в

приют, — Бен беседовал с малышом через стекло и сам почему-то не верил в то, что говорил.

— Я тебе не верю, ты просто притворился, что ты мой друг. А ты такой же, как все остальные.

— Джуниор, сынок...

— Эй, ты что, идиот — ключи в машине оставил? — мгновенно разобралась в случившемся подошедшая Флоренс.

Джуниор включил зажигание, мотор послушно заработал. Чтобы надавить на педаль газа, мальчуган спрятался под рулем. Машина рывками стала трогаться с места в направлении магистрали. Мистер Хилли семенил рядом, казалось, что он хочет руками удержать разгоняющийся автомобиль.

— Сынок, здорово у тебя получается! Как ты с машиной справился! Я тобой горжусь, — Бену хватило ума сообразить, что если он будет протес- товать и нервничать, получится еще хуже.

Машина тем временем выскочила на основную дорогу. Мистер Хилли забежал вперед и попытался преградить путь. Но Джуниор даже не притормозил, потому что попросту не знал, как это делается. Бен, чтобы не попасть под колеса, вынужден был запрыгнуть на капот, прижаться к лобовому стеклу и держаться за зеркала.

Автоматическая коробка передач послушно реагировала на увеличение скорости. Рывков больше не было, но движение явно что-то сдерживало — сдерживал ручной тормоз. Именно это и спасало пока безрассудного малолетнего водителя и его незадачливого пассажира. Мистер Хилли закрывал малышу почти весь обзор. Впрочем, тот и так мало что смог бы увидеть — не дорос малость. Отец с ужасом оглядывался в сторону движения и командовал Джуниору:

— Налево, налево, поворачивай... Направо, Джуниор, направо!

Мальчуган как будто даже подчинялся командам и жестам мистера Хилли. Некоторое время они, по счастливой случайности, удачно лавировали между встречными машинами, столбами и дорожными сооружениями. Вдруг Бен заметил, что мальчишка потянулся к рукоятке ручного тормоза.

— Нет, Джуниор, нет! Этого не трогай!

Мешавшие движению колодки отпустили колеса, скорость мгновенно увеличилась, и Бена забросило на крышу салона. Отсюда он уже никак не мог воздействовать на происходящее. Задача становилась куда более конкретной: удержаться на скользкой поверхности и не слететь с машины на большой скорости. Бен окончательно потерял самообладание и дико вопил на каждом крутом вираже.

Такая «прогулка», безусловно, не могла продолжаться слишком долго. Минуты через три «форд» на полном ходу пробил огромную стеклянную витрину «Большого Бена» и остановился только после того, как разворотил несколько прилавков с «настоящими американскими товарами».

На вопрос о том, почему авария произошла именно в «Большом Бене», никто из жителей Сент-Луиса так и не смог дать убедительного ответа. Многие же и по сей день уверены, что внучек специально крутанул руль в сторону дедушкиного магазина.

Удивительным было и то, что Маленький Бен вышел сухим из воды. Он не получил ни одной серьезной травмы, если не считать нескольких синяков и небольших царапин. Кроме того, любимый костюм мистера Хилли был основательно изрезан стеклом.

* * *

Единственным, кто после всего случившегося чувствовал себя удовлетворенно, даже хорошо, был Джуниор. В доме без конца звенел его веселый голосок. Собственно, повода для грусти у малыша не было; его, как ни странно, действительно оставили жить у Хилли.

Флу теперь выходила из своей комнаты только в случае крайней необходимости. Она затаила сильнейшую обиду на обоих и даже разговаривала с ними очень неохотно.

Больше Бен больше не читал исследований и рекомендаций по педагогике и психологии. Любимой стала большая черная книга — «Изгоняющие злых духов». Он не расставался с ней целыми днями. Произведение было сложным для его понимания, но Бен настойчиво изучал страницу за страницей.

Его мучил вопрос, ходить ему на работу или нет. Как-то утром зазвонил телефон, что теперь в доме Хилли воспринималось как важное событие.

— Алло, Бен, это Джим О'Конер. Ну что, сидишь дома? Да?

— Да.

— Плохие новости, Бен. Твой отец только что закрыл твой банковский счет, чтобы заплатить за ущерб, который ты нанес магазину. Так что не знаю, есть ли у вас еще сбережения или нет...

Бен положил трубку. Им овладело какое-то абсолютное безразличие ко всему, кроме того, что касалось воспитания Джуниора. Теперь уж точно на работе он больше не появится.

Дочитав до середины книги, мистер Хилли на сорока листах бумаги тушью написал: «Дом, милый дом», — и развесил их по всем комнатам. Особенно большое количество этих магических слов сосредоточилось в детской. На действия отца Джуниор отреагировал замечанием:

— Ну вот, совсем у тебя крыша поехала.

В книге рекомендовалось никак не отвечать на подобные реплики одержимого, и Бен благоразумно промолчал.

* * *

После обеда около особняка Хилли завизжали тормоза. Скучавший малыш с интересом выглянул в окно.

— О, класс! Это ко мне.

Он выскочил навстречу гостю.

— Привет!

— Уйди с дороги, мальчик, — пробурчал удивленный незнакомец — дети обычно пугались одного его вида, никогда не приставали с разговорами — и добавил: — Я ищу Дж. Р.

— Да это же я — Джуниор! — не унимался ребенок.

Гость уже входил в дом. Ему показалось странно знакомым созвучие, но он решительно отстранил назойливого малыша:

— У меня нет времени на эту чепуху, мальчик. Тот, кого я ищу, — блатной, кореш.

— Да это я. Я тебе письма писал.

Тут наконец до Бабочки дошел смысл происходящего. Давно над ним так круто не шутили. Его, короля блатного мира, одурачил какой-то пацан. Выходит, что он верил тому, что сочинял на своих тетрадных листках этот паршивец. В конце концов, именно для встречи с Дж. Р. он порешил доктора-психиатра и примчался с другого конца Штатов.

Бабочка присел на корточки, сжал хрупкие плечи ребенка в своих огромных лапищах, оторвал Джуниора от земли и удивился его легкости:

— Я проехал тысячу миль, чтобы побрататься с семилетним ребенком?!

— Мне восемь исполнится через две с половиной недели.

— Можешь на это не рассчитывать, — Бабочка никак не мог понять, какого черта он вообще разговаривает с малышом. Тем более — как с равным. Видимо, он все еще не мог перестать восхищаться теми делами, о которых Дж. Р. рассказывал в письмах.

Надувательство было очевидным, и Бабочка не мог просто так уйти из дома, куда он добирался четыре дня.

Разговор переместился в прихожую. Вскоре туда вышли удивленные папа и мама. Джуниор не растерялся и представил высокого мужчину в костюме с бабочкой на шее:

— Мистер Хилли, миссис Хилли, познакомьтесь с лучшим человеком во всем мире — Мартин... Дядя Мартин. Да, дядя Мартин.

Джуниор чуть было не назвал и настоящую фами-

лию Бабочки. Это могло стать большой ошибкой. По телевидению и радио штата уже несколько дней твердили о побеге известного преступника. Конечно же, показали и его фотографию. Спасало то, что в доме Хилли взрослые в связи с последними событиями почти не смотрели телевизор.

Хозяева растерянно хлопали глазами. Малыш взял за руку дядю и повел за собой, на ходу, как и положено, показывая достопримечательности жилища:

— Вот здесь кухня, а там ванная комната, это вот стереосистема, которая стоит три тысячи долларов...

Бен и Флу долго не могли понять, откуда вдруг взялся этот родственник. В приюте им не сообщили ни про какого дядюшку. В голове у миссис Хилли мелькнула неясная догадка. Малыш, который меняет свои увлечения чуть ли не каждый день и абсолютно равнодушен к одежде, никогда не расстается с бабочкой на шее. У гостя тоже вместо подходящего к костюму галстука — вульгарная бабочка. Может быть, это как-то связано?.. Впрочем, решила для себя Флу, могли же в приюте случайно забыть о родственнике такого «сокровища», как Джуниор. Надежда наконец-то избавиться от проклятого чертенка ослепила обычно осторожную и рассудительную миссис Хилли, и она очертя голову бросилась в сражение, обращаясь к гостю с сияющей улыбкой:

— Как здорово, дядя! Вы должны, должны остаться с нами поужинать. Мы так рады встретить дядю нашего ненаглядного Джуниора.

Миссис Флоренс принялась всячески угождать дяде Мартину. В первое время Бабочка даже растерялся от такого сердечного приема, но достаточно быстро оправился — ему явно понравилось обхождение.

На кухне Бен, которого что-то все-таки беспокоило, зло спросил у жены:

— С какой это стати ты так рассыпаешься перед этим дебилом?

— Ты что, не понимаешь?! Ведь это дядя Мартин! Мы обязаны принять его, как короля, и должны убедить его, что Джуниор — ангел. Мы не должны его отпускать без Джуниора.

Неудавшийся папа согласился с доводами жены. Правда, Бену чертовски не хотелось отдавать мальчика в руки человека, который не понравился ему с первого взгляда. Однако желания желаниями, а другого выхода не оставалось. Давно угасла последняя надежда перевоспитать сорванца.

Пока жена без умолку трещала гостю обо всем на свете, не забывая каждый раз упомянуть о завидных достоинствах приемного сына-вундеркинда, Бен, потерявший интерес ко всему на свете, механически стряпал ужин.

За столом Флу абсолютно не обращала внимания на еду и продолжала гнуть свою линию. Она то и дело приглашала гостя отведать кушанья, ни на минуту не смолкали ее смех и шутки. С поразительным упрямством она расхваливала ребенка:

— Все просто обожают Джуниора. Представьте, из своих карманных денег он помогает пенсионеркам. Ведь правда, Бен? — не найдя поддержки у мужа, многозначительно продолжала: — Ну, конечно же, было бы еще лучше, если бы о нем могли позаботиться настоящие родственники, например, дядя. Вы ведь его дядя, правда?

— Да, — Бабочка хотя и освоился с новой ролью, отвечал не очень твердо.

Миссис Флоренс ликовала: уже в который раз гость подтверждал, что его связывают с Джуниором родственные узы.

— Хотите добавки?

— Хочу.

— Я сейчас принесу.

Флу, покачивая бедрами, с деланным спокойствием вышла на кухню.

До Бабочки наконец-то дошло, какого черта он почти четыре часа валяет дурака у каких-то Хилли. Оказывается, ему определенно пришлась по вкусу сильно накрашенная собеседница. Изучать разницу между мужиками и бабами ему толком не доводилось. В заняти-

ях любовью для него существовал просто сексуальный партнер, но партнеров таких аппетитных, с такой твердой и выпуклой грудью у него давно не было.

Проводив Флоренс красноречивым взглядом, дядя Мартин не своим голосом прохрипел:

— Какой сексуальный этот мужик!

Со словами «Я тебе помогу» он выскочил из-за стола и поспешил вслед за хозяйкой, не обращая при этом никакого внимания на Бена и Джуниора.

Возбужденный до крайности, Бабочка застал миссис Флоренс наклонившейся над плитой. Она обернулась, мило улыбнулась вошедшему и кокетливо проговорила:

— Ваш племянник просто прелесть. А для одинокого мужчины как раз такой племянник и нужен.

— Я пятнадцать лет не был с женщиной, — вспомнил давно не употребляемое слово Красавчик. Бабочка склонен был пропускать мимо ушей все замечания хозяйки, не относящиеся к делу.

Миссис Флоренс, всего месяц не бывшая с мужчиной, не поняла состояния гостя.

— Женщины очень любят одиноких отцов. Если у вас будет Джуниор, они на вас будут просто вешаться...

Совершенно очевидно, что аргументы миссис Хилли абсолютно не интересовали дядюшку, его привлекали более конкретные вещи. Он промаршировал к хозяйке, крепко обхватил ее за талию, притянул к себе и жадно впился в губы. Довольная говорунья даже не пыталась вырваться из железных объятий — она непроизвольно отклонилась назад, чем еще больше взволновала Красавчика.

Нежные женские губы, пьянящий запах волос и гибкая талия довели Бабочку до полного экстаза.

Флу с первой же секунды решила, что настал ее звездный час: именно о таком мужчине — агрессоре и поработителе тайно мечтала она даже во времена наилучших отношений со своим Беном-рохлей. Миссис Хилли знала, что именно так многие называют ее мужа. Теперь, когда ее законный супруг помешался на этом зловредном ребенке, она считала своим долгом не обращать внимания на потерявшего остатки мужественности папочку. Была и еще одна, самая важная причина: Флоренс обижалась на Бена за то, что именно по ее, а не по его вине в семье не могут появиться дети. Правда, в этом Флу не сознавалась даже самой себе.

Не мучая себя никакими сомнениями, она со спокойной душой отдалась охватившей ее страсти.

Поцелуй может длиться долго, но не бесконечно. Влюбленные наконец оторвались друг от друга. Глаза обоих осоловели, окружающая действительность перестала существовать.

— Ты сказал «пятнадцать лет»? — счастливо улыбаясь, прошептала Флу и сама притянула к себе дядю Мартина.

Загремела падающая посуда — двое, слившись в объятиях, повалились на пол между плитой и шкафчиком.

Грохот кастрюль и странная возня на кухне вынудили Бена пойти посмотреть, в чем дело. То, что он увидел, нисколько его не удивило и даже абсолютно не взволновало. Мистер Хилли равнодушно понаблюдал, как безмозглая обезьяна, как еще в первые минуты окрестил он в мыслях дядю Мартина, помогала миссис Хилли расстегивать лифчик, плюнул, выругался про себя, прикрыл дверь и обратился к Джуниору:

— Ну что, ты поужинал? Тогда иди в свою комнату, посмотри телевизор и ложись спать.

Догадливый Джуниор мгновенно уловил настроение папочки и с притворной беззаботностью запрыгал на одной ноге вверх по лестнице, ведущей на второй этаж.

— Спокойной ночи, мистер Хилли!

Из кухни доносились сладострастные стоны. Бен никогда не предполагал, что Флу может издавать подобные звуки. Он подошел к зеркалу, закатил глаза, покривлялся сам с собой, промычал что-то нечленораздельное. Ни с того ни с сего взял щетку для одежды и принялся чистить свой костюм, до этого спокойно висевший в гардеробе. Убрал каждую пылинку с правого рукава и с правой штанины, бросил это дело,

рассеянно почесал затылок и направился в кладовую. По дороге очень сильно ударился головой об лестницу, внимательно ощупал больное место и напрочь забыл, что хотел сделать. Заинтересовался вдруг телефоном, снял трубку, подул в нее и положил на место. А когда из детской отчетливо донесся сильнейший треск, напоминающий частую барабанную дробь, схватил ключи от разбитой машины, аккуратно перевязанную стопку старых газет, непонятно кому низко поклонился и радостно заявил:

— Мне нужно срочно повидать моего друга О'Конера.

Хлопнула входная дверь, и Бен широкими торопливыми шагами помчался в сторону городской площади.

* * *

О том, где провел ночь мистер Хилли, вряд ли что-нибудь определенное мог сказать даже он сам. В девять часов утра Бен появился на пороге своего дома. Опасливо поглядывая по сторонам, осторожно открыл дверь, пробрался в комнату для гостей, шлепнулся на диван и устало принялся рассматривать последствия стихийного бедствия, обрушившегося на очень уютное жилище. Все было перевернуто с ног на голову. Ценные вещи бесследно исчезли. Картины, прежде украшавшие стены, почему-то валялись на полу, черепки фарфоровой посуды матовым блеском отражали утреннее солнце. Повсюду было разбросано белье, одежда, бумаги, обувь и масса других предметов.

Мистер Хилли пришел в себя. Постепенно до него стал доходить смысл слов на фасаде дома, заметных даже с противоположной стороны улицы. На белой, аккуратно оштукатуренной стене размашистым почерком огромными буквами, но меньшими, чем на любой придорожной рекламе, сообщалось следующее: «Если хочешь когда-нибудь снова увидеть жену и ребенка, это тебе обойдется в 100 тысяч долларов. Дядя Мартин».

Выходило, что любимая женушка и сыночек укатили с этим идиотом в костюме явно с чужого плеча в неизвестном направлении. Ну и слава Богу! Туда им и дорога.

Бен долго, по-хозяйски развалившись, сидел на диване и удовлетворенно улыбался. Неожиданно он вскочил на ноги и задумчиво побрел по комнате. Подфутболил ногой шаровидный абажур от торшера, швырнул стулом в раскрытый сервант и вдруг принялся громить все без разбору. Через пять минут было уничтожено то, что не успели переломать беглецы.

Мистер Хилли направился в следующую комнату, гримасничая и причитая на ходу:

— Прощай, Джуниор, прощай! Ой-ой, милая Флоренс, мне так грустно, что вы уехали. Сто тысяч долларов! Да забери ты себе и одного, и другого.

Бен, прокручивая в памяти события последних недель, убеждал себя, что все, что произошло, к лучшему. Теперь он абсолютно свободный, независимый человек: ни работы, ни жены, ни ребенка. Все можно изменить кардинально, пойти другим путем. Все в его руках.

Время от времени он хватал какую-нибудь вещь и с ревом швырял ее как можно дальше. Это доставляло ему неописуемое удовольствие. После каждого броска становилось значительно легче, но не надолго. Глаза искали новый подходящий предмет.

Особенно досталось детской. То, что в свое время не успел сломать Джуниор, разлеталось теперь вдребезги под мощнейшими ударами опытного бейсболиста. Он прощался с так и не перевоспитавшимся, но все равно дорогим сынишкой.

Письменный стол оказался тяжеловатым, и мистер Хилли, заполняя вынужденную паузу, принялся бессмысленно выдвигать и задвигать ящики. В самой нижней обнаружил кипу бумаг. Он перевернул первый листок и неожиданно ехидно заулыбался: автор рисунка удачно соединил в одном портрете черты ли-

ца Большого Бена и морды безмозглого пучеглазого бульдога. Произведение было подписано: «Большой Бен».

— Здорово, Джуниор! — не удержался от похвалы удовлетворенный мистер Хилли.

На другом портрете изображалась тщедушная злая женщина с сидящей у нее на голове кошкой. Сомнений не было: это Флу.

— Молодец, сын! Прямо в точку попал, — Бен вслух радовался схожести и смыслу карикатуры.

Очертания своего собственного лица больше, чем предыдущие рисунки, удивили первого критика произведений художника Джуниора. Бен долго и внимательно рассматривал картину. Куда девалась его взбешенность и разрушительная энергия.

— А ведь я ему понравился... Все это время я ему действительно нравился.

Если бы мистер Хилли случайно не заглянул в ящики, вряд ли бы в доме остался хотя бы один целый предмет. Стихийное бедствие огромной разрушительной силы отступило. Из камина, самого надежного, каменного укрытия на человека понимающе глядело полосатое животное.

* * *

Под бумагами мистер Хилли наткнулся на черный камушек чернослива, о котором в последнее время напрочь позабыл. Талисман не валялся среди прочих безделушек, заполнявших комнату Джуниора, а аккуратно хранился на нижней полки. Определенно, не оставалось никаких сомнений, что подарок отца что-то значил для стриженого разбойника. «Но почему он не взял косточку с собой? — забеспокоился Бен, сразу не находя ответа на этот важнейший вопрос. — Мальчик оставил подарок в доме, в моем доме... Если я сумею вернуть его к себе, у нас все будет замечательно».

Бен взглянул на переломанную мебель и засмеялся

над своей глупостью, обрадовался, что хоть телевизор уцелел, и щелкнул выключателем.

«Если даже жена действительно вступила в сговор с этой безмозглой обезьяной, дядюшкой Мартином, деньги все равно нужно найти, кровь из носа, а найти, найти и заплатить. Вернуть Джуниора! Ведь, если дядюшка требует выкуп, следовательно, малыш для него абсолютно ничего не значит. Да-да, ничего не значит! И вообще, откуда взялся этот родственник, где он был раньше? Разве сможет это животное стать настоящим другом для Джуниора? Никогда!» — рассуждал про себя Маленький Бен.

Тут на экране телевизора мелькнуло знакомое лицо. Мистер Хилли оторопел: не может быть! Но на всякий случай прислушался к словам симпатичной молоденькой дикторши. Она, стараясь быть серьезной, сообщила: «Полиция штата разыскивает опасного преступника по кличке Бабочка, который уже пять дней разгуливает на свободе, совершив очередной побег из тюрьмы. Просьба ко всем, кто когда-нибудь...»

На экране еще раз показали фотографию преступника. Никаких сомнений не оставалось: Джуниор в руках у прославленного Бабочки и его надо спасать. А для этого понадобятся деньги.

* * *

Утро еще только вступало в свои права, косые лучи восходящего солнца «зажигали» дальние машины, превращая их в движущиеся огненные шарики. Мимо с огромной скоростью и с ласкающими детское воображение звуками проносились встречные автомобили. Люди спешили на работу.

Джуниор сидел справа от водителя с большим чемоданом на коленях. Он восторженно вглядывался в дорогу, чувствовал себя великолепно: наконец начались настоящие приключения. Сидящий рядом человек в серой вязаной шапочке, натянутой на самые глаза, и с дымящейся во рту сигаретой был никто

иной, как известный во всей Америке разбойник Бабочка. Пассажир гордился таким соседством. Вот только Мартин не хотел воспринимать Джуниора всерьез. Относился к нему, как маленькому ребенку и совершенно не советовался. Джуниор даже не знал, куда они сейчас едут.

Малыш в очередной раз попытался найти общий язык со своим кумиром. Он раскрыл чемодан и, обращаясь к Бабочке, со всей серьезностью проговорил:

— Смотри, что я с собой взял: пистолеты и даже динамит.

— Да это же все игрушки! Ты что, издеваешься надо мной, что ли?

Огромной сильной рукой Мартин вывернул содержимое чемодана в открытое окно.

— Зачем ты это сделал?! Нам что, боеприпасы не понадобятся? — малыш искренне сожалел об уничтожении такого богатого арсенала.

— Ты о чем говоришь, я с тобой работать не буду.

— А я думал, будем вместе работать! Мне казалось, я тебе понравился.

— Никто мне не нравится. Я работаю один, — Бабочка сочно сплюнул и надолго замолчал.

Затаивший обиду Джуниор больше не собирался начинать разговор первым и сосредоточенно разглядывал дорогу.

— Здравствуй, солнце, здравствуй, жизнь! — это проснулась и приподнялась на заднем сидении Флоренс.

Водитель бросил такой пренебрежительный взгляд на несущую чепуху женщину, что та обиделась. Не совсем понимая, с чем связана неожиданная холодность ее нового возлюбленного, она, растягивая слова, заявила:

— А я думала, это наш медовый месяц. Господи, как ты меня любил!

— Это и есть наш медовый месяц, идиотка.

— Идиотка?! — подобного обращения миссис Хилли, привыкшая общаться с мягкотелым мужем, не могла простить даже такому темпераментному мужчине. Любовь мгновенно улетучилась.

— Я не собираюсь иметь ничего общего с таким неотесанным чурбаном, как ты.

— Заткнись!

— Не заткнусь.

И Флоренс разразилась потоком таких изысканных ругательств, что Джуниор, знающий ее достаточно хорошо, не поверил своим ушам. Ничего подобного не доводилось слышать даже от сестер-монахинь, когда те бранились между собой.

Красавчик понял, что остановить взбесившуюся бабу невозможно, а попросту выбросить нельзя: за нее должны заплатить пятьдесят тысяч баксов. Он остановил машину, вышел, достал из багажника огромный кожаный чемодан, открыл заднюю дверцу и принялся заталкивать миссис Хилли вовнутрь.

Та никак не ожидала подобного поворота событий, от растерянности даже замолкла. А когда оказалась упакованной полностью, к ней снова вернулся дар речи. Брань теперь была значительно тише.

Бабочка легко, словно пустой, забросил чемодан в багажник, сел за руль и продолжал путешествие, как будто ничего не произошло.

Джуниор в этот момент был полностью на стороне дяди Мартина.

Заехали на заправочную станцию. Мартин о чем-то долго беседовал со служащим в форменном комбинезоне, потом сбегал к телефонному аппарату, набрал номер, не дождался ответа, вернулся злой и обеспокоенный. Путешествие продолжалось.

Несколько раз останавливались перекурить на стоянках для отдыха недалеко от шоссе. Бабочка каждый раз бегал звонить и наконец сообщил Джуниору, что они едут в парк Тома Сойера, местный Диснейленд.

* * *

Администратор «Большого Бена» любезно сообщил запыхавшемуся мистеру Хилли, что его отец сейчас находится в третьем зале, готовится к выступлению

— минут через десять должен появиться в прямом эфире. Все с нетерпением ждут. Для Бена была дорога каждая минута, и он чуть не бегом помчался к сектору, где продавались велосипеды и все необходимое к ним.

Просторный торговый зал был заставлен софитами, тяжелыми камерами и другим оборудованием для съемки. Пожилой, невысокого роста полицейский Дил профессионально преградил дорогу в соответствии с распоряжением шефа, решив не делать исключения даже для его сына.

— Нет, нет, туда нельзя. Ваш отец готовится к выступлению в рамках предвыборной кампании.

Старый добросовестный служака очень обиделся, когда обычно любезный Бен-младший грубовато оттолкнул его, не сказав при этом ни слова.

Большой Бен в последние минуты перед эфиром еще раз прогонял тщательно отрепетированную речь. В этом выступлении он собирался привлечь на свою сторону работников крупнейшего в городе консервного завода, пообещав наладить сбыт их продукции, а также самой непредсказуемой части населения — студенчества, которую он надеялся загипнотизировать грандиозным проектом многофункционального молодежного центра.

Бен Хилли подошел к отцу.

— Папа, папа, мне с тобой надо поговорить.

Большой Бен совершенно не обрадовался визиту опального сына, встречаясь с которым, отец в последнее время регулярно попадал в дурацкие и неприятные ситуации. Сердце без пяти минут губернатора тревожно кольнуло: что еще там на этот раз? Он раздраженно поинтересовался:

— Да что ты здесь делаешь, черт тебя побери?

— Флору с Джуниором похитили, — без всяких вступлений объявил Маленький Бен.

«Этого еще не хватало, могут быть серьезные проблемы», — подумал Большой Бен. Он вынужден был уделить сыну оставшееся до телеэфира время:

— Пять минут.

— Хорошо, хорошо... — успокоил вечно занятого отца нерадивый сын и выпалил: — Мне нужно сто тысяч долларов.

Так как на съемках присутствовало достаточное количество людей, Большой Бен сделал вид, что сама сумма его нисколько не удивила, дело, мол, совершенно не в деньгах. Окружающие должны были понять: проблема в другом — стоит ли помогать сыну и его злосчастной семейке. Худосочная Флоренс никак не может родить внука, похищению идиота Джуниора можно только радоваться. Большой Бен не боялся говорить обо всем этом при свидетелях. Местная пресса не раз помещала истории из жизни семейства на первых полосах.

— Уж я-то имею полное право утверждать, что твой приемный сыночек — чудовище, а твоя жена во всем виновата. Да лучшего ничего произойти не могло!

— Папа, дашь мне денег или нет?

— Нет, конечно, я не дам тебе никаких денег. Ты пока еще не на себя работаешь, а на меня, забыл, что ли? У тебя ничего нет за душой.

— Ну, что ж, тогда я подаю в отставку с должности твоего сына.

От своего «рохли» отец не ожидал резких выпадов, и поведение сына начинало выводить его из равновесия.

— Ну ладно, катись к черту. Мне надо выиграть предвыборную кампанию.

— Да, единственное, о чем ты думаешь, — это твоя предвыборная кампания.

Бен ни с того ни с сего представил на своем месте Джуниора. Тот бы сумел придумать что-нибудь «хорошенькое».

На боковой панели телевизионной камеры он заметил кнопку «Эфир».

— Эй, папа, ну давай, скажи избирателям, что ты действительно планируешь сделать с этим городом.

Большой Бен негодовал: этот слюнтяй еще смеет задавать вопросы, кривляться и делать вид, будто разбирается в жизни. Он, наверное, думает, что ради нескольких присутствующих сотрудников, режиссера и

операторов заставит отца говорить обычную любезную предвыборную ерунду. Не тут-то было.

Бен нажал кнопку, та засветилась — камера заработала.

— Америка для американцев — чепуха какая-то. Ерунда! Я продал свой магазин японцам, потому что они сделали хорошее предложение. И все... Больше ко мне не приходи вообще. Если еще чего-нибудь у меня попросишь, знаешь, что увидишь...

Весь город увидел красноречивый жест Большого Бена. Телезрители — и рабочие консервного завода, и вечно недовольные существующими порядками студенты, и многие, многие другие — восприняли его как личное оскорбление. Политическая карьера Большого Бена получила сильнейший запрещенный удар — с лица его сдернули маску. Оправиться от такого нокаута шансов было маловато...

* * *

Внутренний голос подсказывал Маленькому Бену, что нужно торопиться, вот-вот будет звонить Бабочка. Машина, не показывая поворота, повернула к дому. Бен, еще как следует не привыкший обращаться со старой отцовской клячей, газанул на подъеме и на приличной скорости врезался прямо в стену. Зазвенело стекло разбитых фар. Мистер Хилли не успел отреагировать на случившееся: в доме разрывался телефон.

— Алло!

— Деньги получил?

— Да.

— Хорошо, принеси их в цирк. Я буду ждать около клетки с тигром.

В трубке раздались короткие гудки. Бен перевел дыхание. Ситуация требовала принятия решений и действий. По мнению мистера Хилли, обращаться в полицию, имея дело с опасным преступником, было очень рискованно. В руках у Красавчика Джуниор. Нельзя подвергать опасности жизнь малыша.

«Сам, только сам! Один поеду в цирк и сам спасу моего сына», — мистер Хилли не сомневался в своих силах.

Первое препятствие ожидало его уже возле дома. Покореженный «форд» не хотел заводиться. Бен долго не раздумывал и помчался по улице, надеясь одолжить машину у друга. Еще издали он понял, что большая семья Роя собирается в очередную поездку за город. Добродушный папа и его ребятишки озабоченно суетились вокруг своего новенького джипа, укладывая вещи. На верхнем багажнике лежали рыбацкие снасти в брезентовых чехлах и другие туристические принадлежности.

Рой увидел Маленького Бена и искренне обрадовался. Он не держал обиды на друга, а случившееся считал глупой ошибкой, последствием неудачной шутки. К тому же, он теперь чувствовал себя достаточно хорошо.

— Рой, мне нужна твоя машина, — ничего не объясняя, безапеляционно заявил Бен и уселся на водительское место, даже включил зажигание.

— Э, да ты что, перестань. Мы отправляемся на охоту.

— Я тоже.

Джип рванул с места. Непривязанное снаряжение с грохотом полетело на землю. Бен захлопнул переднюю дверцу.

— Да ты что, мы уже собрались! Ты куда? Ты что делаешь? Ты все равно никуда не поедешь, — растерянный Рой никак не мог понять, что происходит.

Проехав метров десять, Бен остановился и дал задний ход. На душе у Роя отлегло.

— А вот и отлично, одумался.

Через открытое боковое стекло Бен протянул руку, сорвал с лысеющей головы приятеля черную бейсболку с надписью «Супер-папа» и довольно улыбнулся. Больше не обращая никакого внимания на кричащих Роя, его девочек и жену, скрылся за поворотом.

По дороге он пытался обдумать план действий. Детально просчитать ситуацию не представлялось возмож-

ным: Бен не знал, ни где находится клетка с тигром, ни того, сколько человек придет с бандитом, — одним словом, не знал ничего. Но мистер Хилли был уверен, что спасет Джуниора любой ценой.

На соседнем сиденье Бен обнаружил увесистый мешочек из плотной ткани, внутри которого лежали туго скрученные крепежные веревки. Мистер Хилли подумал, что именно это может ему пригодиться. Засунув внутрь несколько аккуратно сложенных газет, лежавших сзади, он тройным тугим узлом завязал мешок.

* * *

— Вот здорово, я никогда раньше не был в цирке! — откровенно восхищался малыш, когда они вдвоем с Бабочкой прогуливались по шумящей ярмарке. Представление вот-вот должно было начаться. Джуниор впервые так близко видел живых толстокожих слонов, гривастых львов и других зверей, названий которых он даже не знал. Удивление не исчезало с лица мальчугана, оказалось, например, что мартышки совсем маленькие. Вокруг было множество действующих аттракционов, между которыми бегали разодетые клоуны.

Мартин надежно держал Джуниора за руку и не отпускал его ни на шаг. Это несколько омрачало впечатление. Так хотелось подойти поближе, потрогать зверей.

Но малыш все равно был на седьмом небе от счастья. Стоило так долго ехать, чтобы попасть в это замечательное место, где с удовольствием можно остаться навсегда. Мальчик не догадывался, что Бабочка ехал сюда не самой короткой дорогой.

Со стороны Джуниор и Красавчик ничем не отличались от всех остальных посетителей: обыкновенный папа с сыном, который задает вопрос за вопросом. Мартин что-то настойчиво искал глазами. Окружающее веселье его явно не касалось. Остановились возле пестрого лотка, внутри которого взрослый дядя, одетый в дурацкий, но смешной костюм, пытался привлечь внимание отдыхающих.

— Терпеть не могу этих дебилов-клоунов, которые тебя пытаются рассмешить. Вообще-то Джуниор был солидарен с Мартином, но сейчас он не имел ничего против забавного дяденьки в пестрой одежде.

Актер весь изогнулся, скорчил рожу и вытянул шею:

— Посмотрите, жираф...

Он не успел договорить — молниеносный удар сбил его с ног. Человек даже не пикнул и исчез за бутафорским прилавком.

— Посмотрите, кулак, — кривляясь, передразнил клоуна Бабочка, довольный результатом, и пренебрежительно процедил: — Клоуны!

Малыш далеко не одобрил поступок Бабочки, но, когда они проходили около афиши, он снова выглядел счастливым и интересовался всем:

— Эй, Мартин, посмотри, тут написано: женщина с бородой. Почему у нее борода-то выросла?

— Слишком долго в тюрьме сидела! Ха-ха.

Малыш, еще не доросший до блатного юмора, не оценил по достоинству очень смешную шутку Мартина Бабочки, и тот всерьез обиделся. В тюрьме смеялись бы все, даже охранники. Там Мартина уважали.

Непочтительный Джуниор стал раздражать Бабочку своей болтовней:

— Ладно, хватит говорить, а то хуже будет.

Преступник обрадовался, когда увидел клетку с тигром.

— Что ты сказал, козел?! — похититель чужих детей и жен даже не заметил, откуда выскочил внезапно выросший перед ним Бен Хилли. Сравнение с рогатым парнокопытным обидело бандита. Пока он искал, что бы такое сказануть в ответ, Маленький Бен уже более миролюбиво, но твердо предложил:

— Никто ничего плохого не сможет сделать моему сыну безнаказанно. Отпусти его!

— Брось, папаша, — Мартин вновь почувствовал себя суперменом. — Теперь мое представление начина-

ется. Деньги принес? Ладно, сделаем так: как только я досчитаю до трех, ты бросаешь мне мешок, а я отпускаю Джуниора.

— Ладно.

— Ну, готов? Раз... два... три...

На лету поймав мешок, Мартин забыл о малыше и обеими руками принялся ощупывать добычу. Хруст и шелест свидетельствовали: долларов много, есть новехонькие, в банковской упаковке, и есть уже походившие по свету. Теперь ему хватит надолго! А могло хватить еще на дольше, если бы запросил побольше.

— Эй, ты, отпусти ребенка! — в голосе Маленького Бена вновь зазвенела угроза.

— Чего тебе, сосунок?

— Отдай мальчика!

Да ты что! Он с тобой не хочет идти, он хочет быть со мной, — Мартин наклонился к малышу и, вполглаза присматривая за Маленьким Беном, возбужденно зашептал: — Ну что, парень? Мы возьмемся за дело, мы затерроризируем весь штат... Ну, мы им здесь дадим жару. Что скажешь? Давай всем тут наподдадим, покажем им... Ну...

Уже который раз взрослые подсказывали малышу неплохие идеи. Правда, совет папы насчет бейсбольной биты был сейчас более кстати, только биты не было. Но и наподдать — тоже шикарно. Жаль, Мартин автомат выбросил, но на худой конец обойдемся приемом попроще.

— А! Наподдать! Хорошенькая мысль!

От острой боли в паху Мартин на секунду забыл и о малыше, и о мешке с долларами. Но только на секунду. Черт с ними, с яйцами — в тюрьме от них больше вреда, чем пользы. Зато деньги, которые удалялись вместе с Джуниором на довольно приличной скорости, вызвали у Мартина чувство, которое можно охарактеризовать, как злобную ностальгию по хорошей жизни.

— Ах ты, маленький засранец! Подожди-ка!

— Беги, беги, Джуниор! — на пути разъяренного смерча, устремившегося в погоню за малышом, встал

мистер Хилли. Он в юности неплохо боксировал на любительском уровне, но теперь ему пришлось иметь дело с профессионалом. Схватка, естественно, длилась недолго, и Мартин понесся дальше с истошным воплем:

— Мои деньги!

Заминка преследователя позволила Джуниору оторваться от бандита. Малыш влетел в широко распахнутые ворота шапито в тот момент, когда Мартин пылил в пятнадцати метрах от входа. Но расстояние быстро сокращалось. К арене они подбежали почти одновременно.

— Стой! — взревел Красавчик, увидев, что загнанный в угол мальчуган бросился к металлической лесенке и довольно проворно начал карабкаться наверх, к куполу цирка. Бандит, секунду поколебавшись, загромыхал по ступенькам вслед за Джуниором.

— Все равно тебе от меня не уйти!

Воздушные акробаты, три брата и две сестры Габс, ничуть не удивились вторжению в их царство маленького мальчика и нелепо стриженого здоровяка в помятом пиджаке. Как раз сегодня в цирке должен был дебютировать новый коверный и его юный напарник — директор вчера объявил об этом на собрании труппы.

Мальчуган высказал желание перелететь с каким-то мешком на перекладину, подвешенную на другом краю арены — пожалуйста, нет проблем. Бережно передавая юного коллегу из рук в руки, акробаты легко выполнили заказ молодого джентльмена. Теперь они, как и зрители в цирке, с интересом наблюдали: подобную проблему предстояло решить новому клоуну.

Тот сполна оправдал ожидания публики — нелепо оттолкнувшись, «рыжий» вцепился в свободные качели. В воздухе он задрыгал ногами, как лягушка, потом отчаянно завизжал, перепрыгивая с одной перекладины на другую. В общем, было довольно забавно. Особенно когда качели с клоуном вдруг начали опускаться на арену, куда выходили участники следующего номера.

Аттракцион, который следовал за выступлением ак-

робатов, назывался в афише «выступление усатых — полосатых», а Кло и ее супруг Жан, трехлетние бенгальские тигры, слыли в цирке нелюдимой парой.

Непонятно, каким образом об этом догадался дядя Мартин. Но штаны у него моментально стали мокрыми — если тигры были довольно нелюдимы, то бандит с бабочкой был уж совсем «нетигриным». С криком ужаса он бросился к решетке, отделявшей арену от публики и стал лихорадочно перебирать ногами, стараясь как можно быстрее стать зрителем, пусть и безбилетным.

Бен Хилли, а это он отвязал качели, как только на ней повис преследующий его мальчика тип, не обращая внимания на потуги похитителя, поспешил на помощь сыну. Но тот уже нашел способ спуститься. Джуниор уцепился за канат, заскользил вниз, не выпуская мешка из рук, и лихо крикнул отцу:

— Лови!

Поставив малыша на землю и быстро осмотрев его — ни ссадин, ни царапин Джуниор, похоже, не получил — Бен Хилли заботливо спросил у сына:

— Джуниор, с тобой все в порядке?

— Да, все в порядке, папа...

— Ты назвал меня папой?

— Да вроде. Папа, посмотри — бандит уходит.

Действительно, Мартин уходил. Убегал, унося с собой мешок с «деньгами». Бабочка, уже вполне опомнившись, подкрался к мешку и потащил его к выходу.

— Никому не удастся связаться с Хилли и уйти после этого. Правда, Джуниор?

— Да, папа, в погоню! Вон он. Два ревущих автомобиля помчались по улицам, соревнуясь в скорости. Оба были одолжены у их водителей. Правда, если Мартин и не собирался никогда возвращать обшарпанный «форд» его владельцу, то Бен Хилли, конечно, планировал вернуть машину другу в целости и сохранности.

— Эй, папа, уходит! Гони, не жалей! А я посмотрю, может, у дяди Роя что-нибудь есть?

Ну как же у Роя, который собирался ехать на охоту, да могло не оказаться в машине доброго карабина.

Увидев, что его сын обнаружил «винчестер» и пытается зарядить его, Бен Хилли резко притормозил. Он попытался отнять у Джуниора опасную игрушку. Тот, однако, не отступил и выдвинул в свою защиту железобетонный аргумент:

— Эй, отпусти, ты не можешь одновременно ехать и стрелять...

— Но и ты стрелять не будешь.

— А что будем делать? Я придумал! Давай, прибавь газу. Вон он. Папа, держись за ним, мне тут в голову одна мысль пришла...

Красавчик с бабочкой не в первый раз уходил от погони. Но обычно подобные приключения были более шикарно озвучены — сирены, гудки полицейских патрулей. Сейчас же все было серо и буднично: одна машина едет за другой, только очень быстро. Хотелось каких-нибудь душераздирающих эффектов. Не в силах что-либо придумать сам, Мартин просто ждал, когда к погоне присоединится полиция и репортеры. Тогда можно будет красиво сдаться властям, раздолбав напоследок машину.

И вдруг сзади прогремел выстрел.

Нет, это не могла быть полиция. Полиция слишком уважала самого знаменитого заключенного, чтобы начать палить по ходячей рекламе своих подвигов. Обернувшись, Мартин увидел, что Бен Хилли высунулся по пояс из пустой, не управляемой никем машины и вот-вот опять нажмет курок. Это было слишком — заколдованная машина и меткий стрелок в ней...

А в «джипе», подчиняясь командам отца, Джуниор крутил руль, лежа на водительском сидении и едва доставая ногой до педали газа.

— Быстрей, сын, быстрей! Направо, еще чуть-чуть.

Но, чтобы нажать газ сильнее, нужно бросить руль — дилемма явно неразрешимая, и как только отец может об этом не догадываться. Пусть лучше сам стреляет точнее:

— Папа, по колесам стреляй, по колесам!

Вняв совету Джуниора, Бен Хилли попытался стрелять по шинам мчащейся впереди машины. С первой попытки это не удалось. Зато выстрел повредил замок багажника, и крышка захлопала в такт ухабам проселка, на который свернул преступник.

Дорога становилась все хуже, и затяжные полеты основательно нагрузили рессоры обеих машин. «Джип» в этих условиях получил преимущества и стремительно настигал прыгающий впереди автомобиль.

Но тут произошло непредвиденное, то, что издавна замечено народом и сформулировано следующим образом: баба с воза — кобыле легче. Помнится, в английском переводе это звучит так: леди, покидающая автомобиль, увеличивает его скорость. Чемодан, в котором отбывала карцер Флу Хилли, на одном из ухабов вылетел из багажника «форда» и шлепнулся на крышу «джипа». Естественно машина Мартина полетела как стрела, а «джип», который теперь вынужден был тащить семейство Хилли в полном составе, стал сдавать.

Рассерженная долгим отсутствием собеседников женщина разразилась проклятиями.

— Флу!? Заткнись, Флоренс! — мистер Хилли в этот момент выступал защитником самой цивилизации, плодов многолетних усилий сильного пола по созданию подходящих условий жизни для потомков первых переселенцев и ковбоев. Женщина — она ведь против всего:против погони, рыбалки, ночных клубов, против сигарет, виски и кабаре.

В третий выстрел Бен Хилли вложил всю вековую обиду мужчин на качающих права длинноволосых дурех. И попал! Попал в левое заднее колесо «форда». Машину Мартина резко бросило в сторону, на холмик справа от дороги. На огромной скорости она перевернулась. Колеса, не находя опоры, напрасно месили воздух, а сзади неумолимо налетал «джип».

— Тормози, Джуниор, тормози!

— А-а-а-а!

Это не так легко — в семилетнем возрасте перекинуть ногу с педали газа на тормоз. Джуниор, по крайней мере, выполнил это упражнение на «троечку с минусом».

Правда, если бы миссис Флоренс попросили оценить успехи сына, она бы поставила другую оценку. Благодаря слишком резкой остановке ей удалось исполнить свою многолетнюю мечту и вырваться на свободу. Путешествовать — это так романтично! По воздуху, на автомобиле, да еще в хорошей компании.

Чемодан с Флу взмыл в воздух и мягко спикировал вниз, за бугорок, на котором застыли обе машины. Не сговариваясь, отец и сын, выскочив из «джипа», первым делом бросились на вершину.

Вид оттуда открывался замечательный: прерия, стада мирно пасущихся коров. И в эту страну парного молока чей-то грузовик увозил миссис Хилли, запако- ванную в кожаный чемодан. Посадка на толстый слой соломы, устилавшей кузов, явно не причинила вредила молодой женщине, не умерила звучности ее голоса.

Толстая свинья, которая была до появления миссис Хилли единственной пассажиркой грузовика, прохладно приняла попутчицу. У свинки болел животик. Чтобы спасти ее от этой напасти толстый Билл, хозяин ранчо Пегого мустанга, поручил двум своим свиноводам свозить животное к ветеринару. Но, вполне вероятно, не только расстройство желудка было причиной невежливого приема, оказанного Флу хозяйкой кузова. Ревность, обычная женская ревность...

Один из свиноводов, услышав утробные звуки, заметил товарищу, сидевшему за рулем:

— Эй, слушай. Наша свинья какие-то странные звуки издает.

— Да, с животом у нее плохо.

О том, что цивилизованной женщине необходим был в такой ситуации противогаз, бородачи в джинсах не подумали — они просто пока не подозревали, что у них появилась попутчица.

Увидев, что Флоренс удачно пересела с одного транспорта на другой, Бен Хилли успокоился:

— Флу всегда говорила, что хочет путешествовать. Ладно, пошли... домой. У нас с тобой есть дом.

За мгновения, которые отняла у отца и сына Хилли элементарная мужская вежливость, проявленная к когда-то близкой им женщине, на другой стороне холма, на месте аварии, ситуация изменилось.

Полицейские сирены, столь милые уху Бабочки, вывели его из состояния глубокой депрессии, в которое повергла бандита крыша автомобиля, попытавшаяся вдавить его голову в плечи. Не забывайте даже во время самой азартной погони застегнуть ремень безопасности! Дядя Мартин этого не сделал.

Полицейские сирены вернули Красавчику способность соображать, но копы забрали у молодого человека свободу, заковав в наручники его могучие руки.

Живописная группа — улыбающийся шериф и его помощники, окружившие симпатягу, застыли у разбитых машин. Репортеры вот-вот должны были подъехать.

Мартин, чувствуя себя в привычной роли, понемногу приходил в себя после шока — он уже покачивал головой, пытаясь сфокусировать расплывающуюся картинку. Повлиявший на остроту зрения, ушиб головы, однако, никак не отразился на остроте мыслей Красавчика. Такие мозги, как у него, могли выдержать сотни подобных сотрясений. Одна, но очень крутая извилина переварила получаемую органами зрения информацию со скоростью ЭВМ.

На сетчатке глаз Мартина прояснились очертания разбитого «форда» — бандит изо всех сил пнул его ногой: старая рухлядь, не могла ехать быстрее. Вот четко зафиксировались очертания мешка — Красавчик тут же попытался схватить его, едва не вырвавшись из цепких лап полицейских.

Осмотрев содержимое пакета, шериф недоуменно пожал плечами: видно, у главного заключенного крыша поехала! Мешок с веревками и вчерашними газетами у нормального человека не мог вызвать никаких хватательных рефлексов! Шериф кивнул подчиненным, копы успокоились и расслабились.

А в этот момент мозг Мартина уже получил для обработки сложную зрительную информацию: бандит увидел мистера Хилли и его сына, спускающихся с вершины холма.

— Получи, предатель!

Красавчику хватило сноровки, чтобы выхватить пистолет у стоявшего рядом помощника шерифа.

А помощнику шерифа хватило сил, чтобы не дать Мартину сделать второй выстрел.

Маленький Бен успел заслонить своим телом малыша, которому предназначалась первая пуля.

Только малыш за эти мгновения ничего не успел понять, даже испуга он не почувствовал. Лишь увидев, как падает на траву сраженный выстрелом отец, Джуниор понял, что произошло.

— Нет!!! Папа, папа, пожалуйста, не умирай! Ну, прости меня за все, что я сделал. Если ты выздоровеешь, я обещаю — никогда больше не буду себя так вести. Папа, ну приходи в себя! Я тебя люблю.

Маленький Бен открыл глаза.

— Я тоже тебя люблю, сынок.

— Папа! Ты живой? Ты не ранен? Да нет, этого не может быть.

— Я тоже так считаю.

— И что, с тобой все в порядке?

Мистер Хилли не мог поверить в то, что после попадания с десяти метров из почтенного полицейского бульдога остался жив. Ведь пуля пробила пиджак прямо напротив сердца. Но в рубашке дыры не было.

Похлопав по внутреннему карману пиджака, маленький Бен осторожно достал из него камешек чернослива: тот не разлетелся в куски от выстрела, пуля почти целиком вошла в него, но одолеть магический символ жизни не смогла.

— Скорая сейчас приедет, — помощник шерифа, у которого Мартин выхватил пистолет, чувствовал себя довольно неловко и решился подойти к пострадавшему только когда увидел, что тот держится молодцом.

— Все в порядке, офицер. Он в чернослив попал.

— Так помощь не нужна?

— Нет, спасибо. Видите, какой у меня помощник есть. Пошли, сынок.

— Папа, ты, наверное, не принял всерьез всю ту чепуху, которую я говорил. Ну, что я буду себя хорошо вести.

— Конечно, нет. Просто будь самим собой. Пойдем, сынок.

Маленький Бен заметил, что сын его вырос с тех пор, как забрали его из приюта. Штанишки ему уже коротковаты, руки торчат из рукавов тесной рубашки. Совсем они с женой малыша забросили. Ну, ничего. Теперь вдвоем им будет легче.

Джуниор шагал рядом с отцом, стараясь попадать с ним шаг в шаг. Какой у него сильный, красивый, умный папа. «Некоторые люди так никогда ничему и не могут научиться, все стараются переделать окружающих. Мой папа — не такой. Но почему он меня так полюбил? Вообще, почему родители так любят своих детей?

Может быть, мы никогда так и не узнаем ответа на этот вопрос Джуниора. Как и на вопрос — кто в конце концов осчастливит миссис Хилли.

ДЖОН ТОМПСОН

ТРУДНЫЙ РЕБЁНОК

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

John Tompson

«PROBLEM CHILD»

Part 2

Перевод с английского.

Джон Томпсон

«ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК»

Часть 2

История — и история вообще, и история приключений приемного сына мистера Бена Хилли в частности — снова и снова доказывает, что от пороков человеческих нельзя избавиться, пока кто-либо видит в них свою пользу. Такова, извините, проза жизни.

Если смотреть с такой точки зрения, то тяжело дать само определение: что есть порок? За каким порогом идет отклонение от нормы и где мы еще в пределах кодекса? Это чушь полнейшая — возводить на болоте скользких людских догм прочную конструкцию «правильного» поведения. Жизнь куда сложней и многообразней, чем наши представления о ней. Со временем она корректирует — в смысле «отменяет» — все незыблемые истины, априорные понятия бытия.

Возьмем любой простой и ясный образ, рассмотрим его да оценим. Ну, например, хрестоматийный тип «трудного ребенка»... Джуниора Хилли — блестящего представителя многочисленного братства непослушных детей. Всем требованиям, предъявляемым к плохим мальчикам, он отвечает на сто десять процентов. Агрессивен, злобен, не любит клоунов, не чистит по утрам зубы, часто грубит старшим и одевается как дядя Лео. Плюс ко всему обманывает папу и маму и не вытирает ноги входя в дом. Честно говоря, все возможные прегрешения маленького разбойника трудно перечислить в не-

большой книжке, но их легко найти в поведении нашего главного героя.

И что же? Ответ готов? Нет, все не так просто. Оказывается, перед застывшим в ужасе Сент-Луисом — всего лишь защитная маска, доспехи, под которыми спрятал любящее и ранимое сердце мальчик-романтик, мальчик с большой и светлой душой поэта и мечтателя. И натянул защитный панцирь юный Джуниор только столкнувшись со стеной непонимания со стороны взрослых и детей. Обители приюта «Трех сестер— францисканок» не хотели принять и понять малыша, взрослые тоже с недоверием косились на его искренние попытки порадовать их.

Раз за разом встречая непонимание, мальчик искал убежища в скорлупе агрессивной злобности. В ней трудно было разглядеть волнение мятежной души, проявление которой изредка все же вырывалось из железных рамок принятого Джуниором стереотипа поведения. Достаточно вспомнить стихотворение, которое приемный сын посвятил мамуле Флоренс в день ее рождения. Сколько было в нем страстной экзальтации юного доброго гения! Вот оно, это стихотворение!

Чтоб ты сдохла, тетя выдра!
Мымра старая и злая,
Не купила мне вчера немного сыра.
И вообще, мешки у тебя под глазами.

Сколько очарования и восхищения достоинствами цветущей женщины в четырех строках! Сколько такта! А как старался малыш, выводя послание на трюмо в спальне мисс Хилли, как трепетно сжимал в руках тюбик с зубной пастой! И его опять не поняли.

Конечно, колючая оболочка наглеца и хитреца должна была лопнуть при первом же соприкосновении с горячим и любящим сердцем, раскрыться миру добропорядочных граждан Сент-Луиса. Джуниор просто обязан был перевоспитаться, стать чутким, милым и послушным. Он ведь не родился закоренелым негодяем, хотя слыл таковым и сам себя настойчиво убеждал в этом. Книга «Супер-папа», описывая случаи, подобные тому, который в конце августа произошел на холмах Милудорского ущелья близ Сент-Луиса, говорит: «Мальчик, испытав искреннее раскаяние, избавится от порока».

Маленький Бен, уже не слишком веря своему настольному справочнику по педагогике, все же надеялся, что с момента аварии за городом его малыш станет вести себя лучше. Чернослив дедушки не мог пострадать зря!

Действительно, первые недели Джуниор не выказывал никаких стремлений вернуться к старому. Он послушно помогал папе выносить мусор(недавнюю мебель) из дома, подкручивать винты в недобитых шкафах, столах и стульях. Детская уже дней через пять выглядела вполне респектабельно, если не считать вырванной с мясом электропроводки и подпорченных обоев.

Дальнейшая реконструкция семейного гнездышка откладывалась на неопределенный срок. Банальная причина — отсутствие денег — прикрыла начатые восстановительные работы. Прослышав о разорении сына Большого Бена, сент-луисцы дружно перестали давать в долг мистеру Хилли, а в кредит торговать с ним не рисковал ни один лавочник. Работы по специальности в небольшом городишке крупному специалисту по менеджменту тоже не находилось. Солнце ходило по небу все ниже и ниже, предвещая зиму, планка доходов семьи Хилли неуклонно падала, на горизонте замаячил тривиальный голод.

Атмосферу кризиса усугубляли звонки Большого Бена с требованием очистить особняк — он, дедушка, решил продать и эту недвижимость, чтобы расплатиться с долгами, наделанными в ходе предвыборного марафона.

Старика, честно говоря, винить в этом нелепом, на первый взгляд, желании тоже было нельзя. Его преследовала череда неудач, которую он связывал, и не без основания, с появлением в семье Хилли приемыша. Фортуна повернулась к Большому Бену тем самым местом, которым он так смачно повертел перед камерами телевидения. Выборы он проиграл, деньги от продажи универмага ушли на погашение расходов на рекламу, молодые вдовушки отказывались принимать известного всему штату эксгибициониста — тем более тот уже не мог, как прежде, привозить им полученные от благотворительного бейсбольного турнира суммы. Стремясь во что бы то

ни стало поправить свое пошатнувшееся реноме, Большой Бен всеми силами старался избавиться от своего отпрыска и его приемыша, заставить их убраться из городка на Миссисипи.

Короче, отъезд становился неминуемым: соседи, дедушка и даже мощеные булыжником мостовые Сент-Луиса всем своим видом показывали нежелательность дальнейшего пребывания Джуниора в штате Луизиана. Уже куплено было два билета — детский и взрослый — на поезд до Нортвила, куда Бен Хилли и его сын решили переехать из ставшего чужим Сент-Луиса. В тот кружок на карте попал указкой, зажмурив предварительно глаза, Джуниор.

И тут произошло событие, достойное упоминания в анналах истории приключений приемного сына Бена Хилли. В один из томных, скучных, безденежных сентябрьских вечеров в доме Хилли затрезвонил телефон. Трубку, как обычно, поднял Джуниор:

— Алло! — Послушайте, молодой человек, с вами говорит владелец оружейной лавки, Мистер Сэм Перкино.

— Здравствуйте, мистер Перкино. Я сейчас позову отца.

— Нет, молодой человек, не надо. Я хотел бы поговорить именно с вами. У меня есть одно деловое предложение...

Существует мнение, что попытки регулировать поведение человека с помощью неодушевленных предметов тщетны. Не помогают в этом деле ни свободная торговля оружием, ни выпуск справочников этикета, ни рождественские сказочки по телевизору. Возможно, так говорят напрасно. По крайней мере, предложение мистера Сэма Перкинса Джуниором было принято, и в итоге его поведение радикально изменилось. Описать же долгие телефонные переговоры двух сторон можно в виде простой формулы: чем хуже ведешь себя ты, малолетний озорник, тем лучше идут дела в моей оружейной лавке — и в благодарность четвертая часть доходов переводится на открытый вчера банковский счет твоего отца. Кстати, на этом счету уже лежит двадцать тысяч долларов как аванс.

Справедливости ради стоит отметить, что папа в коммерческую тайну сына в тот вечер посвящен не был. Джуниор принял решение самостоятельно. Это подтверждает короткий диалог отца с сыном, ненадолго прервавший телефонный диалог:

Бен Хилли, выглянув из кухни, удивленно спросил:

— Что случилось, сынок? С кем это ты так долго болтаешь?

— Ничего, папа. Все в порядке. Это старший сын Роя звонит. Приглашает меня завтра, знаешь ли, песни с ними попеть, в поход сходить.

— А, ну передавай ему привет, — и мистер Хилли вновь вернулся к манящему и булькающему миру кухонной плиты, еще не подозревая, что завтрашний день принесет семье деньги.

Надо сказать, полученный аванс Джуниор отработал очень быстро. За две недели в оружейной лавке Сэма Перкинса было куплено больше товаров, чем за предыдущие 10 лет. Удачливый предприниматель переименовал свое заведение в магазин и заказал большую партию шлемов и бронежилетов. По улицам Сент-Луиса без подобной амуниции передвигаться стало опасно. Еще через пару дней Сэму Перкинсу пришлось оптом заказать у производителя груз полицейских замков N 704, засовов из легированной стали и комплектов видеонаблюдения за входной дверью. Жители городка перестали чувствовать себя в безопасности в своих уютных квартирах.

В свободное от вылазок на вражескую территорию время Джуниор Хилли принялся внимательно изучать книги из библиотеки отца, стремясь найти новые возможности для увеличения семейного банковского счета. В результате кругленькие суммы от телекомпаний и газет довольно регулярно стали пополнять копилку Маленького Бена и его наследника, а репортеры теперь успевали на место будущего происшествия минут за пять до взрыва.

Бен Хилли, конечно, недолго оставался в неведении относительно источника инвестиций в семейный бюджет. Нельзя сказать, чтобы полученные сведения доставили ему уйму приятных ощущений. У малыша, скованного

по рукам и ногам цепями заключенных контрактов, оставалось слишком мало времени на учебу. Он иногда не делал домашние задания. Но Маленький Бен уже привык к новому облику их домика, к великолепному «Форду» и не смог сказать решительное «нет» сыну. Тем более, что малышу явно нравилось вести жизнь взрослого человека, который обеспечивает деньгами свою семью.

Мирный оазис провинциальной жизни превратился в кипящий котел боевых действий. Чувствуя поддержку за своей спиной, Джуниор все более активно вмешивался в жизнь спокойного городка на Миссисипи. Голливуд, давно мечтавший о подобном павильоне, все съемки батальных сцен из сериалов о войнах гангстеров перенес в Сент-Луис — лучшую натуру в Америке отыскать было трудно. Пустынные улицы с одинокими, испуганно озирающимися прохожими, эхо далеких взрывов, цементная пыль, висящая в воздухе и на добрых полдюйма устлавшая мостовые полуразрушенного городка... Вот где раздолье статистам-"мафиози"! Они весело резвились, выдавая дубль за дублем на огороженных пикетами национальной гвардии площадках, к которым маленького Джуниора Хилли старались все же не подпускать.

Естественно, деньги за новую съемочную площадку Голливуд перечислил на счет семьи Хилли.

Так прошла зима — зима непрерывного финансового успеха. Но уже весной Маленький Бен, гордясь достижениями сына, стал замечать признаки душевного разлада у Джуниора. Малыш очень уставал, ему тяжело было нести бремя боевых действий на своих хрупких плечах. Мальчика уже не радовали передовицы газет, взахлеб трещавшие о новых акциях «юного чудовища» из Сент-Луиса. Джуниор равнодушно откладывал свои интервью, опубликованные в солидных иллюстрированных журналах.

Слова отца, который предложил в начале марта, после самой популярной операции сына — взрыва карбидного завода в шести километрах от города, расторгнуть контракты и уехать — но уже не на поезде, а на машине — в далекий Нортвил, упали на благодатную почву:

— Хорошо, папа, но давай поживем здесь до лета,

иначе неустойку с нас сдерут — вообще денег не останется.

Разговор произошел в начале марта. Таким образом, Сент-Луису предстояло прожить еще три кошмарных месяца. За это время капитал Сэма Перкинса утроится.

Больше сей достойный господин в истории Джуниора Хилли и его отца, Маленького Бена, не появится. Но колоритная фигура владельца оружейного супермаркета заслуживает пристального внимания. Необходимо сказать пару слов о внутреннем мире внешне неприметного, лысоватого обитателя заштатного городка, оказавшего немалое влияние на формирование характера Джуниора Хилли.

Сильные люди предпочитают не исправлять пороки окружающих, а использовать их, направляя в нужное им русло. Вообразить себе Джуниора сладкогласным ангелочком мистер Перкинс не мог — и поэтому принял малыша таким, каким хотел его видеть — агрессивным разрушителем. В этом секрет влияния лысого очкарика на его юного друга, в этом же разгадка того, что в конце концов малыш устал исполнять желания своего делового партнера. Джуниор не был терминатором, он был просто озорным мальчишкой. Как только игра в террориста ему надоела, он стал тяготиться натянутой на себя личиной и отбросил ее, как когда-то пестрый галстук-бабочку.

Сэм Перкинс, сын негритянского проповедника близкого конца света, ничуть не похожий на своего темнокожего отца, в детстве не раз был наказан и за неверие в Пришествие и за злые, пакостные проделки. Темное, мрачное было загнано в потайные уголки души торговца оружием, затянулось сверху пленкой показного добродушия. Но при более внимательном рассмотрении сразу же выявлялся основной мотив поведения круглолицего скупердяя с 42-м размером обуви — обида на окружающий его мир. Обида на всех, в том числе и на отца, оставившего в наследство оружейную лавку не где-нибудь, а в тихом и спокойном Сент-Луисе.

Жил Сэм Перкинс на Лонг-Бич, неподалеку от шикарного особняка судьи Хендерсона. Да, в Сент Луисе правосудие и торговля оружием мирно сосуществовали и

изредка похаживали друг к другу в гости. Конечно, при встрече судья и продавец специфического товара не раз обсуждали тишину и покой, царящие в городе. Один при этом восхищался добродушием местных жителей, другой в душе проклинал «недоделанность» сент-луисцев.

Так вот, этот самый Сэм Перкинс первым встал на защиту малыша Хилли, когда на дне рождения Люси Хендерсон тому грозили неприятности. Мальчуган понравился торговцу оружием, владелец никому до поры не нужных изделий почувствовал дуновение свежего ветерка коммерческого успеха. Уже тогда в голове предприимчивого дельца созрел план, позже удачно воплощенный в жизнь.

Однако вернемся к главному герою нашей истории. В начале лета Джуниор Хилли, как и обещал в марте, разорвал все свои контракты. В городе воцарилась тишина. Осажденные в крепостях-домиках не хотели верить вновь вернувшемуся спокойствию и долго еще с опаской оглядывались на всякий шорох. А между тем Джуниор Хилли был уже далеко — вместе с отцом они умчались в Нортвил на своем новом автомобиле, погрузив в прицеп немногие нужные в дороге вещи.

Правда, перед самым отъездом Маленький Бен засомневался в необходимости предпринимаемого шага. Ведь в принципе Сент-Луис был довольно приятным местом, красивым, мирным, спокойным.

Уже на выезде из городка, близ указателя с широкой полосой, подчеркивающей название городка и всю прошлую жизнь наших героев, маленький Бел притормозил:

— Может, останемся все же? Нет, ты послушай, не верти головой. Знаешь, разные там воспоминания. Учти, сынок, Сент-Луис — это город, где я родился, где меня воспитали. Здесь я всех знаю, где у меня осталось много нежных воспоминаний.

Джуниор внимательно выслушал отца, но остался неприклонен: уезжать так уезжать. Взглянув на часы, малыш заторопил отца:

— Какие, к черту, нежные воспоминания? Тут все тебя терпеть не могли — и твой отец, и твоя жена. А эти жуткие соседи? Давай, гони.

— Ты прав! К черту! Давай разделаем это место под орех!

Притормозивший было автомобиль взревел всеми своими 160 лошадиными силами и рванулся к сиротливо стоящему у дороги указателю. Тот, отброшенный метров на 15, звонко громыхнулся об землю, а Бен и Джуниор Хилли, не оглядываясь, покатили в далекий и долгий путь.

Едва они скрылись за ближайшим поворотом, в центре Сент-Луиса заполыхал оружейный супермаркет: наверное, где-то закоротила проводка.

* * *

Дороги, американские дороги... Сколько од сложили во славу их водители и пассажиры! Сколько хвалебных слов сказано о тех, кто поддерживает чистоту и порядок на транспортных артериях огромной страны — и все же нельзя удержаться и не высказать свое уважение к дорогам Америка.

Именно благодаря им долгий и трудный путь на Запад, каждая миля которого для первопроходцев была подвигом, стал для семейства Хилли хотя и довольно долгой, но приятной прогулкой.

Как и было решено заранее, по дороге на новое место жительства отец и сын Хилли основательно помотались по стране. Широкую, прохладную долину Миссисипи сменили сухие, но такие же необъятные прерии, потом на горизонте замаячили силуэты Скалистых гор. Посетили путешественники и знаменитую долину Блю Грасс — царство голубой травы, где когда-то стучал молот знаменитого Люка Дюрваля. Сделав крюк, Маленький Бен привез сына на место, где в далеком 1687 году был убит своими спутниками замечательный путешественник Ла-Саль, вечный неудачник. В Йелоустонском национальном парке семейство Хилли пробыло целых два дня.

Долго стояли Бен и Джуниор Хилли на берегу бурой от взвешенных частиц глины Миссури, несущей свои воды к Миссисипи. Поток уносил бумажный кораблик к

далеким берегам, на которых застыл в неге родной Сент-Луис. Но возвращаться в город, где наконец-то жители обрели былое спокойствие, не хотелось. До Нортвила оставалось 300 миль, он был где-то там, за поворотом, притягивая к себе как магнит.

Череда кемпингов, мотелей, автостоянок начала утомлять путешественников. Позади были тысячи миль, намотанных по стране за два месяца. Какую форму ни придавай придорожным гостиницам снаружи, внутри они все одинаковые. Вечный холод влажных простыней, батутная звонкость пружин матрасов, устоявшийся запах вечного странствия и назойливая реклама: вы остановились в самом живописном уголке Штатов! Лучший сервис! Самые низкие цены!

Вообще, реклама доставила маленькому Бену и Джуниору немало забавных минут. В Иллинойсе им казалось, что они мчатся по толстому-толстому слою шоколада — просто рябило в глазах от мелькающих вдоль обочин рекламных оберток «Марса». В Каньонах Скалистых гор, на крутых поворотах какой-то шутник поставил огромные желто-зеленые щиты «Скитлса». Но особенно привлекательными были предвыборные плакаты с изображенным на них во весь рост Большим Беном, невесть каким избирательным ветром занесенные за границы Луизианы.

Увидев в первый раз симпатягу-дедушку, малый чуть не намочил штаны от смеха — верхушку столба облюбовала пара грифонов, наверняка прирученных демократами. Птицы здорово поработали над увеличением числа регалий, украшавших грудь бравого республиканца. Большой Бен, довольный каждой новой наградой, просто сиял от счастья и проехать мимо плаката было свыше всяких человеческих сил. «Форд» взвизгнул тормозами и терпеливо принялся ждать, пока пассажиры пытались подмыть основание столба, на котором было закреплено изображение их знаменитого дедушки. Бел Хилли и его сын и потом не пропустили ни одного портрета своего старикана, чтобы не отдать ставшие традиционными почести. Иногда они шли даже на то, чтобы потерпеть немного, возвращаясь вновь на основную дорогу и зная, что по пути их поджидает уже встреченный не раз дедушка. Иногда приходилось часами стоять у портрета, собираясь с духом, чтобы исполнить ритуальное действие.

Как бы то ни было, Нортвил приближался, будоража воображение малыша своим великолепием.

— Папа, а в Нортвиле река есть?

— Да, сынок. Может, не такая огромная как Миссисипи, но говорят, тоже довольно широкая.

— А дома там все в голубой цвет красят? — Почему?

— Ну, потому что красиво.

— Не знаю. Может быть, и в голубой. Правда, наш дом, как мне писали, покрашен желтой краской.

— Наш дом? А сколько этажей в нем? Четыре?

— Ну ты даешь! Четыре! Это многовато. Чтоб на такой домище заработать, тебе надо было Сент-Луис взорвать до основания. Обычный дом — два этажа, крыша коньком и лужок у входа. Да, говорят, там около нас озеро есть поблизости.

— Озеро? Вот здорово! В озере можно без плавок купаться.

— Сын, ты что? Почему без плавок? Почему только в озере?

— Ты ведь сам говорил, что в озерах любили купаться краснокожие. А какие же индейцы в плавках? Я считал, только дети Роя до этого додуматься могли.

За разговорами время бежало быстрей. Спеша домчаться до своего домика с готической крышей, Маленький Бен и его сын решили больше не останавливаться на ночлег в мотелях. Только вперед! Заправился и в путь.

Сменяя друг друга ночью, они вели машину к облюбованным берегам сказочного озера, в котором можно купаться без плавок.

И наконец за очередным поворотом блеснули в лучах восходящего солнца остроконечные крыши желанного города.

Как и было уговорено, малыш остановил машину и

разбудил отца. Потом, не в силах сдержать волнение, уже с места пассажира, продолжил пристрастный допрос:

— Папа, мы и правда не будем здесь заключать контракт с владельцем оружейной лавки?

— Нет, сынок, не будем. Хватит! Теперь моя очередь добывать деньги!

— А где наше озеро?

— Да вон оно, видишь, блестит. Красиво! А вот, похоже, и наша улица. Ну, наконец, приехали.

Автомобиль застыл при въезде на бегущую вдоль берега озера улочку. Яркие, словно игрушечные, дома отгораживались от воды серой струйкой шоссе, а ближе к берегу теснились волейбольные площадки, теннисные корты, стадион с беговой дорожкой. Несмотря на ранний час, на спортивных аренах кипела жизнь: поклонницы гимнастики дружно крутили хала-хупы, возглавляемые стройной и симпатичной блондинкой в сиреневом купальнике. Куда-то неспешно трусили поклонницы оздоровительного бега, взмывали вверх шесть или семь воланов, одинокая шестилетняя любительница острых ощущений на роликовых коньках, словно черная кошка, тут же рванула наперерез новой машине, приехавшей в их город. Ну, черной кошкой ее, конечно, назвать было нельзя — белобрысая девчушка, конопатая, с нахально вздернутым носом мелькнула перед капотом машины и лихо покатила по правому тротуару. Но воздушный шарик, который светловолосое чудо тащило за собой на веревке, был действительно черного цвета.

Суеверный малыш тут же вооружился рогаткой — заслуженной, боевой рогаткой, не раз выручавшей его в сложных ситуациях. И на сей раз Меткий Стрелок остался верен гордому прозвищу, полученному в среде ровесников. Шар вздрогнул от попадания металлического пробоя и лопнул с оглушительным треском.

— Ха-ха-ха! — Девчушка резко затормозила и свирепо уставилась на дурацкую рожу, которая сотрясалась от идиотского хохота. Машина в это время тронулась, увозя обидчика, враз забывшего о застывшей у обочины фигуристке на роликовых коньках. Девчушка про себя отметила: «Нет, этого парнишки раньше здесь не было. Новенький. Ну что ж, сочтемся!»

Так состоялось первое знакомство, мимолетная встреча Джуниора Хилли и Трикси Янг.

На малыша свидание не произвело никакого впечатления: он тут же забыл о белокурой девчушке, стараясь отыскать свое новое жилище.

— Это наш дом, тот желтый, с зеленой крышей?

— Нет.

— Может быть тот, перед которым красные цветы?

— Тоже нет.

— А вот, может быть тот, перед которым стоит большая вывеска «продано». Он тоже желтый.

— Точно, угадал.

Бен Хилли одобрительно подмигнул своему сыну, и автомобиль плавно повернул на ведущую к красавцу-дому аллею. Вблизи дом производил приятное впечатление, чувствовалась заботливая рука его прежних хозяев. Аккуратно покрашенные рамы, резьба на перилах крыльца, блестящие чистотой стекла. Трава на участке была недавно скошена, ветки придорожных кустиков подстрижены ножницами заботливого садовника. И, главное, вид отсюда открывался воистину великолепный!

Широкая гладь озера искрилась в лучах солнца, за ней зубчатой стеной вздымался синеватой неровной стеной лес, где-то на горизонте проглядывались туманные очертания далеких гор. Сказочный пейзаж — нм бы любоваться и любоваться.

Только поклонниц физкультуры, встречавших ранний рассветный час у берегов озера Шаконзы, любимого места активного отдыха обитательниц Нортвила, мало интересовали красоты природы. Обернувшись на шум вкатившейся во двор шикарной машины, женщины напряженно вглядывались, стараясь разглядеть новоприбывших.

Едва хлопнула дверца водителя и Маленький Бен выпрямился во весь свой 175-сантиметровый рост, раздались восхищенные крики поклонниц мужской красоты:

— Боже мой, нет, не может быть! Он великолепен.

— Ой, девочки, вы посмотрите, какой мужик.

— Я не видала такого уже лет двадцать!

Буря восторженных воплей усилилась, когда захлопнулась и вторая дверца, выпустив пассажира «Форда» — Джуниора. Больше в машине никого не осталось, из чего женщины сделали единственно возможный вывод:

— И самое главное, он холост!

— Он холост!

— Да, девочки, он холост!

Тут же потеряв интерес к утренней гимнастике, поклонницы активного образа жизни бросились по домам.

Проводив разбегающихся женщин удивленным взглядом, отец и сын недоуменно переглянулись и пожали плечами. Потом решительно отправились за ключами от своего нового жилища — благо, контора агентства недвижимости находилась буквально в ста метрах, о чем любезно сообщал в письме Грек Флоппер, «сосватавший» Бену Хилли удачную покупку «недорогого, но уютного и вместительного дома в Нортвиле».

Вскоре Бен Хилли и Джуниор вернулись, сопровождаемые представителем агентства, заспанным в столь ранний час, но привычно услужливым и вежливым. Быстро введя новых хозяев в курс дела и показав участок, парень в джинсовой куртке растаял в воздухе — очевидно, отправился досматривать свой прерванный сон. Но в руках у Маленького Бена теперь поблескивали ключи от входной двери.

— Ну, что скажешь, сын?

— Место хорошее. Интересно, как там дом внутри.

— Ну, знаешь, мебели там еще нет.

— Ничего, пойдем посмотрим, пап. Ух ты, сколько места! Отлично!

— Нравится? — и Бен Хилли широким жестом хозяина обвел просторный холл, который освещался ворвавшимся в открытую дверь солнечным лучом. Незапертые двери позволяли рассмотреть очертания строгой гостиной, уютной кухни, довольной большой комнаты — спальни или библиотеки. Наверх вела широкая лестница, неуловимо схожая с той, которая осталась в 110 милях позади, в доме на тихой улице Сент-Луиса.

— Нравится?

— Еще бы! — малыш искренне радовался встрече со своим новым жилищем. Вот за таким домом он будет следить, он будет поддерживать здесь чистоту и порядок.

—Подожди, ты еще не видел свою комнату.

— О-ха-ха! Вот так детская! Да здесь шикарно, как в Лас-Вегасе!

— Ну вот, сынок, мы и дома!

Джуниор все никак не мог успокоиться и носился взад и вперед по комнатам, наполняя дом веселым гулом обитаемого жилища.

— Отлично, места сколько! Папа, иди вниз. Смотри — ну и гостиная. Можно в футбол играть. Постой тут, я сейчас мяч принесу.

И Джуниор, словно ветер, рванулся к входным дверям. Те жалобно пискнули, выпуская ураган наружу, где уже захлопали все четыре дверцы автомобиля одновременно. Бел Хилли не удержался и бросил сыну:

— Осторожней! Мяч должен быть в прицепе, в зеленой даслеровской сумке.

— Да, да. Уже нашел. Все, бегу.

Мальчик опять заставил скрипнуть входную дверь, И Бен Хилли подумал, что стоит ее сразу смазать, иначе за день писком она изведет кого угодно. Сын явно сегодня не собирался долго засиживаться на одном месте. И, конечно, американский футбол малыша займет не больше, чем на пятнадцать минут. Уж слишком азартно начал Джуниор носиться с кожаной дыней по комнатам, вопя, словно совершал проход на тачдаун в финальном розыгрыше национального суперкубка:

— Давай, лови!

Отец заметался по комнатам, пытаясь настигнуть юркого и шустрого наследника. Тот, умудряясь избегать захватов, летал по комнатам. Веселая суматоха разбудила весь дом, в нем сразу посветлело, в воздухе неуловимо носилось предвестие праздника.

«Вот мы и приехали. Начинаем с папой новую жизнь. Приятно, когда рядом есть человек, который меня любит. А то обычно на меня посмотрят и бегом. Я думаю,

это хорошо, что у меня такой отец и что мы живем с ним вместе, вдвоем».

Словно разгадав мысли внезапно притихшего малыша, Бен Хилли остановился и ласково проговорил:

— Теперь мы здесь: только ты и я, сынок!

Прервав не- досказанную отцом фразу, заверещал звонок у входной двери, словно спеша познакомить новых хозяев со своим искусством заставлять вздрагивать от неожиданно резкого и пронзительного звука.

— Подожди секунду: кто-то звонит в дверь, — Бен Хилли, отпасовав кожаный мяч-дыню сыну, отправился встречать первого на новом месте гостя, посетившего их дом.

Как это ни удивительно, но на крыльце он увидел симпатичную пухленькую блондинку, еще недавно возглавлявшую группу поклонниц аэробики. Она напряженно застыла перед запертой дверью и враз засветилась торжеством при виде сконфуженного от встречи с ее красотой мужчины.

— Здрасьте. Я хотела с вами познакомиться, поздравить с прибытием в наш городок. Знаете, у нас так мило, и вообще, в нашем городе живут такие хорошие хозяйки. Вот я испекла вам вишневый пирог!

Пирог, уже давно почувствовавший свою участь — быть съеденным двумя жадными до вишневого варенья мужиками — покорно отдался в руки одного из своих уничтожителей. Но тот, желая продлить торжество, обернулся и зычно позвал союзника:

— Джуниор, иди сюда! Смотри, сынок, нам испекли вишневый пирог. Иди сюда, познакомься с мисс...

— Ой, извините, я не назвала себя. Понимаете, растерялась: вы такой милый...

Намечавшийся интимно-нежный разговор был грубо прерван бесцеремонным вмешательством Джуниора. Тот потянул отца за рукав от двери. Бен Хилли, обе руки которого были заняты — не мог же он отпустить пирог! — не успел оказать никакого сопротивления. Он дал себя увести в темноту гостиной и с сожалением услышал, как Джуниор навеки похоронил намечавшиеся перспективы контакта с симпатичной болтушкой. Его сын таким тоном произнес «Очень предусмотрительно!», что после этого мало какая женщина осмелится близко подойти к порогу проводившего ее такими словами дома.

Дверь хлопнула, заглушив противный скрип петель. Малыш, втайне гордясь одержанной только что победой, весело произнес:

— Ладно, давай, бери мяч.

Но отец тут же доказал малышу, что победа была пирровой.

Пристроив пирог на подоконник, он перешел в атаку:

— Сын, ты что это? Иди сейчас же извинись перед этой любезной женщиной...

Теперь сын, лишенный возможности сопротивляться, покорно дал себя подтащить к входной двери. Каково же было удивление обоих, когда вместо прежней красотки, выбеленной ярким летним солнцем, они увидели широкобедрую и темноволосую представительницу слабого пола, только ласковостью взгляда да нежным подрагиванием голоса напоминавшую предыдущую посетительницу.

— Ой, здравствуйте... Вблизи вы выглядите даже лучше.

— Простите...

Да, было еще одно сходство, сближавшее обеих посетительниц: в руках темноволосой переливался всеми цветами радуги пирог, еще пышущий жаром духовки. Принимая его, Маленький Бен растерянно улыбнулся, а потом, по некоему наитию, выглянул на улицу. То, что он увидел, поразило его. Очередь — невероятное явление в самом центре Америки! — выстроилась к дверям их дома. Женщины — цветущие блондинки, брюнетки, шатенки — вытянулись довольно плотной цепочкой, и терявшийся вдали хвост очереди быстро увеличивался за счет торопливо подбегавших красавиц, каждая из которых нежно прижимала к груди пирог.

— Что?

Церемония принятия кулинарных залогов установления добрососедских отношений затянулась. Несмотря на то, что пироги делали честь выпекавшим их хозяйкам многообразием форм, расцветок и размеров, становилось

немного утомительным вежливо раскланиваться с каждой из посетительниц. Малыш заропотал первым:

— Пап, ну как насчет футбола?

— Спасибо, мы с тобой позже поиграем. Давай пока познакомимся с этими милыми женщинами...

— Пап, ты знаешь, их тут столько — пироги ставить некуда.

Действительно, свободного места в прихожей оставалось немного, и про футбол в доме приходилось забыть по крайней мере на неделю. Но в этот момент неожиданным избавлением от пироговой напасти блеснул белозубой усмешкой и лысиной мужчина средних лет. Оттеснив очередную посетительницу и бесцеремонно захлопнув перед ее носом дверь (дабы женщина не мешала встрече двух мужчин), гость оптимистическим басом заревел:

— О, Слава Богу! Хоть еще один мужик появился. Боже мой, наконец-то я смогу хоть с кем-то поговорить. С ума здесь схожу, от этой жизни. Вы «Секс-миссию» не смотрели? Так вот, я здесь как тот баба-мужик живу, предводителем.

— Извините, но я не смотрел «Секс-миссию».

— Ну, это то же, что «Новые амазонки». Да ладно, потом объясню. Ты что, не знаешь разве, что Нортвил — это столица разведенных баб всего мира?

Взрослые посетители упорно не желали замечать малыша, и тот, привыкший к более почтительному отношению к своей особе, от растерянности просто не мог выбрать из богатого арсенала ответных действий наиболее подходящее. А щекастый гость все наседал на робко сопротивлявшегося Маленького Бена:

— Слушай: я как раз затеял шашлык на лужайке. Заходи, а... Я Мерил Борке, живу рядом. У меня красные цветы перед домом растут, найдешь...

— Да, я видел. Найду, спасибо. А меня зовут Бен Хилли. Это мой сын — Бен-младший. Вообще-то его зовут Джуниор, но, понимаешь, у меня дедушка...

— Смешной парень, — прервал мистера Хилли абориген. — Короче, я вас обоих приглашаю. Заходите, угощу.

* * *

В полдень, кое-как разбросав по комнатам привезенные с собой вещи, Бен Хилли и его сын отправились наносить свой первый визит. На минуту замявшись у калитки дома, перед фасадом которого краснело море тюльпанов и гвоздик, глава семейства нажал кнопку звонка.

Через секунду дверь широко распахнулась, и на пороге вырос хозяин дома. Мерил Борке светился все такой же приветливой усмешкой, и все так же расстегнутые пуговицы пестрой рубашки не стесняли колебания могучего чрева лысого добряка.

— О, проходите, гости дорогие. Как у меня здесь, классно? Вот это мой эвкалипт — я его двенадцать лет назад посадил — говорят, от малярии помогает. А у нас тут малярии и нет, ха-ха-ха.

— А где хозяюшка?

— Нету здесь никакой хозяйки. А почему? Малыш, знаешь, иди в сад, погуляй...

Джуниор, наперед зная все подобные истории об изменах, психологической несовместимости и повышенной экзальтации или полной фригидности, предоставил возможность выслушивать подобную чепуху отцу в одиночку. Он решил, что и в самом деле куда более интересным будет обход плодоносящих деревьев и кустарников, и направился к коричневой калитке. Но путь ему перегородили невесть откуда взявшиеся девятилетние дылды в одинаковых сиреневых сарафанах. Они хорошо поставленными голосами продавщиц парфюмерных отделов строго предупредили мальчугана:

— Эта территория закрыта, это наш сад!

— Ваш сад?

— Да, наш. За проход требуется плата. Давай каждой из нас по 10 зелененьких.

— По десять долларов? — возмущению Джуниора не было предела. — Да я вам сопли зеленой одной на двоих не дам.

— Плати, либо уходи!

Связываться с девчонками в первый же день — фи,

недостойно джентльмена. Да, кроме того, жара отнюдь не располагала к активности — и Джуниор покорно развернулся и побрел к оживленно размахивающим рукамн взрослым.

Те, вероятно, уже успели нащупать общие темы. По крайней мере, разговор об отсутствующих хозяйках сам собою затих, а Мерил Борке яростно тыкал в огромную металлическую трубу на четырех ножках:

— Ну что, Бен, как тебе нравится моя печка?

— Ну, большая...

— Большая? Не то слово! Она мне стоила месячной зарплаты. Но я, знаешь, не жалею. Я в ней такие шашлыки готовлю — по двадцать долларов за порцию — и то покупали бы.

— Неужели?

— Я понимаю, на тебя это не произвело особого впечатления. Ну, конечно — тебе ведь, наверное, жена готовит.

— Вообще-то, я тоже не женат. Мы недавно разошлись.

— И что, тебе достался ребенок? Ха, удачная договоренность. Моя из пяти троих забрала, мне только девчушек-двойняшек оставила. А мальчишка — не дай бог. Я считаю, тебя крупно надули.

— Нет, почему же.

— Но согласись, с ним ведь тяжело одному.

— Ну, не спорю — вдвоем легче.

— Не волнуйся, ставлю 50 против одного, что в этом городе тебе повезет... — и Мерил Борке довольно потянулся в кресле, похлопал себя по освободившемуся от последней пуговицы брюшку. — Главное, правильно начать осаду. А бабенки тут есть ничего...

Малыша начала раздражать самоуверенность не в меру расходившегося соседа. Он требовательно обратился к отцу:

— Пап, пойдем, они тут настоящие жлобы.

Мистер Борке вскочил с кресла, как ужаленный. Критически обведя малыша взглядом, он вдруг изогнулся в иронично-вежливом поклоне и запищал:

— Ах, извините, ваше высочество. Я не сразу понял,

что такой простой человек, как я, да и все мое семейство недостойно вашего высочества. Может, мне зайти в дом и переодеться: из последних запасов на подобный случай я сберег шелковый смокинг, а потом, когда вы снизойдете до моей персоны, мы откроем шампанское и попробуем эскарго...

«Странно, почему так бывает: едва только начинаешь вести себя миролюбиво, как тебе тут же норовят сесть на шею и приходится опять показывать, что ты умеешь «кусаться».

Зная способности сына, о которых пока не подозревал ироничный господин Борке, Маленький Бен строго предостерег Джуниора:

— Сынок, постарайся вести себя повежливее! Мы все-таки здесь гости.

— Хорошо, папа.

Желая окончательно загасить конфликт, мистер Хилли отвернулся от своего сына и обратился к новому приятелю:

— Извини, пожалуйста!

— Да, ничего, старик.

Если бы Маленький Бен не поспешил начать мирные переговоры с хозяином печки-шашлычницы, он ,конечно, обратил бы внимание на зловещую ухмылку сына, который рассматривал устройство железной трубы на тоненьких ножках. Ухмылка тронула губы малыша, едва только он заметил три здоровенных баллона с грозной надписью: «Осторожно, газ "Пропан"»! Улыбка быстро исчезла, как облачко в ясную погоду, уступив место сосредоточенному сердитому выражению лица: мальчуган свирепо откручивал все три крана, пуская газ в шашлычницу. Его вид никак не подтверждал фразы отца:

— Понимаешь, Мерил, мы долго ехали, мальчик просто устал.

— Да ничего, я так ведь, просто пошутил. Ничего страшного. Ну, все, забыли. Пойдем, поможешь мне. Сейчас сделаем шашлык-объедение!

— Шашлык — это прекрасно! Что мне делать?

— Так, — по-хозяйски распоряжался вошедший во вкус мистер Борке. — Сходи в дом за уксусом. Он на

кухне, в левом шкафу — такая красная бутылочка. Найдешь?

— Найду.

Мистер Хилли скрылся в доме и зазвенел кухонными ящиками. Секунду Мерил Борке прислушивался, потом деловито направился к печке, приговаривая:

— Так, сейчас начнем, и будет очень вкусно. Все будет просто замечательно.

Спичка — редкий случай даже в Америке — вспыхнула сразу. Дав хорошенько разгореться маленькому костру, мастер-шашлычник швырнул ее на камни своей чудо-печки. Но ожидаемого эффекта не получилось — огонек погас. Погасла еще одна, потом еще одна спичка.

— Черт, что такое?

Мерил Борке взял сразу три спички, чиркнул ими о коробку. Факел выглядел довольно внушительно, но все равно система не хотела работать: очевидно, газ просто не поступал в печку.

Так, наверное, там какой-нибудь камушек мешает. Ага, вот так.

Пропан довольно долго не поддавался на провокации и не желал вступать в реакцию горения, переходящую во взрыв. Но три баллона... В конце-концов взрыв просто должен был состояться, если учесть настойчивость мистера Борке.

Вспышка и оглушительный грохот заставили застыть на пороге кухни нашедшего укус Маленького Бена. Он, онемев от удивления, оторопело вглядывался, пытаясь уловить все фазы замысловатой траектории, по которой гостеприимный хозяин перелетал от переставшей существовать печки к озеру. Нет, не к большому озеру, поблескивающему метрах в ста от дома, а к маленькому надувному детскому бассейну, в котором купали своих кукол двойняшки мистера Борке.

* * *

Занятия в школе, как известно, могут быть отменены только в чрезвычайном случае. Самой большой катастрофой, случившейся этим летом В Нортвиле, был взрыв печи во дворе Мерила Борке, который при этом отделался легким испугом — и, следовательно, никаких оснований для переноса начала учебного года не было.

С утра к школе устремилась череда блестящих на солнце автомобилей — родители подвозили своих недорослей к храму знаний. Уже упомянутая выше характерная черта демографической ситуации в Нортвиле делала экзотичным экипаж семейства Хилли: одинокий отец и его малыш тут же оказались в центре внимания обитательниц окрестных улиц. Женщины здесь были не только неплохими кулинарками, но и вполне самостоятельно могли вести машину по мостовым родного городка.

Восторженное внимание зрительниц еще более усилилось, когда «форд» затормозил у ворот школы. Мистер Хилли, как всегда, элегантно вышел из машины и теперь ждал, пока его сын соизволит выбраться наружу. Но пауза затягивалась — мальчик словно прикипел к сидению.

— Ну же, Джуниор. Я тобой горжусь! Ты у меня умница.

— Знаешь, папа, не хочу сегодня в школу.

— Что? Сын, сейчас же вылезай из машины. Ты пойдешь в школу!

— Не пойду, лучше пусть меня вымажут в смоле.

Неожиданно жесткое сопротивление сына заставило отца изменить тактику. Мистер Хилли захлопнул свою дверцу и, обойдя машину, склонился к стеклу, из-за которого на него поглядывали бойкие глаза Джуниора.

— Джуниор, опусти стекло! Вот так. Сынок, ты пойми, третий класс — это класс, в котором закладывается основа хорошего образования. Надо идти.

— Нет, не пойду.

— Не пойдешь, тебе же хуже будет.

— Да, один не пойду!

— Открой дверь! Ну, хватит. Я — твой отец, и ты должен делать то, что я тебе говорю. Не пойдешь, так я тебя сам отнесу в школу, — с этими словами мистер Хилли с корнем вырвал сиденье машины и вместе с замершим от негодования Джуниором потащил кресло ко входу в школу.

— Ну ладно, пойду. Поставь кресло! Вот, посмотри, что ты наделал — проводки всякие порвал. Я, может, и так пошел бы.

— Ага, пошел бы так просто! Не заливай. Возьми вот это с собой — тут колбаса, пицца, несколько помидоров и банка «коки». До свидания. Желаю удачи! Джуниор молча выслушал наставления и обиженно поплелся в школу, забросив в тощий рюкзачок пакет с завтраком.

Бен Хилли почувствовал, что стал объектом поклонения всех без исключения собравшихся вокруг женщин.

Свидетельницы столь решительного мужского поступка загалдели, выражая одобрение педагогическому приему, недоступному для них. Не поняв причины оживления, возникшего вокруг его персоны, Бен Хилли извиняющимся голосом произнес:

— У него сегодня первый день в новой школе. Понимаете ли, он немножко волнуется.

Женщины не перестали, конечно, от этого восхищаться решительным поведением настоящего мужчины в скромном костюме. Да, именно такой отец нужен и их непослушным чадам.

Спеша удалиться от нестихающего воркования, Бен Хилли не совсем вежливо метнул кресло вглубь просторного салона и поспешил завести машину.

* * *

Джуниор был настолько поглощен самоедством по случаю вынужденного похода в школу, что утратил свою обычную наблюдательность. Он не заметил в стайке прелестных девчушек ту белокурую фигуристку на роликовых коньках, которой он метко продырявил воздушный шарик в утро приезда. Естественно, малышка была без роликовых коньков и воздушного шара. Не было в ее руках и портфеля. Зато в глазах светился мстительный огонек: девочка явно узнала своего обидчика.

Ах, это он! И желтая кофточка замелькала вслед широко шагающим серым штанишкам, стремясь не отстать от них в бурых водоворотах школьных коридоров.

Малыш пару раз останавливался и спрашивал дорогу к кабинету директора. Мальчишки, которым он задавал вопрос, вздрагивали, пугливо озирались и молча показывали, в каком направлении следовало шагать дальше.

* * *

В то время, как к дверям кабинета директора школы все ближе и ближе подходил Джуниор Хилли, голос мистера Дибати становился все более и более громким. Причем здесь мистер Дибати? А притом, что именно он уже полгода являлся директором шестилетней школы в Нортвиле.

— Ты говоришь, малышка, что я напрасно взялся за это дело? Нет, нет, смена карьеры — это самый умный шаг в жизни.

На другом конце трубки кто-то не согласился с высказыванием директора, и мистер Дибати напряженно вслушивался в аргументы собеседника. Потом он решительно взмахнул рукой:

— Нет, ты не права. Это действительно умный шаг. Да, конечно, тяжеловато на первых порах. Но мне нравится быть директором школы, потому что я терпеть не могу детей. Я их ненавижу, и у меня есть для этого причины.

Мистер Дибати выслушал еще одно замечание собеседницы и уточнил:

— Да, именно потому, что ненавижу детей, я и стал директором школы. Это же здорово: я на них рявкну — и они сделают все, что угодно. Прикажу ползать на животе — будут ползать на животе. Скажу, «выпрыгивай из окна» — они только заплачут: «Конечно, господин директор, слушаюсь!» — и тотчас же в окно.

Разглагольствования злостного воителя, в этот момент напоминавшего предков-самураев, прервал громкий вызов по селекторной связи:

— Господин директор, к вам новый ученик!

Необдуманно резко включив на селекторе кнопку обратной связи, мистер Дибати надолго обнадежил и оза-

дачил 45-летнюю секретаршу миссис Элизабет Горди. Она услышала слова директора, предназначенные телефонной абонентке, и восприняла все на свой счет.

— Послушай, дорогая и желанная, мы с тобой договоримся позже, я тебе обязательно перезвоню.

Тут директор опомнился и резко хлопнул по кнопке селекторной связи. Дальнейшие слова слышали уже только на другом конце провода.

— Мне нужно сейчас расправиться с одним из этих маленьких сопляков! Чао!

Нежно положив трубку на рычаг, мистер Дибати еще несколько секунд с мечтательной улыбкой вслушивался в воцарившееся в кабинете молчание, потом вновь утопил кнопку селектора:

— Пусть этот чудный малыш заходит.

Осчастливленная только что услышанным из уст красавчика-директора признанием, секретарша поспешила избавиться от мальчишки, молчаливо прохаживавшегося по приемной. Он не позволял выявить всю полноту охвативших ее чувств! Широко распахнув двери, Элизабет впихнула Джуниора в кабинет мистера Дибати. Малыш пролетел метра три и застыл, как вкопанный посреди комнаты. Звуконепроницаемая дверь тут же захлопнулась за его спиной.

Только поэтому миссис Горди не слышала зверского вопля почуявшего смертельную опасность мистера Дибати. Она мечтала о том моменте, когда господин директор позвонит ей, как обещал...

— А-а-а-а-а-а!

Ужасному воплю мистера Дибати, казалось, не будет конца. Будто не в силах слушать свой же крик, директор обхватил голову руками и нервно раскачивался над заваленным бумагами столом.

Джуниор Хилли с интересом рассматривал давнишнего знакомого: тот явно не утратил былого богатства оттенков своего голоса.

— Ой, мистер Дибати, вы, конечно, извините, что я вас перебиваю! Вы тянете просто великолепно. Но мне интересно, а вы чего тут делаете?

— Что я тут делаю? — на миг директор школы, в не

таком далеком прошлом руководивший монашками приюта «Трех сестер— францисканок» в Сент-Луисе, опешил. Но сразу же оправился: — Что ты тут делаешь? Здесь мое место, а твое место в скверном Сент-Луисе. Мы же все еще в Нортвиле? Я закрыл глаза и ткнул указкой в карту, попал сюда. Я уехал, чтобы не видеть твоей негодяйской физиономии.

— Ой, как интересно. Я тоже закрыл глаза и ткнул в карту, но я не тыкал указкой.

— Что ты здесь делаешь? Ты собрался учиться в этой школе? Нет, тебя здесь нету — это единственный ответ. Ха, конечно, тебя здесь нет, тебя нет. Ты — плод моего воображения.

Такой обиды малыш Хилли стерпеть не мог. Это его-то обзывают привидением, плодом горячей фантазии!

— Да, но если я плод вашего воображения, то как вы отреагируете на вот это!

— Ой, ну и вонища. Тебя что, дома только редькой и горохом кормят?

Чем похожи все семилетние мальчики и девочки? Не ищите напрасно ответа: он очень прост. Конечно, они одинаково склонны пукать в комнате. О том, что отвадить от этой скверной привычки нелегко, да и вряд ли подобное обучение идет несмышленышам на пользу, говорит пример из повседневной жизни: с этим мог столкнуться каждый. Представьте, что в вашем купе на очередной станции появилась очаровательная, милая, интеллигентная женщина и ее воспитанный сынуля. Но малыш недавно ел горох! И вскоре малыш начинает проситься у мамы:

— Мама, я хочу пукнуть. Можно я в коридор выбегу.

— Беги, сынок.

Через секунду малыш, сделав свой трубный звук в коридоре, ныряет в тесноту купе. Подобное повторяется раз двадцать. И тогда вы идете на пролом:

— Мамаша! Лучше пусть ваш сын тут трубит, а потом в коридор выбегает и там сидит!

В данном случае Джуниор не выказал никакого желания покинуть кабинет директора хотя бы на секунду.

Естественно, лобовой газовой атаки мистер Дибати не выдержал.

— Ой! Ой! Противогаз мне! Ой, задохнусь! Да убережешься ты отсюда?!

— Нет, не могу. Мне сказали в школу ходить!

— В школу ходить? Да ты что, кому это нужно? Ведь по улицам бегать куда веселей.

— Нет, в школе необходимо учиться, чтобы вырасти умным.

— Ты нудный, противный ребенок. Ты даже не мальчик — ты ходячий химический завод. Боже мой, какой устойчивый запах! Здесь придется ремонт делать! Завтра же велю все побелить и перекрасить.

Мистер Дибати вдруг вздрогнул и вкрадчиво спросил у своего давнего юного друга:

— Послушай, Джуниор, ты в каком сейчас классе?

— В третьем.

— В третьем? Это значит, что ты будешь учиться еще четыре года. Послушай, Джуниор, это ошибка. Это крупная ошибка. Потому что ты у нас — гений.

— Я — гений?

— Ну конечно! Ты ведь умный мальчик. В этом не может быть никаких сомнений. Любой, кто способен так испортить воздух, должен быть просто гением. Поэтому я тебя зачисляю сразу в шестой класс, и через год ты уже окончишь школу.

— Но мой папа сказал, что в третьем классе закладывается основа образования.

— Ах вот что сказал твой папа!... Он, наверное, считает себя самым предусмотрительным папой на Земле. Ха-ха-ха.

Мистер Дибати поднялся из кресла и попытался нависнуть ледяной глыбой над малышом, чтобы произвести на того большее впечатление. Узкие плечи и рост не выше 160 сантиметров не позволили добиться требуемого эффекта, и тогда директор школы до отказа крутанул регулировку громкости своего голоса: — Твой папа — кретин! Он — кретин! Ты знаешь, что такое кретин? Не знаешь? Это твой папа! Понял! Другими словами, тебе не место в третьем классе, будешь ходить в шестой, потому что ты гений, мой мальчик, ты гений! Все, можешь забирать документы!

Мистер Дибати смачно прихлопнул печатью направление, выписанное своему новому ученику и старому приятелю. Потом подумал и от руки приписал огромными буквами: «Взять в шестой класс! И без всяких пререканий. Директор школы — я, а со мной не спорят!»

Приписка предназначалась классному руководителю в шестом Дтимни Боксу. Отставной наставник из Норфолка, ранее обучавший морских пехотинцев премудрости китайского языка, ныне с удовольствием возился с малышами. При этом он не повысил уровень своего интеллекта, не изменил системы обучения и не набрал лишнего веса. По-прежнему считал самой лучшей прической полное отсутствие всякой растительности на голове. Но в исполнительности подобного педагога можно было не сомневаться: получив подробную резолюцию шефа, Дтимни Бокс воспримет как должное появление девятилетнего ребенка в шестом классе. Так что с этой стороны опасностей для себя мистер Дибати не предвидел.

Он расслабленно застыл в кресле, как только дверь за Джуниором захлопнулась. Поговаривают, что в этот день у директора не хватило сил отразить последовавшую вскоре атаку своей любвеобильной секретарши.

* * *

Малыш, спешащий на занятия по опустевшим школьным коридорам, извлекал, как учил его отец, уроки из того, что произошло в кабинете директора. Главный вывод, однако, был сформулирован при этом весьма необычно: «Сразу в шестой класс. Вот здорово! На будущее надо усвоить: нужно почаще пукать в кабинетах!»

Не спрашивая ни у кого дорогу — звонок давно уже прозвенел, и никто, кроме Джуниора в всем Нортвиле, не мог опоздать на урок — малыш довольно долго плутал по светлым, широким коридорам новой школы. Здание выглядело снаружи не таким уж внушительным — всего

три этажа. Но первый же обход новых владений удовлетворил мальчугана: не меньше 80 аудиторий, подземный этаж, бассейн, тир, два спортзала!

Наконец, Джуниору наскучило шатание по коридорам и он остановился у дверей с табличкой «Шестой класс». Честно говоря, он пробегал мимо них уже раз пять. С сознанием честно исполненного долга и с глубоким душевным трепетом малыш перешагнул порог аудитории.

— Ну нет, что? Еще один ученик? У тебя направление тоже в шестой класс?

Увидев подозрение в глазах одетого в клетчатую рубашку преподавателя, Джуниор поспешил протянуть подписанные мистером Дибати документы. Наставник углубился было в изучение аттестата, но затем махнул рукой: крупным шрифтом директор пользовался редко, и спорить с ним в таких случаях было бесполезно.

— Интересно, сколько детей должен я учить сразу? Что они, с ума сошли? Ладно. В шестой так в шестой. Давай, ищи свободное место. Хочешь на первую парту? Иди, иди садись. Я не могу задерживать урок.

Малышу его парта понравилась. Чисто, аккуратно, в среднем ряду. До доски рукой подать, на перемену можно первым вылететь. Вещь! Лучшего он и не желал.

Быстро осмотрев полученный в полное свое распоряжение комплект школьного оборудования, который предусмотрительный директор, несмотря на упадок сил успел вычеркнуть из списков числящего за своим учебным учреждением имущества, малыш завертелся в кресле, разглядывая одноклассников.

Классный руководитель Дтимни Бокс, словно решив помочь новенькому адаптироваться, повел фронтальный опрос своих учеников.

— Так, ребята. Отвечаем — можно не вставать. Не знаешь ответа — поднимайся и стой. Через ноги будем вколачивать, что через голову не входит. Давайте быстро, без задержек. Начнем с маленького повторения, чтобы проверить, что вы помните с прошлого года, дорогие дети... Готовы?

— Семнадцать умножим на восемь? Лео!

— Сто тридцать семь!

— Шесть во второй степени? Лолита!

— Тридцать шесть, сэр.

— Сто двадцать один плюс четыреста шесть? Рууд!

— Пятьсот двадцать семь.

— Молодец! Следующий: семьдесят два разделить на минус девять? Ричард!

— Минус восемь, сэр.

— Хорошо! Корень из 144? Моника!

— Двенадцать.

— Так. И наконец ты отвечаешь, Мерф. Ну, скажи нам, сколько будет три прибавить два?

И тут конвейер быстрых и точных ответов дал сбой. Отвечать должен был здоровенный толстяк, увалень лет шестнадцати, надежно и прочно оккупировавший заднюю парту ближнего к окну ряду. По идее, следующий вопрос должен был прозвучать для Джуниора и он с нетерпением ожидал своей очереди: что-то, а арифметику малыш, заключая и расторгая контракты, выучил! Но пауза затягивалась, в установившейся тишине слышалось только чавканье неторопливо перерабатываемой челюстями жвачки. Жевал ее тот самый Мерф, который должен был быстро и точно ответить на простейший вопрос. Но он не слишком торопился, манипулируя разложенными на столе счетными палочками. Наконец Мерф решился:

— Четыре!

— О ужас! Мерф, ты же в шестом классе учишься столько лет, сколько я здесь преподаю. А я хотел тебя в морские пехотинцы взять! Я тебя умоляю, пожалуйста, ну постарайся, ну, немножко подумай. Это ведь так просто: сколько будет три прибавить два?

Мердок Мерф, надо сказать, был весьма гордой особой. Не угадав в первый раз, он уже никогда не утруждал себя повторными размышлениями. Расслабившись — при этом ноги в огромных кроссовках сразу же привычно грохнулись на пластик школьной парты — толстый увалень лениво пробормотал:

— Ну тогда девять.

— Ох, Мерф, Мерф! — сокрушенно покачал головой

учитель. — Я понимаю, этот год будет у нас долгим и тяжелым. В конце прошлого года подобные задачи ты щелкал, как орехи!

Джуниор достаточно освоился на новом месте и решил помочь двинуть дальше конвейер вопросов и ответов. Тем более, все равно, он должен был отвечать следующим:

— Пять. Ответ пять!

Дтимни Бокс резко повернулся через левое плечо и с уважением посмотрел на малыша:

— Ты? Ты что сказал?

— Я говорю: пять.

— Прекрасно, я рад, что хоть кто-то обращает на нас внимание. Все в порядке, малыш, я в тебя верю. Поли, ты сегодня дежурный? Раздай, пожалуйста, всем учебники, а я пойду поищу в кладовке, может быть, что-нибудь найду для старины Мерфа.

Старый прием морского волка, сержанта из Норфолка! Опытным сердцем он почуял, что в классе появился новый лидер, но прежний, толстяк Мерф, будет отстаивать права вожака до последнего. Уходя, Дтимни Бокс знал, что в его отсутствие произойдет схватка, в которой решится, кому верховодить в шестом. Трезво оценивая обстановку и зная силу хорошо поставленных им же ударов правой и левой Мердока, бывшего пехотинец понимал, что у новенького мало шансов. Но чем черт не шутит, хотелось верить, что симпатичный малыш себя в обиду не даст.

Действительно, едва за классным руководителем захлопнулась дверь, в классе началось выяснение отношений. Мердок взревел, пытаясь выразить презрение к малолетке, богатыми модуляциями своего ломающегося голоса:

— А что делает этот младенец в шестом классе? Что, я вас спрашиваю?

Ребятишки, еще в пятом наслушавшись ужасов от старших сотоварищей о предстоящей встрече с Мерфом, мгновенно вскочили и сгрудились у стены.

Обведя взглядом аудиторию и с удовлетворением отметив, что все новички дружно дрожат от страха, пытаясь спрятаться за спины одноклассников, Мерф расплылся в улыбке. А малыш, наверняка, уписался — даже встать боится. Опрокидывая по дороге парты, Мердок двинулся к тому месту, где сидел посмевший оскорбить его сморчок. Надо поднять «смельчака» за шиворот и показать всему классу мокрые штанишки «героя»!

— Не делай этого, Мердок...

— Заткнись, Поли. Тебе сказали: раздавай учебники, но не вмешивайся в мои дела. Я сам разберусь с сопляком. Что, малыш, у тебя в пакетике? Наверное, сменные пеленки?

— Нет, почему. Это мой завтрак. А тебе завтрак, наверняка, трейлером подвезут, бурдюк толстый.

На секунду Мерф опешил: так с ним не разговаривают!

— Ребенок, по-моему, не знает, с кем имеет дело. Я старший ученик в этой школе.

— Еще бы, ты здесь учишься с семидесятого года.

— Что?

Вальяжную самоуверенность Мердока как ветром сдуло. Толстяк просто бесился. Одним ударом Мерф захотел решить все проблемы — но там, где только что усмехалась вихрастая физиономия Джуниора, кулак встретил пустоту. Малыш успел юркнуть под парту.

— Ну, ты пожалеешь! — с этим криком Мердок опрокинул переднюю парту среднего ряда — но малыша под ней уже не было.

В принципе, если бы Мерф опустился на четвереньки и устремился в погоню за обидчиком, он его все равно бы не догнал. Под скамейками Джуниор скользил легко, грациозно, не задевая ни одной планочки, — когда-то в костеле он легко ушел подобным образом от мамули Флоренс. Но в данном случае Мердок проявил недюжинную сообразительность. Он просто зашагал вслед за ускользающим малышом, сметая, переворачивая все на своем пути. Вскоре последняя парта рухнула, отброшенная могучим бульдозером, Джуниор поднялся на ноги и стал медленно отступать к доске. Все, бежать больше не было сил.

— Это твой последний день в школе! Последний! — взревел Мерф.

— Ты так думаешь?

Слава Богу, губку, которой вытирали мел с доски, не мочили с прошлого года, а пользовались ею летом и даже осенью. В начале урока Джимми Бонс ожесточенно стирал свое изображение с доски, грозясь наказать всех виновных. Короче, мела накопилось достаточно, просто никому не приходило в голову хлопнуть по губке. Малыш догадался.

Мерф неосторожно нагнулся слишком низко, и когда новичок атаковал его, использовав дымовую завесу, Мердок уклониться не успел.

— Наподдать! Наподдать! Хорошая идея, дядя Мартин!

— Ой!

Мистер Дибати, не будем уточнять, было ли у него свидание с секретаршей, в данный момент сидел в кабинете один, сумрачно вглядываясь в окна шестого класса, которые темнели напротив. Где-то там находился его нервный зуд, его неотступная зубная боль — Джуниор.

И вдруг из окон повалил белый дым, одно из стекол разлетелось вдребезги, раздались выкрики и стоны. Мистер Дибати не сомневался: это все дело рук малыша.

— Пожар! Пожар! — и директор нажал кнопку оповещения о срочной эвакуации.

Исполнив свой долг, мистер Дибати бросился к выходу и первым выскочил из школы. Вслед за ним, как горох, посыпались ученики начальных классов, повалили толпой старшеклассники. Школа моментально опустела.

Не эвакуировались только трое: Джуниор, который деловито поставил свою парту на место и чинно уселся, Мердок Мерф, который пытался болтать руками и ногами, притороченными клейкой лентой к классной доске; Джимми Бонс, который завозился в кладовке, выбирая забавные погремушки для самого старшего ученика, и не услышал сирены.

Когда классный руководитель с яркой игрушкой появился в классе, он схватился за сердце. Боже, что за картина! Малыш, румяный и невредимый — за партой, Мерф, беспомощный и нечто мычащий — у доски, все остальное разбито, переломано...

Да, может быть, Нортвил — городок хоть куда, не хуже Сент-Луиса. По крайней мере, малышу здесь уже нравилось.

* * *

Комфортабельный автомобиль открытого типа плавно притормозил у главного входа в банк — самое крупное в Нортвиле финансовое заведение, оказывающее уже не год и не два практически все виды услуг своим клиентам. Мисс Дюмор — да, да, уже шестой месяц именно мисс Дюмор — грациозно и в то же время очень уверенно вышла из машины и направилась к входу, стуча каблучками. Ей очень хотелось погладить по бокам свою быстроходную любимицу, но женщина этого не сделала. Не позволяло положение. Только на первый взгляд могло показаться, что появление этого дорого кабриолета и его хозяйки осталось незамеченным. Десятки глаз, карих, светло- и темноголубых, зеленых, синих, в основном, конечно, женских, ревниво следили за происходящим. Среди сотрудников банка считалось дурным тоном пропустить это важное событие. Многоэтажный бурлящий офис, откуда протягивались стальные нити практически во все промышленные, научно-образовательные, торговые, пищевые и многие другие большие и маленькие предприятия Нортвила, взволнованно замирал, пока каблучки мисс Дюмор отбивали неторопливый ритм и их цоканье не поглощалось огромным холлом, где с появлением госпожи рабочий шум всегда становился более выразительным. На всех этажах кабинетно-компьютерного гиганта шло оживленное обсуждение нового костюма, украшений, цвета волос, помады и прочей косметики, а также непонятно откуда просочившейся совершенно точной информации о духах. Тем для захватывающих дискуссий всегда хватало. Дело в том, что мисс Дюмор, даже находясь в состоянии замужества, очень редко появлялась в одном и том же наряде больше одного раза. Теперь же, когда целых полгода она была абсолютно свободна и вокруг нее увивались практически все что-нибудь сто-

ящие кавалеры Нортвила и около десятка просто отчаянных авантюристов, одежде придавалось исключительное значение. Строгие повседневные, можно сказать рабочие, костюмы заказывались у лучших мастеров Нортвила или привозились из-за границы. Мисс Дюмор считала это естественными расходами и никогда не скупилась.

Была у нее и еще одна меленькая слабость — машины. Нет, она не питала особой симпатии к старинным антикварным автомобилям, и причина любви скрывалась отнюдь не в их цене. За современный, с отличными техническими характеристиками, с ласкающим взор дизайном, со спортивным рулевым колесом она была готова заплатить любую сумму. И платила. Последние три месяца владелец «Банка Дюмор» Луанда Дюмор каталась на великолепном блестящем сером кабриолете «Мерседес-бенц» семейства SL.

Когда она впервые увидела эту машину, огромное желание иметь такой автомобиль вступило, казалось бы, в непримиримое противоречие с мнением управляющего ее собственного небольшого гаража. Самоуверенный, с жесткой черной бородой, неплохо знающий свое дело Тед настойчиво уговаривал госпожу отказаться от этой затеи. Он имел все основания предупреждать мисс Дюмор, потому что не по слухам знал о дурной привычке хозяйки «кататься» с огромной скоростью, чуть только она выезжала за черту города. Редкий мужчина так увлекался скоростной ездой, как это делала Луанда. Она могла очертя голову нестись по дороге с достаточно крутыми виражами и при этом весело и беззаботно напевать популярную песенку. Немудрено было где-нибудь невзначай вылететь с трассы или поцеловаться лоб в лоб с таким же любителем быстрой езды.

Именно этого и боялся Тед. Он старательно объяснял мисс Дюмор, что, как известно, если у купе убирают крышу, жесткость кузова снижается на 80 процентов, и, не дай Бог, что случится — она не соберет своих косточек. А Теду, мол, дороги не только ее косточки. Упрямая женщина все-таки не отказалась от своей затеи. Правда, она предусмотрительно сделала заказ на повышение жесткости салона ее будущей машины. Около 700 усилителей — высококачественных стальных листов — укрепили несущий каркас ее будущей любимицы. В результате жесткость на скручивание — показатель качества кузова — практически перестала уступать закрытому седану.

Вложив в машину огромные деньги, Луанда стала испытывать глубокую привязанность к ней. Правда, об этом знали очень немногие. Постороннему наблюдателю могло даже показаться, что мисс Дюмор относится к своему автомобилю равнодушно, если не холодно. Только как к средству передвижения. Хитрая женщина могла хвастаться перед своими подругами-подчиненными чем угодно — бельем, бассейном, домом, кулинарными способностями, нарядами, но только не кабриолетом. Тайну своих чувств она старательно оберегала. Если разговор заходил об ее «мерседесе», она делала недовольное лицо и жестами, показывающими, что эта тема не стоит разговоров, останавливала собеседника.

Объяснялось такое поведение Луанды Дюмор очень просто. Она всеми силами старалась создать мнение о себе как о женственном, исключительно нежном существе, взвизгивающем даже при виде маленькой серенькой мышки. Именно такой совет дал ей известный на всю Америку психотерапевт Кларс Дунн, когда она, выиграв очередной бракоразводный процесс, в минуту слабости просила его объяснить, почему мужья быстро покидают ее.

В тот день мисс Дюмор выглядела замечательно. Находящийся ровно на границе экстравагантности и повседневности костюм был ей, без сомнения, к лицу. Контрастное сочетание белого и черного тонов привораживало. Огромный темный бант-бабочка на уровне талии гармонировал с такими же украшениями, только значительно меньших размеров, на рукавах. Юбка туго обтягивала бедра, подчеркивая великолепные формы. Движение облегчалось не симметрично расположенным высоким разрезом. Пышные, на данный момент русые волосы мисс Дюмор подчеркнуто выбивались из-под широкополой шляпки, обрамленной невысокой вуалью, которая не скрывала лица, а только подчеркивала его привлекательность и обворожительность. Высокие каблуки и

перчатки из кожи тончайшей обработки завершали картину.

Именно на нижнюю часть туалета, точнее, на привлекательный разрез бросил непроизвольный взгляд мистер Цвиккер, неизменный, в отличие от мужей и ухажеров, секретарь мисс Дюмор. Он с озабоченным видом спешил ей навстречу по огромному холлу, на ходу, но очень уважительно проговаривая приветствие:

— Доброе утро, мисс Дюмор!

Он уже полчаса ждал приезда хозяйки, привычно волновался, мечтал и ничего не делал. Зато его запыхавшийся вид должен был, по его глубокому убеждению, заставить хозяйку поверить, что он весь в делах, и ведет непримиримое сражение за процветание фирмы. Мисс Дюмор догадывалась о степени его добросовестности, но не допускала даже мысли о смещении располневшего в последнее время Смитта Цвиккера: во многих вопросах он был просто незаменим.

Секретарь перелистывал перед госпожой документы, решить судьбу которых безошибочно и, главное, окончательно могла только она сама. Мисс Дюмор, быстро пробежав по отдельным страницам, аккуратно ставила свою подпись. Содержание последнего обязательства несколько вывело ее из себя:

— Что, опять они не заплатили? Выбросьте их на улицу!

— Но, мэм, это же инвалидный дом. Это же богадельня...

— «Ха-ха» три раза, — мисс Дюмор считала вопрос уже решенным и перевела разговор на более важные проблемы. — Ну как? Мы готовы к благотворительному балу?

— Да, ваши билеты уже прислали. Но Серж сказал, что ему нужны деньги на новый смокинг.

Наглое поведение зазнавшегося любовника Сержа Сайдораиа давно волновало мисс Дюмор. Молодой симпатичный мужчина с постоянно розовыми щеками, правильным белозубым оскалом, широкими плечами и узкой талией сначала, безусловно, нравился Луанде, достигшей неопределенного возраста. С ним было не стыдно появиться на приеме, вызывая зависть у состоятельных представительниц слабого пола Нортвила и уже по другому поводу у престарелых финансовых воротил— мужчин. С ним было забавно поиграть в невинную девочку в постели. Он умел так нежно и возбуждающе покусывать ее пальчики. Но в последнее время молодой человек явно потерял чувство меры: в смене своих нарядов он не хотел отставать от возлюбленной. И требовал, требовал денег. Да если бы только на это! Мисс Дюмор в сердцах проговорила:

— Опять деньги! Я же ему вчера дала две тысячи. Эти чертовы жигало! Все мужики в Нортвиле хотят выдоить меня до последней капли. Господи, почему я не могу найти себе хорошего, порядочного, приличного мужчину, который может проявить сострадание, помочь слабой одинокой женщине, который... который может, в конце концов, сам зарабатывать, а не бесконечно клянчить у меня.

Мисс Дюмор вряд ли могла бы определенно сказать, говорила ли она о своих настоящих желаниях или просто ломала обычную комедию. Правда, перед кем? Перед Смиттом. Зачем?!

Возможно, просто настал момент испытать в семейной жизни обычного, заурядного гражданина Соединенных Штатов. Судя по тому, что иногда удавалось видеть по телевизору и читать в книгах, среди них попадаются довольно приличные экземпляры. Богатых, умных, суперумных, абсолютно нищих, но очень симпатичных она уже испытала. В конце концов всегда возникали трудно разрешимые проблемы. Женщине захотелось простого, не урода, конечно, но самого обыкновенного мужа.

Взгляд мисс Дюмор неожиданно натолкнулся именно на того, о ком она только что так обоснованно мечтала. Внизу, с одной из служащих банка, разговаривал мужчина в недорогом костюме и с дипломатом, не волосатый и не лысый, аккуратно постриженный, не худой и не тонкий, гармоничного телосложения, с добродушной улыбкой и, очевидно, не полный дурак.

— Кто этот красавец?

— Я, к сожалению, мэм, не знаю. Наверное, новый клиент: стоит возле Стеллы, которая занимается выдачей займов.

— Да, он действительно красавец, как хорош собой! В моем вкусе. Смитт, обязательно узнай про него все, потому что мне кажется, я уже нашла себе мужа №7.

Мисс Дюмор специально сделала вид, что ее привлекла именно необычайная красота мужчины. Это в ее стиле и не вызовет лишних вопросов у старого Смитта. Пусть думает, что все как обычно. Впрочем, насчет мужа №7, может быть, она и погорячилась. Сначала вопрос следует обстоятельно изучить.

* * *

С трудом отправив своего сына в школу, мистер Хилли, чтобы отвлечься от мучивших его сомнений, решил заняться делами. Сначала он отправился в мастерскую, чтобы поставить на место сорванное не совсем по правилам кресло. Переднее сиденье, безусловно, снималось, но не таким простым способом. Конечно, полетела проводка, погнулись направляющие. В мастерской пришлось заплатить 25 долларов, и повреждения были устранены, все приобрело первоначальный вид. Ремонт занял ровно столько времени, сколько должны были длиться три урока у Джуниора. Оставалось заполнить еще чем-нибудь оставшиеся три.

Мистер Бен захотел подробнее ознакомиться с городом. Ничего, что доставило бы эстетическое удовольствие, он не обнаружил и решил уделить внимание практическим вопросам. В «Банке Дюмор» он достаточно быстро нашел человека, который занимался выдачей займов. Это оказалась весьма симпатичная 35-летняя женщина, которая сразу же, как только Бен поздоровался, вся обратилась во внимание, основательно ощупывая глазами нового клиента.

Симпатичный молодой человек с первого взгляда понравился сотруднице. Но когда тот заговорил о своих планах наладить торговлю, сомнения стали одолевать опытную женщину. «Господи, да он еще и умный! Не слишком ли много для одного? — пронеслось у нее в голове.

Мистер Хилли, обрадованный внимательным отношением к нему и его проекту со стороны сотрудницы банка, совсем разошелся:

— Я намерен открыть собственный бизнес. Дело в том, что я хочу создать что-то из ничего. Я не собираюсь просто брать, я хочу давать людям, я хочу вложить что-то в общество.

Эти слова привели служащую банка в замешательство. Подобный тип восторженных чудаков уже давно не встречался в Нортвиле. Такие чаще всего сразу же прогорают. Очень редко им удается что-либо сделать. Но если удается, то все действительно идет хорошо.

— Наш банк очень рад, что вы обратились именно сюда. Надеюсь, что ваши начинания действительно принесут городу пользу. И успеха вам, мистер Хилли! Вот, ознакомьтесь, пожалуйста, с нашими правилами выдачи долгосрочного кредита.

Сотруднице удалось попасть в тон клиенту. Она протянула ему бланк с указанием всех формальностей, которые необходимо было соблюсти, чтобы успешно сотрудничать с банком.

— Приходите в удобное для вас время. До свидания, — и женщина многозначительно кокетливо улыбнулась, всеми силами стараясь убедить Бена, что ей не больше 25 лет.

Маленький Бен остался доволен результатом первой беседы с сотрудницей солидного заведения. После покупки машины, дома, мебели еще оставались кое-какие деньжата. Но мистер Хилли не хотел пользоваться и рисковать средствами, которые честно заработал Джуниор. Его дело — его собственный риск. К тому же, с некоторых пор он не очень охотно вступал в финансовые отношения с родственниками.

* * *

К концу шестого урока мистер Хилли не опоздал. Даже наоборот, приехал минут на десять раньше. В толпе взволнованных родителей он с нетерпением ждал появ-

ления на крыльце Джуниора. Как только прозвенел звонок, шумная ватага юных жителей Нортвила сокрушила плотную стену взрослых, разнесла ее на куски и растащила их в разные стороны. Достаточно долго Маленький Бен оставался на школьном дворе в странном одиночестве. Он растерянно оглядывался по сторонам, надеясь, что Джуниор попросту спрятался за каким-нибудь углом. Шло время — малыш не появлялся.

Мистер Хилли начинал терять терпение, когда на крыльцо вышел его сынок. На лице Джуниора не было счастливой улыбки, но не было и растерянности. Просто человек возвращался с работы с чувством полного удовлетворения, усталый, но довольный. Удивленный настроением сына, отец вкрадчиво поинтересовался:

— Ну что, сынок?

— Привет, пап, — Джуниор был спокоен и добродушен, как гладиатор, который возвращается к друзьям после тяжелого, но победного сражения.

— Ну расскажи мне, как прошел первый день в школе.

— Отлично, меня сразу перевели в шестой класс, — Джуниор быстро настроился на нужную и понятную отцу волну.

— Господи, на три класса старше! Замечательно. Я же говорил, что теперь все будет хорошо.

С этими словами Большой Бен опустился на одно колено перед сыном, взял его за локоток. Собеседники таким образом оказались на одном уровне — глаза в глаза. Это, как утверждал «Супер-папа», должно было способствовать устранению психологического барьера между отцом и сыном.

— Ну расскажи мне, познакомился с кем-нибудь, завел себе друзей?

Малыш не был подготовлен к такому откровенному разговору и постарался улизнуть от прямого ответа:

— Все зависит от того, что понимать под словом «друзья»...

Беседе не суждено было завершиться. Сверху послышался какой-то непонятный шум. Мистер Хилли вскинул глаза и оторопел. Толстый здоровенный детина, пыхтя от натуги, перетаскивал через барьер на крыше

параболическую антенну, сделанную из пластика и металла. Детина удовлетворенно улыбнулся и опрокинул на стоящих внизу отца и сына огромный, метра полтора в диаметре, колпак. Все произошло так быстро и неожиданно, что Бен только и успел подняться навстречу летящему «блюдцу», чтобы защитить сына. Он даже не догадался поднять руки.

Голова Бена Хилли пробила металло-пластиковую конструкцию, которая, покачиваясь, зависла на его плечах. Мистер Хилли был рад: малыш не пострадал. Сразу же после этой мысли сознание покинуло папу-героя.

* * *

На мгновение мистер Бен очнулся от приятного холодка в области лба. Нежные, мягкие руки ласково держали его за запястье. Потом в районе локтя что-то кольнуло, и сразу же его охватило спокойствие, не передаваемое словами блаженство. Сознание отключилось.

Когда мистер Хилли снова пришел в себя, то увидел мутные, расплывающиеся очертания загадочной женщины с шелковистыми кудрявыми волосами, заботливо вглядывающейся в его лицо через резко контрастирующие с матовостью ее кожи очки в темной оправе. Если бы ни это приобретение человеческой цивилизации, Бен был бы абсолютно уверен, что перед ним ангел.

— Кто вы?

— Эни Янг. Я медсестра, работаю здесь, в Нортвильской школе, — чертовски симпатичная женщина помогла Бену сориентироваться во времени и в пространстве.

Мистер Хилли окончательно разобрался в том, что происходит.

— Детям очень повезло.

После этого скрытого комплимента Бен решил срочно поменять положение: неудобно лежать, развалившись, перед такой милашкой. Он сделал решительный взмах ногой, собираясь вскочить. Металлический поднос с инструментами, подфутболенный мистером Хилли, взлетел

в воздух, перевернулся и загремел у подножия его кушетки.

— Ой! Извините.

— Ничего, ничего! — почему-то тоже растерявшись, проговорила симпатичная Эни в белом халате и наклонилась, чтобы собрать разлетевшиеся инструменты.

— Боже мой, простите, пожалуйста!

Бен бросился помогать, но, подымаясь, достаточно сильно стукнулся головой о прекрасную голову женщины в белом, сидящей на корточках.

— О Господи!

Глаза и губы столкнувшихся на какое-то мгновение оказались рядом, и это мгновение по желанию обоих неестественно растянулось. Ошеломленный, Бен снова откинулся на белоснежную подушку, наличие которой осознал только теперь, и не переставал пристально всматриваться в свою спасительницу.

Пока отец лежал без сознания, сын успел подняться на саморегулирующемся кресле на максимальную высоту и с нескрываемым интересом поглядывал на обалдевших взрослых. Эта Эни мальчику тоже понравилась. Но когда отец стал оказывать ей недвусмысленные знаки внимания, ревность победила все остальное. Джуниор осознал, что перед ним действительно достойный соперник.

— Ну ладно, если вы оба кончили валять дурака, то, может быть, в конце концов, мы пойдем домой.

— Да, конечно, Только дай мне несколько минут, сынок. По-моему, у меня снова распухает голова.

Новоявленная соперница явно обрадовалась просьбе и не преминула посоветовать:

— Полежите еще чуть-чуть. Ах вы, бравый солдатик...

Малыш с напускным равнодушием вышел из кабинета и захлопнул за собой дверь. Его терзали противоречивые чувства: окажись на месте Эни любая другая женщина, он бы устроил ей такие веселенькие штучки, что та сама быстро отказалась бы от его отца. Но этой Джуниор не мог ничего подстроить — она ему тоже нравилась. И в то

же время потерять отца из-за какой-то бабы, пусть даже и хорошенькой, недопустимо.

От обиды Джуниор стал передразнивать Маленького Бена:

— Дай мне еще несколько минут, сынок... Дай мне несколько минут, сынок...

Мальчик заложил руки за спину, отмерил несколько шагов по коридору и снова вслух разгневанно заговорил:

— Господи, жду тут битый час. Эта сестра много на себя берет!

На стене среди других фотографий лучших работников школы он заметил и портрет виновницы всего происходящего. Это было как раз именно то, что нужно. Джуниор достал из кармана черный фломастер и решил хорошенько «разукрасить» совратительницу отца. Он обманывал самого себя, успокаивая, что это будет достойная месть.

— На твоем месте я бы этого не делала!

Малыш, недоумевая, оглянулся. Еще бы, какая это девчонка отважится ему, Джуниору, давать советы, что делать, а что нет?! В двух метрах от себя он увидел ту самую малышку, которой он так здорово прострелил воздушный шар, когда они еще только въезжали с отцом в Нортвил, ту самую, с которой он уже успел сегодня повздорить на перемене. Причем сыграли вничью. Пора было поставить эту кривляку на место, но сейчас Бену Младшему было не до нее. Он постарался пока просто отделаться от девчонки:

— А, это ты. Катись отсюда!

Убедившись, что ему никто другой не угрожает, Джуниор собрался воплотить задуманное и потянулся к портрету.

— Предупреждаю, на твоем месте я бы этого не делала.

Это начинало надоедать. Малыш оглянулся и довольно спокойно отреагировал:

— Да? Я бы на твоем месте вообще бы очень многого не делал, например, не появлялся бы на людях.

Джуниор был уверен, что разговор закончен, пристроил фломастер на фотографию под носом медсестры, что-

бы дорисовать ей самые обычные усы. Особой фантазией малыш не отличался.

Исполнить задуманное не удалось. Ковер вдруг ушел из-под ног, мальчуган взлетел в воздух и шлепнулся на пол. Оказывается, эта белобрысая козявка отважилась на такой поступок. Ну, это ей даром не пройдет. Не на шутку разъяренный, Джуниор бросился с кулаками на негодяйку. Только ударить почему-то не удалось. Девчонка поймала руку малыша, как-то странно крутанула, и тот, описав солидную дугу, приземлился на мягкое место. Это уж было совсем чересчур. Малыш вскочил, размахнулся ногой — и опять тем же местом ударился об пол.

Только еще несколько неудачных попыток убедили Джуниора в бесполезности его усилий. Впервые он имел дело с настоящим профессионалом. Он видел по телеку такую борьбу. Ее, кажется, называли «джиу-джитсу». Но по телеку все казалось подстроенным. С чего бы это мужики так летали! Теперь сомнений не было, пришлось испытать на собственной шкуре.

Побежденный, Джуниор больше не пытался встать с ковра, тихо лежал и снизу вверх смотрел на противницу. Та подняла валявшийся фломастер, наклонилась и нарисовала малышу две тонкие полоски над верхней губой, обозначающие усы.

— В следующий раз слушай, что я тебе говорю! — с достоинством проговорила малявка и спокойно удалилась.

«Посмотрим, посмотрим еще, кто кого возьмет», — думал про себя малыш. Он был так взволнован, что абсолютно позабыл и про толстого Мерфа, и даже, как ни странно, про Маленького Бена с медсестрой.

Когда же отец появился в двери, Джуниор уже окончательно пришел в себя. Мистер Хилли, не подозревая о происшедшем, взял сына за руку и повернулся, чтобы попрощаться.

— До свидания, Эни Янг!

— Всего хорошего.

Свет падал на медсестру сзади, и даже не очень опытный в этих делах, Джуниор по достоинству оценил замечательную фигурку, которая отчетливо просматривалась сквозь тонкий халат.

* * *

Полный, вечно с лоснящимися на ягодицах брюках, с капельками пота на достаточно просторной лысине и очками в дешевой оправе на носу, мистер Смитт действительно иногда показывал чудеса работоспособности. Уже через каких-то два часа перед шефом лежала на столе увесистая папка с досье на Бена Хилли. Мисс Дюмор с искренним волнением перелистывала страницы с грифом «Секретная информация».

— О Боже мой, голубчик, ты посмотри: рост 175, вес 69, длина внутреннего шва брюк метр пять. Боже мой, о таком я только могла мечтать.

Луанда подняла глаза к небу в благодарность судьбе за такой замечательный подарок. Она перевернула страницу и оторопела. С фотографии на нее смотрел забавный улыбающийся малыш.

— А это еще что такое?

— Это его сын.

Вот так всегда. Никогда не бывает все абсолютно хорошо, обязательно возникают какие-нибудь непредвиденные обстоятельства. Но мисс Дюмор взяла себя в руки и упрямо продолжала переворачивать страницы. В папке были подшиты многочисленные газетные вырезки. Читая вслух названия статей, женщина понемногу начинала понимать, с кем ей предстоит иметь дело.

«Мальчик и убийца-маньяк вместе катаются на каруселях». Так... Что?! «Карбидный завод взорван ребенком». Боже мой, это не ребенок, а кошмар!

— Ну так что? Забудем? Вы отмените эту затею? — Смитт, прекрасно изучив за долгие годы свою хозяйку, почти точно знал, как отреагирует она на его слова, и — ошибся.

— Дорогой, если у кого больная нога... — мисс Дюмор на секунду задумалась и уже твердо продолжала: — Пациента не пристреливают, ему просто отрезают ногу.

* * *

После уроков Джуниор, конечно же, не спешил сесть за свой рабочий стол, чтобы тщательно выполнить домашние задания. Он на ходу перекусил и отправился на улицу изучать местные достопримечательности. Это доставляло ему куда большее удовольствие, чем скучное перелистывание страниц учебника. Впрочем, не было ничего лучшего, чем проводить время с отцом.

Однажды, вернувшись домой, мальчуган по привычке щелкнул кнопкой телевизора и очень поразился тому, что увидел на экране. Крутили самую обыкновенную рекламу. В уютном бассейне седоволосый пожилой мужчина забавлялся с двумя симпатичными девушками. Обхватив за хрупкие плечики двух молодок сразу, усач удовлетворенно улыбался и поглядывал то на одну, то на другую. Потом он взглянул прямо в камеру и многозначительно стал оспаривать чьи-то прежние доводы:

— И вот потому вы хотите скидку, но не ждите. Большой Бен...

— Посмотри-ка, это Большой Бен, — привлек внимание мистера Хилли Джуниор.

Отец и сын замерли перед экраном. Трудно было не удивиться новому способу зарабатывания на жизнь старейшего представителя семейства Хилли. С экрана тем временем слетали бодрые слова:

— ... Большой Бен! Звоните мне прямо сейчас. Всего за 399 долларов вы сможете купить походный набор юного скаута и станете таким же, как я. Ха-ха-ха!

— А он еще не бросил спортивной тематики! — съехидничал Маленький Бен. — Большой Бен Хилли. Боже мой, что это?! До чего докатился!

— Да... а мы ему еще деньги посылали. Дедушка называется.

— Старик в конце концов сошел с ума.

Большой Бен исчез с экрана, а мистер Хилли, стараясь казаться непринужденным, обратился к сыну:

— Пойдем, у меня для тебя сюрприз.

Следуя за отцом, малыш с восторгом приговаривал:

— Ой, сюрприз! Обожаю сюрпризы. Какой сюрприз?

— Так, где наш сюрприз? Сюрприз! — мистер Хилли обращался к кому-то стоящему за дверью.

Из кухни появилась одетая совершенно по-домашнему девушка. Даже в кружевном фартучке. Она равнодушно улыбалась и показалась малышу совершенно никакой.

— Сынок, это Руда. Она будет за тобой приглядывать. Я думаю, вы с ней подружитесь.

Маленький Бен давно грозился нанять служанку, и Джуниор внутренне, казалось, был уже подготовлен к этому событию. Но когда он увидел эту куклу, искреннее возмущение все-таки вырвалось наружу:

— Я это уже слышал. Но почему?

Сама жизнь подсказывала взволнованному отцу ответ на вопрос: как раз в этот момент медленно приоткрылась входная дверь, в дом заглянуло смазливое личико и, претендуя на остроумие, выпалило:

— Ку-ку!

После этого в поле зрения появилось все остальное. Коротенькая юбочка с кружевами внизу почти не прикрывала достаточно стройные ножки. Очень скромный, по сравнению с внушительным бюстом, лиф нисколько не стеснял здоровое дыхание вошедшей. Бесконечно нежные теневые выемки привлекали внимание даже неискушенного в подобных делах Джуниора.

Отец ответил сыну:

— Потому что у меня свидание и я ухожу.

— Здравствуй, Бен, я уже готова! — вошедшая стала самым убедительным аргументом.

Мистер Хилли кивком головы ответил на приветствие женщины и сделал очередную попытку договориться с сыном:

— Ты помнишь, Джуниор, Беди Клокински?...

— Как я могу ее забыть! От ее вишневого пирога мы потом два дня в сортир бегали.

Несчастный отец окончательно убедился, что все его попытки бесплодны. И, стараясь загладить возможно и справедливые, но не к месту приведенные замечания Джуниора, твердо проговорил, обращаясь к гостье:

— Это неправда. Он перепутал с чьим-то другим пи-

рогом. Как бы там ни было, нам нужно ндтн. Я заказал столик в клубе «Сант-Пьер».

— Ой, как здорово! Мой бывший муж никогда не водил меня в дорогие рестораны.

Тут у Беди вдруг по неизвестной причине хватило ума, чтобы понять собственную глупость, и она достаточно быстро сообразила, как можно блестяще загладить конфуз:

— Ну... ни то чтобы я... из тех женщин, которые говорят только о своем предыдущем браке, но мой муж такой ревнивый.

Малыш больше не сомневался в том, что Маленький Бен делает очевидную ошибку, и в последний раз попытался его образумить:

— Пап, ну останься со мной. Поиграем.

— Ты будешь играть с Рудой. Тебе с ней будет очень хорошо. Она знает много забавных игр. Тебе понравится . Пока.

Дверь хлопнула, и в доме остались двое. Руда, не обращая внимания на малыша, довольно потирала руки. Джуниор пристально изучал новую воспитательницу и, не находя в ней ничего общего с монашками из «Трех сестер», пока не мог понять свое отношение к ней.

— Я надеюсь, малыш, что ты проголодался и охотно бы слопал целого поросенка?

— Нет, я не хочу есть. А в какие игры мы будем с тобой играть?

— Не спеши, как тебя... Джуниор. Всему свое время. Кто же играет на голодный желудок? Хочешь, я тебе приготовлю ужин?

Видно было, что Руда имела большой опыт педагогической работы. — Я сделаю все сама, а ты иди в свою комнату, можешь даже заняться уроками. Об этом я не расскажу твоему папе.

Руда, довольная собственной шуткой, отправилась на кухню. Малыш побежал в свою комнату, повозился с машинами. Но проводить весь вечер в одиночестве ему совершенно не хотелось.

Не выдержав, он заглянул на кухню. Няня с полным ртом возилась у плиты, мурлыча какой-то мотив. Джуниор вернулся в детскую, включил телевизор и, не найдя мультфильмов, стал равнодушно смотреть рекламу.

Вскоре в комнату вошла Руда с подносом. Она поставила кушанья на журнальный столик, удобно уселась в любимое кресло отца, по-турецки скрестив ноги, и уставилась в телевизор, не переставая жевать.

Реклама закончилась, и на экране появились непонятно по какому поводу огромные лопоухие свиньи с раскачивающимися при каждом их движении складками жира. Животных снимали в узком загоне на ферме. Они толкали друг друга, рыли и без того черными пятачками грязь и удовлетворенно похрюкивали.

Руда оживилась. Быстро взглянула на малыша и нежно бросила:

— Так ты серьезно не будешь есть? Ну, как хочешь...

Нянечка с очевидным интересом уставилась на экран. Внимательно следя за происходящим на ферме, она автоматически обмакивала палец в варенье, сочно облизывала его и причмокивала.

На экране действовали все те же герои. Наконец загремел голос диктора за кадром: «Добро пожаловать в чудесный мир свиней! Грязными, голодными, всегда возбужденными — такими их сделала матушка-природа. Взгляните на эти очаровательные существа, копошащиеся в грязи. Трудно себе представить, однако их интеллект равен интеллекту многих людей».

Малышу надоело слушать эту чепуху и он переключил канал, но тут же услышал искренне обиженный голос Руды:

— Ты чего? Я же смотрю...

Джуниор решил, что несправедливо просто так лишать человека удовольствия и возвратился на ферму. Девица благодарно заулыбалась и снова погрузилась в созерцание парнокопытных млекопитающих.

Тоска охватила юного Хилли, и он вышел в гостиную, абсолютно убежденный, что эта сиделка ни к черту не годится. Страшно захотелось вернуть домой папу. Но как это сделать?

— Интересно, а что случилось с этим несчастным ми-

стером Клокински? — новая проблема помогла малышу вновь обрести бодрость духа.

Он зашуршал страницами телефонного справочника, ища нужную фамилию.

* * *

Заканчивалась третья и, как всегда, самая трудная, неделя очередного запоя. Мистер Клокински чувствовал себя отвратительно. Вместе с последними деньгами бесследно исчезли и собутыльники, теперь абсолютно не было кому поплакаться и пожаловаться на свою проклятую Деби. Она ушла две с половиной недели назад, и за все это время даже ни разу не позвонила. Впрочем, если бы она даже и отважилась набрать его номер телефона, он бы принципиально не стал разговаривать с этой дурой. Возможно, и сказал бы пару слов, но только таких, которые показали бы всю мерзкую сущность гнусной потаскухи.

Если бы кто-нибудь захотел узнать о семейном положении Сержа Клокински, то вряд ли смог бы получить исчерпывающий ответ. Серж и сам не знал, женат он в данный момент или разведен. Семья распадалась и собиралась вновь столько раз, что непросто было определить, в каком из двух положений он находился. Печальная действительность и пьяные кошмары смешались в одно информационное пространство, абсолютно недифференцированное.

Многозначительно покачивая головой и время от времени утирая слезу, Серж в одних трусах сидел за столом и с неплохим аппетитом отправлял в свою прожженную утробу «Педи грипал». Породистая собака, изображенная на банке, была в такой отличной форме, что Серж и сам был не прочь выглядеть столь ухоженным.

Зазвонил телефон. Мистер Клокински с трепетом в груди снял трубку.

— Слушаю.

— Алло. Это вы тот самый, который когда-то был женат на Деби Клокински?

— Да. Но потом она меня бросила и забрала себе мой

дом, все мои деньги. Лишила меня гордости... — Сержа нисколько не обеспокоило то обстоятельство, что на другом конце провода с ним разговаривали звонким детским голосом, главное, что появился заинтересованный слушатель. Он с азартом продолжал выкладывать семейные тайны: — Она лишила меня душевного спокойствия, она сделала из меня алкоголика.

— Но я думаю, вам будет интересно узнать, что она нашла себе нового мужика, и они сейчас в клубе «Сант-Пьер». Веселятся и жрут за ваш счет.

— А это кто?

— Не важно, считайте, что я просто ваш друг.

Таинственный собеседник положил трубку. Лицо мистера Клокински скривилось, как будто он собирался раскатисто чихнуть или по-детски заплакать. Слезы умиления пытались прорваться наружу из заплывших глаз. Оказывается, есть еще честные люди, не перевелись еще настоящие джентльмены.

Через минуту Серж был уже совершенно в другом настроении. Нужно немедленно расправиться с проклятой потаскухой и ее новым хахалем, которые веселятся и жрут за его счет. Взбешенный супруг — а теперь он абсолютно уверен, что именно он — единственный законный супруг Деби Клокински — решительно надел майку, шустро впрыгнул в растоптанные ботинки, набросил на плечи теплое добротное пальто — единственную хорошую вещь, которую умудрился не пропить, — и выскочил на улицу.

Через десять минут он был в «Сант-Пьере».

— Извините, сэр, мы не пускаем сюда в таком виде, — швейцар попытался остановить настойчивого посетителя в распахнутом пальто и в не совсем свежих трусах и майке.

— Не трогай меня!

Голос посетителя был настолько суров, что блюститель порядка предпочел робко посторониться, надеясь все-таки сзади схватить и остановить ненормального. Серж, почувствовав, что кто-то держит его за пальто, оглянулся и резким ударом увесистой трости устранил препятствие. Тело швейцара бесшумно и мягко осело вниз.

* * *

Деби Клокински пришла в восторг от происходящего. Ей казалось, что она настоящая леди из общества. Ее новый кавалер, галантный и внимательный, вел светскую беседу, рассказывал забавные истории из своей жизни и, что самое главное, не скупился на угощение. В зале звучала легкая приятная музыка, настроение было замечательным.

— Ах, Бен, этот вечер просто волшебный! Теперь я знаю, почему нортвильская газета дала этому ресторану три с половиной звездочки.

Мистер Хилли наполнил бокалы. Деби восторженно проговорила:

— За вас, за сегодняшний вечер!

За спиной у Деби остановился мужчина в пальто, трусах и майке.

Еще ничего не подозревая, Бен оценил неплохое телосложение странно одетого для данного случая человека. Тот сокрушенно покачал головой и неожиданно громко заорал на весь зал:

— Ага, Деби, ты! Шлюха. Ты чего тут делаешь?!

Спутница мистера Хилли вздрогнула, чуть не поперхнулась, пролила вино себе на юбку. Потом привстала и гордо ответила:

— Я свободная женщина! Делаю, что хочу.

— Да? Посмотрим!

С этими словами мистер Клокински перетянул тростью по обнаженным белоснежным плечам мисс Клокински Та, ко всеобщему удивлению, не залилась слезами, не бросилась бежать, а привычно встала в защитную стойку, готовясь к новому нападению.

— Деби, ты сейчас же уйдешь со мной! Пошли, пошли, на автобусе поедем.

— Никуда я не поеду! Еще чего — у меня свидание!

Постепенно до мистера Хилли стал доходить смысл происходящего. Он вскочил с места и, как истинный кавалер, был готов защищать честь своей спутницы. Господин в трусах обрушил разъяренные удары на соперника.

— Ах ты, разрушитель семьи!

Наказать по заслугам Бена Хилли оказалось не совсем простым делом. Фактор неожиданности уже отсутствовал. Серж замахнулся, но противник уклонился от удара, перехватил руку нападавшего и ощутимо двинул кулаком под бок мистеру Клокински, который, потеряв равновесие, рухнул на пол.

— Ой, мои почки! — ревнивец растерянно хлопал глазами. Его воинственный пыл таял на глазах.

Происшедшее в следующее мгновение позабавило и без того развеселившуюся публику еще больше. Ситуация действительно была достойна пера комедианта. Но такой она казалась не всем.

— Ах ты, хулиган! — взревела Деби, схватила металлический поднос, размахнулась и изо всей силы опустила его на голову непослушавшегося совета сына Бена Хилли. — Как ни стыдно!

Теперь перед мисс Клокински лежали двое поверженных. Она бросилась помогать сначала одному, потом второму, огорченно охая и причитая.

Зал покатился со смеху. Подоспевшие работники ресторана помогли всем троим покинуть заведение.

Бен наконец разобрался, что произошло, и уже на улице разразился таким звонким смехом, что Серж и Деби даже немного испугались, обнялись и с опаской поглядывали на мистера Хилли.

Вновь возрожденная супружеская пара направилась было к автобусной остановке, но Бен любезно предложил подбросить их на своей машине. Те переглянулись — и приняли приглашение.

* * *

Малыш не очень рассчитывал на эффективность своего звонка. Но когда возле дома послышались звуки работающего мотора, Джуниор очень обрадовался:

— О! Папа приехал! Наконец-то.

Общество Руды и ее свиней настолько тяготило Джуниора, что приезду отца он обрадовался как долгождан-

ному спасению. Мальчик, весело подпрыгивая, побежал к входной двери.

Но и няня проявила вдруг удивительную шустрость. И даже чуть раньше, чем раздался звонок, открыла дверь.

В дом без лишних приветствий, по-хозяйски, ввалился здоровенный детина в разрисованном мотоциклетном шлеме на руке, в черной кожаной куртке с огромным количеством металлических клепок. Он уверенно огляделся по сторонам. Удовлетворительно кивнул и весело похлопал Руду по тому месту, которое находится чуть ниже спины.

— Я думала, ты уже не приедешь!

— Как видишь, приехал.

— Господи, а это кто еще? — трудно описать захлестнувшие Джуниора чувства, когда он понял, что ошибся: вместо отца прикатил дружок Руды, наверное, такой же тронутый, как и она сама. Папа не раз говорил: «С кем поведешься, от того и наберешься».

Только тут вошедший заметил хозяйского сына, который исподлобья бросал такие красноречивые взгляды, что незваный гость на секунду растерялся.

Взволнованная, раскрасневшая Руда странно измененным голосом спросила обычное:

— Долго добирался?

— Ничего. Так, где тут большая спальня? — детина быстро уловил настроение своей девочки. Да, собственно, чего было попусту разговаривать, не за этим он сюда ехал.

Руда, не обращая внимания на мальчугана, всем телом прильнула к своему любимцу, показывая глазами, что нужно подниматься на второй этаж. Обнявшись, оба поднялись по лестнице.

Вслед за ними полетели предупредительные слова юного хозяина:

— Эй, вам здесь, между прочим, не мотель!

— А тебе какое дело, сморчок? Иди, займись чем-нибудь.

— Да, иди займись чем-нибудь... — эхом отозвались слова нянечки.

Дверь в спальню захлопнулась.

Происходящее задело малыша за живое: «Ну ладно, сказал ей отец приглядывать за мной, так пускай бы и делала свое дело. Но распоряжаться в моем доме, а тем более приводить сюда этого вшивого рокера! Нет, это уже слишком!»

В голове у Джуниора мелькнула замечательная мысль. Он в очередной раз обрадовался, что учится в шестом классе. Ведь именно вчера на уроке им рассказывали про огромные возможности современной видеотехники и даже кое-что объясняли. А еще до приезда в Нортвил Джуниор уговорил отца купить классное видеооборудование и пока ни разу по-серьезному его не испробовал.

План мести наглецам созрел окончательно. Большие надежды изобретатель возлагал на конечный результат — на предполагаемую реакцию своего отца.

* * *

Деби и Серж почему-то вдвоем уселись на одно переднее сиденье, то самое, на котором Джуниора Хилли чуть-чуть не внесли в школу. Сначала в машине царило молчание, помирившиеся с опаской поглядывали на водителя, лицо которого стало чернее тучи. Но уже через минуту напряжение само собой исчезло. Деби уселась поудобнее на колени к мистеру Клокински, обхватила его рукой за шею и щедро осыпала поцелуями блаженствовавшего мужчину.

— Ой, Серж, ты лучше всех!

Конечно, у мистера Хилли от подобного поведения пассажиров ревность не проснулась. Но настроение стало прескверное. «Вот так закончилось мое первое свидание», — подобными рассуждениями мистер Хилли только усугублял и без того плохое настроение. Успокаивала разве что темная, обозначенная огнями, вечерняя дорога.

Так как Деби была соседкой и просила отвезти ее с мужем к себе домой, Бену не пришлось отклоняться в сторону. Он спешил к Джуниору: малыш уже слишком долго находился без отцовского глаза.

Подъезжая к своему кварталу, мистер Хилли еще из-

дали заметил странное скопление народа около своего участка. Собравшиеся что-то горячо обсуждали, кричали, смеялись и активно жестикулировали.

— А это еще что?! — Бен действительно не мог понять, что там происходит, только не было никаких сомнений в одном: в этом обязательно был замешан Джуниор.

Подъехать к самому дому было невозможно: мешали брошенные в беспорядке многочисленные машины. Забыв о попутчиках мистер Хилли поспешил к эпицентру событий.

Вокруг царило какое-то странное веселье, раскрасневшиеся мужчины курили сигареты, потягивали пиво из баночек, хватались за животы от хохота, а один раз даже дружно зааплодировали.

В авангарде толпившихся в легких переносных креслах сидели два ближайших соседа семейства Хилли. Бен хотя и знакомился с ними раньше, помнил их только в лицо. Ничего не понимающий отец наконец поднял глаза туда, куда были устремлены взгляды всех присутствующих. К счастью, Джуниора там не было.

На фасаде дома кто-то прокручивал порнографический фильм. Изображение было не очень качественным — мешали окна, балкон, зато достаточно большим (лежащие героиня и герой еле-еле вписывались в габариты здания) и достаточно выразительным. Все, что происходило в фильме, в принципе, не требовало комментария. А вот собравшиеся мужчины (женщин, по крайней мере вблизи, не было ни одной) как раз этим — комментариями — и занимались. У некоторых от смеха на глазах уже блестели слезы.

— Ты смотри, да он просто неугомонный!

— О! О! Давай, давай еще!

— Смотри, у парня еще силы остались. А?

— Ну мужик, давай, давай, прикончи ее. Давай!

В такой веселой компании Бен был бы и сам не прочь посмотреть эту картину, если бы через несколько минут окончательно не убедился, что роль главной героини исполняет новая няня Джуниора.

«Так, малыш уже перешел все границы, — про себя взревел мистер Хилли и бросился в дом. По пути его

посетила еще одна мысль, как раз нужная Джуниору: — Но и она хороша! Прекрасная сиделка!»

Конечно, захватывающий бесплатный фильм очень скоро закончился. На экране появился мистер Хилли — и актеры прекратили свое показательное выступление, вскоре изображение исчезло вовсе. Стало понятно, что второй серии сегодня не будет.

Но зрители и так остались довольными. Весело переговариваясь, они разъезжались и расходились по домам.

* * *

— Сын, мы здесь, в этом городе новенькие, новоселы. Про нас еще никто ничего не знает. Мы что, не можем хотя бы попытаться вписаться в общую картину?

— Папа, а чего ты на меня так злишься? Я ничего этого не делал, я просто смотрел...

— Ты смотрел и весь город смотрел!

— Но, по-моему, никто не жаловался, — по настроению отца Джуниор прекрасно понимал, что, как всегда, обойдется без сурового наказания. Правда, Маленького Бена было немного жаль: другим родителям, конечно, столько не достается.

Несмотря на поздний час, кто-то уверенно постучал в дверь, причем именно постучал, а не позвонил.

— Отлично! Этот вечер никогда не кончится! — раздраженно пробурчал мистер Хилли и пошел открывать незваному гостю.

Даже Джуниор присел от неожиданности, когда услышал в коридоре голос деда.

— Привет! Не ждали?

— Папа, что ты здесь делаешь?

— У меня отпуск, и я решил: проведу его вместе с вами.

Старик по-прежнему выглядел молодцом. Великолепный, без единой пылинки смокинг, светлые тщательно отутюженные брюки, прямая гордая негнущаяся спина. Но было что-то новое, трудноуловимое во всем облике

Большого Бена. Возможно, это объяснялось полностью поседевшими белоснежными усами.

Внимательно изучив деда глазами, Джуниор откровенно недовольно проговорил:

— Что-то не понял, как он нас нашел!

— Ах ты, маленький негодяй... — в голосе деда слышались просительные нотки, и Большой Бен, чтобы не выдавать своих истинных чувств, с наигранной радостью сообщил: — Я привез с собой Ниппи.

За дверью послышалось знакомое грозное рычание, потом в комнату влетела маленькая белая, в черные пятна абсолютно беспородная шавка, одетая в чудный «дорожный» кафтан. Влетела и тут же вцепилась своими мелкими, но острыми зубами в ботинок Маленького Бена, который сразу узнал давнишнюю любимицу отца. Большой Бен не расставался с ней уже долгие годы, даже в самые лучшие времена.

— Убери от меня этого урода! — мистер Хилли знал, что спасти от коротконогой чумы может только ее хозяин.

— Ну перестань, перестань... — ласково проговорил Большой Бен, а когда пес послушно убежал, попытался оправдаться: — Ты же знаешь, эта собака психически неуравновешенная...

— Папа, что происходит? Объясни мне. Ты никогда не брал никакого отпуска, а если бы у тебя и был отпуск, ты бы его со мной ни за что не стал бы проводить.

— Ну почему же, Маленький Бен? Ты — мой единственный сын...

— Папа, ты же меня ненавидишь!

Наконец для Большого Бена стало совершенно очевидным, что разыгрывать комедию дальше нет никакого смысла, и он объяснил сыну истинные причины своего визита:

— Ну хорошо, хорошо, ладно. Я приехал не в отпуск, я просто на мели. Я разорился. Все полетело к чертовой матери. Мне нужно найти место, где я смог бы ненадолго спрятаться.

Свое недовольство резонным вопросом выразил малыш:

— А почему ты не хочешь спрятаться где-нибудь в другом месте?

Деду было совсем не по себе, только обстоятельства вынуждали его отчитываться перед сыном и проклятым чертенком, на деньги которого, между прочим, и был куплен дом, где Большой Бен надеялся найти укрытие. Но если сразу хоть чуть-чуть не припугнуть внука, тот обязательно сядет на шею. Поэтому дед, стараясь казаться грозным, отрубил:

— Ты бы не совал свой нос! Тебя никто не спрашивал.

Маленький Бен в душе наслаждался поражением папаши:

— Что значит — ты разорен? Мы же тебя видели недавно по телевизору...

— Это была крупная афера! Никто ничего не купил из того, что я рекламировал, да, собственно говоря, там ничего и не было...

Наигранного оптимизма надолго не хватило, и Большой Бен начал открыто упрашивать своего сына, приводя даже кое-какие аргументы:

— Мне нужно какое-то место, чтобы я мог затаиться, пока закончатся все эти скандалы. Ну, Маленький Бен, будь человеком — прими своего старика. Вспомни, сколько я на тебя денег потратил, у тебя всегда была крыша над головой. Помнишь, я договорился, чтобы тебя не выгоняли из колледжа... Между прочим, сынок, ты передо мной в долгу.

Понятно, что хозяева не испытывали особой радости по поводу приезда окончательно обанкротившегося старшего представителя рода Хилли, однако не выгонять же его на улицу.

Так как комнаты для гостей в доме не было, Большого Бена пока проводили в детскую, где стояла двухъярусная кровать Джуниора. Иногда малышу нравилось спать внизу, а иногда — наверху.

Окинув взглядом предложенную спальню, повеселевший старик не удержался и заметил:

— Ну, эта комната, вообще-то, немного маловата.

— Другой у нас нет, можешь спать на одной из этих кроватей, — поражаясь наглости папаши, отрезал сын.

А внук важно добавил:

— Либо можешь вообще уйти.

— Ничего, я останусь. Только я буду спать на верхней койке, — с этими словами Большой Бен опустил свой небольшой, но увесистый чемодан прямо на замечательную деревянную виллу, постройкой которой последние три дня усердно занимался Джуниор. Игрушечное сооружение не выдержало такого стихийного бедствия и развалилось. Трагедию усугубил Ниппи. Он подбежал к обломкам, тщательно обнюхал, поднял заднюю лапку и обильно помочился.

От обиды у Джуниора заняло дыхание, но он так ничего и не сказал деду и даже не подфутболил ногой Ниппи. На данный момент это была не самая большая сложность.

Когда в конце концов улеглись спать, малыш долго не мог успокоиться и с тревогой обдумывал создавшееся положение. Все было так здорово еще утром. Они вдвоем с отцом могли делать в своем доме все, что хотели, никто не мешал. Играй, бегай, шуми. Так нет же, принесла нелегкая этого Большого Бена. Теперь зануда-старик будет вечно болтаться под ногами.

Джуниор думал, думал, думал. А в окно смотрела и смотрела своим желтым глазом огромная луна.

Проблемы проблемами, а молодой растущий организм настоятельно требовал отдыха, и мальчик, наконец, задремал. Очень скоро он открыл глаза, но не сразу понял, что мешает ему спокойно спать и видеть интересные сны. Сверху доносилось грозное рычание, временами чередовавшееся с шумным сопением. Малыш попрыгал на кровати — храп прекратился, но уже через минуту громыхал с удвоенной силой. Измученный ребенок попробовал спрятать голову под подушку. Это тоже не спасло от всепроникающих колебаний воздуха. Кроме всего прочего, внизу послышалось рычание Ниппи.

Стереопомехи вынудили малыша действовать. Он опустил руку и вырвал из зубов пятнистого уродца свою кроссовку, достал носок, потом встал на кровати в полный рост, разглядел в темноте белеющие усы деда и старательно затолкал носок в раскрытый до ушей рот старика. Наступила долгожданная тишина. Малыш даже рас-

терялся: как тихо, оказывается, может быть. Счастливо улыбаясь, Джуниор упал на подушку и опять задремал.

Сильный, как из духового ружья, выстрел снова прогнал сон. Носок приземлился в метре от кровати. Храп возобновился.

Всякое терпение имеет границы. Мальчуган покрепче намотал на кулачок свисавший сверху уголок простыни и потянул за него, вкладывая в рывок всю свою силу. Через мгновение дед вместе с одеялом и подушкой лежал на полу и недоуменно хлопал глазами.

На первом ярусе, свернувшись калачиком, сладко спал его внук.

* * *

Развитое чувство патриотизма у рядового американца не возникает само по себе. Гордость за свою страну, свой штат, свой город воспитывается не только средствами массовой информации, но и за школьной партой.

Правда, в тщательно зашторенном просторном кабинете, где мистер Бокс проводил краеведческий урок, парт как раз не было. Дети сидели прямо на полу, Сосредоточенно жевали резинку, иногда переплевывались и щипали друг друга. Особенно много места занимал развалившийся во весь рост Мердок Мерф. Он теперь считался почти приятелем Джуниора и снова чувствовал себя достаточно уверенно.

Учитель показывал один за другим слайды и воодушевленно комментировал:

— Некоторые просветители недооценивают значение преподавания истории своего города. Я же абсолютно уверен, что очень важно знать свой город и гордиться им. Итак, он был основан в прошлом столетии в 39-м году. С тех пор население нашего города увеличилось во много раз и составляет сейчас более 234,53 тысячи человек.

На экране появились и исчезли старинные гравюры с изображением улиц города, здания ратуши, портреты первых поселенцев. Учитель страстно продолжал:

— Вот это сталелитейный нортвильский завод, осно-

ванный более полувека назад. Он почти полностью обеспечивает металлом машиностроение штата и даже экспортирует свою продукцию. А это знаменитый нортвильский Камень любви. Когда осваивали здешние земли, камень украли у индейцев. По преданию аборигенов, он обладает удивительными волшебными свойствами.

— Какими волшебными свойствами? — сообщение явно заинтересовало многих патриотически настроенных учеников.

— Ну, насколько я понимаю, волшебство — в любви. Можно загадать желание, и оно осуществится. По крайней мере, так говорят туристам.

Сообщение учителя вызвало бурную реакцию: шестиклассники достаточно много знали о любви и не верили в дедушкины сказки. Большинство ребят откровенно смеялись. Под шумок открылась дверь и в класс заглянуло ехидное личико недавней победительницы Джуниора. Малыш уже несколько дней искал случая рассчитаться с этой девчонкой и поэтому всегда носил в кармане грозное оружие.

Джуниор поднял руку:

— Я хочу пить, можно мне выйти?

— Пожалуйста, Хилли, только возвращайся поскорее, а то не увидишь чудесного слайда Ротари-клуба.

— Я мигом!

В коридоре юный мститель по звуку удаляющихся шагов определил направление погони. Когда повернул за угол, увидел со смехом убегающую девчонку. Он помчался за ней. Поворот, еще поворот. Соперница держала Джуниора на неудобном для прицельного огня из рогатки расстоянии. Хлопнула дверь — и девчонка улизнула перед самым носом догонявшего. «Там тупик, теперь никуда не денется», — обрадовался Джуниор и поспешил за девчонкой, готовый в любой момент сделать решающий выстрел.

Тихо, на полусогнутых ногах, мальчишка исследовал каждый закуток помещения перед входом в спортивный зал.

— Эй ты, дурак! — в трех метрах от Джуниора непонятно откуда появилась девчонка, с трудом удерживая в руках загадочную штуковину.

— Ты пожалеешь, что это сказала! — малыш смело стал приближаться к противнику, готовый выстрелить в упор.

— Да?!

Мощная струя воды ударила Джуниора в грудь, но он не упал, а стремительно полетел в авангарде ледяного потока, распахнув собой дверь и проскользил метров пять по коридору. На расстоянии давление воды уменьшилось, но спасения от холодного ливня найти было невозможно. Пока малыш метался и искал укрытие, он промок до нитки и основательно продрог.

Прицельное промывание Джуниора вскоре прекратилось. Девчонка бросила пульсирующий шланг на произвол судьбы, а сама с победным криком убежала.

Когда дежурная по школе случайно забрела в этот отдаленный уголок здания, то обнаружила Джуниора Хилли, тщетно пытающего перекрыть кран. Фонтан остановили, а продрогшего ребенка быстро проводили в санчасть. Малышу было совершенно ясно, что посмотреть чудесный слайд Ротари-клуба ему уже не доведется.

В кабинете врача медсестра Эни Янг действовала достаточно решительно. Она проворно сняла с дрожащего, как суслик, пострадавшего всю одежду, растерла тело ребенка сухим полотенцем, потом сделала разогревающий массаж и укрыла его сухой простыней.

Раскрасневшийся мальчик почувствовал себя совсем неплохо и стал мирно беседовать с милой тетенькой о всяких житейских мелочах. Догадливая мисс Янг вполне обоснованно предполагала, что такое значительное событие в школе вряд ли могло произойти без участия ее сверхшустрой дочурки. Именно поэтому она пыталась узнать у Джуниора Хилли правду:

— Ну что, может быть, ты все-таки расскажешь мне, что случилось.

— Я пользовался пожарным шлангом.

— Хорошо. А почему ты пользовался пожарным шлангом?

— Я вам уже объяснял: кто-то бросил окурок в урну, начался пожар, и я хотел спасти школу.

Джуниор никак не мог понять, почему это медсестре так хочется знать, что произошло. Про девчонку он все равно ничего не расскажет. Да, на этот раз та снова победила, но еще обязательно будет шанс отыграться. Обязательно будет. Неужели Эни Янг надеется, что Джуниор, настоящий мужчина, будет ябедничать?

В кабинет, как ураганный ветер, влетел запыхавшийся Маленький Бен. Наверное, ему сообщили по телефону. Взволнованный отец даже не поздоровался с медсестрой, а сразу набросился на ребенка:

— Джуниор, что случилось?

Малыш понял: на этот раз туча без дождя не уйдет, осадки гарантированы. Он уже открыл рот, чтобы произнести опробованную, но не очень убедительную фразу о пожаре, но его решительно опередила только что не верившая Джуниору мисс Янг:

— Ваш сын спас школу: он затушил пожар.

— Да? — опешил отец. Впервые кто-то пытался оправдать его сына. — А его никто не спрашивал, как этот пожар начался?

Обстоятельства, несомненно, складывались в пользу Джуниора, потому что отец облокотился на угол металлической кюветы, которая, конечно же, опрокинулась — на пол посыпались стерильные инструменты. Решимости у Бена Хилли несколько поубавилось, он растерянно заулыбался:

— Извините, я такой неуклюжий...

— Да ничего, ничего... Послушайте, если вам кажется, что у вашего сына существуют серьезные проблемы, я бы на вашем месте не беспокоилась: он еще ни с кем не успел подружиться и поэтому чувствует себя, наверное, немного неуверенно.

— О! Да вы действительно отлично понимаете детей.

Лучше всех оценил дипломатичность медсестры Джуниор. Теперь женщина в белом халате казалась малышу еще более симпатичной и доброй. Он нисколько не удивился, когда отец попытался пригласить Эни:

— Мы с сыном собирались как-нибудь сходить поужинать в ресторан. Я подумал, может быть, у вас нет никаких планов, Может быть, вы составите нам компанию?

— Нет, я не могу.

Неожиданно для самого себя Джуниор обиделся: подумаешь, какая краля. Что, они с отцом часто делают такие предложения? Ее, видите ли, надо упрашивать, она, видите ли, не может.

Малыш решительно спрыгнул со ставшего любимым высокого кресла, пошел за занавеску и принялся натягивать на себя чуть подсохшую одежду.

Между тем папа продолжал уговаривать:

— Но, может быть, мы с вами вдвоем... э, куда-нибудь сходим в пятницу?

— Я бы с удовольствием, но не могу.

— Ну, а в субботу?

— Нет-нет, не могу вообще никогда. У меня есть свои сложности.

— Что-то не понимаю.

— Я не могу ни с кем встречаться.

Мистер Хилли не унимался:

— Ну, а если бы мы просто поужинали, поговорили?...

Терпение у Джуниора лопнуло. Больше он не мог наблюдать, как унижается его отец:

— Пап, пап, ты не слышал, что сказала тебе девушка? У нее есть свои сложности, и хватит валять дурака. Пошли!

Маленький Бен тоже недоумевал, зачем так обольстительно улыбаться каждый раз, если не хочешь даже провести вместе хотя бы один вечер. По крайней мере, объяснила бы причины, ну, придумала бы что-нибудь убедительное. Мистер Хилли бросил взгляд, полный недоумения, на чудачку.

— Действительно, пойдем, — сказал он сыну и добавил, обращаясь к медсестре: — Ну, в общем, короче говоря, было очень приятно поговорить, мисс Янг, Эни.

— Мне тоже очень приятно было с вами поговорить, Бен. До свидания, Бен Младший!

Вообще Джуниору очень понравилось такое к нему обращение, но нелепое поведение взрослых все-таки здорово подпортило мальчугану настроение.

* * *

Дома малыш ни с того ни с сего объявил, что пойдет кормить уток на пруд. Отец еще по дороге из школы заметил что-то странное в поведении сына. Казалось, что девятилетнего человека очень серьезно обидели. А тут вдруг эти утки! Прежде Джуниор не проявлял особой любви к животным.

Мальчик долго одиноко стоял на берегу, рассеянно смотрел на воду и механически бросал куски хлеба в кружок почти домашних птиц.

Вряд ли даже сам Бен младший смог бы объяснить, что происходило у него в душе. Коварная змея противоречия сидела внутри. Джуниор не мог понять, хочет он, чтобы отец встречался с Эни или нет. Зачем папа, его любимый папа, его идеал, вдруг стал упрашивать эту очкастую медсестру? И почему, собственно, это, казалось бы, незначительное событие так взволновало его? Почему Эни то нравится ему, но вызывает сильное раздражение?

Малыш окончательно запутался и, чтобы снять напряжение, внести хоть относительную ясность самому себе, вслух, подражая интонации отца, произнес:

— А как насчет того, чтобы пойти в пятницу вечером или в субботу вечером? Да, может быть, еще и в воскресенье вечером? Я не понимаю, что с отцом. У него что — не осталось никакой гордости?

Звонкие голоса Долли и Молли, дочек тупорылого, по мнению малыша, соседа мистера Борке, в одно мгновение вернули в привычное русло мысли Джуниора. Он снова стал непоседой, изобретателем, шалуном, трудным ребенком, нарушителем общего спокойствия, словом, к нему вернулось то, что называется душевным равновесием.

— Лимонад! Лимонад! Свежий лимонад! — кричали изо всех сил близняшки Борке.

«Какой отец, такие и дети! Чего орать? Ведь вокруг, кроме меня, нет никого, разве что утки», — подумал Джуниор, подходя к сестрам, а вслух заметил:

— Да? Я бы хотел лимонада.

Девочки играли в свою любимую игру — «магазин», поэтому любезно ответили покупателю:

— Пожалуйста, два доллара.

— Но у меня всего двадцать пять центов... — пошарил по карманам Джуниор.

— Тогда, насколько я понимаю, ты никакого лимонада не получишь, — заметила то ли Долли, то ли Молли.

Сестренки не сильно расстроились, что один из случайных покупателей оказался неплатежеспособным. Он, собственно, и не входил в их расчеты. Девочки делали свой бизнес по-другому. Всегда, когда они играли в магазин, рекламируя во все горло незатейливый товар, терпения у их папочки хватало не больше, чем на два часа. У мистера Борке от горячо любимых голосов начинало звенеть в ушах, он подходил к милым дочуркам с видом заинтересованного покупателя и, немного поторговавшись, брал «товар» за ту сумасшедшую цену, которую назначали Долли и Молли. Зато минут через пять-десять наступала долгожданная тишина, тем более приятная, что за нее достаточно щедро заплачено.

Обычно девчонки «торговали» чем-нибудь из собственного дома. Однажды мистеру Борке пришлось заплатить за только что приготовленный им самим любимый шашлык. На этот раз в «магазине» сестры продавали обыкновенный лимонад, которым заботливый папа еще утром наполнил большую шестилитровую банку, предчувствуя знойный день.

За работой симпатичные сестренки, одетые в совершенно одинаковые комбинезончики и бейсболки, и не заметили, как сами выпили почти весь напиток. Это обстоятельство и явилось предметом спора, невольным свидетелем которого стал Джуниор.

— Эй, Долли! У нас не осталось лимонада. Иди домой и наполни графин!

— Я не собираюсь наполнять графин. Сама иди.

— С какой это стати я пойду? Я сегодня уже ходила.

— Ты ходила? Это я ходила.

— Опять врешь! Я не собираюсь за тебя бегать. Иди, наполни графин.

Вряд ли этот производственный конфликт смог бы положительно разрешиться, если бы Долли и Молли не вспомнили о стоящем рядом Джуниоре. Тот все еще де-

лал вид, что старательно разыскивает в карманах недостающие деньги.

— Эй ты, сходил бы, наполнил нам графин! Если поработаешь, мы, может быть, дадим тебе стаканчик бесплатно, — девочки говорили хором и даже ни разу не сбились, как будто это была заранее отрепетированная фраза.

— О'кей! Я вам наполню, — в голове у Джуниора уже родился простой план. Надо же было чем-то компенсировать свое недавнее отвратительное настроение.

После сегодняшнего происшествия в школе малыш чувствовал острую необходимость насолить вредным девчонкам — если не той, то хотя бы этим. Тоже хороши!

Он взял стеклянный графин, на дне которого оставалось еще немного лимонада, и без лишних вопросов направился в сторону дома. Вдогонку полетели слова Долли, а может быть, Молли:

— На веранде, сразу направо!

Далеко отходить малыш не посчитал нужным. За широким и достаточно густым кустом акации он оглянулся по сторонам — за ним никто не следил. Ближайшие соседи мирно занимались своими делами. Малыш расстегнул замок на штанишках. Серебристо-желтая струйка точно попала в не очень широкое горлышко графина. Сегодня из-за всяких проблем у малыша не было даже минуты, чтобы сбегать в туалет, зато теперь жидкости хватало. А если прибавить к этим обстоятельствам тот факт, что Джуниор очень старался, то абсолютно неудивительно, что мальчик вскоре появился возле сестренок, держа в руках до половины наполненный сосуд.

— Пожалуйста, девочки!

— А почему только половина? Не мог больше налить? Нести тяжело, да?

— Как мог, так и налил. Это не горит.

— За это не получишь бесплатный стакан.

— Да ради Бога, пожалуйста! — малыш сделал вид, что даже несколько обиделся, чем доставил массу удовольствия близняшкам.

Казалось, Бена Младшего ничего больше не интересовало, и так как делать ему было нечего, он запрыгнул в

высокий, стоящий неподалеку с открытыми задними дверцами джип и принялся беззаботно болтать ногами и поплевывать.

Над кварталом снова зазвенели пронзительные голоса:

— Лимонад! Свежий лимонад!

Мистер Борке уже несколько часов подряд возился в гараже со своей машиной и изо всех сил старался игнорировать надоедливую рекламу. Но всякому терпению приходит конец. Именно поэтому Мерил Борке появился в рабочем комбинезоне возле самодельного прилавка и, вытирая блестящие капельки у висков, почти искренне проговорил:

— Ух ты, черт возьми, какая жарища! Меня аж пот прошиб. Долли, Молли, как насчет стаканчика лимонада?

Дочки ответили дружно, несколько волнуясь — настал главный момент в их бизнесе:

— Конечно, папа, десять долларов.

— Десять долларов за стакан лимонада? С меня? Черт возьми, ублюдки, а! Ну хорошо, держите!

Мистер Борке протянул купюру. Долли молниеносно схватила деньги и, показав язык Молли, спрятала их в карманчик своего комбинезона. Молли с графином в руках внимательно проследила, куда положила выручку сестра и только после этого наполнила стакан.

Жидкость искрилась на солнце. Радуясь приближающейся тишине, мистер Борке важно взял стакан, отошел на два шага от прилавка и с наслаждением влил в себя его содержимое. Лимонад показался несколько солоноватым и теплым. Но чтобы не усложнять дело, мистер Борке не стал придавать этому значения:

— Отлично!

От смеха Джуниор чуть не выпал из машины. Ну и забавные же эти Борке!

* * *

Присутствие Большого Бена существенно не повлияло на жизнь семейства Хилли. Так что опасения Джуниора

оказались напрасными. Дед целыми днями просиживал у экрана телевизора, отдавая предпочтение политическим дебатам. Втайне от всех он так и не отказался от идеи стать губернатором. Ведь Луизиана — не единственный штат в Америке.

Дедушка любил поспать, особенно днем, и совершенно не интересовался воспитанием своего внука. От этого чертенка лучше быть подальше. Такая позиция казалась Большому Бену весьма благоразумной. Устраивало это и Джуниора, который спокойно мог заниматься тем, что приходило в голову. Безусловно, между этими людьми существовало определенное статическое напряжение, но для вспышки нужен был проводник, то есть причина. А пока таковая отсутствовала, все было в порядке.

У отца малыш многому научился. Особенно его интересовал процесс приготовления пищи, тем более, что Джуниор очень хотел разобраться, из чего все-таки монахини в приюте делали свои котлеты. Основательное изучение кулинарии, по мнению мальчика, должно было обязательно помочь разгадать тайну. Со временем отец стал доверять сыну стряпать завтрак и ужин.

В среду Джуниор, достаточно хорошо изучивший вкусы отца, решил приготовить блюдо из лосося. Он вытащил из морозилки замерзшую обезглавленную тушку и при помощи ножа и молотка нарезал на куски.

Точно зная, что ответит отец, малыш спросил у него:

— Пап, что хочешь на ужин сегодня — макароны с сыром или рыбный бифштекс?

— Я бы с удовольствием съел рыбный бифштекс, но у меня другие планы, — мистер Хилли не обратил внимания, на то что сын предугадал его желание.

— Да! Но я же готовлю ужин.

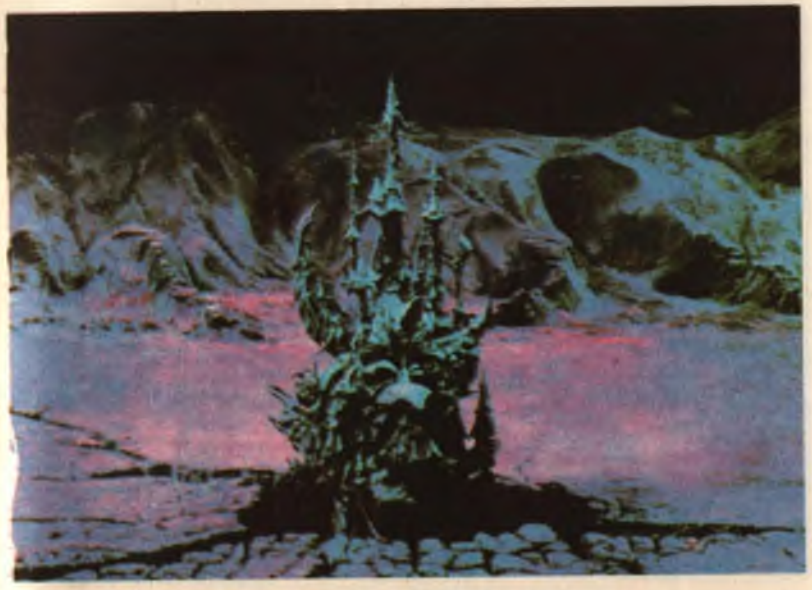
— Я понимаю, но иду ужинать с Эмили, нашей соседкой.

У малыша мгновенно испортилось настроение:

— И что, со мной опять останется какая-нибудь нянька-сиделка?

— Нет, нет, никаких нянек-сиделок. У нас же есть кое-кто получше, у нас же есть дедушка!

Как по команде, отец и сын повернули головы по на-



Замок Темного Кристалла.

Долина УрРу.

Церемония получения Энергии Скексисами в Кристальном Зале.

Хаакекиках! Дуэль Камергера и Повелителя Гартимов.

Ритуал поклонения урСу.

УрЗах говорит Джену, что он должен уйти из долины и начать свой поиск.

Агра, Хранительница Тайн.

В Обсерватории Агры на высоком холме.

Физгиг.

Кира и Джен с Физгигом.

Стручковые Люди.

В развалинах Гельфлингов появляется Камергер.

Ландстрайдеры несут Джена и Киру к замку.

Двое, слитых воедино, — рукою Гельфлинга.

правлению к сидящему возле телевизора Большому Бену. Тот аж привстал с мягкого кресла, страстно болея за своего любимца, итальянца Кавези. Боксер как раз пошел в атаку.

— Вот так, вот так, видел? — мистер Хилли попытался отвлечь сына.

Джуниор не отступал:

— Ну пап, ну не ходи! Хватит с тебя свиданий, у тебя уже было одно.

— Да, но у меня ничего не получилось. Сынок, ну как же я найду нам новую маму, если не буду искать?

— А зачем нам новая мама?! Нам она не нужна. Все и так прекрасно. Разве нам было плохо, пока мы были с тобой вдвоем? Теперь же дед свалился нам на голову.

Все аргументы были исчерпаны. Возможно, в силу своего юного возраста малыш упрямо не хотел признавать роль женщины в своей и папиной жизни. Тогда мистер Хилли сказал твердо:

— Я сегодня иду на свидание, сынок. Сейчас я приведу себя в порядок. Если услышишь звонок в дверь, скажешь мне.

— Не волнуйся, ты и сам услышишь.

Спорить дальше смысла не было, решил сын. Отец по доброй воле не откажется от своего заблуждения. Следовательно, нужно действовать самому, попробовать переубедить папу по-другом. Осуществить мгновенно родившийся в его гениальной голове план Джуниору никто не мешал: дедушка ни за что не оторвет свой зад от удобного кресла, а папа, напевая оптимистический мотив, принимал душ.

Как настоящий мастеровой, надев защитные очки, Бен Младший просверлил замечательной дрелью фирмы «Филлипс» нужное отверстие около звонка на входной двери. Потом просунул через него изолированный мягкий электрический провод, сбегал на кухню и старательно вымыл резиновый коврик для ног с забавной надписью «Добро пожаловать в наш дом!», предусмотрительно оставив на нем воду. Под коврик незаметно положил второй провод, со знанием дела поковырял отверткой в самом звонке. Вскоре все было готово для приема гостей.

Джуниор действовал быстро и умело, так как не раз собирал аналогичные схемы на уроках физики в школе. Правда, в роли гостей там выступали замечательные куклы-человечки, которые служили для наглядности при изучении нарушений техники безопасности.

В старом добром Нортвиле существовали свои традиции. Например, с тех пор, как город получил статус столицы разведенных невест, любая женщина, собираясь поужинать, могла зайти за кавалером и подождать его минут пять-десять в прихожей, пока тот будет приводить себя в порядок: бриться, сушить феном волосы, опрыскивать себя благовонными водами, утюжить брюки и тому подобное. И это не считалось дурным тоном.

Еще не привыкший к местным обычаям, мистер Хилли завершил свой туалет до прихода новой знакомой.

А вот мисс Элизабет очень торопилась, чтобы не опоздать на свидание, и на ходу приводила себя в порядок. Уже не крыльце дома Хилли, куда так спешила, она отработанным движением засунула под лифчик заранее приготовленные подушечки, от чего грудь округлилась и стала выглядеть весьма обольстительно.

— Вот так, мои малышки, вам сегодня придется поработать.

Заранее провести подобное уточнение своих форм Элизабет не могла еще и потому, что в городе ее хорошо знали.

Каблучки застучали по каменному крылечку, стройные ножки стояли на коврике, а дрожащий от волнения пальчик нажал на кнопку. Красотку затрясло, волосы, несмотря на значительное количество фиксирующего лака, вдруг встали дыбом, подчиняясь какому-то невидимому полю. Из-под каблучков пошел пар, а под глазами внезапно появились черные круги.

Мистер Хилли открыл дверь и оторопел. Утром мисс Элизабет выглядела по-другому.

— Бен, из-з-з-ви-ни-те, я неожиданно плохо себя п-почувствовала. Наверное, я т-т-только что заболела грип-п-п-пом, который гуляет по нашему городу. Н-ничего! До свидания!

Очень неуверенно мисс Элизабет повернулась и стала

спускаться по ступенькам. Мистер Хилли растерянно кивнул головой, прощаясь, и, ничего не понимая, закрыл дверь...

Мисс Элизабет увезла «Скорая помощь», а Большой и Маленький Бены собрались на экстренный семейный совет. На нем тайно присутствовал и Бен Младший — он стоял за тонкой перегородкой и внимательно слушал.

— Ну что, это маленькое чудовище снова тебя подвело, да?

— Может быть, я с ним был слишком строг. С тех пор, как я начал встречаться с женщинами, он чувствует себя так неуверенно.

— Что значит неуверенно? Он псих, он ревнует, он вообще опасный тип.

— Не понимаю, отец, о чем ты говоришь.

— О том, что такого ребенка нужно оставить на обочине дороги, а самому ехать дальше.

— Да нет, мальчик просто хочет почувствовать, что его любят. Я уверен, что мне нужно проводить с ним больше времени.

«Наконец-то до отца дошло, — ликовал Джуниор. — Так что прощайте, бабоньки!»

* * *

На перемене, прогуливаясь по школьным коридорам, Джуниор заметил свою обидчицу и не удержался, чтобы не окликнуть ее:

— Эй ты, морда собачья!

— Дурак! — не замедлила с ответом Трикси, а именно так звали эту вредную в глазах Джуниора девчонку.

Полный решимости как следует намылить ей шею, мальчуган бросился за нахалкой. Та быстренько засеменила по коридору, только подпрыгивали на плечах аккуратненькие косички. Перед самым носом догонявшего захлопнулась дверь женского туалета.

— Ну, это нечестно.

Трикси выглянула наружу и мило защебетала:

— А тебе сюда нельзя! А тебе сюда нельзя!

— Вот стерва... Стерва должна умереть! — Джуниор был слишком взбешен, чтобы остановиться даже, казалось бы, перед непреодолимым препятствием. Отомстить хотелось любой ценой, пусть даже и в запретной зоне.

Как ветер, Бен Младший ворвался в туалет и на мгновение растерялся — все кабины были закрыты. Он наклонился и стал снизу по очереди заглядывать в каждый отсек, чтобы по ногам обнаружить нахалку. К большому удивлению, эта маленькая хитрость не принесла положительных результатов: Джуниор никого не увидел. Тогда он нарочно громко, как будто с огорчением, произнес:

— Черт возьми, она меня снова надула! Да, мне бы ее голову: хорошо соображает девка. Ну что ж? Завтра, найдем ее завтра.

Преднамеренно сильно хлопнув дверью, малыш затаился, приготовившись к новой атаке.

Довольная ходом событий, Трикси спрыгнула с унитазного бачка, на котором она, оказывается, пряталась, и выглянула в коридор. Этого как раз и ожидал мальчуган, он снова рванул за девчонкой. Та забежала в кабину, но Джуниор успел заметить место, где опять надеялась укрыться Трикси. Он заскочил в кабину и сходу толкнул противницу. Не удержав равновесия, Трикси шлепнулась на сиденье, на котором обычно устраиваются, предварительно спустив штанишки.

Малыш торжествовал:

— Жалкое зрелище. Ну что, попалась?!

— Ну подожди, ты пожалеешь, что на свет родился! — девчонка скорчила такую грозную мину, что любой бы испугался. Любой, но не Джуниор.

— Ой, как мне страшно, мне угрожает королева унитаза, — поддел малыш и тотчас перешел к серьезному разговору: — Ты чего ко мне пристаешь?

— Я пристаю, к кому хочу. Это моя школа!

— Да? Кто это сказал?!

— Я сказала. Я...

Неизвестно откуда в руках у Трикси появились настоящий взрыв-пакет и зажигалка. Она поднесла огонь к фитилю, и тот весело затрещал, разбрасывая искры, как

бенгальский огонь. Малолетняя разбойница всучила опасную шипящую игрушку растерявшемуся Джуниору и, вскочив с унитаза, победно заулыбалась.

— Ты что, сумасшедшая, что ли? — пролепетал ранний шестиклассник, держа штуковину на вытянутой руке, подальше от себя.

Большой жизненный опыт, участие в крутых переделках все-таки не замедлили сказаться — к Джуниору вернулось самообладание. Он швырнул взрыв-пакет в унитаз и спустил воду — бочоночек динамита завертелся. Фитиль явно не собирался гаснуть.

— Бежим отсюда!

Перед лицом грозящей катастрофы Трикси и Джуниор на время забыли о своих разногласиях. Оба дружно выскочили из туалета и без оглядки с криками понеслись по школе, стараясь отбежать подальше от эпицентра предстоящего взрыва.

Учитель Дтимни Бокс, не подозревая о том, что произошло в женском туалете, очень спешил по весьма неотложному и знакомому каждому нормальному человеку делу. Естественное желание посетило его еще на уроке, но пришлось задержаться и любезно разобраться с директором школы насчет оформления журнала. Поэтому понятно, что теперь мистер Бокс чрезвычайно торопился.

— С дороги, с дороги! — проклятые, хоть и любимые дети то и дело путались под ногами.

Вот она, заветная дверь в мужской туалет. Еще несколько шагов — и он у цели. Дтимни Бокс на ходу расстегнул ремень и наконец с облегчением плюхнулся на заветное очко:

— Боже, Боже, какое блаженство.

Учитель расслабился... и вдруг взмыл над унитазом, подброшенный упругой волной взрыва, произошедшего где-то в глубинах канализации. Он мягко опустился на прежнее место и, закатив глаза, удовлетворенно прошептал:

— Ах! Как хорошо!

В свободной от перегрузки голове замелькали образы давно минувших дней, когда сержант Дтимни Бокс добросовестно служил в морской пехоте. Подумать о смыс-

ле жизни, сидя на корабельном очке в самый разгар боя, было так романтично.

* * *

Иногда Большой Бен все-таки выходил из дома, чтобы размять старые кости. У него не возникало желания поездить по городу на машине сына. Нет, он просто степенно прогуливался по ближайшим кварталам.

Как-то его внимание привлекли звонкие детские голоса, доносившиеся из соседнего двора.

— Распродажа, большая распродажа!

В старом бизнесмене что-то екнуло, и он с любопытством отправился поглазеть, тем более что торги проходили совсем рядом.

Долли и Молли, предчувствуя что-то неладное, с тревогой поглядывали на пожилого соседа, с интересом рассматривающего их товар.

— Так, так, так. Что ж вы тут продаете, небось, старые папины вещи? Ну вот, посмотрите-ка, почти новая рубашка всего за 20 центов, костюм за 25... У меня есть один вот точно такой же, но я за него 2 тысячи платил, — старик внимательно ощупывал пиджак и вдруг на лацкане обнаружил до боли знакомый значок. Растягивая слова, прочитал: «Биг Бен баллотируется в мэры».

Большой Бен не на шутку разволновался: его костюм продавали за 25 центов! Когда же старик увидел заточенного в клетку своего пятнистого друга, он совершенно растерялся:

— Что, что, что? Ниппи? Ниппи, а ты что здесь делаешь, в этой клетке? Что, тебя продают за 10 центов?

Цена аккуратно была обозначена на самодельном ярлыке, висевшем на клетке. Опознание состоялось. Обращаясь к сестренкам, дед яростно закричал:

— Ах вы мелкие мошенницы! Откуда вы все это взяли?

— Мы оптовые продавцы...

— Да это все — мои вещи!

— Нет, нет, они не ваши, нам их уже продал Бен Младший, все вместе за 10 долларов.

— Да?! Ну посмотрим еще...

Большой Бен бросился домой, испытывая неописуемое желание стереть с лица земли обнаглевшего внука.

Джуниор стоял у раскрытого шкафа, радуясь, что наконец-то появилось место для его собственных вещей, когда в комнату ворвался взбешенный дедушка.

— Ах ты, маленький психопат! Ты слишком далеко зашел на этот раз.

— Закрой пасть, дедуля! — внук разговаривал так, как, по его мнению, должен был говорить настоящий хозяин дома.

— Вредный, гадкий мальчишка! Ты должен уважать старших. Если тебя собственный отец ничему научить не может, то я смогу!

Разъяренный Большой Бен был готов прибегнуть к самой крутой мере воздействия на непослушных детей: в руках у него появился сложенный вдвое кожаный ремень.

— Да?! Разбежался, это мы еще посмотрим!

Поведение внука перешло всякие границы, и старик ринулся на малыша. Шустрому ребенку удалось увернуться, и дедушка, раскрыв собой ставни, со всего размаху вылетел в окно второго этажа.

Малышу было интересно узнать, насколько успешно приземлился Большой Бен, и он выглянул в окно. Как раз в это время в комнату вошел отец и бодро спросил:

— Эй, сын, ты уже готов?

— Да, конечно. А куда? — Джуниор как бы невзначай прикрыл распахнутые ставни.

— Сюрприз. Я запланировал веселье на целый день.

— Здорово!

— Поехали.

По счастливой случайности Большой Бен не упал прямо на землю. Вряд ли тогда удалось бы собрать его кости. Но повезло — он прямиком угодил на достаточно толстую ветку огромного дерева, стоящего перед домом, обхватил ее руками и ногами и застыл. Слишком вспыльчивый воспитатель боялся шевельнуться, чтобы не потерять равновесия и не шлепнуться вниз. Случись это лет 40 назад, он бы уже давно бегал по земле. Теперь обрюз-

гшее тело было совершенно непослушным. К тому же еще и неожиданно подступивший страх сковывал движения.

Висевший на дереве дед стал свидетелем происходившего внизу. Маленький Бен спрашивал у чудовища-внука:

— Ты видел дедушку?

— Последний раз, когда я его видел, он выходил из дома.

В отличном настроении потомки Большого Бена уселись в машину и, хлопнув дверцами, уехали.

Боясь вот-вот свалиться с дерева, дед, как ему казалось, изо всех сил, а на самом деле почти шепотом бесполезно прокричал вслед уезжавшим:

— Бен! Бен! Эй, помоги мне.

К огромной радости жаждующего спасения Большого Бена, на дорожку, ведущую к особняку, повернули три необычных для здешних мест машины. Впереди — крытая трехколесная мотоколяска выпуска 60-х годов, а за ней — прекрасный кабриолет «Мерседес-бенц». Таких в Нортвиле все замечающий седоусый мужчина еще не видел. Последним следовал джип. Из первого транспортного средства проворно выскочил толстый, лысоватый, в очках мужчина и извлек из своей жестяной коляски огромный букет великолепных цветов.

Из второй машины озабоченно и уверенно спрыгнула дама в шляпке и многозначительно произнесла:

— Бенджамин Хилли, тебе пора встретиться со своим будущим!

С интересом наблюдающий за происходящим Большой Бен вдруг вспомнил о своем затруднительном положении и позвал на помощь:

— Помогите! Помогите!

— Что делает этот человек? — подняв голову, спросила недоумевающая дама.

— Я Большой Бен, старший Бен Хилли, я здесь живу.

— Вы что, живете на этом дереве?

— Мисс Дюмор, похоже, это отец Бена Хилла, — весьма резонно предположил толстяк с букетом.

— Заткнись, я сама это знаю, — и уже обращаясь к подбежавшим работникам, дама отдала лаконичное распоряжение: — Шевелитесь, снимите его с дерева и работайте!

Но посторонней помощи не понадобилось, старина Бен Хилли сам не удержался и попросту свалился с дерева. Толстяк, проявив удивительную шустрость, успел положить на место приземления будущего тестя своего шефа роскошный букет. Именно это обстоятельство помогло сохранить Большому Бену прежние формы.

* * *

Мысли о судьбе дедушки совершенно не беспокоили Джуниора, который отлично проводил время в городском парке в замечательной компании — со своим отцом. Они опробовали множество аттракционов: покатались на небольших забавных моторных лодках, вдоволь поорали на русских горках, настрелялись в тире и наигрались на автоматах.

У Бена Хилли было замечательное настроение, главным образом потому, что у Джуниора было такое же. Отец на радостях так удачно и мощно ударил по силомеру, что контрольная стрелка взлетела гораздо выше призовой черты. Служащий наградил отца огромной обезьяной.

— Это тебе, сынок! — сияя от счастья, проговорил мистер Хилли.

— Здорово! Спасибо, папа.

— Не за что. Слушай, здесь мы, по-моему, все попробовали, а теперь пошли в луна-парк. Я тебе обещал, что весь день проведем вместе. Правда, здорово? Ты и я — больше никого.

Аттракцион «Безумные пляски», возле которого остановились Хилли, сразу же понравились Джуниору. Огромное металлическое колесо вращалось не только вокруг оси, но постоянно меняло угол наклона еще и по отношению к земле. На нем было установлено две пары трехместных площадок, каждая из которых вертелась вокруг своего собственного центра. Одним словом, у малыша не было сомнений, что тут стоит потратить деньги.

— О смотри! Вот это здорово! Прокатимся?

— Конечно, мы же ради этого и приехали.

Стоять в очереди пришлось недолго, но зато Джуниора ожидало крупное разочарование. Хозяин «Безумных плясок» решительно преградил малышу дорогу:

— Нет, не спеши, парень! На этот аттракцион тебе нельзя.

— Почему?

— Потому что нужно быть вон такого роста, который помечен на щупальце.

До щупалец фанерного осьминога Джуниор действительно еще не дорос, но покататься очень хотелось. Мальчик попытался убедить дотошного служащего:

— Ну, я-то всего на миллиметр ниже.

Аргумент явно не возымел действия:

— Убирайся отсюда, ты задерживаешь очередь.

— Большое спасибо... — только и сказал мистер Хилли. Кроме издевательского тона, он не принял никаких мер защиты достоинства своего сына — все-таки техника безопасности. Может быть, действительно рановато.

А у Джуниора бесследно растаяло прекрасное настроение. Отец всеми силами пытался успокоить его:

— Очень жаль, малыш, но может, на следующий год? Хочешь, пойдем поиграем в индейцев? Не хочешь. Так, так... А как насчет глазированного яблока? — отцу показалось, что Бен Младший утвердительно кивнул головой. — Я куплю тебе глазированное яблоко, — обрадовался он. — подожди, сейчас вернусь.

Отец встал в небольшую очередь.

Возможно, Джуниор и оправился бы от обиды, если бы все несчастья на этом закончились. Но, как на зло, свидетелем его неудачи стал небезызвестный Мерф Мердок. Так как вне школы Бен Младший еще ни разу не делал заявок на лидерство, то «вечный» шестиклассник чувствовал себя на улице королем. Да и случай показать превосходство был исключительный — Джуниор явно был не на высоте.

— Ой, а малыша не пускают на аттракцион! Конечно, они боятся, что ты напикаешь в пеленочки. Ха-ха-ха!

Толстяк эффектным, перенятым у мистера Бокса ударом ноги с разворота снес фанерного осьминога, стоящего чуть подальше от того, возле которого опозорился Джуниор.

— Смотри, чтобы тебя самого пустили, а то еще все сломается от перегрузки! — попытался защищаться Бен Младший, но голос его звучал далеко не радостно.

Конечно же, Мерфа пропустили и даже не взяли двойную плату.

— Эй, ты малявка! Тяжело, наверное, быть недорослком!

Тут внимание Джуниора привлекла Трикси. Малыш ничего не понимал: девчонка, которая с трудом доставала до унитаза, стояла возле мерки и прекрасно вписывалась в нормативы. Отдав служащему жетончик, Трикси направилась к свободному креслу. По дороге, убедившись, что контролер занят, она повернулась в сторону Джуниора, показала язык, и, приподняв подол длинной юбки, открыла секрет: к ногам были прикреплены высокие, сантиметров в 30 колодки.

Зная характер Джуниора, трудно предположить, что он так легко согласился с поражением. В маленькой белобрысой голове с компьютерной скоростью прокручивались возможные варианты.

— Готовы? Готовы! Поехали, держитесь крепче. Дикая пляска началась! — хозяин аттракциона привычным движением оттолкнул микрофон и нажал на кнопку «Пуск».

Безусловно, очень большой просчет в данной ситуации сделал мистер Хилли: нельзя было оставлять малыша одного в такие тяжелые минуты. Возможно, все бы и обошлось. Но очередь за глазированными яблоками вот-вот должна была подойти.

На щите управления аттракционом, который элементарно нашел Джуниор, никем не замеченный проскочив под вывеской «Осторожно! Высокое напряжение», было всего два переключателя: скорости вращения большого круга и скорости вращения дочерних платформ с посадочными креслами. Не раздумывая, Джуниор повернул до отказа за красные метки и один, и второй. Электромоторы завизжали еще пронзительней. Но по-настоящем оценить свою работу юный мститель смог только тогда, когда снова оказался в праздной толпе отдыхающих.

Платформы резко увеличили скорость, ожидавшие вниз родители перестали различать в сплошном мельтешащем, словно спицы в колесе своих наследников. Хозяин аттракциона растерянно кивал головой в такт взбесившимся «Диким пляскам».

Не сразу поняли, что произошло, и пассажиры. Их резко прижало к креслам, небо перепуталось с землей, желание рассматривать достопримечательности парка сильно поубавилось.

Мерф больше не прыгал на своем сиденьи и не пританцовывал в такт звучащей музыке. Волосы у него встали дыбом, глаза округлились, а из раскрытого рта сам собой вырывался крик ужаса. Примерно так же реагировала Трикси, как, впрочем, и все остальные катающиеся. Вопли их слились в один сплошной звук постоянной частоты, сильно напоминающий то, что можно услышать на мощном распределителе электроэнергии.

Время растянулось: шестьдесят секунд, оставшиеся до конца сеанса после того, как рука Джуниора повернула переключатели, для многих превратились в вечность. Уже через двадцать секунд страстных любителей острых ощущений начало тошнить. Заработала цепная реакция. Спустя пару мгновений платформа стала щедро разбрызгивать вокруг себя продукты неоконченной переработки детских желудков — съеденные завтраки, обеды, мороженое и коктейли.

Теперь выворачивало внутренности не только у катающихся, но и у стоящих на земле наблюдателей.

Когда «Дикие пляски» наконец-то закончились, аттракцион выглядел далеко не привлекательно. Спускаясь на дрожащих ногах на родную, вращающуюся значительно медленней землю, многие пострадавшие по несколько раз шлепались на скользкой платформу. Впрочем, это уже не могло как-нибудь существенно повлиять на их внешний вид.

Купленные отцом глазированные яблоки пришлось выбросить. Джуниор оказался не очень устойчивым к созерцанию массовых блеваний и все запачкал.

Понятно, что поход в луна-парк не состоялся.

* * *

Абсолютно закономерно, что по дороге в машине домой произошел серьезный разговор.

— Сын, ну почему ты так себя ведешь? Зачем ты так? Я думал, мы переехали в Нортвил, чтобы начать новую жизнь. Мне всегда говорили, что ты трудный ребенок. Я не соглашался, считал, что люди ошибаются. Мне казалось, что тебе нужно дать возможность показать себя с хорошей стороны. Но у нас с тобой не получается нормальной жизни, особенно у меня. Стоит мне пойти с кем-нибудь на свидание или отлучиться на пять минут, обязательно случается что-нибудь ужасное.

— А может, тебе не стоит ходить на свидания?

— Сынок, от того, что я общаюсь с другими людьми, я отнюдь не люблю тебя меньше. Неужели ты этого не понимаешь?

Отец оторвался от дороги и взглянул на сына. Тот упрямо смотрел себе под ноги.

— Ну, наверное...

— Наверное? Уже хорошо. Начнем хотя бы с того, что ты это допускаешь. Давай мы с тобой договоримся. Я обещаю тебе, что всегда буду рядом с тобой, когда ты этого захочешь, а ты должен пообещать, что отныне будешь вести себя хорошо.

— Обещаю, — малыш все еще боялся поднять глаза.

— Это слишком просто — сказать «обещаю» и все. Это не должно быть пустым обещанием. Сегодня мы с тобой заключаем договор, союз, с тем чтобы восстановить наше прежнее доверие друг к другу.

Казалось, Джуниор что-то серьезно обдумывал. Отец продолжал:

— Ну, что скажешь? Ты постараешься вести себя лучше, чтобы я мог хвалиться тобой перед друзьями, говорить, что ты самый лучший сын в мире?

— Конечно. Я буду вести себя лучше.

Обещание Джуниора прозвучало весьма скромно, просто он будет вести себя лучше. Но именно эти слова подняли настроение Маленького Бена, уверившегося,

что до мальчика что-то дошло. Тем более что теперь Джуниор не прятал свои глаза.

— Вот умница... — после этих слов мистер Хилли, достаточно опытный педагог, резко сменил тему разговора.

О происшествии на «Диких плясках» не было сказано ни слова. Как будто ничего не случилось.

* * *

Когда повеселевшие отец и сын шумно ввалились в помещение, оба на мгновение опешили, озадаченно изучая существенные изменения в их прежде уютном жилище. Мебель была расставлена совершенно по-другому, откуда-то появились абсолютно бесполезные мраморные тумбы, масса больших и маленьких пальм в горшочках, на стенах — огромные зеркала, которые никак не смогут уцелеть во время первого же розыгрыша мяча. На скользком и удобном для игры полу — цветастое ковровое покрытие. Даже стены стали другими.

— Что случилось с нашим домом?

По лестнице спускался Большой Бен, не в обычном махровом халате, а в отутюженных светлых брюках и легком шерстяном свитере. Он выглядел помолодевшим лет на двадцать, и не только от того, что поблескивал тщательно выбритым подбородком. Артистичным жестом обведя помещение и счастливо улыбаясь, дед объявил:

— Сюрприз!

— Папа, что ты сделал?

— Я? Ничего. Это чудо сотворено одной необыкновенной женщиной, — дед многозначительно засмеялся.

— Я не понимаю, она что... она что, маньячка?! — Бен младший, без сомнения, не разделял восторга деда.

— Нет. Она — прекрасная фея, — сверкая, как надраенный чайник, подытожил Большой Бен и жестом указал на вышедшую из столовой мисс Дюмор.

Стройные ноги, обнаженные плечи, причудливая, но со вкусом сделанная прическа, бриллиантовое колье на

шее — словом, мисс Дюмор не прятала своих достоинств. Без всяких прелюдий она с патетикой заговорила:

— Бенджамин, как приятно, что в нашем городе появилась струя свежей, новой крови. И я решила, что люди, которые приезжают в наш город, должны полюбить его больше. И все это — Луанда многозначительно окинула взглядом комнату, — в знак нашего внимания к новоселам. Меня зовут Луанда Дюмор.

— Так вы что, все это сделали только потому, что я открыл счет в вашем банке? — мистер Хилли еще больше удивился, когда понял, с кем имеет дело.

— Нет, нет, вы у нас совершенно особый клиент!

Никаких сомнений у Джуниора не оставалось: это очередная попытка занять вакантное место его мамы. Ну до чего напыщенная и неестественная эта тетка! Из головы Бена Младшего напрочь вылетело данное отцу обещание. Не без его помощи с мраморной тумбы вдруг упал горшок с дорогой карликовой пальмой. Земля высыпалась на мягкий ковер.

— Ой! — малыш сделал вид, что он тут ни при чем. Но все без исключения присутствующие отлично разобрались, что к чему.

— Сынок!

— Ничего страшного. Подумаешь, это всего лишь песок. Я запросто все уберу. В мгновение ока, — конечно же, Луанда Дюмор благоразумно не заметила проделку Джуниора.

— Извините, мой сын иногда бывает таким неуклюжим.

Миллионерша мисс Дюмор взяла в руки пылесос, подошла к месту трагедии и принялась убирать грязь. Она заняла настолько выгодную позицию по отношению к взрослым представителям семейства Хилли, что даже у деда потекли слюнки: такая аппетитная попка не могла не произвести впечатления.

— Ничего страшного! Господи, нужно же понимать друг друга. Без понимания и сострадания наш мир во что превратится? Верно, милый? — последний вопрос адресовался представителю молодого поколения.

Пока мужчины восхищались формами и дипломатич-

ностью «прекрасной феи», та с искривленным от ненависти лицом шепнула малышу откровенную глупость:

— Попробуй еще что-нибудь выкинуть в таком же духе! Я тебе отрежу ноги по колено и похороню тебя живьем. Понял, детка?

Джуниор улыбнулся и понимающе кивнул головой.

— Невероятная женщина! — Маленький Бен был поражен достоинствами гостьи.

— Да-а, — протянул дед, — кроме того, у нее состояние в пятьдесят миллионов долларов.

— О Господи, совсем забыла, который час? Мне очень жаль, но я должна уже бежать, у меня встреча с этими противными акционерами. Но мы скоро вместе выберемся куда-нибудь или поужинаем дома. Я приготовлю что-нибудь необыкновенно вкусное!

— Было очень приятно, мисс Дюмор!

— Нет-нет, для вас — просто Луанда.

— Луанда? Хорошо, — мистеру Хилли пришлось по душе мелодичное имя.

— Иди же, иди, проводи ее, — активно подталкивал Большой Бен нерасторопного сына.

Тот по своей природной заторможенности (в чем старый политик абсолютно не сомневался) все равно не сообразил проводить даму до машины. Слава Богу, хоть догадался попрощаться.

Захлопнулась дверь, и старик запрыгал от счастья:

— Ох-ох-ох! Ха-ха! 50 миллионов! Эй ты, тюфяк, не упусти такой шанс, это случается раз в жизни.

* * *

Всего через несколько дней на кухне в особняке Хилли происходил следующий разговор.

— Луанда, так вкусно пахнет! А помочь не надо?

— Нет, Бенджамин. Вы сидите, отдыхайте, я сама позабочусь обо всем. Это не мужское занятие.

— Хорошо.

«С этой женщиной, как за каменной стеной, с такой не пропадешь, и главное, она поможет воспитать сына

достойным гражданином Соединенных Штатов», — рассуждал про себя мистер Хилли, развалившись в кресле.

Совершенно другого мнения придерживался Бен Младший. После того, как он обнаружил в своей комнате десяток пестрых тупорылых клоунов, разубеждать его в том, что семью нужно спасать от нависшей смертельной угрозы, было бы абсолютно неразумно. Но начинать боевые действия Джуниор не мог в силу данного им торжественного обещания. Оставалось одно — прибегнуть к черной магии. И хот малыш не очень верил в чудодейственную силу заклинаний даже при помощи волшебных камешков, другого выхода просто не оставалось.

Силу таинственных слов Джуниор побоялся испытывать на отце, поэтому выбор пал на Ниппи. Именно с помощью пса можно было попытаться насолить Дюмор, не нарушая своего честного слова.

Необходимые атрибуты и секретную технику гипноза удалось выменять у Дональда Бармена, настоящего шестиклассника, Лучшего ученика в школе, на пачку сигарет «Marlboro».

Во дворе Джуниор стал на колени перед Ниппи, взял в руку чудодейственный брелок и принялся раскачивать им перед самым носом собаки. Относящийся к Джуниору с обоснованным недоверием зверь обалдел от оказанной ему чести.

Сеанс начался: «Ты погружаешься в транс, глаза у тебя закрываются, веки тяжелеют, ты не можешь двигать ни одним мускулом. Когда ты придешь в себя, когда ты проснешься, у тебя будет только одна мысль — ты должен уничтожить Луанду. Она твой враг, она все равно что кошка, только еще уродливей. Ты должен ее покусать, ты должен ее запугать так, чтобы она никогда не вернулась. Когда я хлопну в ладоши, ты выйдешь из транса и сделаешь то, что я тебе прикажу. Раз, два, три... Раз, два, три...»

Первый блин всегда комом. Малыш явно перестарался и дал слишком большую дозу внушения. Ниппи, мягко говоря, застыл. Теперь его можно было положить на спинки двух стульев и преспокойно сидеть на нем. Да, но что скажет дедушка? Как возвратить эту слишком восп-

риимчивую тварь в прежнее нормальное состояние, Джуниору никто не объяснил.

Послышались чьи-то шаги. Гипнотизер-неудачник забросил свою окаменевшую жертву в заросли розовых кустов и юркнул на кухню — он ничего не видел и ничего не знает.

— Ты что там затеваешь? — спросила вездесущая мисс Дюмор.

— Не ваше дело! Вы мне не мама. Я не обязан отчитываться.

— Противный гадкий мальчик! Иди к себе в комнату и переоденься. Я не потерплю, чтобы у меня за столом сидел неряшливый ребенок.

— У вас за столом? — такая наглость просто вынудила Джуниора забыть все обещания, данные отцу.

— Давай, катись!

* * *

За ужином, который готовился с удивительной тщательностью, Луанда Дюмор выглядела потрясающе. Впрочем, даже ее рабочий наряд, в котором она возилась на кухне, был сделан со вкусом: милый черно-белый халатик с большим вырезом на спине, огромный любимый бант на талии. Словом, великолепная домохозяйка, ценящая в себе женщину. Теперь же перед обалдевшим Хилли сидела настоящая королева. Сверкающее всеми цветами радуги платье на тоненьких бретельках как нельзя лучше возбуждало аппетит. Дорогие украшения поражали воображение (особенно Большого Бена).

Мужчины, естественно, тоже были при параде. Даже Джуниор — во фраке, с тщательно прилизанными волосами и с бабочкой.

В бокалах искрилось великолепное вино, и дедушке даже не пришлось подталкивать сына на этот раз, чтобы тот сказал слово.

— Я хочу предложить тост за потрясающую женщину, которая заставила нас почувствовать себя как дома в

этом новом городе, которая сделала наш дом уютным и приготовила этот удивительный ужин.

— Это так мило! Я надеюсь, что вам всем понравится. Я приготовила все по моим любимым рецептам, — Луанда втайне торжествовала: взволнованный тон Бена Хилли убедительно свидетельствовал, что задуманное дело уверенно продвигается вперед. — О, я умираю от голода. Давайте есть!

В беседе наступила техническая пауза, свойственная абсолютно всем застольям мира, — присутствующие принялись наполнять свои желудки. С вилкой в руках Большой Бен застыл над поставленным перед ним блюдом. Под великолепно пахнущим соусом что-то отчетливо шевелилось. Дед кольнул вилкой в то место, где происходило движение, — по дну тарелки что-то забегало.

— Что такое, черт возьми? Что в этом салате?

— В салате? Здесь чудные листья... — Луанда не договорила. Она с ужасом увидела, что на хрустальную чашу в центре стола, степенно шевеля длинными усами, выполз огромный черный жук.

Между прочим, у самой хозяйки на румяной щечке мирно отдыхала внушительных размеров жужелица, которая еще недавно пряталась под салатным листом и едва не попала ей в рот.

Дед рванулся, чтобы уничтожить насекомое, ползающее по тарелке, и блюдо опрокинулось. Во все стороны стали разбегаться многочисленные членистоногие.

— О, Боже мой!

Джуниор и не пытался скрывать свою причастность к происходящему. Все прекрасно понимали, что это козявки из вольеры, стоящей в детской.

— Ну, вылезайте все! Взять Луанду. Хватайте ее!

— Тараканы! Фу ты, сколько их!

— Нет, это просто какая-то чума!

Воспитанники малыша как будто даже послушались команды и облепили визжащую женщину. Та выскочила из-за стола и металась по комнате, смахивая с себя обнаглевших насекомых.

Стараясь усмирить разгулявшуюся стихию, Маленький Бен запрыгнул на стол из прозрачного стекла и при-

нялся ногами давить самых противных тараканов, которые передвигались п скользкой поверхности медленнее своих длинноногих собратьев. Убедившись в малой эффективности такого способа, мистер Хилли сбросил со стола оставшуюся посуду, лег на спину и принялся кататься по столу, значительно увеличив свою убойную силу.

Бледная, как полотно, женщина даже не кричала, из горла вылетало какое-то шипение, и она, как в судороге, дрожала всем телом.

— Луанда, Луанда, я иду! Я сейчас спасу тебя! — заметил ее состояние Маленький Бен и стал руками смахивать насекомых с ее полуобнаженного тела.

* * *

Через полчаса отец разговаривал с Джуниором в детской, за закрытой дверью, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

— Сын, ты меня опять подвел.

— Пап, ну клянусь тебе: она меня ненавидит, — малыш не отнекивался, а пытался обосновать свои действия.

— Мы с тобой договорились, а ты меня подвел.

— Она не такая, как все остальные. Луанда — она плохая.

— Сынок, ты считаешь, что все женщины плохие, а Луанда желает нам только добра. Она приготовила нам сегодня ужин, она старалась, а ты чем отплатил? Нет, ты меня очень огорчил. По-моему, я уже больше никогда не смогу тебе верить.

Бен Хилли решительно хлопнул дверью и столкнулся нос к носу с мисс Дюмор, которая подслушивала весь разговор.

— Бенджамин, я надеюсь, ты был с ним не слишком строг?

— Нет. Но я плохой отец, — мистер Хилли повернулся, чтобы уйти. На спине, на черном смокинге, были следы от раздавленных насекомых.

— Ничего подобного, ты прекрасный отец! Но ты же не все можешь сделать в одиночку. Конечно, отцы нужны детям, но им нужны и матери, которые направляют их чувства, которые учат их устоям морали, принципам, — слова обольстительницы ложились на благодатную почву — Может быть, мне стоит поговорить с ребенком?

— Да, может быть, это на него повлияет.

Мисс Дюмор встряхнулась, громко выдохнула и исчезла за дверью.

Как всегда, разговор с Джуниором был исключительно любезным.

— Слушай, ты, чудовище мелкое! Я сильнее, чем ты, я всегда добиваюсь, чего хочу. Так что хочешь ты того или не хочешь, я выйду замуж за твоего отца. И когда я выйду за него замуж, то первым же самолетом отправлю тебя подальше, в школу-интернат в Багдаде.

Холодная война явно закончилась, начинались бои с применением тяжелой артиллерии. Джуниор Хилли, девятилетний школьник, впервые почувствовал себя недостаточно подготовленным. Он ничего не ответил.

Вечером, разговаривая с отцом наедине, мальчик рассказал все, как было. Но выдумкам сына Бен Хилли больше не верил.

— Папа, ну что, ты мне не веришь? Она сказала: в Багдад.

— Я тебе не буду верить. Ты потерял всякое доверие. Посмотрим, сумеешь ли ты провести весь вечер как нормальный ребенок.

Что касается Маленького Бена, то он, конечно, не собирался ни при каких условиях отправлять сына ни в Багдад, ни еще куда-нибудь. Всем сердцем он любил своего трудного ребенка.

* * *

Маленький Бен с подозрением отнесся к приглашению посетить школьный вечер. Но все же рискнул пойти — ради сына. Большой Бен — тот наотрез отказался:

— Староват я ходить и выслушивать, что учителя думают о Джуниоре. Нет, не пойду!

И не пошел, остался дома.

А на вечере было вовсе не так уж плохо. Веселая кутерьма в празднично украшенной школе, улыбки, смех. Особенно много ребятишек с родителями толпились подле огромного табло успеваемости, куда были вынесены оценки всех учеников.

— Мама! Я покажу тебе — видишь, у меня отличные оценки.

— Молодец, сынок. Одни пятерки!

Мистер Хилли, видя, что сын не спешит вести его к табло, только вздохнул:

— Ну, а ты, Джуниор, чем-нибудь можешь похвастать, показать мне что-либо необычное, симпатичное?

— Необычное? Сколько угодно. Ну, пошли в мой класс. Вот — видишь, написано «шестой»? Тут я и учусь. А вот это моя парта.

— О Боже! Это кто?

— А-а, это наш учитель, мистер Бокс. Он просто лысый, но добрый.

— Нет, я не про учителя, я про рисунки на парте.

— Ну, это скелеты и черепа. Вот это — мой любимый монстр. Видишь, у него звезда на брюхе.

— Так, с этим понятно. А чем ты еще занимаешься в школе?

— Вот, папа, моя лабораторная по естественным наукам. Классный макет? Включить?

— Ну уж нет! Мне он и так нравится.

— Нет, давай включу. Я этого мужика назвал «директор школы». Он совсем как живой. Не бойся, он не взрывается.

— Ну, если не взрывается — давай.

Джуниор щелкнул рубильником, и «директор школы» задвигался. Завыла угрожающе сирена, вырываясь через уши, шел пар, явственно запахло сероводородом.

— Нет, Джуниор, хватит. Лучше выключи. Я тобой доволен. Но я хотел бы еще с мистером Боксом поговорить.

— А, он, наверное, пошел в кинозал. Там сейчас концерт начнется, и наш классный его готовил. Да, слышишь, он уже по микрофону объявляет.

Действительно, из динамиков, установленных по всей школе, зазвучал голос мистера Бокса: «Внимание родителей! Внимание! Займите ваши места. Сегодня у нас особая программа, называется "Салют тебе, демократия!" Потому как мы вроде приветствуем демократию — праздник детей и родителей».

— Сынок, где тут у вас уборная? Ты же не предупредил, что мы идем в театр. Мне себя надо в порядок привести.

— А, это третья дверь налево, а кинозал — на втором этаже, в дальнем углу. Я побежал туда, а то мест не хватит.

— Ну, беги. Я позже подойду.

Уже гасили свет, когда мистер Хилли появился в зале. Маленький Бен заметил свободное кресло в третьем ряду, но в этот момент занавес поехал в сторону, открывая освещенную двумя прожекторами сцену. Стараясь не помешать начинающемуся представлению, мистер Хилли застыл в дверях. Ему и отсюда все было видно и слышно прекрасно.

На сцене возвышалась сиреневая ширма, на которой сфокусировались лучи. Похоже было, что она изображает трибуну конгресса, на которую взобрались дядюшка Сем и орлан Гога, будто слетевший с герба Соединенных Штатов.

Оба символа американской демократии, поклонившись зрителям, поприветствовали один другого и всех собравшихся:

— Привет, дядя Сэм!

— Привет, Гога!

— Очень приятно видеть здесь всех родителей.

— Конечно, приятно.

— Ой, не так больно!

Судя по всему, вступительная часть спектакля последней фразой была завершена, так как обе куклы исчезли за ширмой. Скорее всего, произошла техническая заминка, ибо за заслонкой велись оживленные переговоры. Через пару минут дядя Сэм и Гога вновь вынырнули

на трибуну, поклонились зрителям и продолжили диалог:

— Извините, мы немного отвлеклись от дела.

— Да, мне пришлось почесать себе яйца — запотели, знаете ли.

Мистер Хилли, наверное, был единственным человеком в зале, который сразу же понял, что произошло за ширмой. Наверняка, сейчас диалог ведет Джуниор, который пообещал ему, папе, нечто необычное.

— О Боже! Только не это! — и Маленький Бен бросился к сцене и потянул на себя ширму. — Вылезай, сейчас же вылезай!

Заслон, сделанный на скорую руку, не выдержал. Что-то с хрустом обломилось, и с этим чем-то в руках мистер Хилли, не удержавшись на ногах, отлетел назад и мягко шлепнулся со сцены в проход, к ногам зрителей первого ряда.

Есть такая старинная новозеландская пословица: «Если хорошенько потрясти домик, то увидишь его хозяина». И действительно, из-за ширмы, потревоженная действиями Маленького Бена, мгновенно выпорхнула шестилетняя артистка, держа в руках обе куклы.

— Кто это тут мой театр ломает?

Мистер Хилли только обалдело хлопал глазами. А ему- -то казалось, что во всем мире один Джуниор способен на подобные штуки.

— Ты кто такая?

— А ты кто такой?

— Ой, извините, пожалуйста, — в глубине зала раздался сконфуженный женский голос. — Это моя дочь. Пожалуйста, пропустите меня.

Зрители зашевелились, освобождая дорогу спешащей на сцену школьной медсестре, мисс Эни Янг. Белокурая малышка, оказавшаяся дочкой прелестной феи из грез мистера Хилли, показала напоследок всем присутствующим язык и покорно последовала вслед за мамой за кулисы. Там мисс Янг строго отчитала свою озорницу:

— Трикси! Тебя ни на минуту нельзя оставить. Зачем ты это сделала?

— Мама, но они, эти дураки-мальчишки, не брали меня в кукольный театр.

— Но это не объяснение. Это не причина для хулиганских поступков. Я тобой недовольна. Сейчас же уходим отсюда, немедленно!

У выхода из школы мисс Янг и ее дочку догнал мистер Хилли.

— Эни! Сестра! Послушайте, Эни, да вы можете остановиться? Я прекрасно, прекрасно понимаю, что вам приходится переносить. У меня...

— Нет, Бен, вы даже не представляете...

— Представляю — у меня такие же проблемы. Мы могли бы помочь друг другу. Я это прекрасно понимаю.

— Нет, забудьте! Трикси занимает у меня всю жизнь и не оставляет свободной минуты. Извините, нам надо идти.

Мистер Хилли покорно побрел назад, в кинозал, досматривать представление вместе с послушным сыном.

* * *

Большой Бен, отказавшись пойти на родительский вечер в нортвильскую шестилетнюю школу, тем самым обрек себя на роль семейного повара. К приходу родственников он приготовил шикарное угощение: омары, икра морские ежи, немного свежей зелени и консервированной морской капусты.

Возможно, старина начудил с меню, но тут уж ничего не попишешь: он принародно дал обещание не есть мясо с косточками, пока не найдется Ниппи. Мало того, подобное официальное заявление вынуждены были сделать все мужчины семьи Хилли, чтобы показать непричастность к исчезновению любимой собачки дедушки.

Так что удивление увидавших сервировку стола Маленького Бена и Джуниора было не так велико, как могло показаться на первый взгляд. Да и, честно говоря, вряд ли отец и сын заметили даже, что именно они съели в тот вечер на ужин. Их мысли вертелись вокруг других проблем...

Видя задумчивое состояние своих потомков, старина Бен тоже попытался заставить себя пофилософствовать о смысле жизни. Все трое молчаливо застыли над тарелками и стали думать. Мужчины поели и разошлись. Мысли, однако, навязчиво преследовали их и в ванной комнате, в которой в тот вечер Хилли пользовались в следующей очередности: 1) Маленький Бен, 2) Большой Бен, 3) Джуниор. Раздумья неотвязно кружились в их головах и в уютных кроватях, заставляя мужчин ворочаться с боку на бок.

Что же именно волновало каждого из трех джентльменов? Попробуем привести размышления в том порядке, в каком они мелькнули перед зеркалом в ванной комнате, когда оскал наших философов до белизны драила зубная щетка.

Итак, Маленький Бен: «Это черт-те что! Так больше продолжаться не может! Мне нужно найти сыну новую мам. Нортвил — столица разведенных баб всего мира. Можно взять француженку с другого берега озера — как ее, Картье? А может, вернуться к мисс Клокински? В разведенках есть нечто такое, клубничное Но Эни... Никогда бы не сказал, что она была замужем. Просто невозможно представить себе ее мужем кого бы то ни было. Эни подошла бы прекрасно — она бы с Джуниором ужилась. И со мной тоже. Она ласковая, заботливая, милая... А кроме того, в доме всегда была бы медсестра! 24 часа в сутки! И никаких проблем. Нет, у нас есть проблемы. Луанда! Да, действительно, а что делать с Луандой? Она ведь со мной встречается!»

Подобные мысли, как известно, относятся к категории светлых и приятных, а с ними легче чистить зубы, от них быстро засыпаешь. И вскоре матрас на кровати Маленького Бена перестал скрипеть, и из его комнаты раздавалось тихое посвистывание.

Большой Бен: «О Господи, вразуми моего сына! Пусть он женится на этой богатой телке, потому что мне деньги нужны позарез, а без денег меня девушки не любят...»

А вот такие мысли — об отсутствии или нехватке денег, наоборот, классифицируются как будоражащие дух и довольно мрачные. Тем более, что благодаря их

лаконичности Большой Бен успел прокрутить их в голове за вечер неоднократно. Какой уж тут сон!

Храп из комнаты Большого Бена не раздался, но матрас скрипеть перестал. Отсюда можно сделать вывод: по древней своей привычке старик отправился на кухню чего-либо перехватить.

Впрочем, думать при этом он не перестал: день думал, так что, ночью жалко мозги поднапрячь? Итогом мыслительного напряжения принято считать вывод. В кухне у Большого Бена этот самый вывод и созрел: «Нет, нужно выезжать из этого дома! Мой сын сумасшедший, собака у меня пропала, а мой внук — это просто дьявол во плоти!»

От ясности неожиданно пришедшей в голову идеи старина Бен до такой степени растерялся, что уронил на пол кусочек ветчины: вечно же дарами моря сыт не будешь. В поисках улики, которая не должна была попасть завтра утром на глаза домашним, Большой Бен опустился на колени и замер. Потом взорвался радостным ликованием:

— Ниппи! Ниппи! Ты вернулся? А я уже думал, ты меня бросил. Ну, конечно, кобелек мой, как я мог о тебе такое подумать! Ты всегда рядом, ты меня никогда не бросишь... Верно? Ты мой единственный, верный друг...

В такие моменты Ниппи обычно вертел хвостом как заведенный. В этот же раз он даже не попытался изменить стойку.

— Ниппи! Ниппи! Что с тобой случилось?

Этим криком старина Бен разбудил своих сына и внука, но не заставил пса и шага сделать навстречу вновь обретенному хозяину.

Вбежавшие на кухню Маленький Бен и Джуниор застыли от удивления: такого искреннего выражения чувств от своего старикана они не ожидали. Тот скорбил!

Малыш подумал...

Нет, сначала вернемся к тем мыслям, которые тревожили Джуниора Хилли чуть раньше, перед зеркалом в ванной комнате: «Эта девчонка им здорово показала! Кто бы мог подумать, что у такой симпатичной медсестры такая психованная дочка!»

Подобные размышления принято считать облагораживающими и весьма полезными для растущего организма. Особенно если эффект воздействия таких раздумий усиливается глубоким и здоровым сном. Судя по тому, что малыша разбудил истошный вопль дедушки, мальчик поддался в конце концов убаюкивающему влиянию своих истомно-сладких мыслей (именно так можно, в принципе, их классифицировать).

Итак, разбуженные воплем старика Хилли сын и внук застыли в дверях кухни, а дедушка скорбил. И малыш в этот момент подумал: «Видно, я немного перебрал. С Ниппи следовало вести себя осторожней».

* * *

Все последующие часы проходили в доме Хилли под знаком неустанной заботы о братьях наших меньших. Большому Бену на выбор предлагались среднеазиатский жук-медляк, тихоокеанский краб, антарктический пингвин и чистопородный дог, чтобы он на них мог перенести свою нежность и забыть о Ниппи — не живом и не мертвом.

Но Большой Бен не хотел изменять своей собачке. Соорудив ей подобие мавзолея из плексигласовых коробочек, неудавшийся губернатор Луизианы нес бессменную вахт у тела своего любимца.

Не в силах вынести подобного зрелища, Маленький Бен уже через день позвонил Луанде: уж она-то сможет умерить безутешное горе старика.

Мисс Дюмор примчалась сразу же.

— Где он?

— На кухне. Знаешь, ему так тяжело... — Маленький Бен с трудом сдерживал слезы.

— Ну, не расстраивайся, мой дорогой!

— Я теряю рассудок! Мой сын ведет себя все хуже и хуже. Мы даже не можем сообразить, что он сотворил с этой собакой. Да тут еще дедушка. Что мне с ними делать?

В этот момент Луанда поняла: ее час пробил. Она торжественно провозгласила:

— Бенджамин! Я буду говорить совершенно откровенно...

— Не пугай меня, Луанда.

— Да, совершенно откровенно... — мисс Дюмор решила, что она слишком круто взяла и поспешила сделать неглубокий обходной маневр. — Знаешь, у твоего сына сейчас критический период.

— Но я стараюсь, как могу. И наш дедушка...

— Ты не виноват, ты чудесный, прекрасный человек. Но даже замечательнейший человек в одиночку не может справиться с такой непосильной задачей. Твоему ребенку нужны оба родителя.

Чувствуя, что отступать больше некуда; обольстительно открытый бюст Луанды оттеснил мистера Хилли в уголок прихожей, и выхода было два — взять лом, пробить дырку в стене да уйти или взять мисс Дюмор и сделать ее миссис Хилли-Дюмор. Маленький Бен решился.

— Луанда...

— Да!

— Я хотел бы задать вам один вопрос...

До чего же все мужчины похожи: делают предложение, когда другого выхода не остается.

* * *

— Сынок!

Мистер Хилли не знал, как приступить к выполнению сложного и ответственного поручения. Ему предстояло объявить Джуниору, что у него скоро появится новая мама. Но, чувствуя, что обратного хода нет, Маленький Бен пошел в открытую. Тем более, что за дверью его поджидала Луанда.

— Сынок, слышишь меня?

— Да, папа. Что случилось? — малыш оторвался от созерцания прелестной картины садящегося в волны озера солнца и застыл в ожидании.

— Я хочу тебе сообщить одну новость семейного характера.

— Какую? Что, Большой Бен выезжает? А как же Ниппи?

— Ну, с Ниппи никаких изменений. И дедушка сторожит свой мавзолей. Нет, я не об этом. Сынок, послушай, это очень важно. Я принял решение. Я женюсь на Луанде.

— Но, папа, она меня терпеть не может!

— Ничего подобного. Это нелепо. Это... Ну, как ты можешь такое говорить. Она хочет тебе добра, она хочет, чтобы у нас троих была нормальная семья.

— Да нет же, папа, она все испортит, все переломает! Все будет ненормально...

— Но трое мужчин и оцепеневший кобелек, живущие вместе, — это еще более неестественно, это плохо.

Тут мистер Хилли решил, что пора ему погладить малыша по голове: этим жестом он успокаивал не только сына, но одновременно глушил свои собственные сомнения в правильности сделанного выбора.

— Кроме того, Джуниор, мне кажется, что у нее сильные моральные устои, и она окажет на нас хорошее влияние. Правда, Луанда?

Мисс Дюмор решила прийти на помощь будущему супругу. Дверь кухни распахнулась, и с порога жеманница залепетала:

— Правда, милый, правда. Так будет лучше.

Джуниор, теряя под ногами почву, закричал:

— Ты совершаешь большую ошибку, папа!

— Успокойся, Джуниор. Я человек взрослый. Я делаю то, что хочу. В субботу я женюсь на Луанде. Ведь так, дорогая?

— Ну, мои милые мужчины, вот и поговорили. Бенджамин! У нас с тобой миллион дел: нанять официантов, разослать приглашения и, кроме того, мы должны съездить к врачу и сдать кровь на анализ совместимости.

— Ну может... с ана- лизами... я год назад сдавал.

— Нет, придется сдавать. О твоем здоровье я сама буду заботиться. Давай, поторапливайся.

— Иди, иди, Луанда, я только пар слов малышу скажу.

Мисс Дюмор удалилась из комнаты. Тоскливо поглядев ей вслед, малыш отвернулся, чтобы скрыть набегающие слезы. Мистер Хилли и сам почувствовал неловкость от излишне быстрого вхождения Луанды в роль заботливой жены и матери. Но, желая подбодрить мальчугана, как можно более твердо произнес:

— Ты подожди. Побудь пару часов один, последи за дедушкой. Я скоро вернусь, и мы с тобой поговорим. Ну, будь мужчиной, я тобой горжусь.

* * *

Не в правилах Джуниора Хилли было долго предаваться унынию. Когда еще наступит та суббота! Еще четыре дня впереди. А, может, субботы на этой неделе вообще не будет?

И малыш засобирался в дорогу. Ему уже давно хотелось добраться до далеких гор на горизонте. В принципе, папа уехал часа на два. Этого вполне должно было хватить. Можно смотаться туда и успеть к обеду домой.

Но тут Джуниору подвернулось одно дельце. У калитки их дома, с недавних пор украшенной шикарным почтовым ящиком, притормозила желто-синяя машина с эмблемой санитарной службы на дверце. Из нее выбрались два элегантных молодых человека, совсем не похожих на зубоврачебных техников. Увидев малыша, один из них, пониже ростом и куда менее упитанный, чем его товарищ, но зато более решительный и уверенный, ласково проворковал:

— Прости нас, сынок. Взрослых нет дома? Только глухой дедушка? Тогда нам надо разбираться с тобой. Понимаешь, мы из ветеринарной инспекции — я и мой друг Ричард. Говорят, у вас тут появилась бешеная собака.

— Да, вроде.

— Так вот: мы разыскиваем животных, у которых проявились странные симптомы. Ну, знаешь, воды стали бояться, от пищи отказываться...

— Знаю, знаю... Ниппи у нас последнее время странно себя ведет.

— Ниппи? Да, именно так звали ту собаку. Давай мы на нее взглянем.

— Хорошо, сейчас.

Мальчик убежал в дом, а Ричардс, так и не вступавший в беседу, попытался поцеловать своего товарища, мужественного и смелого.

— Не сейчас, Ричардс...

К счастью, Большой Бен заснул на своем посту у мавзолея Ниппи, и извлечь пса из груды коробок не составило малышу труда. Со своей добычей он бросился к веселым дяденькам:

— Вот, пожалуйста.

Глубокомысленно осмотрев картину зимней спячки теплокровного животного в начале осени, ветеринар — не Ричардс, конечно, тот был слишком робок, чтобы вести осмотр кусачих тварей, — глубокомысленно спросил:

— Что же случилось с собакой?

— Не знаю...

Ричардс, наблюдая издали, действительно не мог сказать ничего определенного.

— Но это, судя по всему, не бешенство.

Толстенький ветеринар кивнул в знак согласия с диагнозом худенького товарища. Джуниор, испугавшись, что ветеринарная служба потеряет интерес к Ниппи и оставит бедного кобелька на произвол судьбы, жалобно попросил:

— Он потерял, потерял веселость. Это так грустно! Может, вы сумеете его развеселить?

Ну кто может отказать такому симпатичному мальчику!

— Может быть, сумеем. Правда, Ричардс? На какой диете содержался у вас пес?

— Какая диета? Мы кормили его просто объедками, которые у нас оставались, а последние две недели у него вообще было лечебное голодание.

— Понятно. Пойдем-ка с нами. Знаешь, с собаками так нельзя. Есть одно средство вернуть псу веселый нрав. В наше время можно рассчитывать только на это.

— На что?

— Сейчас увидишь. Ричардс, открывай фургон и доставай наше «Глотай не жуя».

— «Глотай не жуя»?

— Да, видишь эту небольшую баночку. В ней — прекрасная пища с тремя замечательными наполнителями, полный питательный рацион для собак, кошек и для лошадей. Наше изобретение, запатентовано в бюро мистера Белла. Питательно, вкусно, полито домашним соусом. Обалдеть! Сам бы съел — какая собака окажется. Только для тебя, со скидкой. Берешь?

— Беру!

Малыш, не долго думая, купил десять баночек. Для выздоровления Ниппи нмчего не жалко!

Едва учуяв аромат «Глотай не жуя», кобелек вырвался из цепких объятий гипнотического транса и одну за другой принялся опустошать консервные банки, которые его юный хозяин едва успевал открывать.

— Есть! Ух ты, посмотрите-ка! Жует не глотая.

— Вот именно, только наоборот, мальчик, ты бы еще увидел, какие у собаки будут блестящие какашки!

Да, какашки действительно вышли просто великолепными. Такая куча, что малыш решил купить еще ящик «Глотай не жуя». Естественно, ради какашек. Если в подходящее время в нужном месте Ниппи сделает такую же кучу, повальный эффект гарантирован.

— Спасибо, дяденьки, вы нас здорово выручили. Сейчас я позову дедушку, он вас тоже поблагодарит.

— Нет, знаешь, дедушку не надо. Мы поедем, у нас много работы.

— Ну, как хотите. А что это у вас в черном чемоданчике?

— В каком? А, на котором череп и кости нарисованы? Это тебе ни к чему. Это кровь бешеных собак.

— А, кровь бешеных собак...

Джуниор, чтобы скрыть волнение, принялся насвистывать партию Мефистофеля, потом вдруг сказал:

— Вы знаете, зайдите в соседний дом. Там у них кошка заболела.

— Ты серьезно? Пошли, Ричардс.

Ветеринары отправились навестить мистера Борке, а для Джуниора было делом трех секунд завладеть анализом крови одной бешеной собаки.

* * *

Мисс Дюмор и ее будущий супруг вышли из клиники доктора Хиггинса, придерживая смоченные спиртом салфетки на указательных пальцах.

— Дорогой, ты держался настоящим мужчиной! Ты даже не вскрикнул! Я буду тобой гордиться.

— Ну что ты, милая. Для меня кровь сдать — не проблема. Да что я — Джуниор у нас вообще герой. Он два анализа сдаст — не поморщится.

Послышались хлопки закрывающихся дверок автомобиля и звук отъезжающей машины. Из-за кустов появился Джуниор Хилли.

— Не поморщится, сдаст два анализа... — передразнил он отца. — Ха. Нашел кому хвастать, этой дуре с широченной задницей. Два анализа! Одного с нее хватит, вот такого!

В руках малыш держал пробу крови бешеной собаки, раздобытую в ветеринарном фургоне. Целью посещения им клиники была подмена анализов мисс Луанды Дюмор, и с поставленной задачей Хилли Младший справился блестяще: не зря же его приняли сразу в шестой класс.

Доктор Хиггинс, которому позвонила лаборантка и сообщила, что сама Луанда Дюмор только что сдала кровь , едва не потерял от волнения дар речи. Первая леди Нортвила раньше отдавала предпочтение клинике доктора Хочкинсона. Ну, теперь он погуляет на свадьбе владелицы банка! Доктор Хиггинс заорал в телефонную трубку:

— Без меня анализы не проверять. Я сам! Ждите, скоро приеду!

Через двадцать две минуты седоватый тщедушный мужчина в белом халате уже колдовал над проблемами будущих супругов:

— Так. Хилли Бенджамин. Какая яркая кровь! Все прекрасно, все в норме. Мужик, видно, здоров, как бык. А вот и наша Дюмор Луанда. Так, посмотрим. О, нет! О, боже! Боже мой, какая каша! Запрещенное бешенство?

Мистер Хиггинс отпрянул от микроскопа, потом выхватил пробу и бросился к более мощному прибору. Но ужасные вирусы от этого не исчезли — только увеличились в размерах. Доктор лихорадочно закрутил диск телефона:

— Алло, коммутатор? Соедините меня с инспекцией здравоохранения. Какие могут быть пятнадцать минут? Вызывайте, пока не ответят. Это срочно!

* * *

Персонал «Банка Дюмор» привычно расслабился в предчувствии дней отдыха в честь очередного замужества хозяйки. По сути, праздник уже начался: в эти дни сотрудникам сходило с рук такое, за что в иное время они пробкой вылетали со службы. Мисс Дюмор умела наслаждаться жизнью. Она ставила свои прихоти выше денег. Но только самые-самые прихоти. Как раз предбрачная лихорадка относилась к изысканным удовольствиям любвеобильной леди. Медленно, постепенно, но неуклонно подводила себя Луанда к моменту, когда можно будет конвульсивно забиться в объятиях мужа, отдаваясь ему полностью, без остатка.

Весь предыдущий опыт подсказывал хозяйке процветающего банка и шести свадебных комплектов фотографий, что в подобных ритуалах нет мелочей. Каждая вещичка, каждый штрих в одежде, каждое слово должны напоминать в предбрачные дни о близком миге блаженства. Только тогда счастье будет полным.

И Луанда Дюмор священнодействовала. Два часа назад управляющий банка принял указание своей хозяйки, занимающей заодно и пост директора, размножить портреты Бена Хилли и повесить их на всех видных местах. Избранник должен всегда и везде быть со своей королевой!

Долгожданное известие о тиражировании улыбающе-

гося лица клиента №1 банка (так уже неделю назад было приказано проводить по платежным счетам мистера Бена Хилли) сотрудники радостно загалдели, поздравляя друг друга с прибавками, повышениями, снятиями ранее наложенных взысканий. Каждый, кто ухитрялся потрафить хозяйке в такие дни, кто помогал ей настроиться на нужный лад, вполне мог рассчитывать на награду. Интим, интим и еще раз доброкачественный интим — таким был девиз банка мисс Дюмор в предсвадебные периоды. От сотрудников требовалась забота в первую очередь о настроении хозяйки — пусть даже в ущерб интересам дела.

На пути к своему кабинету мисс Луанда выслушала немало соленых шуточек и намеков. Зная, что хозяйке доставляют истинное наслаждение довольно прозрачные высказывания, никто себя не сдерживал:

— Здравствуйте, госпожа. Говорят, вы купили себе новый пестик 45-го калибра?

— О, милая Луанда! Пусть тебе с ним будет хорошо, как с шестью предыдущими разом!

— Мисс Луанда! Мне сказали, что в субботу в Нортвиле состоится землетрясение. Часов эдак в 10 вечера. Правда ли это?

В кабинете директора банка собрались ближайшие подруги невесты. Несмотря на дефицит времени, давно задуманный и подготовленный сюрприз, лежавший уже 6 месяцев в сейфе у секретарши Мисс Дюмор, Мэри Крюгер был искусно рассортирован на рабочем столе Луанды: полный набор тончайшего и прозрачнейшего женского белья.

Счастлива хозяйка ворвалась в свой кабинет и сразу оценила заботу подруг. Какие легкие, кружевные вещи! Какое все невесомое, прозрачное! Она сразит Бенджамина наповал!

— Ой! Девочки, Боже мой, вы мои самые лучшие подруги, о таких можно только мечтать!

— Луанда! Лу! Дорогая! Счастья тебе! И желаем недолго покрасоваться в обновках. Пусть он разорвет их, растерзает, сомнет!

— Ой, ну вы даете, девочки.

Мелодичный женский смех не сотрясает стен, подобно

гомерическому гоготу ведущих фривольные разговоры мужчин. Женское веселье мелодичнее, нежнее. Трудно даже поверить, что разливы хрупкого хрустального звона колокольчиков, милый смех в кабинете директора смог вызвать столь грубый и неэстетичный предмет, который внесли в комнату секретарши Луанды, как только стихла буря приветствий и поздравлений. Мэри Крюгер вручила Луанде пирог, выпеченный в виде внушительных размеров пениса.

— Ха-ха-ха!

— Великолепно!

— Удачи тебе с ним, дорогая!

Мисс Дюмор подняла руку — и в кабинете сразу установилась тишина. Тогда директор банка взяла в свою ладонь сладкий фетиш и только улыбнулась.

— Девочки! Я не могу такую радость всю себе забрать. Мы его вместе попробуем.

Но намечавшееся чаепитие было сорвано грубым посторонним вмешательством.

— Простите, мисс Дюмор, — раздался сконфуженный мужской голос: у дверей кабинета застыли два дюжих парня в серых комбинезонах с эмблемами красного креста на рукаве.

Надо ли говорить, что предмет, вызвавший бурю женского восторга, тут же исчез со стола.

— Что вам угодно?

Мисс Дюмор, успевшая для смеха поводить пирогом по губам, забыла вытереть следы крема — и это ей вполне можно было простить, учитывая неожиданность появления в кабинете мужчин. Но парни в сером восприняли ее неряшливость весьма неординарно: в руках одного из них тут же появилась смирительная рубашка. При этом он прошептал напарнику:

— О боже! У нее уже пена пошла. Как быстро действует этот вирус.

Женщины, с удивлением наблюдавшие за санитарами, загалдели:

— Кто, кто нанял санитаров со смирительной рубашкой?

— Ну, знаете, девочки, это уж слишком непонятная шутка. Не смешно.

— Девочки, а может, это подарок мужу? С намеком. Мисс Дюмор вновь легко восстановила порядок легким кивком головы и двинулась, кокетливо поводя плечами, навстречу вошедшим:

— Вам нужна я?

— Мисс, мы приехали, чтобы забрать вас в клинику.

— Меня? Забрать? Да еще в смирительной рубашке? Ну-ка попробуйте, возьмите живьем.

Надо отдать должное профессионализму американских санитаров: парни не дали себя укусить и ловко укутали мисс Дюмор в смирительную рубашку. Для верности один из них защелкнул на ногах Луанды наручники, лишая ее последней возможности оказывать физическое сопротивление: но морально сломить хозяйку банка санитары не сумели бы, будь их даже шестеро.

— Вы что? Вы что делаете? Хулиганы! По какому праву?

— Инспекция здравоохранения. У вас бешенство, девушка.

— Чего? Какое бешенство? Не крутите мне руки — со мной так нельзя. Я вам говорю: со мной так нельзя поступать. Я богатая, я из хорошей семьи. Очень. У меня не может быть бешенства.

— А вот об этом поговорим в больнице. Чао, девушки, до скорой встречи!

Когда за нахалами в серой униформе захлопнулась дверь, в кабинете директора не сразу прервалось молчание. А это, согласитесь, весьма необычно, если учесть, какие болтливые подружки собрались у мисс Дюмор.

* * *

«Масштабная атака новейшими медикаментами в сочетании с иглотерапией и интенсивным промыванием желудка уже к вечеру позволила кардинально улучшить состояние больной Д., поступившей в 15.00 с явными признаками острого бешенства. Лузис характеризуется

следующими признаками: дыхание из прерывистого стало нормальным, пена исчезла, пульс восстановился (70 ударов в минуту), температура упала (36,6). Речь внятная, осмысленная. Аппетит не проявлялся. После того, как был взят повторный анализ крови, больная ненадолго уснула.

Проба показала отсутствие вируса бешенства в крови. Таким образом, установлено, что трибешнодром в сочетании с промыванием желудку является эффективным средством борьбы с болезнью и дает просто фантастические результаты.

В 17.00 следующего дня к больной открыт был доступ посетителей.

— Луанда, как ты себя чувствуешь?

Предупрежденные о возможности рецидивов непредсказуемого поведения больной, присутствующие не рисковали повышать голос и слишком близко подходить к укутанной в смирительную рубашку мисс Дюмор. Та лежала на койке и рассматривали первых посетителей, допущенных в палату.

Проведать первую леди Нортвила изъявили желание многие, но доктор пока пропустил только ближайших родственников. Недопущенные не расходились, лелея смутную надежду истовой верностью своему кумиру попасть в завещание мисс Дюмор. И, скорей всего, зря. Вошедшие воочию убедились, что кроме романтичной бледности, ничто не говорит о перенесенной недавно Луандой тяжелой болезни. Ну, может еще, мисс Дюмор без причины капризничала: подумаешь, одели в смирительную рубашку. С кем не бывает?

— Как я себя чувствую? Как я себя чувствую... Меня привязали к этой койке!

— Но, Луанда, мы не можем тебе пока помочь...

«Мы» в данном случае в устах мистера Хилли включало допущенных в палату №32 и Большого Бена с Джуниором, а также мистера Смитта. Секретарь мисс Дюмор, в этот раз отрекомендовавшийся ее племянником, робко стоял в уголке, не зная, куда положить огромный букет роз. На лице мистера Хилли было написано сострадание, на лице Большого Бена — досада, на лице Смитта

— обожание, и только Джуниор всем своим видом излучал торжество.

Желая закрепить успех своей проделки, мальчуган достал из пакета и продемонстрировал, решив позлить Луанду, ее портрет.

Можно вообразить себе, какие веские доказательства в пользу своей теории нашел бы в этой работе малолетнего художника Чарльз Дарвин. Картина будто воплощала все стадии эволюции человечества в облике мисс Дюмор.

— Но, может быть, эта картинка вас развеселит, тетенька?

Нервная система издерганной за последние два дня Луанды не вынесла нового издевательства. Над своей внешностью подшучивать она никогда никому не позволяла. Ее истошный вой сразу же сделал похожими выражения лиц четырех посетителей. Теперь это было опасливое уважение: ну и голосище!

Доктор, из вежливости удалившийся было из бокса, тут же влетел в палату:

— Что случилось, мисс Дюмор? Успокойтесь. Я здесь, с вами. У меня с собой наш обожаемый трибешнодром. Сейчас дадим... успокойтесь, тише, тише...

— А вам, ребята, лучше уйти, — доктор кивнул на Луанду. — Она, может быть, еще не совсем оправилась. Лучше зайдите в другой раз.

— Хорошо, доктор. Мы уходим. До свидания, Луанда, мы пошли.

— Бен, не уходи! — голос Луанды дрогнул, и мистер Хилли застыл в дверях. Он вопросительно поглядел на доктора, и тот утвердительно кивнул.

— Папа! — Джуниор, не желая оставлять отца одного, тоже попытался вернуться в палату. Но Большой Бен уже разобрался в ситуации и довольно решительно стал выталкивать малыша из бокса:

— Нет, внучек, доктор имел в виду, что и мы с тобой, и дядя Смитт, и сам доктор должны уйти, и оставить папу с Луандой вдвоем.

Вскоре дверь палаты захлопнулась. Мистер Хилли неуверенно приблизился к больничной койке. Из внутреннего кармана он сконфуженно извлек помятый цветок фиалки и положил его на подушку.

— Дорогая, это тебе, чтобы ты немного повеселела. Не обижайся на Джуниора. Малый чудит. Ты знаешь, я говорил со священником Вацлавом Славе... — Маленький Бен испытующе посмотрел на невесту. Та вроде отнеслась к сообщению спокойно, и мистер Хилли продолжил: — Знаешь, он сказал: «Зачем торопиться? Если возникнут какие-нибудь трудности, мы можем чуть-чуть перенести свадьбу».

— Что? — Луанда словно проснулась. Она попыталась приподняться, но тут же обессиленно откинулась на подушку. Голос женщины однако был сух и решителен: — Я не люблю, когда со мной разговаривают снисходительным тоном. Я всегда добивалась того, чего хочу. Помни об этом, Бенджамин. Так вот: в субботу у нас будет свадьба!

Джуниор, конечно, не подслушивал, что происходит в палате мисс Дюмор. Он и так знал, о чем могут говорить его папа с будущей мамой. Куда более интересным показался малышу обрывок беседы, которая велась в палате напротив. Голоса были знакомые: мужской и женский, но пока мальчуган не мог определить, где раньше он слышал эти игривые интонации:

— Да, я считаю, что всегда можно добиться определенной скидки. Я всегда добиваюсь скидки абсолютно на все. Эта операция не будет мне стоить ни гроша. Это будет реклама для клиники! — сообщил мужской голос.

— Ты с ума сошел! Я люблю тебя таким, — заперечил женский.

— Нет, нет. Это мое решение. Я хочу, чтобы меня помнили после смерти. А после того, как мне сделают эту пластическую операцию, стану личностью. Уже завтра утром я буду знаменит, потому что у меня будет самый большой нос в мире.

Заинтригованный Джуниор тихонько приоткрыл дверь и заглянул в палату №31.

— А, мистер и миссис Клокински!

Примерные супруги, нежно обнявшись, сидели на больничной койке. Жена восхищенно смотрела на своего

ненаглядного, который пожелал привести размеры носа в соответствие с другой, не менее важной частью тела.

Джуниор, не желая нарушать идиллию, прикрыл дверь. Но внезапно замер, осененный великолепной идеей. У него появился шанс! Малыш решительно достал из гнезда назначений палаты N 31 «указание к пластической операции» и переставил его в процедурный карман палаты №32.

Все, свадьбы не будет!

* * *

Прощаясь с холостяцкой жизнью, Бен Хилли решил в этот вечер покутить. Конечно, он взял с собой сына. Большой Бен остался дома. Все это легко объяснимо. Но почему отец выбрал именно пиццерию в парке Трумена, Джуниор никак не мог взять в толк:

— Тут ужасно шумно. И ты хочешь здесь есть?

— Конечно! Ты же знаешь, что пицца — это мое любимое блюдо.

— Вот никогда не догадывался.

— Ну как же — конечно, пицца. Официант! Нам бы хотелось столик на... Эни?

— Бен?

Малыш внимательно посмотрел отцу в глаза. Нет, похоже, встреча действительно случайная. Но как радуются оба! Усаживаясь рядом с Трикси, которая ревниво поглядывала на свою порцию пиццы, на маму, на Бена Хилли и на него, Джуниора, мальчик подумал: «Может, я расслюнявился, но у меня возникла совершенно сумасшедшая мысль: если уж отец так хочет жениться...»

А мистер Хилли в это время с упоением рассказывал очаровательной медсестре забавные истории из жизни Большого Бена. Женщина внимательно слушала о похождениях бравого кандидата от республиканцев на пост губернатора, и казалось, готова была слушать без конца, забыв обо всем на свете.

Трикси поведение мамы показалось зазорным, но свои претензии девочка сочла должным высказать Джуниору:

— Чего вы приперлись, идиоты? Я должна была с мамой провести вечер.

— Не мешай! Похоже, нашим родителям хорошо вдвоем.

Малышка опешила: она оказалась в одиночестве перед лицом триумвирата союзников, явно задумавших объединиться и тем самым лишить ее, Трикси, свободы. Такой девчушка и вышла на фотографии: нахохлившейся и сердитой.

— Давайте сфотографируемся на память о вашем посещении. «Пиццерии пиццирифино». Пожалуйста, улыбнитесь: моментальная бесплатная фотография. Пожалуйста, глава семейства, получите карточку. Заходите к нам еще.

Мистер Хилли машинально взял фотографию. Он хотел было возразить, что не является главой семейства, но потешный малый уже умчался в другой конец зала.

— Извини, Эни, что так вышло. Возьми фотографию себе.

— Ничего, Бен. Пусть останется у тебя. Ты ведь глава семейства!

Внезапно в пиццерии стало тише, забарахлил музыкальный комбайн. Грохот мелодии смолк, хозяин заведения тут же бросился к вечно ломающемуся агрегату, пытаясь ликвидировать заминку в кругу танцующих.

В наступившей тишине, относительной, конечно, ибо в «Пиццирифино» никогда не утихал гам порхающих в огромной клетке попугаев, явственно стали различимы звуки квакающего голоса мистера Дибати. Трикси и Джуниор тут же завертели головами и скоро обнаружили директора школы. Тот сидел через два столика от них рядом с пышногрудой брюнеткой, с явным обожанием прижимающейся к своему кавалеру.

— Ах, козочка, когда ты со мной, все просто суперлюкс. Помнишь, как мы вошли сюда? Нас не заставили ждать. Не то, чтобы в очереди стоять, а пошли прямо с черного входа. Я тебе говорил, что смена карьеры — самый умный шаг в моей жизни? И вообще — чудесный вечер, не правда ли? Сейчас вернемся домой, я надену

костюм Зорро. Вот будет весело! Так, ну давай, за вечер, который мы не забудем! До дна!

Опуская заздравную рюмку, мистер Дибати увидел уставившуюся на него Трикси. Рядом с ней восседал Джуниор и тоже пялился на директора школы.

— О, Генриетта, это они!

— Кто они?

— Это он! Вот он! И это она! Они вместе! Это ужасно! Это два самых жутких, самых трудных ребенка.

— Ха, Пивор Дибати с подружкой.

— Знаешь, Джуниор, я его терпеть не могу!

— И я тоже.

— Он всегда так орет, он совершенно ненормальный.

— Трикси, я его сейчас проучу!

Джуниор взял вишенку, украшавшую его мороженое, и швырнул в направлении столика директора школы. Да так ловко, что угодил в разрез декольте спутницы мистера Дибати. Вишенка надежно укрылась в ложбинке между полных грудей.

— Ой, дорогой! Почему мне раньше сюда никто не бросал замороженных вишенок?

— Хорошо, Генриетта, вечером набросаю, а сейчас, позволь, я ее достану.

— Пусти, больно!

Трикси, наблюдая возню за столиком мистера Дибати, выразила одобрение меткому попаданию Джуниора:

— Ничего получилось. Теперь моя очередь.

Порцию мороженого Трикси украшала, однако, здоровенная слива. Да и в меткости девчонки всегда ступают мальчишкам. Так что попадание в лоб директора школы можно признать вполне удовлетворительным.

Мистер Дибати почему-то так не считал:

— Ах ты, свинья! И ты тоже! Вас в клетках нужно держать.

Бен Хилли, не разбираясь в причинах конфликта, вступился за малолетних озорников на правах главы семейства. Видя, что мистер Дибати встал во весь рост, Маленький Бен (несмотря на прозвище, он был на добрых полголовы выше директора) тоже поднялся с места:

— Как вы смеете так с ними разговаривать?! Это же дети!

— Это дети? Это ублюдки. И ты ублюдок. Я тебя в гробу видел. Могу разговаривать с кем хочу и как хочу.

Блюдо со студеной массой, изготовленной по итальянскому рецепту, не нравилось потомку самураев давно — и мистер Дибати с радостным воплем запустил его в мистера Хилли.

— Ха-ха-ха. Попал!

Но смех Пивора тут же замолк — правила вежливости не позволили Бенджамину Хилли не ответить угощением на угощение. Порция пиццы со студнем тоже не была любимым блюдом Маленького Бена. Он попытался не осрамиться перед Эни, не промахнуться — и это ему удалось.

За пострадавшего Дибати вступилась Генриетта — и попала в Эни, Эни ответила метким попаданием в Генриетту. Но часть салата попала на миссис Дрендл, за нее вступился муж и попал в Лили Клейст, та ответила и тоже попала.

Через минуту никто не мог разобраться, кто, кому и за что всыпает. В воздухе летало столько разнообразных снарядов, было столько попаданий, что в конце концов побоище превратилось в веселое ревю. Всем было весело. Жалко, что столы быстро опустели — зато стены, пол, потолок, посетители выглядели весьма импозантно.

Хозяин пиццерии, вне себя от гнева, не стал долго выяснять, кто виноват в случившемся: через правый, черный вход выпроводили мистера Дибати и его подружку, через основной, центральный — Бена, Джуниора, Эни и Трикси.

— Уходите, уходите!

— Мы не виноваты. Ну что тут такого, мы ведь все оплатили.

— Уходите и чтобы больше к нам не заходили!

— О, подумаешь! Высший разряд! Как вы с женщиной обращаетесь? Не приходите! Большая потеря — у вас даже оливки невкусные.

Бенджамин и Эни переглянулись — и весело рассмеялись.

— Эни, на чем вы приехали?

— Мы? Пешком пришли.

— Знаете, назад в таком виде лучше не идти. Мы, кажется, достаточно поели — такое впечатление, что всем, по-моему, не помешал бы десерт. Давайте мы вас с Джуниором лучше подвезем на машине.

Всю дорогу на заднем сидении продолжалось совещание:

— Джуниор! Слышишь? Твой отец довольно смешной и симпатичный.

— Это он в меня пошел. Твоя мама тоже красивая.

— Слушай, ты извини, что я тебя облила из шланга.

— А ты извини, что я тебя заставил проблеваться на этом аттракционе.

— Мне кажется, твоему папе нравится моя мама. Обычно, когда ей кто-нибудь нравится, я такого сразу переезжаю на машине, а потом на него плюю. Но твой отец что-то меня не очень беспокоит.

— Твоя мама меня тоже не очень беспокоит — она вроде хорошая.

— Будем дружить?

— Давай.

На переднем сидении тоже не стихал разговор — но он, конечно, не был таким глубоким и актуальным.

* * *

Мисс Луанду Дюмор разбудили громкие крики в соседней палате. Какая-то женщина визгливо возмущалась, что ее мужа обрядили в смирительную рубашку безо всяких на то оснований. Да еще ставят ежечасно клизмы, и все из-за безобидного желания иметь большой нос!

Луанда уже поняла бесполезность подобных сетований и молча потянулась. Странно, ничто не сковывало движений.

— Руки? Мои руки развязаны... Но лицо... Боже мой, Господи, что же у меня на лице? Что случилось? Что все это значит?

Уже предчувствуя недоброе, Луанда поднялась с кровати и побрела к зеркалу, которое, как женщина и предполагала, висело в ванной комнате. Как сквозь сон, мисс Дюмор припомнила, что вечером к ней в палату ворвался хирург с бородкой клинышком. Две его помощницы стали накачивать пациентку снотворным, невзирая на ее сопротивление. Потом яркий свет, скальпель... а теперь вот все лицо замотано бинтами...

Повязка отлетела, сорванная трепетной рукой, — и мисс Дюмор издала вопль, заглушив сразу и причитания мисс Клокински, и звуки сирены въезжающего во двор госпиталя санитарного автофургона, и тиканье своих ручных часов.

Размеры и форма носа убивали всякую надежду на замужество.

Была суббота, час ночи.

* * *

Возможно, именно этот крик заставил вздрогнуть пробирающуюся по улицам ночного Нортвила Трикси. Она замерла и прислушалась, хотя звук больше не повторялся, но в нем было столько злобной силы и ярости, что девчушка решила за лучшее не искушать судьбу и припустила со всех ног. Бежала она к дому семейства Хилли на берегу озера.

На крыльце ее, запыхавшуюся и встревоженную, встретил Джуниор:

— А, хорошо! Сумела выбраться?

— Почему ты так поздно позвонил?

— Помнишь, ты сказала, что тебе нравится мой папа?

— Ну, и сказала.

— Так вот, у меня есть совершенно сумасшедшая мысль: я думаю, нашим родителям следует пожениться.

— О чем ты говоришь? Твоего отца уже разобрали.

— Да, но могут возникнуть некоторые проблемы. Пойдем в комнату, я тебе все расскажу.

Ниппи, успокоенный баночкой «Глотай не жуя», не обратил на маленькую гостью никакого внимания. Не

едва Джуниор успел сообщить о пластической операции, которой, наверняка, уже подвергли Луанду Дюмор, внезапно стихли громовые раскаты храпа Большого Бена.

— Ага, ну вот, проснулся дедушка.

Действительно, половицы уже скрипели по знакомому маршруту №1 Хилли-старшего: спальня — кухня. Но по пути он заметил своего сорванца и его гостью. Удивлению Большого Бена не было предела:

— А ты кто такая? И ты, Джуниор, что не спишь? Тебе пора в постель. О, половина второго! Завтра у твоего отца свадьба.

— Свадьбы не будет! Я из Луанды сделал такую уродину, что на ней уже никто не захочет жениться.

— Внучек, ты вроде сообразительный мальчик. Ха-ха! Уродина! Ну и что? Луанда Дюмор для меня — и надеюсь, для твоего отца тоже — означает финансовое возрождение. И я не допущу, чтобы хоть кто-то стоял у меня на пути. Боже, кто дал Ниппи эту гадость? Ну, Ниппи, фу... А вам, малыши, пора в кровати.

Глядя на внушительную в своей строгости спину удаляющегося Большого Бена, Трикси тревожно заметила:

— По-моему, твой дед — это проблема.

Уловив нерешительность в голосе подруги, малыш поспешил вернуть уверенность союзнице, подбодрив ее перспективой веселой авантюры:

— Да никакая он не проблема. Смотри!

И Джуниор бросился к Большому Бену, пытаясь повалить того на ковер. Но если бы не помощь Трикси, вряд ли бы задуманное удалось малышу. Вдвоем же ребятишки одолели старину Бена, не тронув занявшего позицию строго невмешательства Ниппи. Однако пес при этом не изменил своему хозяину: он остался верно охранять связанного малолетними озорниками седовласого друга.

Джуниор и Трикси, нейтрализовав не ожидавшего от них такой прыти старину Хилли, бросились к Камню Любви, спеша успеть до восхода солнца побывать у святилища древних инков.

— Я уже устала, Джуниор, не так быстро!

— Ну, напрягись, Трикси, не разваливайся на части. Это единственный способ объединить наших родителей.

— Я не разваливаюсь. Пошли...

И две тени, застывшие было на мгновение, вновь тронулись в путь, заскользили по кажущимся таинственными в лунном свете улицам окраины Нортвила. Две тени, два силуэта маленьких ребятишек, которые среди ночи пошли просить помощи у древнего символа индейцев.

Громада доломита, ныне установленная на пьедестале, раньше лежала на вершине холма в шести милях от города. Легенды говорили, что до изумительной точности обработанный шар, на котором неизвестный мастер выдолбил лунку в виде сердца, не раз приносил удачу влюбленным, разлученным, на первый взгляд, неодолимыми препятствиями.

Еще не так давно камень являлся объектом настоящего паломничества: перед свадьбой к нему приходили женихи и невесты из всех окрестных селений. В последние годы, правда, у камня редко просили помощи. Рассказы о таинственных свойствах камня воспринимались как седая легенда, красивая, но содержащая небольшую долю истины.

— Какой он большой, на слайде он казался меньше.

Трикси кивнула головой в знак согласия. Хотя, если говорить откровенно, слайда-то она не видела, но признаваться в этом ей не хотелось.

— Да, большой камень. Но что нам теперь делать, с чего начинать?

— Не знаю, я об этом не подумал. Но, наверное, нужно просто загадать желание. Становись вот сюда. Я буду говорить. О, всемогущий Камень Любви, мы пришли к тебе с большой просьбой: у нас есть родители, мы хотели бы, чтоб они влюбились и поженились, — в этот момент Трикси посчитала нужным взять Джуниора за руку, и теперь они стояли перед пьедесталом и вместе просили могучего духа любви там, наверху, о важной и неотложной услуге: — И еще: чтобы папа забыл эту стерву Луанду. Это, наверное, очень серьезная просьба. Но ты, камень, к таким просьбам уже привык. Тебя часто просят о чем-нибудь таком. Пожалуйста, помоги нам!

Ночь, густо-синяя, уже начала светлеть на востоке. Где-то на озере кричала птица, и спать детям хотелось до умопомрачения.

Камень хранил гордое молчание и слушал дыхание уходящей ночи. Маленькие девочка и мальчик, обнявшись, мирно спали под защитой громадного монолита, теплого и шершавого на ощупь.

* * *

— Сын, вставай! У нас сегодня великий день. Сегодня у тебя будет мама.

Нет ответа. И только странное шевеление в прихожей. Боже! Кто мог это сделать? Кто связал Большого Бена?

— Папа, что с тобой?

Освобожденный от тугих веревок и получивший возможность говорить, старина Хилли ничего путного рассказать не смог: какая-то девочка, и тут они как бросятся, повалили, убежали... Наводящие вопросы начавшего понимать суть дела мистера Хилли прояснили ситуацию. Джуниор и Трикси (судя по описанию Большого Бена, это была она) куда-то ушли среди ночи и еще не вернулись. Через десять минут «форд» с ревом притормозил у дома мисс Янг. Выбежала взволнованная Эни.

— Ну что, не появлялись? Едем, надо искать.

Исколесив полгорода, расспросив всех встречных, родители пока так и не напали на след малышей, но поиски продолжали.

— А он раньше убегал?

— Да нет, никогда. Это все из-за свадьбы. Он расстроился. Извините, что я вас в это впутал.

— Ну ладно, ладно. Дело в том, что я прекрасно знаю: Трикси тоже виновата. Она такая хулиганка!

— Хулиганка! Большая хулиганка, чем мой сын? Такого не бывает.

— Может быть, в маленьком городке, откуда вы родом, он и слыл скандалистом, но здесь, в этом городе, всем заправляет Трикси.

— Уверяю вас, она за свою жизнь не наделала столько разрушений, сколько мой сын за полгода.

— Ну, это потому, что я ей запретила трогать тяжелую индустрию. И она ведь еще маленькая...

— Эни, что это мы? Нашли повод для спора. Так ли уж важно, кто держит пальму первенства?

— Бен, тормози! Вот они! Ты только посмотри — как жених с невестой, к Камню Любви пришли.

— Эй, ребята, доброе утро!

Малыш проснулся первым. Увидев своего отца и мисс Янг, Джуниор растолкал Трикси:

— Эй, вставай! Смотри-ка, сработало.

Но, видимо, дети что-то сделали не так, как надо: заклинание, может, не так сказали или пришли не вовремя. Камень соединил маму и папу, но ненадолго. Вот уже, отчитав несмышленышей и нежно прижав драгоценных хулиганов к груди, Эни и Бен стали прощаться:

— Ну, мы с сыном пошли. Может, вас подвезти до дома?

— Да нет, я думаю, мы пройдемся. Нам есть о чем поговорить с Трикси. А, кроме того, у вас сегодня еще тысяча дел.

— Это уж точно. У меня на сегодня намечены довольно серьезные планы.

— Еще раз спасибо, что помогли найти дочку. До свидания.

— Ну, значит, до встречи.

И Маленький Бен, повернувшись, пошагал к машине. Он нежно прижимал сына к груди. Джуниор примолк и грустно посмотрел на Эни. Женщине показалось, что малыш отлично понимает, что делается у нее на сердце, — может, лучше, чем его папа.

Джуниор на прощание помахал рукой красивой маме своей подружки. Женщина в ответ улыбнулась и развела руками: сам видишь, не судьба.

* * *

— Эй, Бен, уже двенадцать часов. Мне не терпится показаться на людях в новом костюме. Где же невеста?

— Папа, ты не знаешь местных обычаев. Мы встретимся на церемонии. Сейчас Луанда позвонит — и поедем. Иди лучше помоги Джуниору.

В комнату в это время вошел Бен Младший. В белом

смокинге он смотрелся просто великолепно. Хилли в любой одежде выглядел неплохо, но сейчас ими можно было им любоваться бесконечно.

— Папа, ты настоящий жених, и дедушка, как жених. И я, конечно, как жених.

— Ты, Джуниор, скорее принц из сказки. Сейчас приедем на церемонию — мама просто ахнет.

— Так что, она сюда не приедет?

— Сынок, я только что объяснил дедушке — здесь так не принято.

— Папа, ты не хочешь пойти взглянуть на Луанду?

— Нет, такова традиция в Нортвиле: жениху не разрешается видеть невесту в день свадьбы до самой церемонии.

— Но, но...

— Сынок, никаких «но». Обещай вести себя прилично. Хотя да, я ведь уже не верю твоим обещаниям. За тобой будет присматривать дедушка.

Все планы рушились! Ведь папа не сможет отказаться от свадьбы, если не увидит шнобель Луанды.

— Черт возьми, пропала затея, теперь мне крышка.

По дороге к костелу Джуниор угрюмо разглядывал пятнышко на боковом стекле. Большой Бен не спускал с внука глаз, а отец, внимательно следя за дорогой, нет-нет да и посматривал в проемы ближайших подворотен: не дай Бог, черная кошка метнется через дорогу.

Когда машина жениха притормозила у вынесенной по случаю жары площадки для богослужений на берегу реки близ костела, приглашенные уже успели занять свои места на дубовых скамьях перед клиросом. Не было только невесты — по церемониалу она должна была появиться позже всех.

Мистер Хилли отправился к пастору, а Большой Бен с внуком, увидев два свободных места на краю скамьи, резонно решили, что те оставлены специально для них.

Возгласы гостей, восхищенных великолепием мужчин семейства Хилли, смолкли разом. Установилось благоговейное молчание. С вершины нависающего над речной долиной холма по ступенькам, ведущим к площадке для церковных служб на открытом воздухе, спускалась фея. Как царственен был ее наряд, как грациозна походка. Даже подруги в

этот момент не почувствовали укола зависти к красоте мисс Дюмор: такого великолепия им достигнуть все равно не позволят средства. Богини достойным казалось подвенечное платье, подчеркивающее великолепную талию, тугую грудь и широкие, идеальной формы бедра. Ласковый ветерок трепал вуаль, укрывающую лицо Луанды.

Музыканты запоздало громыхнули марш Мендельсона. Мистер Хилли завороженно двинулся навстречу своей судьбе — и тут невеста споткнулась и со всего маху грохнулась на ковер.

— Мисс Дюмор! — вскричал мистер Смитт: он, естественно, был среди приглашенных.

Джуниор вовремя дернул за бечевку, предусмотрительно натянутую кем-то между скамейками. Как малыш и предполагал, ловушка сработала: белое сплетение кружев слетело с головы невесты и откатилось к ногам мистера Хилли. Тот поспешил к суженой:

— Луанда, с вами все в порядке?

Видя удачный исход своей проделки, Джуниор захлопал в ладоши:

— Пап, ты посмотри на ее лицо! Смотри! Какой... Ой... Эй, что случилось?

Шнобеля не было. Нормальный, привычный нос. Как она это сделала?

— Дорогой мой, я победила. Ты даже не представляешь себе, что можно сделать всего за триста восемьдесят тысяч долларов. Пластическая операция за две минуты — и все в порядке. Учись, сынок!

— Музыканты, марш! — деловито распорядился Большой Бен, заставляя церемонию двинуться дальше. Благодарно взглянув на дедушку, мисс Дюмор оправилась и обратилась к жениху:

— Бенджамин, почему мы задержались?

— Я...

— Пошли, пошли. И кстати: почему ты не повязал галстук, который я тебе подарила?

— Я...

— Ладно, потом разберемся. Шевелитесь, падре!

Пастор вздрогнул, спохватившись, и заученно затвердил сто раз повторенные в подобных ситуациях слова:

— Возлюбленные братья и сестры, мы собрались сегодня, чтобы сочетать двух прекрасных людей...

Воспользовавшись тем, что Большой Бен утратил бдительность, Джуниор вырвал свою руку из цепких лап дедушки и бросился к кафедре, крича:

— Нет, папа, не делай этого!

Большой Бен в два прыжка настиг внука и зажал тому рот.

— Не волнуйся, Маленький Бен, все в порядке. Пастор, продолжайте, — морщась от боли в прокушенной до крови ладони, проговорил старина Бен.

И пастор послушно кивнул.

— Мы собрались здесь сегодня в чудесный, радостный день, чтобы объединить этих двух замечательных людей... Ох, а это еще что такое?

Ужасный грохот заглушил слова священника и заставил всех обернуться. Земля содрогалась. Камень Любви, к которому после совершения обряда обычно ехали новобрачные, нарушил традицию и сам пришел к молодоженам, точнее, не пришел. Прикрепленный к ковшу бульдозера, он был доставлен на огромной машине к месту венчания, к началу ведущей к кафедре ковровой дорожки. За рычагами сидела белокурая шестилетняя девочка. Большой Бен мог поклясться: именно она ночью навещала Джуниора. От удивления дедушка ослабил хватку — и внук получил возможность высказать свою радость:

— Ур-ра! Это моя подруга Трикси!

— Ненавижу детей! Детей терпеть не могу. Если бы у меня была власть, я бы всех детей стерла с лица Земли! — нервы исстрадавшейся за последние дни мисс Дюмор не выдержали. Забыв, что доктор приказал не делать резких движений, дабы нос не потерял форму, она забила ногами, наливаясь кровью от злости.

Маленький Бен удивленно смотрел, как нос мисс Дюмор в такт ее движениям наклоняется то в одну, то в другую сторону. Ну, знаете, подобное зрелище мало кому в мире придется по нутру — и мистер Хилли стал ожесточенно срывать с себя жениховский фрак.

А ковш бульдозера наклонялся все ниже. Вот Камень Любви покачнулся, вот он тяжко ухнул на землю — и покатился, как по рельсам, по окаймляющим ковровую дорожку булыжникам. Падение многотонной махины вызвало панику среди приглашенных. Стремясь оказаться подальше от опасной глыбы, гости бросились врассыпную. Сумятицу усилил истошный лай Ниппи — мистер Смитт нечаянно наступил псу на хвост.

По склонам холма, не оглядываясь, улепетывали пастор и те, кто его слушал. А кобель, хотевший бежать в ту же сторону, что и гости, вынужден был, спасая собачье достоинство, броситься вслед за секретарем мисс Луанды. Мистер Смитт поспешил на помощь своей госпоже, не обращая внимания ни на грохот исполинского шара, ни на рвущего правую половину купленных вчера брюк терьера.

— Нет, мисс Дюмор, нет! — влюбленный увалень пытался остановить обожаемую госпожу.

Но та, подобрав полы подвенечного платья, решительно шла навстречу катящейся глыбе. Она надеялась остановить камень. Ведь деньги, как известно, могут все.

— Я приказываю тебе, камень, стой. Я хорошо заплачу!

Камень, возможно, просто не услышал хозяйку банка. Возможно, услышал, но не смог затормозить сразу. Он подмял под себя пытавшуюся подкупить его женщину и, подрагивая, замер у основания кафедры.

Свидетелями того, как все произошло, были только трое: мистер Смитт, не оставивший в беде госпожу, Большой Бен, который не смог бросить своего Ниппи, и куцехвостый пес, не перестающий терзать брюки секретаря мисс Луанды.

Остальные? А остальные взбирались на крутые склоны холма. Кто-то еще спасался, кто-то уже чувствовал себя в безопасности. А Маленький Бен и Джуниор торопились к бульдозеру, чтобы посмотреть, не случилось ли чего с Трикси.

С другой стороны к месту происшествия бежала Эни Янг. Оказывается, она пришла на церемонию, но почему-то затаилась в густом орешнике близ готического здания старинного костела. Мама первой подбежала к замершей на краю обрыва машине:

— Трикси! Боже мой, сейчас же слезай. Господи,

сколько раз я тебе говорила — не берись за тяжелую индустрию.

— Но, мама, это строительная техника! Не слезу.

— Эни?.. — мистер Хилли несказанно удивился, увидев, что рядом с Трикси стоит ее мама.

— Я не могла ее остановить, — сконфуженно проговорила молодая женщина. — Я здесь ни при чем. Простите, мы испортили всю свадьбу.

— Не переживайте, этой свадьбе не суждено было состояться. Правда, Джуниор?

— Конечно, папа. Видал, как у нее нос болтается?

— Ну ладно, сынок. Не смейся. Пошел бы лучше да извинился.

— Вот еще!

— Иди, иди. Мне тут нужно кое-что сказать мисс Эни. Эни... вы... станете моей женой?

Малыш, отошедший было на пару метров, едва не подпрыгнул от радости. Он тут же вернулся — и теперь ответа застывшей от неожиданности женщины ждали с надеждой два милых ей человека. Нет, три. Из кабины бульдозера на маму умоляюще смотрели глаза дочки.

— Ну, что тут ответишь?

— Ура! Получилось! — радости Джуниора и Трикси, да и Эни с мистером Хилли тоже не было предела.

Совершенно противоположные чувства испытал при виде сына, страстно обнявшего очаровательную медсестру, Большой Бен.

Убедившись, что с Ниппи ничего не случилось, старик тут же вспомнил о свадебном ритуале, который стоил уйму денег. Старина Хилли бросился разыскивать непутевого наследника, сбежавшего от богатой невесты.

— Что, черт возьми, ты делаешь? Иди сейчас же и соскреби свою невесту с ковра.

— Какую невесту, папа? Я не собираюсь жениться на Луанде. Я нашел себе другую жену. Посмотри, какая она!

— Кому какое дело, кого ты нашел! Ну, красивая... Луанда Дюмор — это золотая жила. Она стоит миллионы.

— Папа, если она тебе так нравится, ты на ней и женись.

— Что, я? А и правда, почему бы и нет. Действительно...

И моментально возненавидев оставшегося близ Луанды очкастого толстяка, Большой Бен тут же позабыл о сыне, о его новой невесте и даже о Ниппи. Он вихрем бросился вниз.

Указав на удаляющегося с реактивной скоростью отца, мистер Хилли с гордостью заметил:

— Ну, каков у меня старикан? Молодчина!

— Я думаю, мисс Дюмор он понравится.

— Да, у нас в семье мужчины хоть куда. Джуниор, да подойди ты сюда. Знаешь, я хочу за все извиниться. Ну, что я тебе не верил, и там всякое другое. Луанда действительно не любит детей. Спасибо, ты меня выручил!

— Ну что ты, папа. Ни для кого другого я бы этого не сделал. Мы бы этого не сделали, правда, Трикси?

Внизу, там где застыл Камень Любви, придавив многотонным весом Луанду Дюмор, мистер Смитт пытался в одиночку сдвинуть тяжеленную глыбу. Он мог провозиться, вызволяя госпожу, до вечера. Но тут подоспел Большой Бен.

— Раз, два, три, взяли! Пошел, пошел!

Камень медленно, словно нехотя качнулся раз, еще раз — и откатился в сторону. Побледневшая, но со счастливой улыбкой на дорожке лежала Луанда. Камень вдавил в мягкий песок, на который была уложена ковровая дорожка, ее ягодницы. Во это был напор! Теперь, возможно, мисс Дюмор могла дать этнографам интересную версию, почему шар назвали Камнем Любви и как этим гигантским предметом пользовались индианки. Никакой мужчина не способен дать те ощущения, которые вызвала в возбужденной женщине тяжесть, медленно вдавливающая в податливую теплую землю ее тело.

— Позвольте, я помогу... — мистер Смитт с обожанием глядел на похорошевшую госпожу. Но несчастлива была судьба секретаря мисс Дюмор: быть всегда рядом, но никогда — вместе.

— Отойди, болван, я сам помогу, — Большой Бен оттолкнул толстяка и легко, как пушинку, поднял богатую невесту, вырвав ее из углубления в ковровой дорожке.

Мисс Дюмор, однако, проявила совсем не много радости по случаю своего избавления:

— Уберите руки. Я ненавижу всю вашу семью!

— Ну, Луанда, ну перестаньте. Я же не такой, как они. В отличие от них, я люблю вас! — и Большой Бен обхватил женщину за талию.

Почувствовав железную крепость объятий, мисс Дюмор задрожала, как в лихорадке. Только что испытанное чувство повторялось. С уважением посмотрев на седовласого красавца, Луанда решила, что он положительно более сексапилен, чем его неблагодарный отпрыск.

— Вы сказали, что вы меня любите? О, обнимите меня! Крепче!

Так в один день в маленьком Нортвиле обрели счастье сразу две пары молодоженов. Каждый получил то, что хотел, нашел то, что искал.

Но картина будет неполной, если забыть упомянуть, что даже в такой момент оба трудных ребенка, Трикси и Джуниор, не стали благоговейными свидетелями того, как обыденно понимается счастье взрослыми. Ведь куда веселей, если рядом взмывает вверх свадебный торт, в небе разваливается на две половинки, одна из которых падает на Луанду и старика Бена, а другая — на Эни и Бенджамина Хилли. Вот тогда всем действительно весело.

Технология же фокуса проста до изумления: нужно подложить под громадный торт взрыв-пакет и поджечь фитиль. Вот так-то!

Э.С.Х. СМИТ

ТЕМНЫЙ КРИСТАЛЛ

A.C.H. Smith

«THE DARK CRYSTAL»

Based on a screenplay by David Odell

Перевод с английского *Ф. Арутюняна*

Э.С.Х. СМИТ

«ТЕМНЫЙ КРИСТАЛЛ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В НАКОВАЛЬНЕ ГРОМА

Джен сидел в одиночестве.

Больше всего он любил играть на своей флейте и представлять себе других Гельфлингов, привлеченных его музыкой и подползающих к нему сзади, в то время как он сидит у водопадов. Они бы улыбались, думая, что надежно спрятались от Джена за скалами. Прекратив играть на флейте, он быстро бы оборачивался, заметив их движение, а они обязаны были бы остаться с ним навсегда и жить в этой долине урРу.

Но это была всего лишь игра, в которую он играл сам с собой. Под водопадами находились зеленые прудики, в которых он плавал. Джен нырял глубоко к водорослям, затем очень медленно выплывал к поверхности, наблюдая за танцующими солнечными бликами, которые сияли и дробились, как раскаленные кусочки металла в колбах Алхимика урТиха. Обитатели прудов: желтые и коричневые Миррхьи, длинные, извивающиеся Крикиды бесстрашно следовали за ним. С того самого времени, как Джен оказался в долине урРу, он всегда плавал с ними в прудах. Он притворялся, что считает обитателей прудов, суши и воздуха своими друзьями. Они и на

самом деле были его друзьями, только общаться с ними он не мог. На языке Гельфлингов могли говорить только урРу. Они общались с Дженом на его языке, потому что их язык был слишком труден для него. УрРу, несомненно, были настоящими друзьями, но Джену было трудно свыкнуться с этой мыслью, так как они были очень стары, медлительны, огромны и оторваны от каждодневной суеты.

Джен, прищурившись, смотрел на небо. Сегодня оно выглядело странно.

УрРу всегда были добры к нему. Правда, они никогда не кормили его той пищей, которую он хотел. Джен не помнил, что ели Гельфлинги; он мог только вспомнить свою мать, склонившуюся над его маленьким тельцем, словно тень, однако был убежден, что где-то есть пища, которая пришлась бы ему по вкусу. Когда Джен спрашивал об этом урРу, они отвечали, что его пища в долине не растет. Боясь, что он может отравиться, они запрещали ему есть понравившиеся ягоды.

— Мудрецы, — спрашивал Джен, (именно так можно было перевести название урРу: старые и мудрые) — ядовиты ли те ягоды пурпурного цвета? Что говорит вам ваш разум?

Они качали своими огромными морщинистыми головами с редкими седыми волосами, свисающими на уши.

— Разум существует не для узнавания, а для понимания, — следовал ответ. — Наша пища подходит тебе. Этого достаточно. Мы не знаем, что плохо для Гельфлингов. Ешь и набирайся сил.

УрРу любили его, и Джен знал это.

Там, за пределами долины, с ее скалами и прудами, полными каскадов брызг, с ее деревьями, ягодными кустами, цветами и травами, за внешним рядом Стоячих Камней, должно быть, думал он, место, где росла пища Гельфлингов; место, где когда-то жили Гельфлинги, где жил Джен с матерью и отцом. Ему казалось, что он может вспомнить свою жизнь среди других Гельфлингов. Куда же они все ушли?! Он постоянно спрашивал:

— Почему я не могу уйти из долины?

— Ты можешь заблудиться, — отвечали урРу.

— Кто-нибудь из вас мог бы пойти со мной.

— Нет, малыш, мы не можем оставить долину.

— Неужели никогда?

— Время еще не пришло.

— Когда же?

— Время еще не пришло.

— Я выберусь отсюда?

— Наступит день, — отвечали они, — наступит день, и ты выйдешь отсюда.

— Но когда?

Они поднимали свои старые морщинистые лица к небу, задумчиво смотрели туда и медленно уходили прочь.

Ох, какими же грустными казались Джену эти добрые усталые лица.

— Я мог бы взять с собой флейту, — предлагал он. — Все время, пока меня не будет в долине, я буду играть на флейте, и вы всегда сможете отыскать меня.

— Еще не время, малыш.

Так он жил в долине и играл на флейте. Флейта состояла из двух трубочек, и Джен научился играть на ней волшебные мелодии. УрРу поощряли его в этих занятиях. Он все время помнил себя с этой флейтой. Иногда Джену подпевал Хорист урСол. УрСол был прекрасным музыкантом. Пел он высоким чистым голосом, держа на ладони Джена. От его сильного голоса сотрясались скалы. И для того, чтобы можно было услышать флейту Джена, когда он аккомпанировал, урСол должен был петь с почти закрытым ртом. Он признался, что это тяжело.

Сегодня небо вызывало тревогу у Джена. Ветер менял направление. Это можно было определить по зыби на поверхности прудов. Он был разбужен раскатами грома, и хотя они раздавались далеко, небо громыхало целый день. В прудах волновались Крикиды. В то же время Джену показалось, что земля под ним движется. Он заметил что-то, похожее на искру, прошедшую по долине и кромкам скал.

Она промелькнула и исчезла. Джен побежал по спиральной дорожке, мимо восемнадцати пещер к утесу,

чтобы посмотреть на долину сверху. Ему почудилось, что он видит на земле две или три искристые вспышки.

Он хотел спросить об этом своего Повелителя урСу. Однако урСу еще не вышел из пещеры, в которой они жили, и Джен решил не нарушать его размышления.

Небо чернело. Джен и до этого видел бури, но не такие, как эта. Он вспомнил тот день, когда умерла его мать. С того дня он стал бояться темноты.

Зыбь появилась снова. Раскаты грома становились все громче. Можно было увидеть только одно солнце, потом и оно скрылось за облаками. Джен решил поиграть на флейте. Как говорил урСол, мелодия — это звуки, которые сотворяют добро. Джен хотел ответить грозе.

В далекой земле в небе над мрачным замком бушевала гроза. Облака кипели: пурпурные, желтые, серые, черные. Жуткие огоньки вспыхивали и моментально исчезали в облачных пещерах, молния с треском обрушивалась на землю, и заблудившиеся лучи солнечного света пробивались сквозь эту массу, как спицы от колеса. От Стоячих Камней в долине урРу к открытому утесу, на котором возвышался замок, через пустыни, леса, ущелья, кратеры, реки и горы время от времени неслись толчки и вспышки. Казалось, замок собирает всю энергию, мощь земли, чтобы противостоять грозе в небе.

Некая посторонняя сила могла бы объяснить то упорство, с которым держалось в бушующих облаках образовавшееся прямо над центральной башней отверстие. Сквозь него сверкал один мощный луч солнца, попадая в замок через треугольный портал в самом верху башни.

В башне он направленно ударил в огромный Кристалл темно-винного цвета, держащийся в воздухе на собственном весу. Кристалл был похож на кварц с тройной симметрией, ромбоэдрической формы у вершины и у основания. То, что было великолепным минералом, разрушилось, раскололось. У вершины Кристалла образовалась расщелина, полость, где отсутствовал небольшой кусок камня.

Свет, проходя через Кристалл, преломлялся и распадался на отдельные лучи, которые резко падали вниз. Лучи почти вертикально спускались в шахту на полу,

на дне которой, глубоко под Кристаллом, пылало огненное озеро. Вокруг шахты простирался огромный церемониальный зал треугольной формы, и там преломленные Кристаллом лучи создавали на полу темные световые пятна, расположенные по кругу.

Девять из этих световых кругов были свободны. В каждом из остальных девяти стояли зловещие, рептилиеподобные фигуры Скексисов. Своими полуприкрытыми глазами, тяжело нависшими над клювовидной челюстью, они тайком посматривали на дверь. В толстых мантиях, вечно прикрывающих их тощие чешуйчатые тела-мантии, они были многослойными, потому что не сменяли мантию, а надевали новую на изношенную и рваную, и возвышались почти неподвижно, жадно поглощая космическое излучение Темного Кристалла. Однако их немигающие глаза не были так спокойны, когти дрожали. Они ждали своего Императора. Хватит ли у него сил присоединиться к церемонии? Если да, то солнечные лучи, вобранные и обогащенные Кристаллом, могут придать ему силы на короткий срок до Великого Слияния, а энергия, которую он получит позже, будет поддерживать его вечно. Если он не сможет присоединиться к ним, то долго не проживет. В этом случае один из находящихся здесь девяти станет новым Императором.

На полу, где стояли Скексисы, был изображен спиральный лабиринт. Если пройтись по нему взглядом, он обязательно возвращается к точке, где он начинается, и спиралевидная форма лабиринта создает ощущение ухода в третье измерение. У него не было начала и, следовательно, не было конца. Он был бесконечен во времени, бесконечно настоящим, и тот, кто мыслит себя только в линейном измерении, не может представить себе этого. Рисунок спирали, постепенно изменяясь, соединил полы всех церемониальных залов замка.

Треугольные стены Кристального Зала поднимались к одной точке и соединялись высоко над Кристаллом. Они были отделаны преданными своему делу прекрасными мастерами. За время правления Скексисов были добавлены новые, уродливые инкрустации, на камне вы-

биты новые орнаменты. Символы были изуродованы, повешены аляповато разрисованные ордена, различные эмблемы силы и власти: магическая фигура, девятиконечная звезда, четыре фазы сокрытой луны Зра, число четыре, гексаграммы, пирамиды, четырехгранники, двойные спирали, левосторонняя и правосторонняя спиралевидная свастика, алхимические символы четырех элементов и трех законов природы, треугольник с тремя концентрическими кругами, икона с изображением Великого Слияния.

Это треугольное изображение, — талисман странника, мольба охотника, расплата тюремщика, — можно было увидеть повсюду в замке: в темных коридорах, проходах и арках, в больших и малых залах, в грязных темницах и камерах, погруженных в смерть.

В церемониальном зале световые круги потеряли свечение. Солнце ушло. Скексисы снова зашевелились, переваливаясь на задних лапах, передние конечности болтались в воздухе с согнутыми когтями, их головы, выпирающие из капюшонов, казалось, вот-вот отвалятся. Они обменялись взглядами.

Император не появлялся.

СкекНа, Повелитель Рабов, кивком дал знак в сторону балкона, встроенного в скале высоко над Кристаллом. Треугольный проход на вершине замка был медленно закрыт крышкой.

Буря за стенами замка начала усиливаться. Странное создание, которое могло быть птицей или летучей мышью, поднялось в воздух с крепостной стены. В своих челюстях оно зажало кусок Кристалла и улетело прочь, медленно взмахивая крыльями. Другое создание того же вида последовало за этим, остальные разлетались в разные стороны, держа в клювах по кусочку Кристалла.

Буря приближалась к долине. Джен посмотрел на небо. Его цвета отражались в покрытой рябью воде. Скоро ему придется найти укрытие в одной из свободных пещер вдоль спиральной дорожки. Он заставил себя остаться рядом с прудом у водопада, играя на флейте до последнего момента. Его тихая безопасная жизнь редко

предоставляла ему возможность проявлять даже маленькую храбрость.

Он наклонился над водой и начал рассматривать свое отражение.

— Храброе ли у меня лицо? — спросил он себя вслух.

Хотя вода была неспокойна, он достаточно хорошо знал свое лицо, чтобы полностью его разглядеть на рябистой поверхности. Под копной темных густых волос его лицо было похоже на треугольник, с широкими скулами, сужающееся к маленькому острому подбородку. Большие глаза были глубоко посажены по обе стороны плоского носа. Лицо, типичное для Гельфлингов, было окаймлено волосами, из-под которых торчали острые уши.

— Храброе лицо? — снова задавался он этим вопросом, впрочем, как и другими. Красивое ли лицо? Умное? Грустное? Жестокое? Было ли оно запоминающимся?

Единственное, с чем он мог сравнить свое лицо, были грустные лица урРу. Их морщинистые, древние глаза так отличались от его ярких глаз. Кожа на их лицах была старой, изборожденной разбегающимися морщинами. Даже их лица находились не там, где у Джена, а выделялись спереди на длинных, толстых шеях, покрытых гривой седых волос. Когда они шли своей тяжелой переваливающейся походкой на двух мощных ногах, их массивные длинные хвосты не могли уравновесить тяжесть их головы. Им приходилось опираться на трость, которую они держали перед собой одной из передних рук, а задние руки свисали до земли. Их головы представляли собой сплошной ум, возможно, память или слух.

Их чрезвычайно медленные и рассчитанные движения были тяжелы еще и оттого, что они носили тяжелую одежду — нечто среднее между накидкой и попоной. Эти одежды изготовил для них Ткач урУт и приспосабливал к каждому системой узлов. Сложная система приспособлений формировала кибернетическое хранилище для мыслей каждого ее носителя, будь то медицинские звания Гербалиста (знатока трав) урНола, астрономические записи Астролога урЙода, многолетние весовые

измерения Повара урАмая или любые другие накопители знания, собираемого урРу веками. Одежда их была пыльной и носилась долго, но цвета оставались яркими и нитки не расползались, так как урУтт не использовал ножниц.

Как мог Джен узнать что-либо о себе, сравнивая себя с созданиями, полностью отличающимися от него и намного более крупными, — возможно, в сотню раз тяжелее его? Все, чему они учили его, давалось через наставления. Они могли не приводить примеров, но не потому, что были какие-то различия в мышлении, — их знание было абсолютно концептуально. Обычно ничего не случалось, не было дурных предчувствий, но все это немедленно переводилось урРу в идею и соединялось с другими идеями, которые приращивались в течение веков, как пыль на их одежде. Спирали и руны на коже их голов были закодированными мыслями, представляющими символическую интерпретацию прошлого каждого урРу, из которого кто-нибудь, сумевший бы правильно соединить символы и знаки, смог бы создать будущее. Их постоянно печальный вид, медлительность их низкой, раскатистой речи были подтверждением их разумной природы. Тот, кто никогда не встречался с урРу, мог бы предположить сначала, что они действовали из чувства коллективной вины, настолько неспонтанными были их действия.

Храброе лицо? Джен пожал плечами и снова сел. Шторм неумолимо перемещался по направлению к равнине. Небо уже было темным, и резкий холод в воздухе предвещал ливень.

Джен наигрывал мелодию, пытаясь вывести гармонию, которая бы могла быть ответом грозовым тучам. Он дважды прикрывал одну трубку на флейте, а на второй пытался сыграть в четверть тона. Он постукивал ногой в медленном ритме, закрыв глаза, импровизировал с волнообразной мелодией. Да-да-да-датта-да-да.

Когда молния треснула совсем рядом, Джен снова открыл глаза. Кто-то, чье приближение он не услышал, стоял позади, возвышаясь над ним. Он стремительно обернулся.

Это был Страж Ритуала урЗах, вытянувшийся на задних ногах, его четыре руки были распростерты с тростью, направленной в небо.

— Простите, Старец, — сказал Джен, боясь, что его флейта прервала размышления урЗаха. — Я не хотел беспокоить вас. Хотя, рассудил Джен, даже глубокие размышления урРу должны были прерваться такой грозой, как эта.

УрЗах ответил в традиции урРу, очень медленно, с длинными паузами.

— Хотеть — не значит сделать, — произнес он. — Издать звук, — проговаривал он долго, — значит затронуть корни тишины. Играть на флейте — значит покорить воздух.

Джен нетерпеливо отвернулся.

— Знаю, — ответил он. — Вы уже говорили мне это.

В то же время он не хотел, чтобы его слова показались грубыми. Он не боялся наказания. За все время у урРу Джен ни разу не подвергался телесным наказаниям, даже легким. И если он говорил или делал что-то плохое, самым худшим, после долгой медитативной паузы, было мрачное философское наставление. На самом деле он сомневался, что кого-либо из них можно было вывести из спокойного состояния. Нет, он очень сожалел по поводу сказанного только потому, что это затрагивало подлинное уважение, испытываемое Дженом к урЗаху и другим. Как говорили сами урРу, сказанное слово уже есть первый шаг.

Джен сидел, чувствуя себя неловко. Он сжал свою флейту, но подумал, что лучше не играть, чтобы не оскорблять урЗаха. УрРу не двигался, он по-прежнему стоял за Дженом с задранной головой. Затем он сказал:

— Тебя ждет в пещере тот, кто в тебе нуждается.

— Мой Повелитель? — спросил Джен. Он поднялся, испытывая легкое беспокойство. Его Повелитель, урСу, никогда прежде не посылал за ним в середине дня. Почему же сейчас?

УрЗах всматривался в небо.

— Надвигается гроза, — заметил он. — Время пришло. Время перемен. — Он умолк. — Время попытки.

Так вот и было. Что-то должно было измениться и подвергнуться проверке. Вот что предвещала буря! Джен посмотрел в усталое, доброе лицо урЗаха и нерешительно кивнул. Он всегда знал, что этот день рано или поздно придет. Навыки и интуиция, взращенные в нем урРу с самого детства, всегда предназначались для подготовки Джена к какому-то заданию. УрРу никогда не говорили ему, каким будет это задание; честно говоря, Джен никогда не требовал объяснений. При всем желании изменить свое положение — получить возможность перемещаться свободнее и, особенно, вернуть остальных Гельфлингов в долину — он не хотел терять то, что имел.

Он взбежал по спиральной дорожке и пришел вовремя. Буря уже обрушивалась на долину. Ветер! Он поднял не только пыль и брызги от водопадов. Он сотрясал огромные камни. Джен чувствовал, как камешки барабанят по его коже.

Почему у пещеры, где жили урСу и Джен, стояли Целитель урИм, Гербалист урНол и Хорист урСол? Неужели буря так опасна? О чем они разговаривали?

Три урРу медленно отодвинулись, дав ему войти. Интересно, нравится ли им, таким тяжелым и медлительным, смотреть на маленького, быстро бегущего человечка?

Сейчас Повелитель объяснит ему, почему небо буйствует. Кажется, эта темная сила, несущая облака, имеет определенные намерения. Такого дня в его жизни еще не было, и это ему не нравилось. Чего бы буря ни добивалась от него, никогда его жизнь уже не будет такой, как прежде.

— Повелитель, вот и я!

Как только Джен вступил в пещеру, вход в которую был отделан рунами, выгравированными тщательнее, чем в остальных пещерах вдоль дорожки, буря снаружи взвыла смесью урагана, дождя и грозовых раскатов.

Джен на мгновение остановился у своей кроватки, вделанной в стену пещеры, пока у него не восстановилось дыхание, а зрение и слух не свыклись с обстановкой. В глубине пещеры он увидел Повелителя, распростертого на своем ложе, поддерживающем его массу. Это было второе странное происшествие за день. Его Повелитель никогда раньше не отдыхал днем, а всегда работал со своими книгами и инструментами либо беседовал с другими урРу.

— Повелитель?

УрСу, голова которого была в неудобном положении, пошевелился и взглянул на Джена.

— Повелитель, что значит эта буря?

УрСу слабым жестом попросил подойти его поближе.

Когда Джен сделал это, он испытал большую тревогу, нежели от шторма. УрСу был распростерт. Он дышал тяжело и шумно. Его глаза были затуманенными, он был не в состоянии сфокусировать свой взгляд на Джене. Лицо его было бледным.

— Повелитель, что происходит?

УрСу сделал глубокий вдох, прежде чем смог ответить.

— Я родился... — сказал он, и остальное было бормотанием.

Джен поднял голову, чтобы показать, что он ничего не понял. Его Повелитель сделал знак рукой, попросив терпения. Он силился взять под контроль свое дыхание.

«Я родился под расколотым небом,» — наконец выдохнул он.

Джен тяжело глотнул, заставляя себя сохранять спокойствие.

— Пожалуйста, — произнес он, — это я, Джен.

И снова Старец нетерпеливо взмахнул рукой. Рот его шевелился, выдыхая слова.

— Кристалл запел... он тяжело заглотнул воздух. — Кристалл запел, и три сольются в одно. Темная колонна, розовая колонна, и... свечение...

Джен подвинулся ближе, собираясь заговорить.

Повелитель бормотал:

— Слушай. Ты должен понять. Ты ДОЛЖЕН... Через девятьсот девяносто девять тройных и одно тройное... Великое Слияние, Кристалл запел... Я родился, ах, Скексис тоже...

Джен стоял несчастный, напуганный ответственно-

стью, возложенной на него Повелителем, боясь изменений в своей жизни. Он не знал, что делать с фрагментами этого знания, — если это действительно было знанием, а не просто бессвязным бормотанием смертельно больного, чем-то большим, нежели он мог придумать, чтобы помочь своему Повелителю сейчас.

— Вы больны, — сказал он. — Вам нужно отдохнуть.

Если бы ему позволили, он мог бы успокоить Повелителя, сходил бы за Целителем урИмом, который, чувствуя ауру, положил бы руки на больного, и, возможно, все было бы снова хорошо.

УрСу не обращал внимания.

— Скексисов было трижды шесть, — продолжал он в монотонном ритме, чтобы сохранить дыхание. — Темный Кристалл, ох... Расколол небо, страшная боль, Скексисы, они... Зло, темнота, их правление...

Джен пытался сосредоточиться на вымученных словах, подчиняясь приказу своего Повелителя понять все, и в то же время чувствовал себя несчастным, понимая, что урИм, которого он видел у входа в пещеру, должно быть, уже навестил Повелителя и ушел, видя, что ничем больше не может помочь ему.

— Великая сила, — продолжил урСу с новым вдохом — ни снова, не обновленная, не Скексисы, если не Гельфлинги, ты, ах... Он застонал от боли. — Ты сделаешь все, ты должен, полностью, Гельфлинг. Снова.

Собирая остатки своих последних сил, он поднял руку и остановил ее над медной чашей с раствором, стоящей на полу у его ложа. Тремя длинными пальцами и большим пальцем он прикоснулся к раствору, который сразу же замутился. Снаружи молния треснула с такой силой, что Джен почувствовал, как земля затряслась под ним. Ошеломленный, он увидел возникающее в чаше с раствором, изображение горы. На ее вершине он ясно мог разглядеть здание со странным куполом.

Глаза урСу были закрыты. Вся его оставшаяся энергия была направлена на создание картины в чаше и на попытку выразить словами мучающую его мысль.

— Придет странник, — бормотал он. Его голос был

едва слышен, но Джен уже привык к этому. — Придет из-под горы, неся смерть и рождение.

— Повелитель... — в голосе Джена слышались смущение и нежность. Он готов был расплакаться.

УрСу сжал и разжал пальцы с энергией, которую трудно было предположить в его неподвижном теле. Мутная картина в чаше изменилась. Там появилось изображение кристального стержня, клинообразного осколка, сверкавшего в мутном растворе под пальцами урСу.

— Запомни этот стержень, — слабым далеким голосом произнес урСу. — Его восстановит сирота. Исцели рану в сердце бытия. Странник, сирота, Гельфлинг, Джен, этим инструментом ты сможешь выковать судьбу. А теперь, — глаза урСу приоткрылись, — теперь ты останешься один.

Образ клинообразного кристалла померк под пальцами урСу. В момент его исчезновения раздался пронзительный звон, который, медленно затихая, долго резонировал под сводами пещеры. Было слышно только тяжелое дыхание урСу. Раствор в медной чаше испарился. Рука урСу безжизненно повисла.

— Один? — спросил Джен. — А как же вы? Как же все остальные урРу? Повелитель...

Глаза старого урСу снова закрылись. Голосом, звучавшим словно из другого мира, он сказал:

— Ты должен отправиться в путь. Три солнца не будут ждать, — он замолчал. — Помни меня, Джен. Мы сможем встретиться снова, но не в этом мире.

Джен ничего не ответил. Он знал, что слова были лишними. Он стоял со спокойным лицом, ощущая свое дыхание и прерывистое дыхание Повелителя урРу.

Вокруг замка Темного Кристалла продолжала бушевать буря. Через темные залы замка надменно шествовал самый массивный и жестокий из Скексисов: Повелитель Гартимов скекУнг, облаченный в сверкавшие и звеневшие при ходьбе доспехи. Его шпоры выбивали из пола искры. Безумные холодные глаза и желтые клыки, обнаженные в усмешке, поднимали доисторический животный страх во всех, кто его видел, — даже в других Скексисах. Он выделялся среди них тем, что неизменно

сохранял свои позиции с самого начала их правлени
С тех пор, как количество Скексисов сократилось с в
семнадцати до десяти, каждый из них стремился занят
все свободные посты. Но их постоянно опережал Пов
литель Гартимов, сильнейший и злейший из них. Га
тимы, которых он держал, были его творением. Имен
ему принадлежала заслуга изобретения грязного инс
румента, посредством которого Скексисы тиранили зе
лю. Огромные, с черными панцирями, они были ударн
силой Скексисов, похожие на гигантских блох с вис
чими щупальцами. Часть из них постоянно стояла
страже вдоль коридоров замка, безмолвно ожидая к
манды. Остальные держались в резерве в яме под за
ком. Гартимов едва ли можно было назвать полноце
ными созданиями, — скорее, они были заключенны
в панцирь ракообразных импульсами некоего жестоко
мозга, стремительные монстры, созданные для одно
единственной цели: разрушать. Их невозможно бы
воспринимать каждого в отдельности — они были мн
жественным исполнителем единой злой воли. Повел
тель Гартимов очень гордился ими.

Сейчас он шел, чтобы получить заслуженную нагр
ду, которую ждал все эти века: трон. Ни один из Скек
сисов не смог бы противодействовать восхождению П
велителя Гартимов. Каждый видел, что Император ум
рает.

Собираясь переступить порог императорских покое
он был остановлен внезапным появлением Камерге
скекСила, взгромоздившегося прямо перед ним посред
коридора. Повелитель Гартимов насторожился и угр
жающе зашипел. Затем он фыркнул и решительно об
шел его, минуя единственного Скексиса, могущего пр
тивостоять ему в качестве нового Императора.

Камергер остался на месте, лишь вывернув шею
глядя вслед Повелителю Гартимов. Затем он развернул
ся и прошел в покои, причем его жирное и грузное тел
согнулось еще подобострастнее. Под рукой он нес свитк
и документы. Он знал, что умирающий Император н
сможет уделить внимания этим документам, просто о
хотел напомнить остальным Скексисам о своем офици

альном статусе: Главный Секретарь, — значит, следующий по праву претендент на престол.

Камергер оглядел всех Скексисов, собравшихся у роскошной кровати, и улыбнулся каждому из них льстиво, но подозрительно. Претензии на трон со стороны Повелителя Гартимов были очевидны, однако не будет ли у него конкурентов из оставшихся?

Им не мог быть Повелитель рабов с повязкой на глазнице и крюком вместо руки. Он не обладал ни опытом, ни воображением, ии, наконец, благородным происхождением. Конечно, ие Обжора скекАйук, который слишком инертен и ленив. Очевидно не будет претензий и у Скульптора скекЭкта, чьи извращенность и запущенность ни у кого не вызвали бы повиновения. Еще менее всех достоин трона Хранитель Свитков скекОк, пустой идиот, все время что-то бормочущий про себя.

С оставшимися тремя следовало считаться, опасаться. Казначей скекШод не представлял реальной опасности, будучи административно подчинен Камергеру и не неся никакой ответственности, кроме исполнительной. Единственное, что он знал, было собирание золота. Ученый скекТек был особым случаем. Все остальные боялись его, потому что ничего не понимали в его работе. Он ампутировал себе ногу и руку, чтобы приспособить на их место какие-то изобретенные им приборы, намного более мощные, чем его собственные органы. Более того, он вырезал часть своих сосудов и заменил их выделяющимися, прозрачными трубками, чтобы изучить движение крови и других жидкостей в своем организме. Некоторые считали его помешанным и не доверяли ему. Скорее всего, он не будет бороться.

Наконец, остался Распорядитель ритуалов скекЗок. Да, Камергер одарил его особой улыбкой. Нельзя отрицать, что со своим священным саном и непревзойденным знанием символов, карт, предсказаний и ритуалов он может стать грозным соперником. Кроме того, он никогда не выказывал стремления занять трон. По крайней мере, до сих пор он казался удовлетворенным духовной, кабалистической властью, которую, он, бесспорно, использовал в своих целях. Возможно, он не захочет при-

нять участия в жестокой борьбе, которую навязывае Повелитель Гартимов со своими тщетными, абсурдным претензиями.

Император лежал в постели. Его темное, похожее н перезрелую сливу лицо выделялось на белой подушке Скексисы знали, что оно предвещает. Взгляд был ску чен, рассеян. Дыхание Императора застревало в длин ной глотке, и рот его беспомощно раскрывался в поиска воздуха. Руки бесцельно блуждали по одеялу, пальцы судорожно дергались, словно пытались что-то схватить В одной руке он слабо сжимал драгоценный скипетр притягивавший девять пар жадных взглядов. Ни одн из Скексисов не произнес ни слова, но все они предельно внимательно прислушивались к каждому звуку и дви жению. Ближе всех наготове встал Камергер.

Как только скипетр выкатился из слабой императорской руки и лег на одеяло у края кровати, Камерге рванулся вперед. Он протянул к нему когти. Удивлен ный Повелитель Гартимов тоже двинулся к скипетру Он застыл, готовый кинуться в драку с Камергером.

Внезапно глаза Императора открылись и яростно за сверкали. Шея дернулась на подушке, и челюсти, пол ные желтых клыков, подобно капкану щелкнули в дюй ме от протянутой руки Камергера.

Камергер с достоинством, на которое был способен убрал свои когти.

— Ваше Величество, — произнес он таким льстивы тоном, что вызвал у остальных отвращение, — я прост хотел вернуть в Вашу руку символ власти, где он должен находиться. Было бы недостойно Вас позволит скипетру упасть на пол.

Повелитель Гартимов сдавленно засмеялся, однако достаточно громко, чтобы его могли услышать в другом конце коридора.

Злобный выпад Императора был последней вспышкой жизни, страстно посвященной злобе. Он откинулся на подушку и впал в кому. Хриплый шум в груди был единственным признаком жизни. Вскоре и он прекратился. Глаза его затянулись черной пленкой. За стенами замка затихли последние раскаты грома.

Украдкой оглянувшись, Камергер поймал такие же скрытые взгляды Повелителя Гартимов и Распорядителя ритуалов. Хорошо, теперь он знает. Их трое. Если только старая жестокая бессмыслица подтвердит врожденную последовательность Камергера, проблем не будет. Повелитель Гартимов, привыкший отдавать приказания, умел также пунктуально их исполнять. Что касается Распорядителя ритуалов, он не осмелится поставить под сомнение заповеди скончавшегося Императора, иначе потеряет весь свой авторитет, основанный на законах святости, предвидения и предопределенности. Будет состязание.

В отличие от трех соперников остальные шестеро Скексисов не сводили глаз с покойного Императора. Тело его разлагалось с поразительной быстротой — в нем уже не было души, могущей остановить процесс. В течение минуты или двух это было похоже на образование вулканической породы. Казалось, плоть его закипает, вздымается, чернеет, а затем трансформируется в скалу, которая моментально покрывается полыми расщелинами и гнойными пещерами. Вскоре он рассыпался на мелкие кусочки. В воздухе появилась пелена из кислой, серой пыли.

Ночь опустилась очень быстро. Глаза с трудом привыкали к свету звезд и сиянию бледно-розовой луны. На время Земля погрузилась в чернильную темень. В такое время все живое умолкало.

Откуда-то из глубины замка поднимался торжественный напев. Это была погребальная песнь из трех частей, исполняемая хором рабов, стоящих на подмостках рядом с мавзолеем. Рабами Скексисов были люди из Стручкового народа, захваченные в плен, маленькие и простые. В нормальном состоянии их голоса звучали на высоких тонах. Однако некоторые из них были превращены Ученым в низкие регистры. Он в течение сотен лет экспериментировал на вырезании и имплантации голосовых связок. Сейчас чувствовалось — добился правильного сочетания частей, хотя у него не было музыкального слуха.

Повелитель рабов, считая, что сам обладает слухом,

взял на себя ответственность за отбор и поставку образцов Ученому. Результаты экспериментов доводились до Скульптора, который руководил репетициями. Он производил дальнейший отбор, оставляя тех, кто ему понравился и, уничтожая остальных. Последнее слово оставалось за Распорядителем ритуалов, поскольку хор пел только во время исполнения ритуалов. Суровый судья, он шел через весь зал и отрывал голову певцу, который выбивался из ритма. Судя по тому, что это происходило не так уж и часто в последнее время, можно сделать вывод, что Ученый добился успехов в своих экспериментах.

В обязанности Хранителя свитков входило собрать останки Императора и сгустки жидкости со свободной мантии, лежащей на смертном ложе рядом со скипетром. Останки были завернуты в саван и помещены в черный гроб четырехугольной формы, на четырех сторонах которого были серебряные изображения треугольника, содержащего концентрические круги. Затем гроб был внесен в мавзолей Распорядителем ритуалов, Камергером и Повелителем Гартимов. каждый из них держался за угол. Остальные шесть Скексисов шли следом единой шеренгой: важной походкой — Повелитель рабов, хромающий Ученый, Казначей, заламывающий руки, Скульптор, одетый а переливчатые шелка и украшенные драгоценностями ткани, Обжора, вытирающий уголки рта, Хранитель свитков, прибывший позже всех.

При организации процессии Распорядитель ритуалов, Камергер и Повелитель Гартимов поспорили, кто из них понесет передний угол гроба. Распорядитель ритуалов доказывал, что он возглавляет церемонию; Камергер заявил, что, по крайней мере, в настоящем он является высшим должностным лицом в государстве; Повелитель Гартимов настаивал, что на него возложена высшая ответственность за поддержание порядка и безопасности. Ввиду того, что они находились в погребальне, они пришли к временному соглашению, хотя каждый из них знал, что сохранят его не дольше, чем императорский гроб.

Как только они вступили на спиральный лабиринт на

полу мавзолея, еще трое из них встали вокруг гроба, держась за его ось, в величавых позах. Процессия цепочкой шла по спиральному пути к центру мавзолея, освещенного урнами, чье мерцание создавало причудливые тени на сводах огромного помещения.

Распорядитель ритуалов, Камергер и Повелитель Гартимов положили гроб на широкий обсидиановый катафалк, накрытый черным шелком, прошитым золотыми нитями. Распорядитель ритуалов занял свое место в голове катафалка. Камергер и Повелитель Гартимов отошли и присоединились к остальным Скексисам, стоящим в кругу вокруг катафалка.

Распорядитель ритуалов поднял глаза и медленно запел:

— Кеккон, Кеккон, Йазакайде, Акура, Касдау.

Остальные повторяли за ним.

Затем Распорядитель ритуалов потряс когтями, не прикрытыми мантией, и указал на Казначея, стоявшего справа от него в ритуальном кругу.

— Хоккватта, скаун Кхеррон, — ответил Казначей, согнувшись вперед и наклонив голову.

Остальные повторили в унисон.

И так, пока хор из рабов тихо пел, каждый из Скексисов, стоя в кругу, произносил фразу и остальные повторяли ее за упокой души покойного Императора, которой никогда не было, в защиту высшего существа, во что не может верить ни один из Скексисов. Это была церемония утешения живых. Для Камергера и Повелителя Гартимов это была также возможность соперничества в выражении своей добродетельности и благочестия. Оба были недовольны преимуществом, которое имел здесь Распорядитель ритуалов.

По сигналу Распорядителя ритуалов вперед вышел раб, обнося по кругу огромную медную чашу, инкрустированную серебром. Из чаши каждый Скексис достал дымящийся шар, сделанный из полупрозрачного материала, который сиял каким-то внутренним свечением.

Они стояли лицом к гробу.

— Кеккон, Кеккон, Йазакайде, Акура, Тиидкхуг! —

взвизгивал Распорядитель ритуалов, поднимая высоко над головой когти.

Пение хора достигло кульминации. Распорядитель ритуалов уронил руки на грудь, и одновременно остальные Скексисы бросили сияющие шары на катафалк, выкрикивая своими грубыми, хриплыми голосами:

— Хакхаон!

В то же время катафалк превратился в погребальный костер, сияющий белым свечением умирающей звезды.

Скексисы стояли молчаливо вокруг, смотря, как пламя пожирает прошитые золотом ткани и катафалк превращается в дымящиеся головешки.

В пещере Джен очень долго стоял неподвижно, уставившись на пустое, руническое одеяние на ложе. Он и до этого видел смерть, среди маленьких существ в долине, но ни одна не была похожа на эту. Казалось, его Повелитель испарился, как эфир. Будто это тяжелое тело никогда не было более чем идеей в сознании окружающих, идеей, заключенной в телесную оболочку, идеей, которая теперь была забыта, стерта из памяти. Сейчас это существо стало другой, невидимой идеей. Находится ли она здесь? Или где-то еще? Джен сомневался. Он знал, что долго, возможно, всегда, Повелитель будет рядом, куда бы он ни пошел. Он не сможет сказать что-либо, чего урСу, похоже, не услышит.

Печаль глубоко засела в сердце Джена, но где-то в глубинах сознания он ощущал что-то еще более тяжелое. Это было трудно определить, но он почувствовал в себе мужество: новый прилив сил, новую уверенность. Он осторожно проверил себя, боясь, что новое чувство окажется гордостью, одновременно виноватой и надменной радостью тех, кто остался жить. Он подумал, что мужество будет более мягким, чем это. Он подождет и узнает. Как странно, размышлял Джен, что в час беды он выиграл что-то простое и сильное и, возможно, ценное. Неужели все хорошие и правдивые уроки преподаются такой ценой?

Он не знал, как долго находится здесь, но неожиданно повернулся и пошел к выходу из пещеры, чтобы посмотреть на долину. Буря прошла, оставив чистое и

голубое небо. Обитатели долины резвились вокруг, радуясь солнцу. Далеко внизу, в долине, он увидел урРу, собирающихся вокруг Стоячих Камней, которые образовывали там треугольник.

Управляемые урЗахом, они приготовили все необходимое для погребения. Из пещеры урСу они вынесли его одежду, которую процесс дематериализации превратил в вещь, напоминающую хрупкую и сухую, оставленную насекомым куколку. Вместе с остальными личными принадлежностями они положили ее под самым высоким камнем. На другой камень, лежащий в середине треугольника, они положили палку и жезл Повелителя, вырезанный из толстой ветки орехового дерева. В верхнем конце трости был вставлен маленький кристалл совершенной огранки.

Часами они высчитывали предварительное расположение предметов, которые необходимо было расставить для погребальной церемонии: фетиши, молитвенные посохи, камни, перья и сосуды. Смотря на то, как они аккуратно приводят все в порядок, Джен, несмотря на свое горе, почувствовал, что вконец потерял терпение несмотря. Прожив всю свою жизнь среди урРу, испытывая к ним огромную благодарность за их доброту к нему, сироте, Джен, тем не менее, ловил себя на мысли о том, что его раздражает их невероятно терпеливое отношение к деталям. Ему казалось, что их «работа» целиком состояла из неопределенных попыток соединить одну вещь с другой. Иногда это было буквально так. Он видел урНола с его глазной повязкой и пораненным пальцем, проводящего целые дни с камешками и четырьмя голубыми перьями в попытках обнаружить все изменения, которые произойдут, если связать все предметы длиной одной веревки.

Другие связи, устанавливаемые урРу, были образными. Когда ветер был на определенной стороне, он дул вдоль спиральной дорожки; и, заполняя тоннели и отверстия в пещерах, он звенел на всю долину, как свирель. В такие моменты урРу никогда не уставали прикрывать своими телами некоторые отверстия в пещерах, и таким образом звук ветра переходил из одной тональ-

ности в другую. Но зачем нужно это беспокойство? Джен недоумевал. На своей флейте он мог продемонстрировать тот же эффект и при этом наигрывать мелодию.

В их коллективной одержимости ритуалами было что-то рабское. Это проявлялось во всей жизни, даже в каждодневных делах — сне, еде, прогулках, разговорах. Джен воспринимал все это чересчур замедленным — эти отработанные, манерные, кропотливые связи вещей. В чем дело? Замкнутые, оторванные от остального мира, думал Джен, они были собирателями знания ради него самого. Почему они никогда не применяли его в жизни? Почему они никогда не создали одной-единственной связи, которая казалась бы ему действительно полезной: употребить все свои знания для изменения мира?

По мере того, как он подрастал, он пытался вежливо давить на Повелителя, чтобы получить ответ. Однако урСу просто изменял идею. Тело является повторением истории мира. То, что ел обладатель тела и думал, составляет его будущее.

— Чем лучше ты узнаешь меня, — говорил урСу, — тем лучше ты познаешь мир, каков он без меня.

Теперь Джен столкнулся с миром и смотрел на него без урСу.

С новой вспышкой откровенности он, к своему удивлению, со смертью Повелителя обнаружил в себе самоуверенность. Но самоуверенность до какого предела?

— Выковать судьбу, — говорил урСу, лежа при смерти. — Залечить рану. Сделать ее единой.

Какая судьба? Какая рана? Чего от него ждут? Он никогда не мог представить себе будущее, за исключением детских воспоминаний — о матери, отце, других Гельфлингах — он хотел бы, чтобы они стали реальностью. Но всякий раз, когда он желал, чтобы это случилось, лежа в постели ночью, закрывая глаза, сжимая кончики пальцев, это приводило прямо к тому, чего он боялся, — какой-то темноте, жестокой боли, слезам. Неужели прошлое всегда крадется к настоящему, стремясь уничтожить его? УрСу говорил ему, что такие двухмерные вопросы не имеют решения, а значит, бессмысленны.

— Составь треугольник из прошлого, настоящего и будущего. Затем два других объяснят третье.

— В пустоте не бывает энергии, — сказал урСу в другой раз. — Энергия только тогда, когда есть связь. Соедини один предмет с другим, и ты получишь энергию, которая будет служить тебе всю жизнь. Соедини три предмета, и все будет уже по-другому. Посмотри мне в лицо, Джен. То, что ты видишь, появилось, когда три слились в одно. Посмотри получше, внимательней, чем ты когда-либо это делал, и ты смог бы увидеть, что три снова сольются в одно.

— О чем вы говорите, Повелитель? Мне трудно понять. Вы могли бы объяснить мне проще?

— Это все просто, насколько возможно. Поэтому тебе трудно понять.

Ночь была на исходе, урСу дожидались рассвета, времени суток, когда в душе наступает умиротворение. К потребальной церемонии было все готово. Семеро из них уселись так, что с тремя Стоячими Камнями они образовали четырехугольник. По одну сторону особняком разместился урУтт с арфой; лицом к остальным на холме за самым высоким камнем в вершине треугольника сидел урЗах. Джен, сидевший рядом с ним, должен был играть на флейте всю ночь, потому что он был в особой связи с урСу. Перед урЗахом стояли три сосуда.

Когда первые бледно-розовые лучи рассвета окрасили туман, поднимавшийся над камнями, урЗах мягко отстранил флейту от губ Джена. В этот момент урУтт ударил по струнам, и заунывная гармония долгое время звучала в долине.

Теперь очередь была за Алхимиком урТихом, который должен был заставить петь металлическую чашу. Для этого он использовал правую руку, сделанную из дерева, как и его правая нога. Чаша была вылита из семи металлов. Когда он резко проводил своей деревянной рукой по кромке чаши, она выла голосом бродячего духа, когда же он взбалтывал ее, перегоняя воду от одного края к другому, она издавала стон засыпающего ветра.

Другие присоединились к ним, работая в медленном

пульсирующем ритме. Писец урАк ударял в гонг, Нумерологист урЙод звонил в колокол, а Хорист урСол вознес свой мощный голос, ведя за собой этот огромный хор.

Тем временем прикосновение рассветного луча оживило кристалл на конце жезла Повелителя, лежащий на центральном камне. Сначала кристалл засиял, как бы концентрируя в себе свет. Затем древесина вокруг него обуглилась и начала гореть. Пламя медленно опускалось вдоль трости от кристалла, оставляя позади линию тлеющих угольков и сажи на камне. Клубы дыма смешивались с туманом, освещенным изнутри.

УрЗах поднял один из сосудов, стоявших перед ним, перевернул его и высыпал на руку Джену струйку сухой земли. УрУтт продолжал играть на арфе, набирая нижние регистры, а урСол руководил хором.

— С землей будь один, — сказал Джену урЗах.

Он отбросил сосуд. Сосуд раскололся о самый высокий камень Стоячих Камней, осыпаясь осколками на одежду урСу.

УрЗах поднял второй сосуд. УрУтт и урСол поднялись к средним регистрам. Из сосуда урЗах вылил на руку Джену воду.

— С водой будь один.

Он отбросил сосуд вслед за первым и поднял третий. Арфа и хор взяли самые высокие тона. Когда урЗах перевернул сосуд, оттуда ничего не посыпалось и не полилось.

— С воздухом будь один.

Он отдал сосуд недоуменно смотревшему на него Джену. УрЗах не ответил. Джен бросил сосуд на камень, где тот разбился. УрЗах медленно кивнул.

Жезл сгорел. Последние колечки дыма, поднимаясь, растворялись в сияющих клубнях тумана, который, казалось, опускался на каменный треугольник. Джен увидел, что одежда урСу испарилась. Там, где она лежала, валялись одни осколки от разбитых чаш.

— Ты один, Джен, — сказал ему урЗах, — действуй, сделай множественное целое. А сейчас ты должен идти, как завещал тебе Повелитель.

— Идти? — спросил Джен. — Но куда? Что я должен сделать?

Годами он мечтал уйти из долины. УрРу взрастили его с заботливой любовью: в определенное время они остригли ему волосы, научили его плавать, завязывать узлы, затачивать нож; посвятили его в тайны музыки и основы геометрии; проверяли заданиями и изоляцией — но никогда не разрешали выходить ему за пределы долины. А сейчас ему предлагают уйти, но он хочет остаться, он еще не готов. Честно говоря, он не хотел оставлять то, что было ему близким и привычным. Кроме того, он хотел узнать одну вещь.

— Ты должен пойти туда, куда показал тебе Повелитель, — сказал ему урЗах. — К высокому холму, К обсерватории Агры, который наблюдает за небесами и хранит их тайны.

— УрСу показал мне это изображение в чаше. Но я не знаю, где находится это место. Как мне попасть туда? Что я должен там сделать? Как мне сделать это? Кто такой Агра?

УрЗах ответил медленно:

— Тебе необходимо идти с вопросами, а не с ответами, как пещере необходима гора.

Джен ощутил поднимающееся чувство растерянности:

— Но, урЗах, ты же можешь предвидеть будущее! Скажи мне, по крайней мере, что произойдет.

УрЗах замолчал. Пока солнце приподнималось над краем горизонта, урРу продолжали свое пение.

— Будущее есть множество будущих, — сказал урЗах. — Мы видим их всех. И какое из них будет твоим, решать тебе. Он показал на трещину в Стоячем Камне. Она была похожа на концентрические круги в треугольнике. — Вот что я скажу, — продолжал он. — Скоро появится одно, слитое из трех. Все, кто касаются камня, испытают великое потрясение. Если к тому времени ты не найдешь будущее, которое ты ищешь, и не соберешь разбитое в целое, то, что было темным светом, тогда ничего уже не будет целым, темнота станет судьбой всех обитателей Зра.

— Но я боюсь темноты, урЗах!

— Правильно, — ответил урРу. — Темнота сковывает свет, темнота разрушает все живое, алчет энергии. Темнота — это зло.

— Что есть зло? — спросил Джен.

— Зло не существует, — ответил урЗах. — Зло — это дисгармония во всем существующем. А сейчас, Гельфлинг, иди с этими вопросами.

УрЗах повернулся лицом к солнцу и присоединился к поющим урРу.

Джен пошел по спиральной дорожке, ведущей из долины. Достигнув пещеры, где он жил вместе с урСу, он остановился и посмотрел сверху на долину. К нему возносилось девятиголосное пение хора урРу. Он видел, что внизу они смотрят на него. То ли их взгляды, то ли их пение, а может, его уверенность, пришедшая к нему со смертью урСу, но какая-то сила толкала его вперед, мимо входа в пещеру и дальше, вверх по спиральной дорожке.

На краю долины, выше, чем он когда-либо бывал, он еще раз оглянулся. Водопады казались крошечными, разбрасывая искрящиеся искры. Он глубоко вздохнул, затем прикоснулся к флейте, висевшей на кожаном шнурке на шее: она служила ему утешением в этом незнакомом мире.

Он стоял у следующего ряда Стоячих Камней. Они торчали из земли как иглы, высокие и острые. Глядя на них снизу, из долины, он обозначал ими границы своего мира. На них он увидел трещины, похожие на трещины на камнях внизу, образовывавших треугольник. Оттуда отчетливо раздавалось пение урРу. Возможно, подумал Джен, трещины подскажут ему, куда идти дальше.

Он приблизился к камню, чтобы осмотреть его. На нем был налет, похожий на сажу. Он хотел его стереть, но отдернул руку. Камень пылал жаром. Он вспомнил то, что видел днем раньше: искры, несущиеся по долине и по ее краям. Должно быть, в эти камни попала молния.

Он снова глубоко вздохнул и пошел дальше, через край долины, все больше отдаляясь от дома. Через несколько шагов дорога пошла под уклон. Вскоре он стоял на краю широкой чашеобразной равнины с бурной растительностью и редкими деревьями. Далеко, у дымчатого горизонта, долина заканчивалась цепью округлых холмов.

— К высокому холму, — сказал урЗах. Он должен был идти в этом направлении.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НА ВЫСОКОМ ХОЛМЕ АГРЫ

Сложный узор на церемониальном полу замка Темного Кристалла представлял собой дорожку. Никто в этом не сомневался. Можно было понять, где начинается дорожка, где она заканчивается, и какова в действительности цель путешествия.

С ее развилками и тупиками, арками, спиралями и пустотами, ведущими из комнаты в комнату, человеку с высоким полетом воображения она, возможно, казалась дорогой странника, путем познания, ведущим от этапа к этапу восхождения сознания. И даже после того, как путешествие будет закончено, путешественник, образно говоря, будет подниматься к чисто духовному, — и не прямым путем, а окольным, — существуя в жестокой, темной действительности. (Даже возвысившаяся душа не может считать свой путь завершенным. Узоры на полу тянутся бесконечно).

Скексисы, однако, не придерживались этого взгляда. Предположение о том, что чистая духовность в некотором смысле является высшей формой существования, для них не было самоочевидным. Как они понимают

узоры лабиринта, стало ясно на следующий день после смерти Императора. Для них это была дорога к трону.

Каждый из тех, кто стремился сжать скипетр в своих когтях, вступая на дорожку, отлично знал, что нужно при этом иметь. Требовалось немного покорности, неукоснительное исполнение обрядов, готовность подчинить себя строгой дисциплине. Таким образом, трое — Распорядитель ритуалов, Повелитель Гартимов и Камергер — с ожидающей торжественностью часами медленно двигались вдоль дорожки; остальные Скексисы наблюдали за ними со стороны. А эти трое все кружили и кружили вокруг дорожки. Двигаясь, они изучали сложности узора, заходили в различные ответвления, меняли маршрут, двигаясь к тому концу, где они начинали.

Каждый из них надеялся, что рано или поздно перед ним появится незамеченная разгадка, возникнет непройденная тропа, которую невозможно определить механической аппаратурой, и принесет ему трон. Как же преодолел этот лабиринт последний, умерший уже Император? Никто из них не мог вспомнить этого.

По мере того, как их терпение истощалось, они ускорили шаг. Никто из троих не выходил из Тронного зала, старательно кружа по спирали, подходя все ближе к трону. Каждый из них должен был постоянно наблюдать за двумя остальными, чтобы вовремя предупредить внезапный рывок противника к трону. Но и остальные Скексисы тоже разбились на группировки. Сохранят ли Казначей и Хранитель свитков традиционную лояльность к Распорядителю ритуалов? Найдет ли Повелитель Гартимов мощную поддержку у Ученого и Повелителя рабов? И составит ли Камергер союз с Обжорой и Скульптором — тройка, которая вместе с покойным Императором составляла крупнейшую и, следовательно, самую успешную фракцию во времена предыдущего правления?

Наконец Камергер, преисполненный праведным чувством справедливости своих претензий, схватил скипетр. Держа его в руках, как саблю, он резко повернулся и свирепо посмотрел на своих соперников, выражая виз-

гом и рычанием свое торжество. С его оголенных клыков на подножие трона капала слюна.

Распорядитель ритуалов был вне себя, он неистовствовал. Однако законы и обычаи должны были быть соблюдены — иначе все было бы потеряно. Он начал произносить речь протеста, направив дрожащий коготь в сторону Камергера и обвиняя его в непомерном честолюбии. В такой торжественной ситуации невозможно было вести себя по-другому.

Повелитель Гартимов отреагировал иначе, но не менее страстно. Подскочив к подножию трона, он настолько близко придвинул свою морду к морде Камергера, что их клюки почти соприкасались. Низким голосом Повелитель Гартимов произнес только одно слово:

— Хаакскееках!

Стоявшие в стороне Скексисы заволновались.

У Камергера не было выбора. Сейчас он не мог показать, что устрашился одного из самых торжественных вызовов Скексисов. Прошипев в лицо Повелителю Гартимов, держа скипетр высоко поднятым, он вернул вызов невероятно пронзительным воплем:

— Хаакскееках!

В этот момент Распорядитель ритуалов вышел из состязания. Среди остальных наблюдавших Скексисов не было единого мнения по поводу мотивов его поступка. Одни утверждали, что его остановило врожденное чувство соблюдения церемоний. Другие спорили, что, не получив вызова напрямую, он решил избежать испытания «Хаакскееках!. И последней точкой зрения было то, что он делает политический расчет: он не мог рассчитывать на победу в борьбе с явно сильным Повелителем Гартимов и Камергером, чьи требования были законны. Выйдя же из борьбы на этом этапе, он мог бы утешиться вице-регентством при одном из победителей, и, таким образом, стать следующим в очереди на престол.

Как бы то ни было, Распорядитель ритуалов вышел на середину Тронного зала и стал отдавать распоряжения. Он кивнул Повелителю рабов, и тот вперевалку ушел готовить ритуал. Остальные, ожидая с нетерпением, переговаривались. В последний раз попытка «Хаакскееках! была засвидетельствована много веков назад.

Повелитель рабов вернулся с двадцатью рабами, послав их в конец зала. Там они стали тянуть трос, спускающийся с высоко закрепленного ворота. В середине пола медленно поднялась каменная плита. И когда пол вокруг очистился, Повелитель отдал команду. Закрепив веревку, рабы перебежали через зал и стали выталкивать плиту, поддерживаемую стержнем, через арку. Вес камня был настолько велик, что на это ушло много времени. Скексисы возбужденно дергались и усмехались. Камергер и Повелитель Гартимов тайком наблюдали друг за другом уголками глаз. Камергер с неохотой положил скипетр обратно на трон.

Повелитель рабов отдал следующий приказ. Рабы вернулись в конец зала и взялись за другой трос, висящий параллельно первому. Из ямы, с которой сняли плиту, медленно появился огромный камень, наконец он достигнул уровня пола. Это был необычный камень. Шести футов высоты, высеченный из гранита. Сейчас он потерял все величие и блеск — это была простая бесцветная глыба, изуродованная глубокими трещинами.

Распорядитель ритуалов вытянул обе руки в сторону Повелителя рабов, державшего перед собой два широких меча. Распорядитель ритуалов склонился над оружием и плюнул на каждый из мечей. Затем они были представлены перед дуэлянтами. Камергер стал выбирать первым, проверяя каждый меч, взмахивая им над головой. Наконец, он облюбовал себе один из мечей и сделал шаг назад. Повелитель Гартимов взял свой, Повелитель рабов отступил в конец зала, и Распорядитель ритуалов произнес:

— Пих Таброкх!

Камергер имел преимущество в выборе оружия, как вызванный на дуэль. Однако он должен был первым нанести удар, что было ему невыгодно. Он приблизился к глыбе, волоча меч по полу, на котором осталась полоса из маленьких голубых искр. Затем он поднял меч до плеч, взмахнул им несколько раз, выбирая момент, и с

вызывающим криком — Хаакскееках! опустил его на камень.

Меч слабо лязгнул о глыбу. Но ничего не случилось, за исключением дребезжания спины Камергера и слабых хлопков Обжоры и Скульптора.

Повелитель Гартимов выступил вперед с презрительной усмешкой. Хрюкнув, затем зарычав, он один раз размахнулся и ударил по камню. «Хаакскееках!»

Вспыхнула яркая искра, от гранитной глыбы откололся и покатился по полу кусок. Скексисы знали, что это не решающий удар, но Повелитель рабов и Ученый бурно приветствовали его. Казначей и Хранитель свитков тоже выразили восхищение в надежде, что выбрали сторону победителя. Аплодисменты врагу были стимулом для Камергера. Они всегда недооценивали его. Хорошо, став Императором, он заставит их пожалеть об этом.

В то же время он закружился, как дервиш, в нескольких ярдах от камня. Затем, сделав три вращения, со свистящим в воздухе мячом он приблизился к камню. Меч опустился на камень с такой ужасной силой, что не было бы удивительно, если бы глыба раскололась на две части.

— Хаакскееках! — простонал он.

На месте удара сверкнула крошечная искра. От глыбы откололся кусочек и, пролетев над головами рабов, стукнулся об стену с почти неслышным звоном. В гробовой тишине зала были слышны только стоны Камергера, схватившегося за спину, и двусмысленное урчание в глотках Обжоры и Скульптора.

Громко смеясь, вновь выступил вперед Повелитель Гартимов. Он встал рядом с камнем и, гримасничая, принялся размахивать мечом. Одну ногу он отставил назад, раскачиваясь на ней, затем, развернувшись, он оперся на другую ногу, выставленную вперед, и, наклонившись, вогнал клинок в глыбу.

—Хаакскееках! — проревел он.

Энергия камня разрядилась со вспышкой, и раскаленный добела кусок глыбы размером с голову Камергера рухнул на пол.

— Хаакскееках! — воскликнули Скексисы, восхваляя

своего нового Императора. — Хаакскееках, Кхрокон! Хаакскееках! Хаакскееках!

На подмостках хор рабов запел гимн победы. Повелитель Гартимов расхаживал по залу, принимая поздравления. Распорядитель ритуалов вытянул вверх руки, бормоча слова благословления. В конце зала рабы смотрели на это бессмысленными и невыразительными взглядами. Глаза их были мутными и несосредоточенными.

За разрушенной глыбой съежился несчастный Камергер. Сейчас он был ничтожеством. Даже хуже, чем ничтожеством: великодушные жесты в отношении к побежденным не были в традиции у Скексисов. Лучшее, что он мог сделать, — это исчезнуть незамеченным и затем сложить с себя обязанности и регалии Камергера, чтобы другие не сделали это насильно.

Однако Повелитель Гартимов не был склонен допустить такое. Уверенно устроившись на троне, с коленопреклоненным Распорядителем ритуалов у его ног, он вытянул руку в сторону глыбы. Остальные Скексисы правильно расценили его жест. Ухмыляясь и шипя, выпустив когти, они окружили Камергера. В мгновение они содрали с него все ордена, повязки, цепи, драгоценности и даже ветхую одежду.

Пытаясь спасти хотя бы собственную кожу, Камергер весь сжался и со стоном, истерзанный, выполз из зала.

В замке Скексисов наконец пришло время буйного веселья. В сопровождении хора над головой Повелителя Гартимов торжественно водрузили балдахин.

— Кхрокон! Кхрокон! — восславляли Скексисы своего нового Императора; в это время Распорядитель ритуалов короновал повелителя. Ему вручили скипетр, и он нагнулся, чтобы позволить возложить на свои плечи мантию, переливающуюся светом рубином и изумрудов, которыми она была отделана.

Распорядитель ритуалов шагнул назад и низко поклонился.

— Кхрокон! Кхрокон! — раздались в воздухе подобострастные крики, и все Скексисы опустились на колени.

Распорядитель ритуалов снова поднялся и вытянул перед собой руку. Вперед выступил Скульптор с кубком

и вручил его Распорядителю. Кубок был наполнен Стручковой влией, жизненным соком, который извлекал Ученый из крови пленных, попадавших в замок и превращаемых затем в рабов.

Распорядитель поднял над головой кубок и повернулся, протягивая его новому Императору.

Кубок выскользнул из его рук и полетел на пол. Влия струйками растеклась по узорчатому полу.

— Идиот! — заорал на него Повелитель Гартимов и разразился грязной руганью.

Глаза и рот Распорядителя Ритуалов были широко раскрыты.

— Кристалл! — лепетал он. —Кристалл!

Клюв Повелителя Гартимов с треском захлопнулся. Он вслушался. Расшумевшись в диком веселье, они до сих пор не слышали угрожающего звона, исходящего от огромного Кристалла.

Повелитель Гартимов вскочил с трона и вместе с остальными Скексисами устремился вон из комнаты. После их ухода рабы так же бесстрастно стали подтирать влию с пола. После того, как влия была извлечена из них, с ней вытекли их чувства и мысли.

В это время Повелитель Гартимов в мантии и короне, размахивая скипетром, как мечом, шел во главе процессии в зал Кристалла. Все восемь Скексисов, возбужденно переговариваясь, собрались в зале Кристалла, чтобы посмотреть, о чем Кристалл сообщал им.

Это был он. Гельфлинг! Повелитель Гартимов вытянул дрожащие когти, а остальные смолкли.

В глазах Повелителя Гартимов застыло удивление, затем появилась ярость.

— Гартимы! — завизжал он, — Гартимы!

В ответ на призывы, несшиеся по всему замку, от церемониальных залов до ямы, где жили Гартимы, стоявшие подобно приспособлениям для доспехов, Гартимы с громким шумом неожиданно пробудились к жизни.

— Гельфлинг, — проревел Повелитель Гартимов, — на холме Агры.

Огромные черные чудовища перемещались по коридорам к отверстию, которое было единственным выходом

из замка. Они рвались вперед, в мир за пределами замка.

Спрятавшись в темной нише, Камергер выждал, пока пройдет цепочка Гартимов, и осторожно пополз за ними.

Стоя вокруг Кристалла, Скексисы переговаривались со зловещим видом. Это было непостижимо! Гельфлинг выжил! Ведь вся их раса была уничтожена. И, разумеется, сами по себе они уже не могли возродиться. Такое не случается. Ученый сразу же стал разрабатывать теорию прерванной передачи: предположительно этот непонятный образ на самом деле дал толчок событию, которое произошло очень давно и которое по некоему капризу природы невозможно объяснить, испускал электрические импульсы, получаемые Кристаллом. Сама теория еще нуждалась в дальнейшей разработке. Но она казалась более правдоподобной, чем живой Гельфлинг, и меньше расстраивала Скексисов.

Вглядываясь в образ глубоко в сердцевине темного Кристалла, Повелитель Гартимов грозно командовал:

— Убейте его! Убейте его! Убейте его!

Оставив долину, Джен шел через густо заросшую зеленью равнину, направляясь к цепочке холмов на горизонте. Он впервые увидел множество маленьких животных, разбегавшихся при его появлении, и экзотические растения. Некоторые растения возвышались над ним с гладкими, извивающимися стеблями и созвездиями мясистых лепестков на вершине.

Сначала он очень обрадовался тому, что остался совершенно один в окружающем его мире. Это было самое большое приключение в его жизни. Через некоторое время, все больше удаляясь от долины урРу, он начал испытывать непонятный страх. Если что-то случится, он будет совсем один; некуда будет бежать, не к кому будет обратиться за помощью. Он увидел те самые пурпурные ягоды, которые ему запрещали есть в долине урРу, и решил пока их не пробовать.

Он перешел мелкий ручеек и взобрался на пригорок, покрытый пучками травы-спорыша, чтобы осмотреть ок-

рестности. Если бы здесь были Гельфлинги, с которыми он мог бы поговорить, он очень надеялся, что встретится с кем-нибудь, кто поймет его язык.

Далеко впереди, за ручейком, он увидел странный мерцающий поток. Он выглядел как линия теней, перемещающихся сначала в одну сторону, затем в другую, туда и обратно. Он спустился и пошел к движущимся созданиям. Подойдя ближе, он увидел, что мерцание вызвано толпой насекомых такого же размера, как и он. У каждого из них было десять длинных и прямых ног. Их маленькие тела, находящиеся далеко от земли, были цвета серебра. Как бы подчиняясь невидимому дирижеру, они двигались в странном танце, делая несколько неуклюжих шагов вперед, а затем все вместе перемещались в обратном направлении.

Джен не был уверен, что они заметили его появление. Они не подавали никаких признаков страха, к тому же вся эта линия светящихся точек начала перемещаться в сторону ручейка, и вскоре некоторые из них танцевали уже на воде.

Игривый импульс заставил Джена присоединиться к их танцу. Он занял место в конце цепочки и стал вышагивать с ними в стороны и назад. Каждый раз, совершив движение, он обнаруживал, что все больше приближается к ручейку; наконец настал момент, когда он вынужден был поставить одну ногу на поверхность воды, если хотел сохранить место в танцующей цепочке. Он уверенно сделал это и обнаружил, что его нога погрузилась в мягкую, вязкую грязь под водой.

Это встревожило насекомых. Они оставили свои танцевальные позиции. Каждый из них сложил вместе свои десять ног, и из их тел вдруг появились крылья красного и светло-зеленого цвета. Целым роем они взмыли в небо и стали кружиться вокруг Джена, стоявшего одной ногой в грязи и вытянувшего шею, чтобы наблюдать за ними.

Они оставались там, кружа над ним до тех пор, пока он не ушел в сторону холмов. Оглянувшись, он увидел, что они возобновили свой мрачный танец.

Он шагал по этой удивительной стране, но шел он с определенной целью. Мысль о том, что он будет делать, когда придет в нужное ему место, тяготила его. Но когда он подошел к подножию холмов, от вида купола, возвышавшегося на вершине и переливавшегося на солнце, его пронзила волнующая дрожь. Он знал, что пошел в нужном направлении. Он найдет Агру, и та объяснит ему смысл видения, показанного ему урСу перед смертью: кристального стержня.

Поднимаясь по склону к куполу, он увидел птицу — или летучую мышь? — которая кружила над ним. Он не заметил, того, что она сжимала в когтях кристалл фиолетового цвета, на котором было его крошечное отражение.

Наконец Джен достиг выступа на утесе, достаточно широком, чтобы там можно было отдохнуть. Усевшись, он посмотрел вниз, чтобы сравнить расстояние, которое ему осталось пройти, и то, что он прошел. Восхождение было тяжелым и опасным. Хотя руки его кровоточили и ноги гудели от усталости, он грустно вздохнул, увидев, что ему осталось пройти столько же. Несомненно, на вершину есть более легкий путь, однако урЗах внушил ему, что нельзя терять время, поэтому он не мог бродить у подножия холмов в поисках менее сложного пути.

Он сидел, расслабившись и наслаждаясь раскинувшейся перед ним панорамой. Ему хотелось бы обозреть все пространство, распростершееся под ним, долину ур-Ру, но сделать это было невозможно. Дальняя сторона равнины была сжата огромным вулканическим массивом с долинами, кратерами и ущельями.

Странная птица — летучая мышь продолжала парить над утесом. Возможно, здесь находилось ее гнездо. Других птиц не было. Должно быть, эта птица — летучая мышь спугнула их. Единственными живыми существами были скалистые пауки. Он был заинтригован и тем, что утес был усыпан кристаллами всех цветов. Некоторые из них были такие крупные, что он мог опереться на них при подъеме.

Джен сделал несколько глубоких вздохов и приготовился к последнему рывку. Он почувствовал голод. Здесь были лужицы и ручейки, откуда он мог напится, но он

не видел здесь ничего съедобного. Может быть, Агра окажется доброй и накормит его.

Он снова начал подъем. Выступ для ноги — проверь его, выступ для пальцев — проверь его. Не волнуйся, двигайся потихоньку, не надо торопиться. Рассчитывай движения наперед, когда можешь. Держи голову выше. Выступ для ноги — проверь его, выступ для руки — проверь его, и вверх. У него уже был опыт лазанья по скалам у водопадов в долине. Там он знал, что если сорвется — полетит в воду. А здесь...

Зацепившись за выступ, он так выгнул спину, что мог видеть вершину утеса. Расстояние было обманчивым, но он знал, что осталось уже немного.

Последние десять футов были почти вертикальными. Он выкинул из головы мысли о поражении и сконцентрировался только на подъеме. Небольшой пучок травы подсказал ему, где находится вершина. Он подвинулся ближе, вцепился пальцами в выступ и, сделав последнее усилие, подтянулся на руках и поднялся, тяжело дыша.

Придя в себя, он встал и начал искать купол. Он не мог его найти, потому что вершина утеса не была вершиной горы. Перед ним находилось нагромождение скал с прорастающими из них кустиками и травой. Он стоял на тропинке, огибающей скалу — наверное, она вела к вершине. Он пошел по ней, следуя ее мягким изгибам.

Он подошел к месту, где тропинка расширялась, образуя пространство, на котором росли деревья и растения, похожие на виноград. По дороге он надеялся найти какие-нибудь фрукты или орехи, но не увидел их. Чтобы подбодрить себя, он играл на флейте.

Гигантские висячие щупальца преградили ему дорогу. Попытавшись отодвинуть их, он почувствовал, как они обхватили его. Не успев посмотреть, кто это схватил его, как почувствовал, что стянут тугими ремнями и совершенно беспомощен. Ноги его оторвались от земли, какая-то сила понесла его вверх, в ветви деревьев, где он и завис. Он тщетно дергался и брыкался — связали его крепко.

Вытянув вперед голову, он попытался рассмотреть,

что схватило его. Это были какие-то щупальца. Он должен стать их добычей? Были ли они плотоядными?

Затем он услышал шаги какого-то животного под деревом. Под его ногами захрустели сухие ветки на земле. Оно дышало шумно, прерывисто, с хрипом. Он не мог рассмотреть и понять, что это за зверь. Он перестал дергаться и замер. Дышать стало трудно.

Сердце его чуть не остановилось, когда сквозь листву на него уставился чей-то немигающий глаз. Он тоже уставился в этот глаз. Бледно-голубого цвета, глаз пульсировал, как переломленный листок.

Когда прошел первый испуг, Джен заметил, что глаз был в скрюченной руке. Рука наконец убрала глаз, и внизу он услышал чавкающий звук. Постепенно, осторожно щупальца опустили его вниз, но не до конца. Он повис в воздухе, связанный, смотря на ведьму, вставляющую глаз обратно.

Когда она заговорила, голос ее прерывался.

— Ты Гельфлинг? — спросила она на его языке.

— Да, —ответил Джен.

Она покачала головой, покрытой растрепанной седой шевелюрой, и с сомнением оскалила зубы.

— Не может быть. Все мертвы. Все уничтожены. Очень давно.

— Меня зовут Джен, — он умолк, чтобы собраться с мыслями. — Джен Гельфлинг. Меня не уничтожили.

— Ха, — ответила она. — Может быть, а может быть, и нет.

— Ты Агра? — спросил Джен. — Ты та, которая наблюдает за небесами?

— Откуда ты знаешь обо мне?

— Меня послал мой повелитель, урСу, наимудрейший из урРу.

Она беспокойно оглянулась.

— Где он? Он с тобой?

— Он умер, — ответил Джен.

Она фыркнула.

— Все может быть.

Хотя ее глаз был уже на месте, она выглядела не менее устрашающе. Она была толстой, одетой в драную,

покрытую пятнами тунику красного цвета, от которой воняло лекарствами. Ее руки были похожи на ветви орешника; он не мог видеть ее ног. Трудно было представить более безобразное лицо: широкий нос с волосами, торчащими из ноздрей; единственный раскосый глаз; ни над глазом, ни над пустой глазницей нет бровей; два ряда разрушенных черных пеньков от зубов. Была ли она женщиной? Джен сомневался. С того самого далекого дня, когда умерла его мать, он ни разу не разговаривал с женщиной и не был уверен, что разбирается в полах. УрСу никогда не отвечал ему, когда он задавал вопросы на эту тему. Он говорил только о том, что урРу — бесполые существа, и потому на этот счет у него нет никаких объяснений. Джен не знал, что побуждало его обращаться к Агре, как к существу женского пола. УрЗах, говоря об Агре, сказал: «... которая наблюдает за небесами и хранит свои секреты». И наконец, ее голос, резкий, надломленный, прерывистый — был ли это голос, который мог принадлежать женщине? Хорошо, размышлял Джен, хотя голос ее был резок, однако она колебалась. Его утешило то, что здесь, куда он пришел со своей миссией, могли знать его язык.

— Ты можешь освободить меня от этих щупальцев? — спросил он.

— Могла бы, — ответила она, но не сдвинулась с места. — Откуда ты пришел?

— Я пришел из-за горы, где жил с урРу.

Она только забормотала: «Гельфлинг, хмм?» и кивнула. Она сжала его руки в местах, не обхваченных щупальцами, затем приблизила к нему свое рыло и стала обнюхивать его. Непроизвольно Джен слабо вскрикнул.

Она загоготала и, кажется, была удовлетворена.

— А-а! Боишься меня, не так ли? Думаешь, могла тебя съесть? Приятный поджаренный Гельфлинг? Это, должно быть, очень вкусно. Ха-ха!

Смеясь, она снова приблизила к нему свой глаз. Дыхание было настолько зловонным, что Джен чуть не потерял сознание.

— Что ты хочешь от Агры? — спросила она более суровым тоном.

Джен и не думал отвечать ничего другого, кроме правды. В любом случае он не пытался обмануть ее даже в мелочах.

— Как я сказал, меня послал мой повелитель. Он показал мне изображение вашего купола. Затем он показал мне другое изображение — кристального стержня. Я совершенно не понял, что я должен сделать, но если бы нашел стержень, я бы мог...

Она прервала его.

— Это все? Тебе нужен кусок кристалла? Почему ты молчишь?

К его огромному удивлению, она с поразительной мягкостью прикоснулась к щупальцам. Они опустили его на землю и освободили его. Пока он растирал подтеки на руках, она повернулась и пошла вверх по тропинке.

— За мной, — сказала она. — Гельфлинг, ха!

Через несколько ярдов Агра повернула направо, очевидно, к входу в скалы. Кусты и высокие травы расступились перед ней, и открылось отверстие, ведущее в гору. Она нырнула в него. Джен на мгновение заколебался, прежде чем следовать за ней. Но ему ничего не оставалось, как сделать то же самое.

Отверстие превратилось в тоннель в скалах. Ослепленный темнотой, Джен боялся удариться об камень, но продолжал идти вперед, ведомый звуками шаркающих шагов Агры. Несколько раз он звал ее и просил подождать, но она не отвечала и не останавливалась. Джен шел с вытянутой вперед рукой, он смутно осознавал, что тоннель был спиралеобразным лабиринтом.

Внезапно впереди ярко вспыхнул свет. Это Агра открыла дверь в конце тоннеля и вошла в нее. Темнота снова окутала Джена. Почти в панике он вслепую добрался до двери, нащупал ее и толкнул.

Войдя в помещение, он встал, потрясенный увиденным. Он стоял под огромным куполом, освещенным золотым светом, источник которого был не виден. Но еще более изумительным было, что он заметил внутри ку-

пола огромный и сложный планетарий в постоянном плавном движении, копирующий все перемещения и точки трехсолнечной системы. Разноцветные планеты поднимались на стержнях различной длины, перемещаясь в различном ритме по орбите вокруг центра, поднимаясь и падая; вокруг них вращались луны и другие спутники в этом связанном, сплетенном четырехмерном космосе. Джен разинул рот. Он никогда не видел ничего более чудесного.

Так он и стоял в замешательстве, как вдруг осознал, что на него несется планета, и почувствовал, что планета пролетела буквально в дюйме над головой. Он оглянулся в поисках безопасного места, но оказалось, что орбита планетария точно подогнана под размеры огромного помещения.

Где же Агра? Ясно, что здесь она жила и работала. Все было разбросано в беспорядке: кастрюли и сковородки, стеклянная посуда и другая домашняя утварь — среди алхимических инструментов, биологических препаратов, частей и деталей полусобранных машин. Он поднял глаза и увидел галерею, идущую вдоль окружности купола, с двумя огромными телескопами, установленными диаметрально напротив друг друга. Но там ее не было.

— Как тебе мой дом, Гельфлинг? Нравится?

Джен подпрыгнул. Агра неожиданно появилась у него за спиной, возможно, войдя через какой-то люк.

— Такие чудеса, — сказал Джен. — Я никогда не знал, что...

— Ха! А что ты ждал? Дыру в земле? Она хрюкнула. — Гельфлинг.

Агра привычно нырнула, и в этот момент над ее головой со свистом пролетела луна, едва не коснувшись седых волос. Стоявший спиной к луне Джен не заметил ее приближения. Пролети она футом ниже, он остался бы без головы.

— Где мне встать, где безопасно? — спросил Джен.

— Безопасность? она фыркнула. — Ты не найдешь здесь безопасности. Нигде не найдешь. А теперь оглянись. Когда знаешь, чего ожидать, скоро привыкаешь к этому.

Джен кивнул в сторону планетария.

— Что это?

— Это говорит тебе о том, что нужно ожидать. Как сейчас, если не смотришь по сторонам, можешь потерять руку.

Джен быстро оглянулся — и как раз вовремя, чтобы увернуться от яркой кометы.

— Но..., — начал он.

— За мной, — сказала Агра, усмехаясь. И она повела его через комнату к нише, которая предположительно была убежищем от этого опасного космоса. Там она усадила его за стол и спросила:

— Ты голоден?

— Да.

Джен уже успел забыть об этом. События проносились так стремительно. Она открыла дверцу посудного шкафа и достала оттуда сыр и сосуд с белым соком. Он подозрительно обнюхал их.

— Приступай, — сказала она. — От этого не будет вреда Гельфлингу. Это все употреблялось в пищу. Сыр небри. Сок кайнз. Хорошо, а что ты обычно ешь? Ты настоящий Гельфлинг?

— Да, — поспешно ответил Джен. — Скажи мне, ты говорила, что когда-то знала Гельфлингов.

— Может быть.

Манера Агры неожиданно становиться неразговорчивой приводила в замешательство.

— Но ты сказала...

— Я многое наговорила. Очень много. Не с кем разговаривать, вот почему.

— Я хотел бы побольше узнать о других Гельфлингах. Я еще не встречал ни одного из них.

— И не встретишь. Все погибли. Скексисы наслали Гартимов.

Она пристально посмотрела на него, озадаченно качая головой.

— Ешь, продолжай.

Джен взял кусочек сыра. Было очень вкусно. Он от-

пил сок и нашел его приятным. Все это время Агра бесцеремонно разглядывала его.

— Извини, пожалуйста, — сказал Джен, — но я хотел бы кое-что спросить. Ты женщина?

Агра громко расхохоталась. Зрелище было непривлекательно: ее черные зубы и жирное тело. Но это взбодрило Джена.

— Женщина, — усмехнулась она, — да, большей частью женщина. Немного есть от мужчины. Ох-хо.

— Что случилось с твоим глазом? — спросил Джен с большим сочувствием. — С тем, что ты не можешь вытаскивать.

– Глаз? Он выжжен.

Джен вздрогнул.

— Какой ужас!

— Это стоит того, — она похлопала по пустой глазнице. — Я видела Великое Слияние. Я видела, что сделал Кристалл. Только я, и больше никто.

Она приблизила свое лицо к лицу Джена. Тот перестал жевать.

— Я посмотрела на Кристалл, — объявила она с нескрываемым удовольствием.

Джен кивнул, как если бы понял что-либо из сказанного, и продолжал жевать. Этот сыр действительно оказался хорошим.

— Только я, — повторила она. — И, конечно, урСкеки. Ха! Они такие разные. Когда они подняли свой вой, отражающие кристаллы были везде, всюду, по всей Зра. Ты знал это?

Джен решил, что не знает этого и покачал головой.

— Нет. Я так и думала. Так почему Агра построила все это? Они помогли перед последним Великим Слиянием, — она показала на планетарий. — Как ты думаешь, для чего все это?

— Чтобы открыть тебе будущее? — предположил Джен.

— Откуда ты знаешь, Гельфлинг? — подозрительно спросила она.

— Ты рассказала об этом.

— Ах, я рассказала. Что ты, или Скексисы или кто-либо другой знаете о слияниях без всего этого? Хмм? — она наклонилась вперед и вкрадчиво заговорила. — Что еще ты знаешь о грядущем Великом слиянии? Ты поэтому здесь, не так ли? Агра знает.

— Повелитель рассказал мне немного о нем.

— Откуда он узнал? — спросила она резко.

— Не могу сказать. Он умирал и не ответил на мои вопросы. А что такое Великое Слияние?

Агра глубоко вздохнула. Она склонилась над рабочим столом и достала алхимический латунный треугольник. Другой рукой она выкрутила свой глаз и наставила его на Джена через треугольник.

— Видишь? Три круга. Концентрические, так? Три солнца. Братья. Огромная ссора из-за дочери луны. Тебе расскажут эту историю, можешь спросить у Стручкового Народа. Она топится, те расходятся, затем снова соединяются, и тогда... зззах!

Агра швырнула треугольник на стол с такой силой, что по поверхности белого напитка побежали круги.

— Большая битва. Или большая дружба. Не могу сказать.

— Вижу, — сказал Джен. — Мы не можем сейчас отыскать кристальный стержень?

— Подожди, Гельфлинг, — ответила Агра, вкручивая на место глаз.

Она переставила на место треугольник и обошла стол, за которым сидел Джен. Затем она порылась в коробках и достала оттуда схемы, продолжая говорить.

— Ты хочешь знать о Великом Слиянии. Когда оно наступит, тебе лучше спрятаться под землей. Без разговоров. Может быть, конец света. Или начало. Конец, начало — все одно. Может испепелиться целая планета. Конец Зра. Конец Агры... уффф. Твой тоже. Дымящиеся кольца. Так? Однажды мы все превратимся в дым. Говорят, что и происходим из дыма. Не знаю. А было бы неплохо. Парить в воздухе, повсюду. Видеть мир. Хммм?

Вдруг она истерично расхохоталась.

Джен из вежливости улыбнулся.

Она успокоилась и снова вкрадчиво заговорила с ним.

— Только я, и никто больше, знаю правду. Третий

раз за три эры я наблюдаю за меньшими слияниями, тут меньше энергии. Ее недостаточно. Ничего не изменилось, это невозможно. Но, ты видишь маленькую луну?

Она показала на планетарий.

Проследив взглядом направление ее костлявого пальца, Джен увидел очень маленький шар темного цвета, вращающийся вокруг одной из крупнейших планет.

— Тайная луна Зра, вот она, — сказала Агра, кивнув в ту сторону. — Никто по-настоящему не знает, там ли она. Если она существует, то должна создавать притяжение, а это меняет все, не так ли? Все без исключения, — повторила она. — Все может быть. Рано или поздно.

Джен поправил ее:

— УрЗах говорил мне, что это произойдет очень скоро.

Агра безразлично улыбнулась.

— Солнца могли и не встретиться. Как ты считаешь?

Она похлопала себя по носу.

— Я-то знаю.

Джен подумал и показал на планетарий.

— Это подсказывает тебе?

— Ты идиот, Гельфлинг. Я только что объяснила тебе, что могут быть ошибки в расчете гравитации. Нет, говорю тебе. Много кристаллов. По всей земле. Везде, где бы я ни была. Это всегда говорит о том, что неизбежно грядут огромные изменения. В последний раз подобное я видела, когда пришли Скексисы.

Джен нахмурился. Он уже слышал это слово от своего Повелителя и не один раз его произнесла Агра.

— Скексисы? Кто они?

Агра уселась и долго пристально смотрела на него. Наконец она недоверчиво спросила:

— Ты не знаешь?! Что же ты здесь делаешь? Зачем ты здесь?

— Я уже сказал. Из-за стержня.

— И зачем тебе стержень?

— Не знаю. Джен чувствовал себя глупо.

Агра поспешно заговорила.

— Тебе лучше найти его поскорее, Гельфлинг.

— Может ты мне расскажешь?

Агра колебалась, казалось, ей было плохо.

— Не знаю. Я не знаю. Скексисы...

Она пожала плечами.

— Ты боишься их?

Она захихикала.

— Ты думаешь, Агра — идиотка? Она действительно их боится.

— Повелитель рассказал мне немного о них. Кажется, он сказал, что они очень могущественны и раскололи небо, когда он родился. И еще он сказал, что они — зло, но что это означает?

— Ты видел замок? — спросила Агра.

Джен не имел представления, о чем она говорит, но кивнул, пытаясь сделать ее разговорчивей.

— Это Скексисы. Это они построили замок. Я помню. Была гора, Кристалл находился внутри горы в древней пещере с полом. Там, где я была, на полу спирали, я запомнила. И когда я увидела его, я потеряла это.

Она похлопала по пустой глазнице.

— И после Великого Слияния пришли они и построили замок из глыб той горы. Там они вершат дела.

Она тряхнула головой.

— Какие дела?

Агра снова покачала головой и забормотала про себя. Она пристально посмотрела на Джена.

— Не знаю, — ответила она. — Я думала, Гельфлинги знают все это.

— Возможно, другие, которых ты встречала, знали. Я никогда в жизни не встречал других Гельфлингов. К тому же еще недавно я был очень мал, слишком мал, чтобы узнавать что-либо о Скексисах или о Великом Слиянии или...

— УрРу, — прервала его Агра, — ничего тебе не рассказывали?

— О, очень многое. Но не об этом.

— Но они послали тебя сюда, как ты сказал?

— Да.

— Из-за пророчества?

— Какого пророчества?

Она энергично затрясла головой и снова забормотала себе под нос.

— Не знаю, не знаю, не знаю. УрРу, никакой пользы, никому.

Джен был оскорблен.

— Они очень добры, — сказал он смело. — Они любили меня и заботились обо мне.

Агра с сомнением посмотрела на Джена.

— Любовь. Забота. Это не уничтожит Скексисов.

— Что-о? — Джен подскочил в ужасе. — Как уничтожит?

Она пожала плечами, но ничего не ответила, тряся головой. Чтобы как-то преодолеть тягостное молчание, он стал рассматривать маленькую реторту, подвешенную над горелкой в дальнем конце стола. В ней булькал раствор фиолетового цвета. Однако, смотря на раствор, он думал о другом. Если бы он мог надеяться, что Агра поможет ему в его поисках, но на самом деле она прибавила ему сомнений. Еще как следует напугала его. Раньше он был озабочен выяснением того, что от него ждут и сможет ли выполнить задачу. Сейчас же, после ее загадочного молчания, он полагал, что его миссия связана со смертельной опасностью. И кроме ее молчания, он должен был убедиться, что Агра насмехается над тем, что его практически не ввели в это дело полностью. Ему стало неприятно от накатившегося чувства неблагодарности к ним.

Он снова возобновил попытку, хотя был разочарован и полон сомнений.

— Агра, — спросил он, — этих Скексисов надо убить?

Задав вопрос безразличным тоном, насколько это было возможно, он притворился, что интересуется ретортой и протянул к ней руку.

Ответ Агры ужаснул его. Она придавила руку Джена к столу, опустив на нее свою, и завизжала:

— Не трогай!

— Извини, я только хотел посмотреть, что это.

— Вопросы, — зарычала на него Агра, —куча вопросов. Что тебе нужно, Гельфлинг? Стержень? Так найди его.

Она прошла через всю комнату к шкафу и открыла дверцу: на полке, переливаясь, лежало множество кристальных стержней.

Джен подскочил:

— Который из них?

— Если бы Агра знала, она не нуждалась бы в Гельфлинге.

Уже наступила ночь, а Джен все сидел на столе, скрестив ноги, проверяя кристаллы Агры. Он потратил много времени, сортируя кристаллы в две кучи. В большую кучу он отбросил ненужные кристаллы; в маленькой остались кристаллы, похожие на клинообразный стержень, который показал ему Повелитель в облачном изображении. Агра оставила его наедине со своей работой.

В конце концов подошли три кристальных стержня. Джен не знал, как выбрать из них нужный, настолько они были похожи — все клинообразные, прозрачные, все испещрены мелкими внутренними трещинами. Он проверял их на свет, на звук, стуча по столу, но никаких различий не обнаружил. Даже если бы он знал, для чего ему нужен кристалл, он не мог отличить любой из трех от оставшихся двух. Может быть, Агра разрешит забрать ему все три. Она стремится обладать ими, как ему показалось.

Агра вернулась с корзиной в руках.

— Хочешь грибов? Сама собрала.

Она снова была в хорошем настроении.

— Нет, спасибо.

Он показал три кристалла.

— Они все похожи на тот, что я ищу.

— И который из них?

— Не знаю. Они все очень похожи.

— Ты должен выбрать.

— Могу я забрать все три?

— Плохая привычка. Нет. Выбирай. Вся жизнь — выбор.

— Но ты же сама хочешь, чтобы я выбрал правильно. Ты сказала, что тебе это нужно.

— Может быть, Гельфлинг, ух!

Она захихикала.

— Ты не единственный, кто приходил за кристальным стержнем. Пересмотрели множество. И ты знаешь, никто не знал, какой из них настоящий. Ух!

— Так они не нашли его? — спросил Джен.

— Посмотри на мир. Конечно, они не нашли его. Большинство из выбранных всегда были такими. Это целые кристаллы. Стержни, но не осколки. Знаешь, что я думаю? Скексисы разбросали их так, что их невозможно найти.

— Что случилось с Гельфлингами, которые приходили сюда? — спросил Джен. — Ты можешь сказать, куда они ушли?

— Это легко. Они ушли... ффффф! Скексисы выследили их с помощью шпионского кристалла, послали Гартимов...

Она закончила с усмешкой.

— Гартимов? — спросил Джен.

— Точно. скажу тебе одну вещь: стержень, который ты ищешь, неразрушим. Но это тебе не поможет. Она ухмыльнулась. — Попробуй сломать неразрушимое! Ахахах!

— А огонь? — предположил Джен. Или, или...

Он оглянулся.

— У тебя есть средства. Химикаты.

— Единственная проверка — сломать его. Ты знаешь, как образовался этот стержень? Ты что-нибудь знаешь? Когда Скексисы ударили по большому Кристаллу, — они называли его Какой-звон, треск, осколки, но этот стержень улетает, ух? О, какой шум! Оглушенные Скексисы ушли. Думаю, этот звук еще стоит в замке. Должен. Слишком силен, чтобы исчезнуть. Продолжается и продолжается.

Джен смотрел на три стержня, и в голове рождалась идея. Рассказ Агры о звоне Кристалла напомнил ему о высоком, на двух нотах, звуке, который звенел в пещере урСу, пока исчезало изображение стержня.

Он поднес к губам флейту. Агра стала рассматривать ее.

— УрРу говорили, это пихта, — заметила она, — насколько мне известно.

Джен набрал несколько нот, которые он помнил. Они зависли в воздухе под куполом долгим пронзительным звоном. Затем этот же звук, поднявшись на октаву выше, стал чистым и ясным.

Не понимая, что происходит, Агра оглянулась и посмотрела на звенящий купол, под которым вращались шары планетария. Когда она повернулась к Джену, то увидела, что он склонился над кристальным стержнем и с восторженным выражением прислушивается к нему. Он не ошибся, кристалл сиял, испуская колеблющееся, яркое излучение. Он был зачарован бесконечностью преломлений, поворачивая его в руке.

Агра продолжала наблюдать за ним. Она потерла руки и загоготала.

— Вот он, Гельфлинг!.

— Да, — ответил Джен, не отрывая взгляда от кристалла. — Он прекрасен. Не знаю, что мне делать с ним дальше.

— Отдай его мне, — протянула к нему руку Агра.

Джен зажал стержень в ладони.

— Ты сказала, что я могу забрать его.

— Не знаю, — ответила Агра, — не знаю.

Она озабоченно покачала головой.

— Отдай его мне. Я очень давно ждала этого момента, чтобы посмотреть, каков он на самом деле. Она снова протянула к нему руку.

— Отдай.

— Но..., — Джен хотел что-то сказать, уже с некоторой враждебностью.

Внезапно он был прерван громким клацаньем. Стена обсерватории рухнула. Через отверстие пролезали девять или десять чудовищных Гартимов. Они двигались цепью, сметая на своем пути все: лавки, посуду, части планетария. Образованная ими цепь наступала на Джена.

Глубоко загнанный страх стал подниматься снова.

Остолбеневший, он смотрел на гигантских пришельцев, сокрушавших все, что стояло на их пути и мешало добраться до Джена.

Он мог бы простоять в оцепенении до конца, если бы не Агра. Она носилась по комнате с яростным визгом, пытаясь спасти остатки своего имущества.

— Нет! — отчаянно вопила она. — Нет! Нет! Гартимы, вон из моего дома, вон! Нет! Нет!

Озлобленно посмотрев через плечо на Джена, она простонала:

— Это все ты, Гельфлинг! Ты попал в поле зрения шпионского кристалла, ох?

Гартимы не обращали на Агру ни малейшего внимания. Они отшвырнули ее в сторону и продолжали идти дальше.

Очнувшись, Джен запрыгнул на стол. Он спрятал стержень у себя под туникой. Бежать было некуда. За спиной стена. Спереди наступали Гартимы.

Потрепанный Гартимами планетарий без многих компонентов двигался теперь мягче. Перемещаясь по длинной траектории, к Джену приближалась большая планета.

Джен выжидал. Гартимы уже были в нескольких ярдах от него. Планета раскачивалась совсем близко, но уже начала подъем по орбите. Когда она будет над Джеком, он не сможет допрыгнуть до нее. Он побежал по столу, оттолкнулся, подпрыгнул и вцепился в ось, на которой крепилась планета. Клешни Гартима щелкнули там, где мгновение назад стоял Джен.

Планета понесла его вверх по окружности к вершине купола, оставив далеко внизу Гартимов. Они опрокинули стол с кристальными стержнями. Маленькая булькавшая реторта свалилась на пол. Вязкий раствор растекся по полу, и вокруг яростно заполыхало пламя. Вскоре все вокруг было в огне.

Раскачиваясь вверху, Джен смотрел на Агру, обхватившую руками голову. Она плакала и причитала:

— Мой дом, мой дом....

Она подобрала астролябию и швырнула ее в Гартимов.

Планета двигалась с большой скоростью, но Джен ничего не боялся, кроме черных панцирей внизу. Гартимы кружили внизу в поисках Джена, некоторые из них стояли прямо в огне, который, казалось, не причинял им никакого вреда. Скоро Джен опять спустится по орбите к ним.

В самой дальней точке траектории планета проплывала мимо телескопа, установленного на галерее прямо под куполом. Вися на оси и раскачивая ногами, Джен готовился к прыжку. Выбрав момент, он рванулся вперед и оказался на галерее.

Однако из-за сложности прыжка и быстрого движения оси он не смог приземлиться на ноги, и его швырнуло прямо на стену купола.

Стена раскололась. Материал, из которого возводили купол, оказался хрупким, как яичная скорлупа. Джен вылетел из бреши в стене обсерватории и, пролетев по инерции, приземлился на склоне холма. Не в состоянии пошевелиться, испуганный, посмотрел на подножие холма, простиравшееся внизу. Он упал в кусты далеко под обсерваторией.

Почувствовав, что силы вернулись к нему, он осторожно пошевелил конечностями, потрогал свои ушибы и синяки, чтобы убеждаясь, что может идти дальше. Затем восстановил дыхание.

Вдруг в вышине раздался взрыв. Задрав голову, он увидел объятый пламенем купол, полыхающий на фоне ночного неба. Сквозь рев огня и треск рушащегося строения он услышал пронзительный визг Агры.

Джен с сочувствием вскрикнул:

— Ох! Агра!

Он прикоснулся к груди. По крайней мере, кристалл был на месте. Флейта тоже выжила после всех испытаний.

Джен повернулся спиной к холму и ушел в темноту.

Из глубины далекого ущелья полет Джена заметило отвратительное чудовище, покрытое рваньем. Камергер оглянулся на далекую обсерваторию. В багровом зареве были видны силуэты Гартимов. Он повернулся и, продираясь сквозь густые заросли, двинулся в том же направлении, что и Джен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТАК МНОГО ВОПРОСОВ...

После того, как погребение урСу было завершено и Джен покинул долину, урРу затеяли другую ритуальную церемонию. На самом деле новая церемония была продолжением погребения.

Хорист урСол начал новую мелодию, которую подхватили остальные, двигаясь по лужайке под восходящими солнцами. Писец урАк принес сосуды с раскрашенным песком; встав у самого высокого из Стоячих Камней, он стал разбрасывать песок по кругу радиусом длиной в свой рост. Он разглаживал песок деревянной плетенкой.

Тем временем другие размеривали долину длинными веревками, тщательно отмечая все пересечения. Все веревки пересекались в песчаном кругу и терлись, производя звуки и оставляя следы на песке. Эти звуки сливались с хором. Каждую впадину в песке урАк заполнял песком бирюзового цвета. Во время работы он не присоединялся к хору, а то, что он напевал, было повествованием. Он описывал путешествие героя.

УрАк тоже принес песок, окрашенный в четыре цвета: белый, красный, черный и кремовый, переливчатый

жемчужный. Он использовал эти цвета для создания своего песочного рисунка. В общем картина напоминала спираль, на которой пересекались длинные полосы, на вершине находилось изображение трех концентрических кругов в треугольнике. Вдоль линии спирали он представил некоторые события предметами: птичьим крылом, лапкой насекомого, горном, зубом, обгоревшей тростью. Он изобразил близнецов, костры и флейту Джена. Он добавил сюда несколько символов, — пятиугольник, четырехугольник и двойную спираль. Все время он пел вместе с другими урРу, пока солнца не пересекли небо и пока тени трех Стоячих Камней не пересеклись в одной точке в песочном кругу. Описание на описание, молитвы, анекдоты — и песнь была сложена.

К концу дня урАк завершил свою работу, расставив сосуды с водой там и здесь, отложив маленькие камешки с отверстиями в них и воткнув молитвенные палки в местах пересечения веревок. Как только три тени приблизились к точке их слияния, в вершине песчаного рисунка, Писец нарисовал наконец энергетические линии вокруг изображения Великого Слияния. Теперь песочные рисунки были живыми. Всю силу концептуальной мысли, которую урАк вложил в свою работу, он должен был использовать прежде, чем она иссякнет.

Три тени встретились, соприкасаясь с изображением. УрАк вытянулся на задних ногах и издал мощный крик. Это был крик конца и крик начала. Как только он был повторен другими урРу, урАк стер рисунок на песке одним махом своего хвоста.

Встав лицом к трем солнцам, снижавшимся к горизонту, урРу запели в девятитональном диапазоне во весь голос. Все скалы и камни долины отозвались на это гулким звоном.

Спасшись от злых когтей Гартимов, Джен снова остался один. Сквозь темноту, сквозь чащу Джен уходил все дальше от пылающей обсерватории, пока не пришел в болотистое место, окруженное деревьями, похожее на убежище в этом опасном мире, в который он вторгся.

Как он мечтал сейчас снова оказаться с урРу, играть в водопадах! Он испытывал умиротворение там, в долине, один и с ними. Все было на своих местах, в гармонии. Сейчас эта жизнь казалась ему сном, забвением. Получая знания о мире, он невзлюбил его. Он боялся, что его поступки будут противоречить его мечтам и развеют их. Он чувствовал себя маленькой частичкой этого мира, очень уязвимой, и раздробленной.

Ему было необходимо пройти испытание, и восхождение на утес казалось хорошим испытанием. Никогда больше он не увидит столько прекрасного, что находилось под куполом Агры. Но все страхи, черные Гартимы, сомнения, заложенные в него Агрой, раздробили его душу, внесли туда противоречия, которых он не испытывал, уходя из долины урРу.

У него перед глазами до сих пор стояли картины происшедшего с Гартимами. Казалось, он знает их очень давно и видел в кошмарных снах. Джен все думал, не Агра ли выдала его. Конечно, она не хотела уничтожать свою обсерваторию, и, возможно, ожидала, что они нападут только на Джена. Потом вставал вопрос со стержнем. Дала бы она унести ему стержень? К тому же она боялась Скексисов, пославших, по ее словам, Гартимов. Неужели он тоже боится их?

Огромное количество вопросов роилось в его голове, и ни на один из них Джен не мог найти ответа.

Стержень был у него, но он не имел ни малейшего понятия, что с ним делать.

Небо уже окрасилось предрассветными красками, а Джена мучил один вопрос. Куда ему идти? Если он пойдет дальше в болота, то обратно не выберется. Возвращаться он не смел. Будут ли Гартимы преследовать его постоянно? Сунутся ли они в эти трясины? Огонь не причинил им никакого вреда.

Дневной свет раскрыл перед ним фантастический мир болота. Деревья, переплетаясь с травами и мхом, стелились, как ковер, по болотистой тине. Грибы распростерли свои пышные крылья и, казалось, парили в полете. Из желто-серого пенька кактуса выскочил длинный оранжевый язык и поглотил бабочку. Лужицы какого-то раствора с металлическим блеском сочились из расщелины в расщелину. Это было похоже на лабораторию, в которой развиваются различные эволюционные формы. Джен увидел сверкающих шершней, ринувшихся в яростную атаку на змею с мордой ласки. Они загнали ее в дыру в тине, которая с треском захлопнулась. Он заключил, что шершней использует в качестве охотничьей стаи какое-то чудовище, захороненное в тине. Но какую награду они получают? Пучок цветов, прячась от пчелы, погрузил свои яркие привлекательные бутончики в грязь. На некоторое время, сразу после восхода, воздух, казалось, наполнился свечением, которое сопровождалось колеблющимся треском. Пока оно длилось, некоторые твари грелись в его лучах, — серебристые черви, рыжеватые болотные птицы, оживленные существа, похожие на пачки промасленной бумаги, и клешни маленьких восьминогих животных, покрытых мехом. Другие спрятались в укрытия, боясь этого свечения. Повсюду с ветвей свешивались покрытые волосками губчатые грибки, время от времени выпускающие пупырышки, которые тут же взрывались, оставляя в неподвижном воздухе пыльное облако.

Ничего здесь не казалось мирным. Перед его взором стремительно проносилась цепочка превращений этих хищников, пугающая его своей натуральностью. Джен понимал, что очень скоро он столкнется с неким существом, которое попытается уничтожить его. Ничто здесь не имело долгой жизни. Все здесь было таким ярким, и в то же время насквозь прогнившим.

К тому же он слишком устал, чтобы продолжить путь, но и боялся выйти на открытую местность. Он должен отдохнуть. Что ж, если Гартимы нападут на него здесь, так тому и быть. УрРу учили его смотреть на жизнь — как на свою, так и на все другие — как на колесо судьбы.

Он уселся на пень, надеясь, что тот не оживет, и достал кристальный стержень. Он был зачарован не только игрой света, но чем-то еще — великой мощью, хранившейся в нем, заключенным в него высшим разумом. Конечно, этот минерал обладает свойством соединять колебания звука и света. Об этом он узнал по

сиянию, которое испускал кристалл в ответ на призыв флейты.

Он долго разглядывал кристалл, размышляя, куда ему идти. Скексисы, Великое Слияние, зло, три солнца, Кристалл, судьба, «сделай его целым, «излечи рану в сердце бытия — все эти слова он слышал не один раз, но для него они не имели никакого смысла и не были между собой связаны. Сейчас его положение было более сомнительным, чем тогда, когда он покинул долину. Тогда, по крайней мере, у него была цель: холм Агры. Сейчас у него был стержень и гнетущее подозрение, что его путешествие закончится в замке, о котором говорила Агра.

— Там творятся дела, — так она сказала. Нехорошее предчувствие жгло его сердце смертельным страхом.

Засияет ли снова кристальный стержень? Он отложил стержень, достал флейту и набрал несколько нот. Кристалл засиял мягким светом и отразил все ноты октавой выше, хотя звон был слабее, чем под куполом в обсерватории Агры. Но кроме свечения в стержне появилось что-то еще.

Внутри стержня появилось изображение, так же, как оно сформировалось в сосуде урСу. В кристалле он увидел другой кристалл, сияющий ярче, чем первый. Джен решил, что это игра света. Однако изображение начало двигаться событие: по-видимому, внутренний кристалл испытывал мощное колебание. Призматический ореол света рассеялся по всему стержню. Появился пронзительный звон, и изображение кристалла потемнело. Затем оно исчезло, словно растворившись в кристальных глубинах. Джен так и остался стоять, моргая и пытаясь понять, на самом ли деле он видел это или нет.

Он вспомнил рассказ Агры о стержне — как он был отколот, с огромным шумом, от большого Кристалла, разбитого Скексисами. Если зрение его не обмануло, этот стержень мог обрисовать будущее с помощью нот, которые урСу вызывал в своем воображении. Теперь он окончательно убедился, что нашел ключ к тому, что должен был сделать.

Он спрятал стержень в своей тунике, присел на землю

и закрыл глаза. Он собирался обдумать имеющуюся у него информацию, надеясь, что таким образом он узнает, в каком направлении ему продолжать путешествие.

Внезапно он проснулся и вскочил, не представляя, сколько он проспал. Он озирался и не мог понять, что его разбудило. Может быть, странный шум в трясине? Или ощущение того, что за ним наблюдают? Возможно, шум или тяжелое чувство были частью его сна.

Он снова оглянулся вокруг и поймал чей-то пристальный взгляд из зарослей папоротника. Он поднялся и осторожно раздвинул ветви папоротника. Вокруг ни одной живой души.

Затем он что-то заметил на земле. Это был отпечаток, медленно наполнявшийся грязной водой. Пока он смотрел, вода поднималась и заполнила его.

Джен снова внимательно осмотрел все вокруг. Густые заросли папоротника, корни болотных деревьев могли спрятать кого угодно. Затем он стал осматривать заросли в другом направлении и вдруг отчетливо расслышал звук, как если бы кто-то убегал от него. Судя по звуку и по следу, существо было не очень больших размеров. Чувствуя себя увереннее, он стремительно кинулся туда, где только что видел животное.

Опять никого не оказалось, зато остался след. Следы вели к гнилому, дуплистому стволу. Джен бросился к стволу, поскользнулся и упал. Откуда-то раздались звуки, похожие на его смех. Он напряженно вглядывался в чащу; при этом тело его дрожало от страха. Болото наполнилось звуками.

Он наклонился к стволу и вдруг обнаружил, что на него таращится чудовищная морда, покрытая шерстью. Она издавала угрожающее рычание. Затем она открыла пасть и, обнажив несколько рядов острых зубов, оглушительно заревела.

Джен стремительно отскочил и, поскользнувшись в жиже, сел в яму, полную болотной тины. Он не мог найти опоры для рук или ног, чтобы самостоятельно выбраться из топи.

Снова раздался смех, на этот раз из-за плеча. Он обернулся и увидел за деревом девочку — Гельфлинга.

Она смотрела на него с широкой улыбкой и снова рассмеялась.

Джен осознал всю нелепость своего положения, но был слишком ошеломлен появлением девочки, чтобы отстоять свое достоинство. Он не знал, что ему делать: обращать внимание на ее смех или, наконец, чувствовать что-нибудь другое, кроме удивления. Открытый рот делал его еще более забавным.

Из дуплистого бревна, чередуясь с лаем, раздавалось яростное рычание. Джен озабоченно наблюдал за шерстистым чудовищем.

Девочка посмотрела в направлении его взгляда и свистнула. Из-за бревна показалась морда с оскаленными зубами. Казалось, что ничего, кроме головы, у этого животного не было, — крошечный меховой шарик вместо тела.

— Не бойся Фузгига. Он не причинит тебе вреда. К тому же, он страшный трусишка, — заговорила девочка. И она оглянулась на Фузгига, пытавшегося спрятаться за ее спиной.

— Ты не боишься? — спросила она нежно.

Фузгиг преданно смотрел на нее.

Ничего прекраснее этой девочки Джен в своей жизни не видел: она была прелесна сама по себе и была самым красивым существом среди всего, что окружало его. Ее волосы были длиннее и нежнее, чем его, глаза были больше, а туника была коричневого цвета, ярче, чем его бледно-кремовая. Однако не было никаких сомнений, что она принадлежит к его расе — те же широкие скулы, маленький подбородок и торчащие уши, как у Джена. Наконец он обрел голос и произнес:

— Ты Гельфлинг.

— Да, — ответила она.

— Но... — Джен покачал головой, —я думаю, других Гельфлингов не существует.

— Я тоже.

Они смотрели друг на друга и улыбались, смущенно и радостно.

— Всю жизнь я пряталась в деревне, здесь недалеко. Я жила у Стручкового народа. Меня зовут Кира.

— А я жил в долине с урРу. Это очень далеко отсюда. Меня зовут Джен.

Он попытался встать, но обнаружил, что еще глубже погрузился в грязь. Каждое его движение вызывало новые рычания у Фузгига.

— Кажется, я завяз.

— Держись за мою руку.

Она опустилась на колени на краю ямы и протянула ему руку.

Как только Джен прикоснулся к ней, между ними как бы проскочил электрический разряд и их мысли слились воедино. Поток образов дал каждому из них ясное представление о мыслях и воспоминаниях другого. Это было опьяняющим, освобождающим, еще контролируемым диалогом, излиянием чувств. Образы изменялись и дробились. Детские воспоминания Джена: маленький мальчик, плачущий среди пылающих руин родного дома, черные Гартимы, — уступили место образам Киры. Вот она — запеленатый младенец, спрятанный матерью под корни деревьев, дальше она увидела убегающую мать и пару огромных, костлявых, когтистых лап, схвативших мать и отнявших у нее жизнь, и снова появились черные Гартимы, разрушающие, убивающие, сокрушающие все вокруг.

Переходили не только эти образы: и Кира, и Джен обладали знаниями, которые получали из образа другого, как если бы обмен происходил на уровне речи, один бы говорил и описывал, а другой бы слушал, отвечал и подтверждал эти знания. Между тем ими не было сказано ни слова. Единственной связью были их сцепленные руки.

Джен был подобран под развалинами дома четырехруким урРу. Кира ползла на четвереньках сквозь заросли, пока не была найдена крестьянином, отнесшим ее в свое поселение. Там она была окружена людьми, которые приняли ее с удивлением и в то же время с удовольствием.

Подрастая, Джен плескался в водопадах, учился вырезать руны на черной скале с урСу, который терпеливо исправлял его. Кира качалась в гамаке, питалась тык-

вой, а когда она спрыгнула с высокого дерева, всполошила весь народ.

В пещере Джен помогал урНолу смешивать сухие травы и коренья. УрУтт ткал одежду и показывал Джену, как работает ткацкий станок. Под присмотром урЙода Джен пользовался восьмистопной капителью и, сидя на ладони урСу, учился играть на флейте. Кира изучала растения, вместе с крестьянскими детишками играла с котятами, вечерами пела с ними народные песни и однажды пряталась в болотных растениях, пока Гартимы прочесывали округу.

И далее. Три урРу — Целитель урИм, Писец урАк и Алхимик урТих — учили Джена произносить секретные, священные имена: Тетх, Четх, Заин, Аб и т.д., использовали заклинания, чтобы объяснить Джену значение пентаграммы и четырехугольника, серы и ртути, в то же время его заинтересовал урАмай со своим стремлением соединить различные предметы, что вконец утомило Джена. В образе Киры ее приемная мать Идра учила ее языку Гельфлингов, объясняя ей, что две эти расы жили в неразделимой гармонии, в какой они жили с природой. От Идры она научилась общаться с животными и понимать природу растений. Однако ни Идра, ни другие крестьяне не могли рассказать Кире историю, особенно историю Гельфлингов. Они были глубоко вовлечены в жизнь природы, их понимание времени опиралось на представления о времени года, они вряд ли могли понять концепции изменения мира или переселения душ.

УрЗах учил Джена слушать.

Поток образов неожиданно оборвался. Джен, погружаясь все глубже в трясину, выпустил руку Киры. Жижа доходила ему до подбородка. Он тревожно посмотрел на Киру.

— Все хорошо, — сказала она. — Не надо шевелиться.

Она задрала голову и издала пронзительный высокий клич. В ответ из болотной грязи раздался низкий прерывистый звук. Тревожно озираясь, Джен заметил на поверхности круги, приближающиеся к нему. Он даже

не успел испугаться, как оказался вытянутым из жижи и положенным на землю. Вскочив, он наконец разглядел, что его вытянуло из трясины похожее на гусеницу существо, в три или четыре раза превышающее его размеры. Кира ласково погладила его по морде и заговорила с ним на его языке.

Затем она отвела Джена к пруду с чистой водой и помогла ему отмыться от грязи.

— Как мы смогли рассказать друг другу так много без разговора? — спросил Джен.

— Телепатия, — убежденно ответила она, стряхивая с него капельки воды.

Заметив, что он ничего не понял, она спросила:

— Ты не знаешь о телепатии?

Он покачал головой.

— Хорошо... — начала она, словно объясняла ему что-то.

Затем она улыбнулась и пожала плечами.

— Хорошо, теперь ты знаешь о ней.

— Ты давно пользуешься этим?

— Думаю, всю жизнь, — ответила Кира. — Стручковый народ тоже пользуется телепатией. Меня вырастили эти крестьяне. А твои покровители не использовали ее?

— УрРу? Нет. В любом случае, не со мной. Ты можешь делать это, когда захочешь?

В ответ Кира протянула ему руку. Снизу раздалось рычание.

— Фузгиг, не будь таким ревнивым, — успокоила его Кира. — Это Джен. Он, кажется, такой же, как я.

Она повела Джена по тенистой дорожке через болота. Он заметил, как она ходит: так же, как он, разве что ее походка была более мягкой и грациозной. По пути им встречались разные животные и растения, которые Джен ни разу не встречал. Одно травоядное животное попадалось им довольно часто, похожее на гусеницу, вытянувшую его из трясины. Это были Небри, как объяснила ему Кира, земноводные животные. Их разводили Стручковые люди для получения молока. Когда Небри умирали, их кожа использовалась для барабанов, а клоч-

ки шерсти, росшие у них на мордах и за ушами, употреблялись для шитья одежды Стручковых людей.

Джен вспомнил, что Агра угощала его вкусным сыром Небри. Он должен будет рассказать Кире об Агре, о стержне и о Скексисах и обо всем остальном. Он надеялся сделать это через телепатию.

Фузгиг храбро рычал на безвредных Небри. Когда они поднимали головы и смотрели на него, он снова возвращался на тропинку и следовал за Кирой и Дженом.

В банкетном зале замка Темного Кристалла, обжорствуя, восседали семь Скексисов. В торжестве не участвовали только Камергер, отсутствовавший после своего поражения, и Распорядитель ритуалов, наблюдавший за остальными в аскетическом молчании.

Повелитель Гартимов, сидя на инкрустированном императорском троне, пристально наблюдал за Распорядителем ритуалов. —Что он еще задумал? — постоянно вертелся у него в уме один и тот же вопрос. Может быть, эта невинная блаженная поза предназначена для того, чтобы убедить остальных в своей святости и таким образом утвердить свое право на узурпацию трона при первой возможности? Повелитель Гартимов оглядел остальных и пришел к выводу, что попытка будет бесплодной. Сила, алчность, и беспощадность — только такие качества признавали Скексисы в своем правителе. Повелитель Гартимов протянул руку и выхватил у Казначея почти пустой котел. Он засунул туда голову, дочиста вылизал, а затем отшвырнул в сторону. Он постоянно наблюдал за Распорядителем ритуалов и заметил, что у того на лице промелькнула гримаса отвращения. Хорошо... Теперь все ясно. Возможно, он придумает какую-нибудь хитрость, чтобы обесчестить Распорядителя ритуалов, подорвать его репутацию и достоинство, его необоснованное главенство в церемониальном ритуале. Чем скорее эта ханжеская тварь отправится за Камергером в пустыню, тем безопаснее он будет чувствовать себя на троне.

Рабы внесли блюдо с дымящейся, только что поджаренной тушей Небри. Все семь Скексисов накинулись на блюдо, крякая и расталкивая друг друга, пытаясь схватить самые крупные и жирные куски. И снова Распорядитель ритуалов сдержанно наблюдал за своими прожорливыми собратьями со стороны.

Маленький моллюск, сбежавший с предыдущего блюда, обнаружил себя и попытался убежать по столу. Словно ад взорвался, когда Скексисы стали молотить по столу когтями в погоне за лакомством. Одержал верх Обжора, отправив его в пасть и проглотив целиком с блаженной улыбкой.

Внезапно в банкетный зал с грохотом ворвалась рота Гартимов и остановилась в ожидании. Один из них нес чем-то набитый, извивающийся мешок.

Повелитель Гартимов вытер рот и с удовлетворением посмотрел на мешок. Судя по его размерам, Гартимы поймали не только Гельфлинга, но и несколько рабов из Стручковых людей. Они были бы кстати. Недавно приобретенное положение Верховного Правителя требовало постоянного потребления влии, которая придаст ему больше решительности. К тому же, размышлял он, в чем смысл его стремления к власти, если он не сможет позволить себе иметь все ее атрибуты? Старый император ни в чем не ограничивал себя. Для него рабы были источниками влии, которая сделает его победителем. Вот он — вкус власти!

— Экдидеотон. — Повелитель Гартимов приказал опустить мешок. Они выполнили его приказание, и мешок оказался на полу.

Из него появилась Агра, ругаясь и проклиная своих захватчиков. В ярком освещении зала она сверкала глазом и со злостью терла свои бока.

— Дураки! — она сплюнула. — Скексисы, вы дураки! Каталтонтидзех!

Повелитель Гартимов разинул от удивления рот. Его императорские приказы не могли обсуждаться. Его гордость, как Повелителя Гартимов, была задета.

— Хоутее оо мее Келффинкс, — сказал он наконец; по голосу было видно его замешательство.

— Конечно, я не Гельфлинг! — снова накинулась на него Агра.

Она повернулась к Гартимам и стала осыпать их всевозможной бранью, хотя знала, что это бесполезно, и снова уставилась на Скексисов. С момента ее появления все прервали еду, за исключением двоих: Обжоры и Распорядителя ритуалов, который почувствовал, что сможет стянуть со стола пару кусочков Небри.

— Я доберусь до всех вас своим глазом! — ругалась Агра.

Чтобы сгладить свое унижение, Повелитель Гартимов обрушился на Гартимов с проклятиями и угрозами. Каждый знал, что этот выпад был необоснован. Гартимы были ужасными, но безмолвными инструментами Повелителя Гартимов. Они выполняли то, что им приказывали, действуя без всяких вопросов. Они не делали никаких поблажек. Они были посланы в дом Агры и вернулись с тем, что захватили. Все, чего добился Повелителя Гартимов, — он выставил себя дураком.

Теперь Распорядитель ритуалов перехватил ситуацию в свои руки. Со спокойствием, контрастирующим с вспышкой ярости Повелитель Гартимов, он вплотную подступил к Агре, устрашая ее своей тушей.

— Свалерос Келффинкс, — заявил он.

Агра холодно рассмеялась, зная наверняка, что Гельфлинг опасен для Скексисов. Она знала пророчество. На самом деле она бросила карты и перетасовала их — карты подтвердили его.

По-прежнему спокойный, Распорядитель ритуалов заявил, что Гельфлинг должен быть убит.

— Катафтхеересстхоу.

Поэтому он попросил Агру сказать, где тот находится.

— Пооститок?

— Ушел! Агра взвизгнула и, запрокинув голову, гулко расхохоталась.

— Ушел! Гельфлинг ушел. Он был у меня в доме, этот Гельфлинг. Только дурак не смог бы поймать его там. А что сделали вы? Вы сожгли мой дом.

Агра усмехнулась.

— Гельфлинг ушел. Поррох клет! Сожгли! Разрушили! Испепелили! Планетарий уничтожен. Нет больше планетария — как вы теперь будете делать предсказания, а? А все почему? Потому что вы прислали Гартимов. Тупых Гартимов! Тупицы, тупицы, тупицы! Катаконтидзех!

Она замолкла, раздумывая, в какое смятение придут Скексисы, узнав, что сбежавший Гельфлинг нашел настоящий стержень. В этот момент она была готова пойти на все, чтобы досадить им. Однако засевшая глубоко привычка не говорить все, что она знает, характерная для предсказателей, заставила ее умолкнуть.

Пока она размышляла, Повелитель Гартимов снова утвердил свою власть, отдавая команды. Следя одним глазом за Распорядителем ритуалов, он приказал Ученому и Повелителю рабов увести Агру в Залу Жизни.

— Агра на Ракхаш!

Без планетария она больше не могла принести пользу Скексисам. Он отдал другое приказание Гартимам вернуться в яму.

— Гартим на буллоркхскаунга!

Затем он уселся за стол и продолжил поглощать жареную тушу Небри, делая вид, что ничто его не беспокоит.

Агру обволокли какие-то таинственные щупальцы, и она не смогла сопротивляться.

— Какофронтез! — зарычала она. — Вот вам пророчество. Пророчество Гельфлинга. Гельфлинг доберется до вас, глупые Скексисы. Вы увидите. А Агра знает, когда. Агра знает, что произойдет и когда это будет. О да! Да!

Распорядитель ритуалов ждал своего часа, чтобы разыграть козырную карту. Повелитель Гартимов проглядел один обязательный шаг, который сделает он, и никто не посмеет обвинить его в самонадеянности при таком критическом положении дел.

Он запрокинул голову назад и громко воззвал в сводчатый потолок: — Келффинкс маккун ким.

На выступах, видневшихся из банкетного зала, скучились Кристальные Летучие мыши; в когтях у каждой — шпионский кристалл. По приказу Распорядителя ри-

туалов стая проснулась, и по залу разнесся громкий, пронзительный шум. Одна за другой, они распростерли крылья и вылетели в окно, растворяясь в багровых сумерках. Обычно в их функцию входило облетать все земли, возвращаясь в замок с информацией, через которую Скексисы получали широкое представление об истязаемом ими мире; на этот раз команда была особой:

— Найти Гельфлинга.

Они разлетелись в разных направлениях, хлопая крыльями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В СТРАНЕ ВЕСЕЛЬЯ

Кира привела Джена через болота к берегу реки. Широкая река медленно несла свои воды, но самым удивительным был ее черный, как вороново крыло, цвет. Она журчала и полыхала в лучах восходящих солнц, как полированная медь. Джен опустился на колени и набрал пригоршню воды: может быть, она насыщена болотной грязью. Нет, вода была черной. Она стекла между пальцами, не оставив осадка.

Он посмотрел через плечо на Киру и признался ей в своем страхе перед черным цветом.

Та кивнула.

— Знаю. Я тоже испытывала этот страх. Гартимы, не так ли?

— Думаю, так, — ответил Джен. — Я никогда не знал, почему.

— А сейчас ты снова увидел их и спасся.

Джен печально улыбнулся.

— Ты думаешь, я должен побороть свой страх?

— Я поборола свой.

В голосе Киры слышался вызов. Затем она опустилась на колени и обняла его за шею.

— Именно благодаря этой реке. Я люблю ее. Ты узнаешь, за что. Пойдем.

И она повела его вдоль берега.

Конечно, она права. Он не может провести всю оставшуюся жизнь в страхе перед цветом. А в страхе перед такими существами, как Гартимы, нет ничего стыдного. Только дурак может быть неосторожным с ними да и то долго не проживет. Но черный цвет был цветом неба между звездами, цветом сгоревшего посоха, ворон, его закрытых век во время сна, и необязательно все черное должно служить делам власти тьмы. Она сказала, что любит эту реку, сейчас он узнает, почему. Джен доверял Кире. При обмене мыслями он рассказал ей о том времени, когда мечтал у водопадов об обществе другого Гельфлинга. Она тоже одинока. Теперь они должны доверять друг другу, иначе мир, измененный их случайным знакомством, станет бессмысленным, или миром минувшего, пустым местом.

На берегу лежала ракушка, панцирь мертвого жука. Кира столкнула его в воду, и Фузгиг устроился в ней, чувствуя себя как дома. Кира тоже залезла в лодку и снова сказала: — Пойдем.

Когда Джен взобрался, Кира оттолкнула лодку от берега шестом, лежавшим в лодке.

Они поплыли по черной реке, мягко покачиваясь, несомые течением. Они миновали болота и вышли в пространство между низкими утесами, с вершин которых свешивались деревья, образуя арку. Кира лежала, окунув руку в воду. Джен тоже расслабился, убаюканный движением лодки.

Внезапно он осознал, что повсюду вокруг них разносится какой-то звук. Он был похож на хоровой напев, достаточно тихий, чтобы упустить его, пока он не расслабился. Джен стал рассматривать берега, пытаясь уловить, от чего происходит звук.

Кира заметила и улыбнулась.

— Ты никогда не слышал подобное.

— Нет, никогда. Что это? Откуда он раздается? — спросил Джен.

Она не ответила Вместо этого она начала петь —

напев без слов. Она вывела долгий мелодичный мотив почти закрытым ртом. Мелодия показалась Джену старой и знакомой, в ней и не было нот, которым учил его урСу. В соединении ее голоса с мелодией была грусть, переходящая в одобрение и удивление. Джен не осмеливался даже вздохнуть от такой красоты. Он приготовился ответить. Когда мотив иссяк и она приготовилась начать другой, он поднял флейту и заиграл контрапункт к ее песне. Даже во время игры он мог слышать звуки вокруг них, которые сливались в единой гармонии. Фузгиг прекратил паясничать и через борт смотрел на свое отражение в черной воде.

— Теперь ты знаешь? — спросила Кира. — Ты знаешь, откуда раздаются эти звуки?

Джен беспомощно развел руками.

— Я ...кажется, они идут отовсюду, от деревьев и от реки, и ...нет, не знаю.

Кира рассмеялась.

— Посмотри, тот мох звенит. Прислушайся.

Джен прислушался и услышал.

— А эти деревья... Похоже на свист. Видишь, гребешки на воде. Прислушайся к ним, Джен. Ты всегда должен слушать и всегда сможешь услышать музыку. Ты можешь услышать музыку в журчании воды. А музыка, которую играем мы — лишь часть этой. Теперь ты понял, почему я люблю эту реку?

Вместо ответа Джен поднял флейту и заиграл очень внимательно, словно присоединился к хору. Кира, выждав немного, подстроилась под него, на этот раз более низким голосом, в унисон.

Лодка медленно повернулась в нежных объятиях реки, и течение понесло ее в сумерки, а они слили свою мелодию с этой вечной мелодией, которая играла здесь даже без них.

Джен вспомнил все, чему научил его хорист урСол, и был рад, что обладает мастерством, и с тех пор у него появилась возможность улучшить, совершенствовать его; но урСол ничего не говорил ему о том, что музыка может быть свободной, несочиненной.

Теперь Джен мог уловить большее количество зву-

ков, доносящихся до него с берегов: легкий звон колокольчиков, более глубокий, раскатистый звук гонга и пение птиц. Ничего здесь не было расстроенным.

Низко на горизонте солнца отбрасывали блики розового цвета на поверхность черной реки. Кира пела свою мелодию. Казалось, мелодия не изменяется и всегда остается одинаковой, но с каждым новым вдохом изменялись интервалы и тембры, и мелодия приобретала новое звучание. Джен продолжал подыгрывать. Он подумал, что лучшего места до конца жизни ему не найти. Даже если бы лодка медленно ушла под воду, он бы не обратил на это внимание.

Внезапно Фузгиг прервал их своим лаем. Кира всмотрелась в небо, толкнула Джена на дно лодки и сама неподвижно легла рядом, закрыв голову.

— Что случилось? — встревоженно спросил Джен.

Она ответила шепотом: — Там, наверху. Кристальная Летучая мышь. Не двигайся.

— Что?

— Объясню позже.

— Шпионский кристалл? Кто-то говорил мне о нем.

— Точно. Стручковые люди называют их Кристальными Летучими мышами.

— Откуда ты знаешь, что это?

— Я заметила вспышку света в ее когтях.

Кира что-то доставала из поясной сумочки. Затем она встала. Над головой она раскручивала ремень с двумя гирьками на его концах. Когда она отпустила его, он со свистом взлетел в воздух прямо у них над головами. Затем раздался звук удара, хлопающий звук и брызги. Еще больше брызг. Затем тишина.

— Я сбила ее, — сказала Кира. Она не ликовала — просто констатировала факт.

Джен был напуган.

— И много здесь таких?

— Каждый раз все больше и больше, — ответила она. — И то, что видят они — видят Скексисы.

— Как ты научилась сбивать их?

— Меня научили Стручковые люди из моей деревни. Они сами должны были научиться этому для самозащиты. В противном случае они были бы до сих пор в рабстве. Во многих других деревнях Стручковые люди были захвачены в рабство. Летучие мыши — единственные создания, которых они убивают. И, конечно, Скексисы и их Гартимы. Другого выхода у них нет.

— Ты думаешь, что шпионский кристалл нас не заметил?

— Не знаю. Думаю, что нет. Если бы заметил, мышь пролетела бы рядом. Кажется, она не пролетала, не так ли? — Кира вздохнула. — Что я должна была сделать — это убедиться, что она мертва. При дневном свете я могла бы. Сейчас мы можем только надеяться.

Пока они плыли дальше, Джен рассказал Кире о кристальном стержне, об отрывочных и бессвязных словах поручения, которое дали ему сначала урСу затем урЗах, и обо всем, что произошло в доме Агры. Он достал из туники кристальный стержень, чтобы показать его ей. Стержень мерцал в сумеречном свете.

— Я знаю, что мне... необходимо что-то сделать со Скексисами. Хотя, не знаю, что. И не знаю, кто расскажет мне об этом.

А у них за спиной, выше по течению, из грязи вылезла Кристальная Летучая мышь, стряхнула с себя тину и, осторожно выглянув на поверхность, заскользила по их следу в черной воде.

Далеко от реки заделывали свои пещеры урРу. Наконец, пришло время оставить долину. Длинная процессия, возглавляемая урЗахом, вытянувшись в цепочку, в своих пыльных одеяниях, восходила по спиральной тропинке и начала пересекать равнину.

Фузгиг первым почувствовал, что лодка приближается к деревне. Он встревожился и тихонько заскулил. Джен вглядывался вниз по течению. Вскоре он услышал голоса и увидел огоньки. Затем Кира, орудуя шестом, причалила раковину жука к берегу. Фузгиг спрыгнул на землю, и два Гельфлинга, вытащив лодку на песок, последовали за ним.

Было слишком темно, чтобы они могли заметить, как

Кристальная Летучая мышь парила совсем близко чуть выше по течению, запечатлевая на кристалле каждое их движение.

Они прокладывали себе путь сквозь густые заросли чащи, когда неожиданно перед ними выросли два Стручковых человека, угрожающе держа наперевес заточенные колья.

— Все в порядке, — быстро выкрикнула Кира на языке Стручкового народа. — Это я, Кира. Со мной друг.

Стражники тотчас же опустили колья и подбежали, чтобы приветствовать Киру. Джен, конечно, озадачил их, но они поверили Кире на слово.

Следуя за стражниками, Джен и Кира вышли из кустов на поляну. В центре стояло несколько домов. Выпуклый каркас каждого дома был сделан из семени какого-либо гигантского стручкового растения, расколотого посередине и поставленного вертикально на землю, образуя таким образом бороздчатый купол. Проемы для дверей, окон и дымовых труб вырезаны и обделаны деревом. В окнах каждого дома сиял гостеприимный огонек. Везде можно было увидеть снующих туда-сюда людей, внутри домов и между ними.

Несмотря на сумеречную завесу, Джен узнал это место из описания Киры во время обмена образами. Это был ее дом, и здесь жил Стручковый народ. Когда она взяла его за руку, чтобы ввести в деревню, он уже знал, что самый большой из длинных домов был местом ее обитания.

Фузгиг, весело лая, несся впереди них. Крестьяне подняли головы, вглядываясь в сумерки. Увидев Киру, они подбежали, чтобы приветствовать ее, радостно тараторя на своем языке. Затем они смолкли и, колеблясь, собрались, стоя в замешательстве.

— Увидев тебя, они не могут поверить своим глазам, — сказала Кира.

— Они рады мне?

— О, да. Они же видят, что я счастлива с тобой.

Из самого большого дома выбежала старая женщина

и направилась к остальным. Она протянула руки и обняла Киру.

И снова Джен знал, кто это: Идра, приемная мать Киры. Однако он чувствовал, что должен подождать, пока его не представят. Из-за этой телепатии могли возникнуть щекотливые вопросы.

Кира представила его, и Идра приветствовала Джена теплой улыбкой, однако она была смущена не меньше, чем они оба во время своей первой встречи в болоте. После Агры, затем Киры, а теперь Идры Джен понял, что весь мир считал, что на Зра остался только один Гельфлинг. Если их уже двое, неужели не найдется больше ни один Гельфлинг в каком-нибудь уголке планеты? Эта мысль приводила его в трепет.

На пороге большого дома Гельфлинга обступили Стручковые люди. Его пригласили в дом и предложили подержать листья, коренья, фрукты и ветки. Затем ему предложили бросить их по очереди на землю, чтобы по образовавшейся фигуре сделать предсказание. Пока все веселились, Джен надеялся, что перспективы будут обнадеживающими. Переступив через порог, он снова был остановлен — ему предложили пожевать семя и выпить тыквенный напиток. Стручковых людей развеселило, как жадно он пьет из гостевой чаши. На самом деле он ужасно проголодался.

Он видел, что ждать остается недолго. В единственной комнате под Стручковой крышей дымились кастрюли с супом, а длинный стол был уставлен блюдами с сыром и овощами, яйцами, семенами, речными кореньями и ягодами, сосудами с напитком и молоком. Люди продолжали петь и во время приготовления пира. Джен подумал, что, может быть, его приход совпал с праздничным ужином. Нет, Кира ему объяснила, что подобное происходит в деревне каждую ночь. А почему должно быть иначе? Простые, натуральные продукты поставляются в изобилии, и засухи тут не бывает.

В дополнение к счастью, которое Джен испытывал от аромата вкусной пищи и приятного общества Киры, он испытал удовольствие еще от одного факта: он был на голову выше всех Стручковых людей. Для него это было

неожиданным после детских лет, проведенных среди урРу. Он по-настоящему почувствовал себя гигантом, когда заглянул в колыбельки крошечных детей Стручкового народа.

Идра пригласила Джена идти за собой. Она провела его во главу стола, где стояли два стула с подлокотниками. Она подтолкнула Джена к одному из них. Он посмотрел на Киру.

— Садись, — сказала она, — сегодня ты у нас почетный гость.

— Сядь рядом со мной, — попросил Джен.

— Хорошо.

Улыбаясь, они уселись. К ним присоединились Стручковые люди, рассевшись на скамьях, расставленных вдоль длинного стола. Маленький оркестр заиграл веселую мелодию на трубах и тыквенных барабанах. Пока повара подавали суп, дом заполнился веселым гвалтом и смехом. Джен посмотрел на Киру и подумал, что никогда в жизни не был так счастлив. Ей не нужно было брать его за руку, чтобы убедиться, что она испытывает те же чувства.

Стараясь не показывать свой голод, Джен приступил к еде. Стручковые люди ждали, когда представится возможность побольше узнать о Джене. Джен постарался рассказать о себе немного с помощью Киры, как переводчика, вставляя некоторые слова, которые он услышал здесь. Оказалось, что они никогда не слышали об урРу. Когда Джен начал описывать их, Стручковые люди были напуганы.

— Шкекше? — спросил один из них.

Джен утвердительно кивнул головой. Тогда Кира объяснила им, что УрРу действительно такие же огромные, как Скексисы, но в отличие от них миролюбивая раса. Немного успокоившись, Стручковые люди закивали.

Он вытащил кристальный стержень и показал его Стручковым людям. Хотя он им очень понравился, для них он не имел никакого значения. Джен был разочарован. Он надеялся, что они дадут ему какой-нибудь ключ к его миссии, которую, как предполагалось, он завершит здесь.

Между разговорами, едой и питьем он разглядывал обстановку дома. Он был обставлен совершенно просто. Ничего декоративного; все предназначено для нужд. Мебель была основательной. Стулья, столы, тарелки и ложки были сделаны из дерева, и было видно, что хозяевам они служат давно.

Вечер был в разгаре, музыка заиграла быстрее и громче, и вскоре некоторые крестьяне стали танцевать под нее. Джен был очарован. Ничего похожего ему не приходилось видеть. Сначала танцующие энергично подпрыгивали в одиночку. Затем они сцепили руки, образовав круг по четыре или пять человек, закружились в танце. Постепенно образовалось несколько кругов, которые объединились в один большой, прыгающий круг. Когда музыка достигла кульминационной точки, звон на мгновение прервался и танцующие образовали спираль. В конце они построились в две линии друг против друга и стали прыгать настолько энергично, что стены старого дома сотрясались.

— Для чего все это? — спросил Джен.

— Танец? — отозвалась Кира.

— Да.

— Вот забавный вопрос. Я не думаю, что он существует для чего-то. Это просто веселье.

Джен кивнул, так ничего не поняв.

— Ты умеешь танцевать, Джен? — поинтересовалась Кира. —Тело должно петь вместе с тобой.

— Не знаю. Он покачал головой. — УрРу ничего не говорили мне о танцах.

После короткой паузы оркестр заиграл еще более буйно, чем прежде.

Из поясной сумочки она достала длинную веревку и сняла кошачью колыбель. Затем она перенесла ее на пальцы Джена, вытянула петли и снова забрала себе, затем опять перевела на его пальцы, делая с каждым разом ее все сложнее. Стручковые люди смотрели на них со светящимися лицами. Фузгиг заснул у ног Киры.

Джен смотрел, как Кира задумчиво сдвинула брови, работая над кошачьей колыбелью.

— Как долго мы сможем оставаться здесь? — спросил он.

— Столько, сколько захотим, — ответила она, вытянув еще две петли.

— Я не хочу уходить.

Она остановилась и посмотрела на него.

— А как же кристальный стержень?

Джен закрыл глаза.

— Что бы я ни должен был с ним сделать, я никогда не буду счастлив, как здесь. С тобой.

Один из крестьян улыбнулся и, наклонившись к Джену, спросил: — Лиепа Кира? Стоявшие вокруг услышали это и захихикали.

— Что он сказал?

Кира улыбнулась, но ничего не ответила.

Фузгиг проснулся и стал напряженно вслушиваться. Он тихонько зарычал.

Кира ласково посмотрела на него и почесала у него за ушами.

— Кажется, Фузгиг сейчас тебя ие одобряет, — она улыбнулась.

Затем выражение ее лица стало более серьезным.

— Джен, это случилось только потому, что ты страстно желал, чтобы мы когда-нибудь встретились. Это само по себе придаст тебе мужества продолжить то, что ты начал.

Фузгиг снова зарычал, теперь более громко.

Джен как раз обдумывал замечание Киры, когда оркестр заиграл. Идра подошла к столу и пригласила Джена на танец.

— Пойдем, — предложила она. — Потом ты должен еще поесть.

Джен смущенно улыбнулся.

— Неужели так заметно, как я голоден?

Он встал. Идра взяла его за руку и повела на площадку, где уже танцевали несколько Стручковых людей. Все захлопали, увидев, что Джен встал.

Ведомый Идрой, он обнаружил, что у него нет никаких заминок в шагах и прыжках с изменением ритма, вверх и вниз, и кругом. Те, кто не танцевал, столпились

и смотрели на танцующих, радовались, отбивали такт и расбрасывали семечки и ароматные лепестки.

Идра запела песню без слов, более ритмичную версию той, что пела Кира в лодке на черной реке. Джен, в свою очередь, подыгрывал ей на флейте под аккомпанемент оркестра.

Вскоре к танцующим присоединились все остальные. Джен заметил, что только Кира осталась за столом. Кошачья колыбель все еще была у нее на пальцах, однако она не обращала на нее никакого внимания. Она вытянула голову, словно пыталась услышать какие-то звуки за стенами этой грохочущей комнаты.

В оживленном праздновании своего счастья Стручковые люди исступленно кричали, хлопали и топали ногами. В этом оглушительном грохоте никто не услышал громкого лая Фузгига.

Вдруг комната наполнилась отвратительным скрежетом, и одна стена дома обрушилась прямо вовнутрь. Обломки посыпались на танцующих.

В стене появилась огромная дыра, сквозь которую пролезла черная клешня. Она замерла на мгновение, затем расширила брешь. В ней появился Гартим. За ним залезали другие.

В комнате воцарилась паника, и Стручковые люди кинулись врассыпную, сокрушая мебель и крича в ужасе. Некоторые спасались через дверь или окна. Другие попались Гартимам и были раздавлены их клешнями до смерти. Остальных хватали за голову, за ногу или за руку и сажали в клетки, прикрепленные к спинам Гартимов. В этом хаосе разрушения и смерти Джен отчаянно пробирался к столу, за которым он сидел с Кирой. Стол был опрокинут, а за ним спрятались Кира и Фузгиг. Рядом валялась кошачья колыбель, теперь просто пучок спутанных ниток.

Джен лег рядом с ними.

— Они пришли за нами, — выдохнул он.

Кира кивнула. — Летучая мышь с кристаллом, там, на реке.

Джен выглянул из-за стола. Вскоре руины дома занялись огнем, и сквозь клубы густого дыма Джен увидел

одного из Гартимов, возвышавшегося почти рядом с ними, раскидывавшего все, что стояло на его пути. Джен встал в защитную позу, закрыв собою Киру. Он достал из туники кристальный стержень, единственное, что он мог использовать, как оружие. Он схватил его как кинжал.

Гартим уже возвышался над ним, его раскрытая клешня опустилась и схватила его за руку. Свободной рукой Джен дико ударял по черному предмету. Стержень пробил клешню Гартима, и в тот же миг издал глубокий резонирующий звук. Этот звук разнесся по всей планете Зра. Далеко, на равнине, он достиг слуха урРу. Они остановились и подняли свои старческие головы, прислушиваясь.

Гартим ослабил хватку и отодвинулся от Джена, скрывшись в густом дыму. Однако на его месте возник другой, сминая опрокинутый стол. Услышав звон стержня, все Гартимы окружили добычу. Отразив их атаку, Джен понимал, что они слишком велики, и каждое их нападение оставит ему тяжелые раны прежде, чем он сумеет оправиться. Рано или поздно они убьют сначала его, а затем Киру. Раненая рука была почти бесполезна. Она безжизненно свисала болело плечо. Туника была залита кровью.

Он почувствовал прикосновение на руке, в которой сжимал стержень — это была рука Киры. Она говорила ему о пути к двери через пелену дыма, она говорила ему о лесной чаще, она говорила ему о свободе.

Держась за руки, они стали ползком пробираться к двери, скрытые толстыми клубами дыма. Фузгиг держался за Киру. Они проползли в нескольких дюймах от Гартима, который, как всякое зрячее существо, был ослеплен дымом, хотя для огня был недосягаем. На своих массивных, толстых ногах растерянно бродили по комнате, двигаясь к опрокинутому столу, без разбора ломая все, что находилось у них на пути. Пол представлял собой месиво из крови и трупов, обломков, остатков пищи и разбитой посуды.

Гельфлинги уже были у дверей, как перед ними вырос Гартим. В дыму они могли разглядеть только нижнюю

часть его туловища. Вскоре он удалился в поисках свежего воздуха, проламывая себе дорогу сквозь стену дома. Джен с Кирой выжидали, чтобы посмотреть, куда он повернет, затем выскользнули из дома у него за спиной.

Им представилась картина опустошения. От каждого дома в деревне поднимался дым. Все они были разрушены Гартимами в их целенаправленной погоне за Гельфлингами. В ночном воздухе раздавались отчаянные крики пойманных Стручковых людей.

У Джена и Киры не было времени останавливаться и смотреть в ту сторону. Они вбежали в низкие заросли на окраине леса, однако сделали это недостаточно быстро. Один из Гартимов заметил их. Они слышали за собой его тяжелое дыхание и клацанье; расстояние стремительно сокращалось. Они продолжали убегать, хотя знали, что это безнадежно. Каждую секунду они ждали, что сзади их схватит огромная клешня, ломая кости и сминая тело. Джен крепко ухватился за стержень. Он решил биться до последнего вздоха.

Внезапно из темной полосы деревьев, где начинался лес, появилось существо, еще более ужасающее, чем Гартимы, разглядывая их своими холодными рептильими глазами. Как только чудовище приблизилось к ним, Кира завизжала, а Фузгиг залился лаем.

Это был Камергер в своих лохмотьях. Он стоял так, словно приготовился схватить их.

Продолжая бежать, они свернули влево, продираясь сквозь заросли, вдоль окраины леса. Однако по знаку Камергера Гартим остановился в двух шагах от них. Скексис повторил его, и Гартим, колеблясь, повернулся и направился в сторону разгромленной деревни.

Когда Джен и Кира осознали, что шум погони прекратился, они сделали привал, совсем выдохшись. Оглянувшись, они с удивлением заметили, что Гартим продолжает идти к своему отряду. Они увидели развалины Кириного дома, разрушенные дома остальных обитателей деревни, огромные тени Гартимов, подбирающих клешнями пронзительно кричащих Стручковых людей. Еще они увидели, что это существо, в небольшом

отдалении в зарослях, смотрит на них, вытянув свою длинную шею. Оно подало им какой-то знак, но их преследовать не собиралось.

Изможденные, они вошли в лес. И все время, пока они продирались сквозь подлесок, заросли папоротников и кустов, у них в ушах стояли душераздирающие вопли жителей деревни, оставленной ими.

Кира плакала.

— Там был мой дом, — рыдала она. — Я выросла среди этих людей. В этом доме. А сейчас он... Я видела Идру. Они схватили ее за волосы и швырнули в мешок. Как кочан капусты. Старую женщину. Эти Гартимы... Ох, Джен...

Джен ничего не ответил. Он обнял здоровой рукой ее за плечи, — самое уместное, что он мог сейчас сделать, — но не мог ничего придумать в ответ. Он встретил Киру, потому что искал этой встречи. Вот что она сказала. Из-за него вырезали жителей деревни. Этого она не должна была говорить.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ДОМАХ СТАРЦЕВ

В лесу Кира была как дома. Часто играя здесь в детстве, она знала все тропинки и просеки. Она сказала Джену, пусть он следует за ней. Она найдет дорогу даже темной ночью к мягкому песчаному берегу, где есть тихое, безопасное местечко — там можно будет поспать. Она сказала, что это недалеко. Изможденные, потрясенные увиденным кошмаром, они оба нуждались в хорошем сне. К тому же рука Джена, хотя и перестала кровоточить, отзывалась болью на каждом шагу. Кира обещала вылечить ее мхом, который использовали Стручковые люди. Его много в лесу.

Мысли Джена были заняты предшествующими событиями. Джен чувствовал себя совершенно разбитым и был рад, что находится в обществе Киры. Хотя эта ночь была более мучительной для нее, она относилась к тем людям, которые находили в себе мужество сохранять спокойствие и делать то, что необходимо, в самой сложной обстановке.

Они все глубже забирались в лес; их кожа была исцарапана ежевичными колючками. Под деревьями в темноте могла затаиться любая тварь.

— Уже недалеко, — сказала Кира обнадеживающе.

Джен безуспешно пытался не замечать боли в руке. Никогда ранее ему не приходилось переносить такой муки. Каждый раз, как его правая нога ступала на землю, эту часть тела пронизывала страшная боль. Когда они достигли берега, о котором упоминала Кира, Джен опустился на землю со стоном облегчения. Он почти заснул к тому времени, как Кира нарвала целительный мох и, воспользовавшись стержнем, срезала его. Затем она обложила его руку стебельками мха.

— Ты думаешь, здесь мы действительно в безопасности?! — спросил Джен слабым голосом.

Кира ловко и бережно обрабатывала его руку.

— Хорошо, — наконец сказала она. —Надеюсь, Летучие мыши не смогут разглядеть нас среди деревьев.

Лежа лицом к небу, освещенному бледным лунным светом, Джен мог убедиться, что она была права. Хотя они расположились на просеке, верхние ветви деревьев сомкнулись над ними, как сплетенные пальцы. За спиной были заросли папоротника, через который они проложили себе путь. Через просеку перед ними тянулся край низкого утеса, образуя горизонтальный срез бледного неба. Определенно, они находились в уединенном и скрытом месте. Но сейчас они опасались не Кристальных Летучих мышей и даже не Гартимов, чье появление те предвещали. Нет, сейчас у них на уме было то странное ужасное создание, появившееся из леса прямо перед ними, когда они спасались бегством.

В то же время Джен инстинктивно понял, кто это был. Чтобы убедиться в своих подозрениях, он спросил у Киры: — То чудовище, которое пыталось остановить нас — это был Скексис, не так ли?

Кира нежно наложила последнюю повязку из мха и закрепила это приспособление, завязав узлами стебельки.

— Да, — тихо сказала она. — Я уверена, что это был он. Я не видела ни одного Скексиса, с тех пор как они убили мою мать, — тогда я была младенцем — но у них были такие же когти. Кроме того, мне их показывали некоторые Стручковые люди при обмене образами. Да.

Джен вздохнул и улегся на спину, рассматривая в небе перья облаков между ветвями. Его чувства к Скексисам были неоднозначны. В некотором роде он испытывал облегчение. Если бы ему сказали, что существо, вызвавшее у него отвращение — не Скексис и что ему еще придется встретиться со Скексисами, уже сама мысль о том, чтобы жить в этом мире, столь непохожем на долину урРу, вызвала у него отчаяние. И еще, если он будет настойчиво продолжать поиски, обязательно появятся признаки того, что встреча со Скексисами неизбежна, и он буде вынужден противостоять большому — сколько же их будет? — количеству таких же страшных тварей, как та, что он уже видел. Что может противопоставить Гельфлинг противникам с таким ужасным обликом и таким огромным? Затем он понял, почему его чувства были двусмысленны — своими огромными размерами этот Скексис смутно напоминал кого-то, выросшего среди урРу.

— Ты думаешь, он пойдет за нами? — спросил Джен.

— Что-то непохоже, что он собирался сделать это, — ответила Кира. —Стручковые люди говорили, что Скексисы всегда используют для охоты Гартимов, потому что сами в этом деле не очень разбираются. Нет, я думаю, они снова вышлют на разведку Кристальную Летучую мышь.

— Поэтому мы должны оставаться в лесу и постоянно находиться в укрытии деревьев, — ответил Джен.

— Что, навсегда?

— Если необходимо, — Джен посмотрел на нее. —Как ты думаешь?

— Рано или поздно они все равно найдут нас, — Кира пожала плечами. — В любом случае.

Она вернула стержень Джену. Он взял его и устало посмотрел на него.

— Да, — вздохнул он, — что делать с этим? Из-за него разгромили твою деревню. Я ненавижу его.

Он сел, размахнулся и выбросил стержень. Они услышали, как он упал в листья в другом конце просеки.

Фузгиг собрался было кинуться за ним, но было слишком темно, и он передумал.

— Вещи не могут нести ответственность за что-либо, — заметила Кира. — Ответственность несут только те, кто использует их.

Джену стало стыдно. Он промолчал.

Кира уселась рядом с ним.

— Джен, — сказала она, — я знаю, что ты чувствуешь. В том, что произошло, нет твоей вины.

— Не будь меня, это бы не произошло.

— Это не одно и то же. С таким же успехом ты мог бы сказать, что это бы не произошло, если бы не я. Если бы я не встретила тебя на болоте или если бы я убежала — кстати, я на самом деле собиралась убежать — деревня не была бы уничтожена. По крайней мере, не сегодня. Но в конце концов Скексисы и Гартимы будут править так же, как и раньше, и в любое время они могли бы обнаружить и уничтожить любую деревню. Ты, наверное, знаешь, они приходят и хватают Стручковых людей, чтобы превратить их в рабов.

— А как же Гельфлинги? Они уничтожили весь наш народ?

— Мне всегда твердили то же самое, — но за исключением меня. Стручковые люди прятали меня и научили меня прятаться. А сейчас появился ты.

— Как ты думаешь, почему Скексис отослал Гартима прочь, когда тот был уже в нескольких шагах от меня и мог убить меня?

— Не знаю.

— Похоже, Скексис хотел спасти нас.

Кира грустно рассмеялась.

— Не могу поверить в это. Стручковые люди всегда говорили, что Скексисы никогда ни о чем, кроме себя, не беспокоятся.

— Предположим, они говорили это, потому что Скексисы постоянно тиранили их. Предположим, Скексисы относятся к Гельфлингам лучше.

— Я видела, как один из них убил мою мать.

— Да, — сказал Джен печально. — Теперь я не сомневаюсь, за кем пришли Гартимы.

— Нет, ты ошибаешься.

Джен закрыл глаза и стал обдумывать разговор. Вскоре его мысли стали одна за другой затухать, и он погрузился в глубокий сон. Кира легла рядом с ним и тоже заснула. И только луна беззвучно освещала их лица.

Джен проснулся от дневного света, и первое, что он увидел, было улыбающееся лицо Киры. Голова его покоилась на ее коленях.

— Где мы?

— Мы в безопасности.

— Как приятно это слышать в момент пробуждения!

Джен улыбнулся ей и сел. Пощупав руку, он вздрогнул.

— Как рука? — спросила Кира.

Джен осторожно пошевелил рукой вперед и назад.

— Уже лучше, — заявил он. — Думаю, намного лучше. Хотя иногда побаливает.

— Тогда не снимай повязку.

Джен осмотрел свою руку, покрытую зеленью, и усмехнулся. Затем он встал и взглянул на просеку. Фузгиг встал рядом и стал возиться в цветах.

— Ты спала? — спросил Джен.

— Конечно.

— С головой на коленях?

— Ты немного стонал, но это не помешало мне заснуть. Даже наоборот.

— Что это? — Джен пристально смотрел в другой конец просеки. То, что в темноте они приняли за рай низкого утеса, казалось фасадом развалившегося строения.

— Это дом Старцев.

— Старцев? — переспросил Джен удивленно. Его охватило странное чувство сродства с этим домом. — Кто они?

Кира пожала плечами.

— Не знаю. Так их называли Стручковые люди.

Казалось, она не хочет говорить об этом.

— Ты когда-нибудь видела их?

— Нет. Не думаю, что там кто-то живет.

Джен уже шел по направлению к разрушенному дверному проему. Он был очарован этими развалинами, где, как он убедился сейчас, был не один дом. Сквозь дверной проем он увидел другие стены и дворики. Камни были прекрасно отделаны, там и здесь виднелась резьба. Полы, там, где они не были засыпаны обломками провалившейся вовнутрь крыши, были, очевидно, изразцовыми.

— Джен, не входи! — голос Киры неожиданно стал напряженным.

— Почему?

— Мне не разрешали заходить сюда. Никогда.

— Но почему? В чем же опасность?

— Не знаю. Тебе на голову может обвалиться кровля. Стручковые люди никогда не входили вовнутрь. Однажды здесь произошло ужасное. Скексисы убили Старцев. Джен!

— Я должен, — Джен подразумевал именно то, что он сказал. В эти развалины его толкало не простое любопытство, а необъяснимое сродство с этим местом, которое он внезапно почувствовал. Он не мог понять, откуда у него это чувство. Его тянуло вовнутрь — это все, что он знал.

И словно в подтверждение его импульса, в листьях у порога лежал стержень, показывая острием в сторону развалин, как стрелка компаса. Джен колебался с секунду, затем решил не подбирать стержень. Он отложил это на потом. Он переступил через порог.

Джен оглянулся и посмотрел на Киру.

— Пойдем, — сказал он и протянул руку.

Она смотрела на него с сомнением и беспокойством.

Он повторил более настойчиво: — Пойдем, Кира. Мы должны посмотреть, что там внутри.

Слегка пожав плечами, кусая губы, она пересекла просеку. У порога она остановилась.

— Я боюсь, — забормотала она про себя, почти извиняясь.

Джен уже не слышал ее. Он повернулся и зашагал по развалинам.

Кира тоже заметила в траве стержень. Она подобрала его и положила в поясную сумочку. Затем, подозвав Фузгига и крепко вцепившись в него, она вошла в разрушенное строение вслед за Дженом.

Все, что Джен увидел, восхищало его своими пропорциями, мастерством отделки, искусностью украшения. Строения, хотя и были разрушены, обладали каким-то достоинством, благородством линий. Он шел по коридору, затем завернул в правое крыло. Дверные проемы открывали взору маленькие залы, где не осталось ни следа обстановки. Казалось, крыша покрыта чем-то растительным, возможно, ветвями, о чем можно было судить по остаткам мертвого дерева и прогнивших, истлевших листьев на полу. Кровля состояла из нескольких балок, да и то они сохранились в немногих местах. Пол повсюду был покрыт терракотовой плиткой. На некоторых плитках сохранились следы орнамента, но их было недостаточно, чтобы определить значение огромного узора. Окон было много. Во многих местах над перемычками окон и дверей стена была разрушена и напоминала собой амбразуры. Сквозь полы и стены начали прорастать кусты и трава; повсюду висела паутина.

Открытая арка за следующим поворотом вела в большую и светлую комнату, которую увидел Джен в самом начале. На стенах висели остатки некогда роскошно отделанного гобелена, превратившегося теперь в лохмотья. Самым потрясающим был стул удивительной овальной формы, расположенный у середины длинной стены. По размерам он прекрасно подходил Джену. Войдя в комнату, Кира застала его за чисткой этого стула от сгнивших листьев, плесени и паутины.

Когда он смел и выбросил эти наслоения времени, он обнаружил, что перед ним стоит скорее не стул, а трон. Казалось, он высечен из цельного материала, возможно, мрамора. Нет, он был сделан не из мрамора, а из более нежного материала, мягко блестевшего, как жемчужная раковина. Может быть, трон высекли из раковины гигантского моллюска? Не было заметно никаких скреплений. Филигранная выкладка из блестящего металла и драгоценностей вызывала у обоих Гельфлингов взрывы

восторга. Кира начала помогать Джену очищать трон, а Фузгиг в это время обнюхивал углы огромной комнаты.

Наконец он был очищен — стул, трон, сидение, что бы это ни было, — предмет, излучавший тысячи огоньков, переливавшихся всеми цветами радуги при малейшем повороте головы. Кира держала голову по возможности прямо, и все же многоцветное сияние продолжало меняться, словно отвечая на ритмы сложного танца солнц.

Пока Джен осматривался в поисках новых чудес, Кира подошла к трону и, сделав реверанс, воссела на нем. Спинка трона точно достигала высоты ее головы, а руки удобно улеглись на подлокотниках.

— Сделано для меня, — произнесла она.

Джен посмотрел на нее и отвесил почтительный поклон.

— На нем ты смотришься, как королева.

Кира, улыбаясь, кивнула. Она не призналась ему, но на самом деле чувствовала себя королевой. Она прикрыла глаза. Теперь ей стало легче представить прежних обитателей во всем их величии. Она почти слышала их — их голоса, их музыку — чувствовала их прикосновения. Стручковые люди, глубоко суеверные к этому месту, ничего не говорили ей о прежних обитателях, уверенные, что дворец населен духами — «Старцами», как они их называли, и теперь, со смутным предчувствием, она догадывалась, кто это был.

Через большую арку Джен прошел в дальний конец комнаты, где была приоткрытая дверь из дерева с великолепной резьбой, обшитая железом. Он стоял в длинной комнате, похожей на галерею. Крыша, как и повсюду, была разрушена, но стены остались почти нетронутыми. То, что он увидел, заставило его закричать:

— Кира! Сюда, скорее!

— Знаю, — сказала про себя Кира, спустившись с трона, чтобы присоединиться к Джену. — Знаю. Они были Гельфлингами.

Оштукатуренная стена, на которую смотрел Джен, была покрыта фресками или, скорее всего, одной длинной фреской, заключенной в широкую, тщательно со-

бранную рамку. На ней было изображено множество созданий и событий, но в том, кто был их участниками, не было никаких сомнений. В центре каждой сцены находились Гельфлинги в своих старинных одеяниях и атрибутах царственной власти. Без одежды у них были бы те же пропорции, что у Джена и Киры. Для них это было словно долгожданным возвращением домой. С трепетом они смотрели на тех, кто, возможно, был их предками, на их потерянную и вновь обретенную историю: королева Гельфлингов на троне в окружении старого визиря и молодых стражников, держащих цветы, а вокруг них Гельфлинги — столяры, кузнецы, занимающиеся своим ремеслом, танцоры, священники, и музыканты, включая длинноволосую девочку-Гельфлинга, играющую на раздвоенной флейте, точной копии флейты Джена. Между каждой сценкой были эмблемы деревьев или листьев.

Они рассматривали картины, нарисованные в земляных тонах, и им стало ясно, что здесь описывается не только жизнь, но и повествование, раскрывающее тайну. На широкой раме, идущей по всему периметру фрески, они начали узнавать образы. Вот Гартимы уничтожают деревню Гельфлингов. Над горой светят три совмещенных солнца, заключенных в треугольник — Великое Слияние, судя по описанию Агры, заключил Джен. Следующим изображением был Кристалл, излучающий свечение, и вокруг него восемнадцать созданий — Джен подсчитал их — которые могли быть Скексисами или даже урРу. Кристалл был нарисован снова, но на этот раз он был темнее, и на рисунке был изображен еще более темный стержень клиновидной формы.

— Посмотри! — воскликнул потрясенный Джен. — Это же мой кристальный стержень!

Он захотел достать свой, чтобы сравнить его с нарисованным, но стержня не было. Джен вспомнил, как он выбросил его. Кира улыбнулась и, достав стержень из поясной сумочки, приложила его к рисунку. Стержень и его изображение были совершенно похожи.

Джен с Кирой переглянулись, пытаясь осознать происходящее. Кира протянула ему стержень. Он поколе-

бался, затем взял его. Он разглядывал стержень в его руке, затем стержень на фреске — и снова взгляд на стержень в руке. Он посмотрел на Киру. Та пристально наблюдала за ним.

По-прежнему смотря ей в глаза, он спрятал стержень в тунике. На память пришло изречение урСу: —Жизнь чаще ставит нас перед выбором, нежели дает возможность выбирать. Прошлой ночью Джену пришло видение зла. В этой комнате вместе с Кирой он нашел свое видение добра. Он преисполнился уверенностью, мужеством, стремлением действовать и способностью контролировать страх, перед которым он почти отступил. Он взял Киру за руку и сказал ей о своем решении. Та кивнула.

И снова их взгляды вернулись к загадкам на раме. Вслед за стержнем были изображены два ряда созданий, выходящих из Кристалла, — их было по восемнадцать в каждом ряду, по подсчету Джена, — эти ряды расходились в разных направлениях. В отличие от предыдущих, эти создания можно было узнать. В одном ряду находились Скексисы, в другом — урРу. Снова появилась гора, — теперь в форме замка, в центре которого был изображен Кристалл. Затем Кира и Джен нашли себя, наблюдающих, как Гартимы уничтожают еще большее количество Гельфлингов, и три совмещенных солнца. На этом осмотр рамы подошел к концу — они просмотрели весь периметр.

Теперь Кира указала на серию иероглифов, бегущих вдоль всего края рамы.

— Что это? — воскликнула она. — Это ведь не рисунок!

— Нет, — ответил Джен, внимательно присмотревшись. — Это руны.

— Какие руны?

— Разновидность письменности.

— А, понятно, — кивнула Кира. — Ты можешь прочитать?

— Да.

— Меня никогда не учили ни читать, ни писать. Стручковым людям это не было нужно.

— Я скажу, что они говорят.

Джен начал изучать иероглифы, пытаясь найти начало предложения. Затем он нашел место, где иероглифы прерывались изображением трех солнц над стержнем, и громко прочитал:

Когда три солнца засветят как одно,
Разбитое станет единым опять
И два сольются в целое
Рукою Гельфлинга, и больше ничьей.

— И станет целым, — повторил удивленно Джен.

Собери это воедино, приказал ему урСу, и исцели рану в сердце бытия. А урЗах добавил, что он должен внести свет во тьму.

— Да, — возбужденно воскликнул Джен, окончательно вникнув. — Теперь я знаю, что я должен делать.

Он посмотрел на Киру и указал на фреску.

— Большую часть из всего этого я не понимаю, но это не имеет значения. Я знаю, что должен делать я, — он снова достал стержень. — В замок, туда, где находится Кристалл. Этот стержень был каким-то образом отломлен от него. В результате этого в мире образовалась брешь — зло. Кристалл должен быть воссоединен Гельфлингом. И я должен восстановить этот стержень в Кристалле, в замке, — он замолк. — Я сделаю это, — добавил он тихо, пряча кристальный стержень в тунику. — Обязательно сделаю.

Джен рассмеялся с облегчением — облегчением оттого, что разгадал тайну и принял решение; оттого, что получил необходимую энергию для исполнения своей задачи. Он посмотрел на Киру.

— Ты подождешь меня здесь?

— Зачем, куда ты идешь?

— В замок. Я должен находиться там во время Великого Слияния солнц, —когда тройное солнце засияет как одно. Это случится очень скоро. Так сказала Агра.

— Я тоже пойду, — заявила она.

— Нет, Кира. На моей совести уже есть уничтожение твоей деревни.

— А без деревни куда я пойду одна? Не бойся, Джен. Прими как должное то, что случилось, и то, что должно

случиться. И кроме того, — она улыбнулась — в пророчестве, которое ты прочитал, сказано: «рукою Гельфлинга». Разве моя рука — не рука Гельфлинга?

Прежде, чем Джен успел ответить, Фузгиг перестал обнюхивать углы и зарычал. Кира уже собиралась пойти посмотреть, что он нашел, когда огромная тень накрыла их. Они быстро обернулись.

Весь дверной проем был загроможден громадной тушей Скексиса, смотревшего на них сверху. На лице Камергера было такое выражение, словно он собирался что-то попросить.

Фузгиг мгновенно выпрыгнул через окно и встал там, умоляя Киру последовать за ним. Она уже приготовилась сделать это, посмотрев через плечо на Джена. Тот не сдвинулся с места.

Камергер поднял руку с распростертыми когтями и встал в такой же позе, как и в предыдущую ночь.

— Останься, — прошептал он. — Я друг. Я друг Келффинкам. Прошлой ночью я спас вас от Гартимов. Разве я могу быть врагом? Я друг. Останься, пожалуйста.

Джен посмотрел на чудовище, которое могло схватить и раздавить его в один миг.

— Мне говорили, что Скексисы убивают Гельфлингов, — ответил он.

— Да, только из-за глупого предсказания, говорящего, что Келффинки положат конец власти Скексисов. Глупо. — Камергер усмехнулся и покачал головой.

Джен рассчитывал, что Скексис не сможет пройти через дверной проем, пока просто не сметет стену, над которой он возвышался. Но Скексисы так не поступают, иначе зачем они используют Гартимов? Нет, он и Кира могут успешно удрать через зияющее отверстие в стене. Он осторожно отошел на несколько шагов, отдалившись от когтей монстра. Однако перед тем, как бежать, он должен выяснить все, что возможно.

— Глупое пророчество, — повторяло чудовище, — но Скексисы испугались. Да, испугались Келффинков. Маленьких Келффинков! Ошибка, большая ошибка. Останься, пожалуйста. Я друг.

— Не слушай его, Джен. Это ловушка, — предостерегла его Кира.

— Что тебе нужно от нас? — спросил Джен.

— Выслушай, прошу тебя, — сказал Камергер. — Пойдем со мной в замок. И ты увидишь, да, я докажу тебе, что Скексисы хотят мира. Они не сделают вам ничего плохого. Пожалуйста, — Камергер снова сделал жест, на этот раз прося подойти.

Джен остался на месте.

— Почему мы должны доверять тебе? — спросил он. — До этого вы уничтожили нашу расу. Посмотри, — он показал на фрески.

Камергер устало махнул рукой.

— Мы устали убивать. Устали от всего этого. Устали от страха тоже. Вот почему я ушел из замка. Но, — продолжал Камергер, — если вернуть мир в замок, если показать, что Скексисам нечего бояться Келффинков, если сделать это, меня больше не вышвырнут из замка, — он снова сделал жест. — Пойдем со мной, пожалуйста.

— Если я пойду в замок и установится мир, — спросил Джен медленно, — Гартимы перестанут нападать на нас?

Камергер утвердительно кивнул.

— На Стручковых людей тоже?

— Да. Гартимы нападать больше не будут. Не будут. Пойдем со мной. Я прошу тебя.

Джен колебался, поддаваясь на уговоры Скексиса. Он оглянулся на Киру, стоявшую у окна с Фузгигом. Она протянула к нему руку, умоляя бежать вместе с ней. Джен снова посмотрел на Скексиса.

— Не знаю, — сказал он.

Камергер снова просительно улыбнулся.

— Сила Гартимов исходит от Кристалла в замке. Скексисы контролируют Кристалл. Вся мощь в Кристалле. Скоро, — Камергер выразительно поднял руки, — скоро Кристалл получит еще большую мощь.

— От Великого Слияния? — спросил Джен обыденным тоном.

— Да. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Джен пожал плечами и небрежно указал на фрески.

— Я немного узнал из этих картинок.

— А-а, — кивнул Камергер. — Теперь пойдем. Прошу. Нужно торопиться. Скоро Скексисы получат много энергии. Потом трудно будет установить мир между Скексисами и Келффинками. Намного труднее. Поэтому нужно торопиться. Ты идешь?

— Куда?

— В замок. Я проведу тебя через тайный вход, через Зубы Шкриша, и ни один Гартим не увидит нас. Мы найдем Скексисов. Затем мы установим мир. Все будет хорошо для Келффинков. Не будет ни одного Гартима. Пойдем.

Кира выбежала вперед и встала лицом к Джену. Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет, Джен, — страстно сказала она. — Посмотри, — она показала на фреску с изображением древней цивилизации Гельфлингов. — И посмотри сюда, — она пальцем показала на рисунок, где Гартимы уничтожали деревню Гельфлингов. Она пыталась поймать его взгляд.

— «Рукою Гельфлинга, — ничьей другой», — процитировала она.

Джен взял ее за руку, они повернулись и, схватив Фузгига, выпрыгнули в окно.

— Вернись! — они услышали умоляющий голос Скексиса. — Вернись! Мир! Пожалуйста! Мир! Келффинк!

Прежде, чем вбежать в лес, Джен оглянулся, чтобы посмотреть, не преследует ли их Скексис. Тот не преследовал. Он просто смотрел, как они убегают, удрученно свесив голову.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

К ЗАМКУ

Глубоко в замке, в своей лаборатории, известной, как Зал Жизни, Ученый скекТек осматривал плетенные клетки, загруженные до верха Стручковыми людьми. Он достал оттуда несколько экземпляров, чтобы поближе рассмотреть их под увеличительным стеклом и кинул обратно, качая головой.

Рядом с ним Повелитель Гартимов нетерпеливо разглядывал каждый образец и вопросительно смотрел на Ученого. С каждым новым отказом он обнажал свои клыки и разочарованно рычал. Он пытался помочь, вытаскивая наиболее понравившихся ему кандидатов. Ученый кидал быстрый взгляд на образец, закатывал глаза к потолку и хлопал рукой, отклоняя очередного. Он был мастером своего дела. Повелитель же Гартимов ничего не смыслил в таинствах лаборатории.

Случайно Ученому попался образец, годный для его цели. Захлопнув верх клетки, чтобы остальные не смогли убежать, Ученый поднес дергающегося крестьянина к ряду металлических стульев, поставленных вдоль каменной стены. Он привязал крестьянина ремнями к стулу. В скобах перед стулом находился кристалл с при-

крепленной к нему длинной стеклянной трубкой. Трубка была слегка наклонена, а под ней Ученый установил драгоценный флакон. Затем он вернулся на свой рабочий стул. Повелитель Гартимов мигал и жадно облизывал губы. Крестьянин продолжал дергаться, однако голова и туловище были схвачены намертво. Только черные зрачки его глаз метались в панике, и изо рта доносились беспомощные слабые стоны.

Когда Ученый потянул за рычаг, в стене напротив привязанного крестьянина открылось отверстие. За порталом виднелся подвешенный стержень, из которого бил вертикальный энергетический луч. Фиолетовый луч через шахту попадал глубоко в лоно планеты, где полыхало озеро огня.

Ученый отодвинул Повелителя Гартимов, желая, чтобы тот освободил ему пространство, и потянул другой рычаг. Сбоку от вертикальной шахты появился раскачивающийся стержень с кристаллом на конце. Стержень вошел в энергетический поток и застыл там, отражая фиолетовый луч через всю лабораторию в лицо крестьянину.

Внезапно крестьянин перестал дергаться и безжизненно застыл. Из кончиков пальцев, вокруг его расставленных рук с треском появилось силовое поле и сомкнулось с кристаллом, расположенным перед стулом. Там оно конденсировалось в толстые маслянистые капли, которые стекали вниз по трубке и попадали во флакон. Глаза крестьянина выкатились из орбит и застыли. Скрюченное, безжизненное тело крестьянина лежало на стуле. Ученый вернул рычаги на место, и отверстие закрылось.

Он вытащил флакон с собранными каплями и вручил его Повелителю Гартимов, который нетерпеливо опорожнил его одним залпом.

Влия оказала на него немедленное воздействие. Его морщины разгладились, выпрямилась шея, и движения стали более энергичными. Он прошествовал через лабораторию к зеркалу, чтобы восхищаться собой и насладиться происшедшим преобразованием.

Пока он смотрел и восхищался, действие напитка

прошло так же стремительно, как пришло. Кожа отвисла, осанка ссутулилась, и глазам вернулась их желтизна. С перекошенным от злости ртом он повернулся к Ученому.

Ученый развел руками и пожал плечами. Повелитель Гартимов так же хорошо, как и он, знал причину явления. Раньше они потребляли слишком много Стручковой влии, которой почти не осталось, и сейчас ее было недостаточно, чтобы омолодить их дряхлые огромные туши. Придется дожидаться Великого Слияния, после которого они получат от Кристалла огромный заряд обновляющей энергии.

Через всю лабораторию Повелитель Гартимов швырнул в Ученого драгоценный флакон, — тот увернулся. Флакон влетел в комнатку, где на полках лежали изувеченные и расчлененные создания всех разновидностей. Некоторые из них были еще живы, но Ученый не беспокоился о том, что они убегут. Ни в одном не осталось воли сделать это. В другой части лаборатории находились недавно захваченные животные, заключенные в клетки или привязанные к полу, еще здоровые, когда их отбирали для экспериментов Ученого.

Повелитель Гартимов напал снова. Он зависел от Ученого, который вместе с Повелителем рабов был главной поддержкой среди Скексисов. А сейчас без помощи влии он должен будет вступить в опасную схватку с Распорядителем ритуалов в борьбе за трон. Рано или поздно этот вызов — «Хаакскееках» — прозвучит! Еще недавно его авторитет был подорван, и он испытывал неуверенность, поколебавшую его волю и желание выиграть в следующей дуэли. Как предусмотрительно и умно дал Распорядитель ритуалов своим соперникам уничтожить друг друга! Его стратегия бы не сработала, если бы Гартимы принесли Гельфлингов. Дважды шпионские кристаллы засекли этих зверушек — сначала одного из них, затем сразу обоих — и дважды Гартимы позорно упустили их. Тупые Гартимы! Тупые, тупые Гартимы! Когда-то они были гордостью Повелителя Гартимов — теперь стали его позором.

Когда Повелитель Гартимов вышел из Зала Жизни,

Ученый освободил крестьянина от стула и отбросил его прочь. Крестьянин поднялся с пола и смирно встал в ряд с другими вновь обращенными рабами. Вместо глаз у всех были пустые белые пятна.

В плетеной клетке, перелезая друг через друга и беспомощно крича, копошились Стручковые люди. Ученый утомленно посмотрел на них. На извлечение влии из этого груза уйдет несколько часов, и внизу, у ворот, ждут Гартимы с еще большим количеством различных тварей, принесенных ими из последнего рейда. В ближайшее время они не пригодятся. Для предстоящего у Скексисов было более, чем достаточно рабов, однако они долго не протянут, если будут использовать только жизненные соки, извлекаемые из Стручковых людей.

Он осмотрел лабораторию, надеясь найти другой источник жизненной силы. Это место было переполнено плодами его труда со времен последнего Великого Слияния. Там и здесь лежали кости и туши, конечности, корни, листья, специально отобранные для испытательных экспериментов, какие только мог придумать Ученый. Он скептически посмотрел на реторту, полную плавников Миррхьи, которые он настаивал неделями в двух кислотах и, отфильтровав, сделал напиток. Как только он выпил его, он почувствовал недомогание.

Агра посмеялась над этим — единственный признак жизни, который она подала из клетки, где сидела взаперти. Все остальное время она была погружена в глубокое молчание. Ее глаз, извлеченный из глазницы, теперь лежал на столе и постоянно наблюдал за ним; даже будучи оторванным от тела своей хозяйки, он продолжал жить собственной жизнью.

Ученый стал раздумывать, как можно извлечь эликсир из глаза Агры.

Кира знала, куда она идет. Она уверенно шла по тропинке сквозь лесную чащу, словно всю жизнь провела в лесу, ожидая момента, когда ей придется спасаться от Скексисов.

— Эта дорога ведет к замку? — задыхаясь, спросил Джен.

— Это не самый короткий путь, — ответила Кира. — На самом деле мы шли в прямо противоположном направлении. Но окажется, что этот путь — самый короткий. Вот увидишь.

— Надеюсь, ты права, — сказал Джен. — Кстати, ты обратила внимание на солнца? Они выглядели так, словно собирались соприкоснуться.

— Да, светят они странно, не так ли? Думаю, это означает, что мы приближаемся к Великому Слиянию, о котором говорила Агра.

— Я уверен в этом. Надо сделать все, от нас зависящее, чтобы достичь замка прежде, чем это произойдет.

— Не мучай себя, — сказала Кира. — Ты успеешь.

Там, где лес становился реже, земля была холмистой. Джен и Кира заметили, что они так стремительно сбегают с холмов, что должны тормозить, а затем снова ускорять шаг, взбираясь на новый холм. Кира хорошо знала дорогу и находила протоптанные тропы. Как она объяснила, ее случайно привели сюда Стручковые люди во время одной из своих экспедиций в поисках плодов и орехов, которые можно было найти в этой изолированной местности.

Вскоре высокие холмы сменились низкими бугорками, и они вышли на цветочную лужайку. Наконец, Кира выдохлась. Джен обрадовался возможности отдохнуть. Он утомился даже больше ее. Со времени своего ухода из долины урРу ему еще не приходилось терять столько сил. Он никогда не делал переходов больше, чем в тысячу шагов. У Киры, очевидно, был такой опыт.

Теперь она стояла на бугорке, издавая странные звенящие звуки, как насекомое в жаркую погоду.

— Что ты делаешь? — спросил Джен.

— Тшшш, — приложила палец к губам Кира и довольно захихикала.

По направлению к ним через бугорки двигались четыре похожих на кошек животных — три взрослых и один детеныш — на длинных тонких ногах. Они были

кремового цвета и двигались порывисто. Джен никогда не встречал подобных.

— Ландстрайдеры! — радостно воскликнула Кира.

Она повернулась к обеспокоенному Джену.

— Не бойся, — сказала она. — Они повезут нас, куда бы я ни попросила. Они ненавидят Скексисов. И Гартимов тоже — они борются с ними.

— Тебе не следует идти со мной, — сказал Джен.

Она посмотрела на него долгим взглядом и коротко ответила:

— Знаю.

С Фузгигом позади, она подошла к Ландстрайдерам, чтобы переговорить с ними. Услышав ее просьбу, они приободрились.

Кира подозвала Джена. Приближаясь к ним, он осознал, какими огромными были взрослые Ландстрайдеры, и как высоко над землей он окажется, сев верхом на одного из них.

Ландстрайдеры медленно подошли к пригорку, с вершины которого Кира взобралась на одного. Оставшись на земле и увидев, что его не собираются брать с собой, Фузгиг пришел в неописуемую ярость. Рыча, он стал подпрыгивать перед Кириным Ландстрайдером, с каждым прыжком все выше.

— Нет, — сказала Кира, — не надо, малыш.

Фузгиг повторил свой скачок, подпрыгнув на этот раз так высоко, что на вершине прыжка он достиг уровня Киры.

— Ну хорошо, — сказала она.

Фузгиг остался рядом с ней, держась за поясную сумку. Она повернулась к Джену:

— Выбери себе Ландстрайдера.

Джен посмотрел на ее лицо. На нем было написано блаженство.

Он выбрал меньшего из оставшихся двух взрослых и под присмотром Киры взобрался к нему на спину. Вытянувшись вперед, он схватился за шею животного.

— Держись крепче! — крикнула Кира.

Она щелкнула языком, и он еще крепче вцепился в

шею. Ветер свистел в его ушах, и волосы развевались в воздухе.

В первый момент он подпрыгнул на спине Ландстрайдера. Было страшно неудобно, и больше всего он боялся свалиться на землю, до которой было очень далеко. Постепенно он и Ландстрайдер нашли общий ритм, и поездка теперь доставляла одно удовольствие. Что касается Киры, то скромные резервы ее воспитанности и сдержанности были исчерпаны. Она гикала и пронзительно кричала.

— Держись крепче, Джен! — смеялась она.

Он только и смог кивнуть. От скорости захватывало дыхание. Деревья на окраине леса становились все реже. В ушах свистел ветер и стоял грохот от копыт Ландстрайдеров. Мелкие животные сметались с их пути, а за ним взлетал фонтан листьев. В этой сумасшедшей гонке Джен не заметил, что рука, по-прежнему завернутая в мох, снова стала болеть.

Ландстрайдеры не снижали темпа. Они несли Гельфлингов вдоль опушки леса, затем через широкую равнину, через кратер, по холмам, мимо ущелий, и дважды они выходили к черной реке, делая зигзаги на местности.

Мимо обрыва, выходящего на черную реку, мимо болота пролегал утомительный путь урРу. Шедший во главе длинной запыленной процессии, урЗах остановился, оперся па свою трость и медленно поднял голову, чтобы посмотреть на небо. Три солнца образовывали равносторонний треугольник. УрЗах снова опустил голову и продолжил свой путь, путь к замку — путь к возрождению или смерти.

Наконец Ландстрайдеры достигли гребня холма. Кира остановилась, крикнув Джену сделать то же самое. Цокая языком, она мягко успокаивала Ландстрайдеров, стремившихся скакать дальше.

Джен и Кира были потрясены раскинувшимся перед

ними пейзажем. У подножия длинного скалистого склона находился вход в замок, тоннель, соединенный мостом с глубоким ущельем. Громада замка высоко вздымалась над холмом, на котором стояли Джен и Кира. Чтобы увидеть бойницы на башнях, им нужно было задрать головы, хотя они стояли на довольно большом расстоянии. Сложность усугублялась еще и тем, что по всему периметру основания замка шло ущелье. Оно было продолжением отвесной стены. Цитадель Скексисов была колоссальна, черна и зловеща, такая же неприступная, как и скала, из которой была вырублена.

— Смотри! — Кира показала на вход в замок.

— Гартим.

— Да, — ответила Кира. — Ты не видишь, что он несет?

Джен попытался рассмотреть. Он смог разглядеть какой-то предмет круглой формы.

— Это одна из плетеных клеток, в которых они носят своих пленников. Тебе не кажется? — спросила Кира.

— Ничего не могу сказать, — сказал Джен. — Но если ты права, должно быть, там сейчас твои односельчане.

Ландстрайдеры били копытами землю и урчали. Тот, что был под Дженом, рвался вперед, не в состоянии сдержать нетерпение.

Кира снова щелкнула языком, и Ландстрайдеры понеслись вниз по косогору. Они шли на полной скорости прямо наперерез Гартиму. Тут они столкнулись.

Для нападения им необходимо было встать на задние конечности, чтобы всадить передние в ненавистного врага. В результате этого Кира и Джен слетели со спин Ландстрайдеров и оказались за спиной Гартима. Фузгиг последовал за ними.

Пока Гартим и Ландстрайдеры боролись, глухо рыча и клацая зубами, Кира и Джен уже поднялись на ноги. Джен смотрел на вход в замок, готовый ринуться туда, но первой мыслью Киры было заглянуть в клетку. От удара Ландстрайдеров она отлетела в сторону. Откатившись, клетка повисла на самом краю обрыва в ущелье.

Кира подбежала к клетке. Она оказалась права. Клетка была набита Стручковыми людьми. Те умоляюще простерли к ней руки.

— Джен! — позвала Кира и начала отпирать клетку. Внутри с искореженным лицом, повернувшись к прутьям, лежала Идра.

— Не беспокойся, — приговаривала Кира. — Не беспокойся. Мы достанем тебя отсюда, Идра! Мы достанем тебя отсюда!

Пальцы Киры беспомощно скреблись о металлические застежки крышки. Джен подбежал, чтобы помочь ей. Прутья клетки соединялись кожаными ремнями. Джен пытался прорвать ремень пальцами, а Кира пыталась раскусить его зубами, и через некоторое время они все-таки смогли развязать один из них. Сквозь образовавшуюся брешь мог протиснуться только один крестьянин, а в клетке их было не меньше двадцати. Джен достал стержень и разрезал им другой ремень, озабоченно оглядываясь назад.

Ландстрайдеры боролись великолепно, но были обречены. Один из них, сцепившись с Гартимом, катался по земле, а другого вообще не было видно под грудой черных панцирей. Два других Гартима стояли в стороне, словно раздумывая, вступить в битву или погнаться за Гельфлингами.

Почти потеряв надежду, Джен с новыми силами набросился на следующий ремень. Если стержень перерезал один ремень, то он должен помочь освободить Идру, лежавшую прямо у прутьев.

Он услышал, как сзади нарастает грохочущий рычащий звук. Кинув поверх плеча взгляд, Джен отчаянно закричал Кире, и оба они едва успели отпрыгнуть в разные стороны, как рычащий и визжащий комок из сцепившихся Ландстрайдера и Гартима стремительно прокатился мимо них и упал в ущелье, глубоко внизу расплющившись о скалы.

Джен в ужасе смотрел в пропасть, и внезапно до него дошли крики Киры. Он поднял взгляд. На него надвигались четыре Гартима. Все пути в спасению были перекрыты: невозможно было убежать ни через холм, ни по краю пропасти.

Джен заслонил собою Киру, вытянув стержень как кинжал. За спинами Гартимов лежал оставшийся Ландстрайдер, все еще сопротивляясь, но силы у него были уже на исходе.

Гельфлинги стояли у края пропасти. Как только Гартимы приблизились и протянули к ним свои щупальца, Джен почувствовал прикосновение Кириных рук. Она обхватила его и потащила к себе. Не спел он открыть рот, как они сорвались с обрыва.

Они даже не падали, а парили, словно крылышки сикамора.

По-прежнему в руках Киры, Джен опустил голову, чтобы посмотреть на дно ущелья, думая о том, что падение ощущается именно таким, что сознание его растягивает, продлевая, последние мгновения жизни.

Когда он увидел прикрепленные к спине Киры прозрачные крылья, несущие их в воздухе, до него дошло, почему они падают таким странным образом.

Он посмотрел вверх. Вырисовываясь на фоне неба, Гартимы бесцельно слонялись вдоль обрыва в ущелье.

Джен и Кира с Фузгигом на ее плече мягко приземлились на дне ущелья.

— Как тебе это удалось? — спросил Джен, когда они поднялись с камней.

— А ты не знаешь? — ответила Кира и начала объяснять:

— Когда-то, очень давно, Гельфлинги по-настоящему умели летать, а не только опускаться, как сейчас.

Кира насмешливо посмотрела на него.

— Неужели урРу не научили тебя ничем полезному?

— Но у меня нет крыльев! — заявил Джен.

— Конечно, нет. Ты же мальчик! — улыбнулась Кира.

Кира оглянулась. Ущелье оказалось зловонным, заваленным мусором и отбросами, которые Скексисы постоянно сбрасывали сюда. Рядом лежали разбитые тела Гартима и Ландстрайдера, сцепившихся, как в мертвой хватке. Щупальца и ноги Гартима, заканчивающиеся плоскими круглыми ступнями еще дергались. Несомненно, это нервная система боролась со смертью, делая

обреченные попытки, однако Джен отскочил в сторону, не будучи уверенным, что Гартим умрет.

Кира вложила свою руку в руку Джена, и они осторожно пошли вдоль отвесных стен ущелья, которые служили основанием для массивных стен замка. Они постепенно шли вверх, однако Джена интересовал вопрос: смогут ли они, выбравшись из ущелья, найти вход в замок? И что они станут делать, столкнувшись лицом к лицу с Гартимами?

Даже здесь, внизу, он сомневался, что Гартимы не причинят ему вреда. Безусловно, Скексисы уже знают, что Гельфлинги добрались до замка. Если существует какой-либо способ послать Гартимов вниз, то они будут посланы при условии — Джен оставил себе искорку надежды — при условии, что Гартимы вообще способны передавать информацию. Если же нет, то Скексисы будут зависеть только от свежих разведданных, полученных от шпионских кристаллов. Это дает ему небольшую передышку. Джен посмотрел в небо. Пока там ничего не было. Возможно, решил Джен, Скексисы еще не знают, что они уже здесь. Вполне возможно, что Скексисы могли узнать об их местонахождении, только если бы один из них, привлеченный шумом борьбы, выглянул бы из замка в сторону ворот и увидел бы Киру и Джена у края ущелья.

Имея небольшие шансы на успех, Джен решил поверить, что он и Кира достигли чего-то. Достижение, конечно, небольшое, учитывая расклад сил. Но лучше верить в успех, нежели отчаиваться.

Следуя вдоль склона ущелья, они пришли, как им показалось, к его началу — к глубокой борозде на поверхности скалы. Чуть дальше по ней откуда-то струилась грязная вода. Борозда тянулась и скрывалась за грязным потоком.

И тут до него дошло, что борозда, на которой покоилась его рука, — огромный зуб. За ним следовал другой, и так далее.

Он отошел от скалы, чтобы целиком осмотреть все выпуклости. Из скалы выступало лицо какого-то фан-

тастического чудовища с выпученными глазами. Из распахнутой пасти струился поток грязной и мутной воды.

Подойдя ближе с колотящимся бешено сердцем, он увидел уходящий вглубь скалы черный тоннель.

Он вспомнил, что предлагал ему Скексис среди древних развалин: «Я проведу тебя через тайный вход, через Зубы Шкриша, и ни один Гартим не увидит нас».

Он повернулся к Кире пытаясь сдержать отвращение, которое поднималось в нем.

— Это наш путь в замок, — сказал он.

Содрогнувшись, она кивнула. Мысль о том, что ей придется залезать в эту клоаку, так же, как и мысль о том, что их ожидает в замке, приводила ее в ужас.

— Другой дороги нет, — извиняющимся тоном сказал Джен.

— Знаю.

— К тому же, я не могу оставить тебя здесь. Это еще опаснее, — он развел руками.

— Ты не можешь оставить меня здесь, потому что я не собираюсь нигде оставаться, — возразила Кира.

Джен кивнул, принимая возражение.

Сначала Джен, затем Кира с Фузгигом пробрались сквозь Зубы Шкриша. Камергер, наблюдавший за ними с вершины ущелья, довольно улыбнулся и, крадучись, вернулся в замок.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВО ТЬМЕ

Тоннель был покрыт жижей. Источником света, вероятно, служило свечение от распадающихся тел, либо просто тусклый свет, проникавший сюда из ущелья и бесконечно отражавшийся в этой блестящей вонючей трубе. Если бы Джен и Кира смогли надолго задержать дыхание, они бы так и поступили. Тем не менее, им приходилось дышать, и вскоре они приспособились к отравленному зловониями воздуху.

Они взбирались наверх. Временами дорога шла под уклон. Было столько изгибов, что вскоре они потеряли ориентацию. Но это не имело значения: выбора у них не было. Единственными достопримечательностями тунеля были небольшие углубления в его стенах, сосульки сталактитов, и скопления тварей, поселившихся в этом грязном проходе. В тусклом свете Гельфлинги разглядели белую гладкую змею, уставившуюся на них, колонию нахохлившихся вшей, и незнакомую тварь, похожую на длинную лягушку, с мехом на всю морду и двумя огромными сверкающими глазами. Фузгиг был так напуган этими существами, что даже не осмелился

зарычать на них; вместо этого он издал слабый беспокойный писк и еще крепче вцепился в волосы Киры.

Чем глубже они проникали в туннель, тем больше изменялся его облик. Они заметили несколько боковых ответвлений от туннеля, но они были слишком малы и не могли привести их в сердце замка к Кристаллу. Однако некоторое время спустя они пришли к развилке: туннель разветвлялся в трех направлениях.

— Как ты думаешь, куда надо идти? — спросил Джен.

— Какой путь ведет к смерти? — усмехнулась Кира. — Я чувствую здесь запах смерти.

— Не отчаивайся, — успокоил ее Джен. — Мы зашли так далеко только благодаря твоему мужеству. Иначе я бы остался в лесу.

— Нет, ты бы не остался. Я всегда знала, что поиски приведут тебя сюда. Просто ты на время забыл об этом.

— Возвращаться слишком поздно.

— Знаю. На самом деле я и не помышляла об этом. Просто это место...

Джен пытался разгадать, в какой из трех туннелей им нужно пойти, но так и не определил этого. Все туннели были одинаковы: овальной формы и отвечали эхом на малейший звук. Джен пожал плечами и достал из туники свой кристальный стержень. Он положил его на раскрытой ладони и стал ждать, что произойдет дальше. Стержень мягко зазвенел и сдвинулся. Он развернулся, как стрелка компаса, и указал в сторону среднего туннеля.

— Вот туда мы и пойдем, — решил Джен.

Продвигаясь дальше, они заметили, что потолок становится выше. Слякоть сменилась почвой, а стены стали каменными. Земля под ногами была взрыхлена, возможно, Гартимами. Джен и Кира продолжали свое восхождение по мягко поднимающемуся склону, а свет позволял им видеть все далеко впереди.

Сердце Джена бешено колотилось. Скоро они войдут в замок, и у них не будет никакого путеводителя. Им придется полагаться на собственную интуицию. Найдет ли он сразу Кристалл? Охраняется ли он? Возможно, нет — если Скексисам ничего не известно о присутствии

Гельфлингов в замке, то у них нет причин охранять Кристалл. Предположим, он восстановит стержень в Кристалле, — что же дальше? Лишатся ли Скексисы силы на месте, не будучи в состоянии наказать его?

Прямо перед ними на дорожку упала тень. Они застыли.

Из боковой ниши вышел Камергер. Его огромная туша полностью закрывала туннель. Он стоял так близко, что зловоние его дыхание заставило их отпрянуть. Прежде, чем они смогли развернуться и отступить, он схватил их по одному в каждой руке. Фузгиг спрыгнул с Киры и, отчаянно скуля, сжался у стенки туннеля.

Камергер улыбался во все лицо.

— Я знал, что вы придете, — сказал он. — Не бойтесь. Я здесь, чтобы помочь вам. Сейчас мы установим мир между маленькими Келффинками и Скексисами, да.

— Нет! — выкрикнула Кира.

Скексис держал их достаточно крепко, чтобы они не смогли убежать, но он не сделал с ними того, что, как они знали, мог сделать без особого труда — просто выдавить из них жизнь; точно так же Скексис выдавил жизнь из матери Киры много лет назад. Было ясно, что ему нужно нечто другое, нежели их смерть.

— Теперь вы пойдете со мной? — снова спросил Скексис. — Да. Келффинки будут жить с Скексисами в мире. Да.

Руки Джена были достаточно свободны, чтобы запустить руку в тунику и достать оттуда стержень.

— А теперь пойдем, — сказал Камергер, грубо волоча их по туннелю. — Не то будет слишком поздно. Пожалуйста.

Стремительным движением Джен выхватил стержень и, держа его двумя руками, вонзил его в руку Скексиса.

Сверкнула ослепительная вспышка. Туннель так содрогнулся, что сверху посыпались камни.

На горизонте в пустыне стоял с поднятой рукой Хорист урСол. Неожиданно на руке появилась глубокая

рана, источая кровь. Группа урРу продолжала двигаться по направлению к замку. Три солнца в небе подтягивались все ближе друг к другу. Оглушенный болью Камергер тут же отпустил Джена, другой рукой крепче сжав Киру. Прежде, чем Джен успел что-то предпринять, чтобы освободить Киру, Камергер раненой рукой прижал Джена к земле. Джен крепко сжал стержень, инстинктивно отодвигая его от Камергера. Затем Камергер протянул руку, схватился за поддавшуюся балку в кровле и швырнул ее на землю. Кровля обрушилась, похоронив Джена под обломками камней и землей.

Когда Киру уносили прочь, она в ужасе обернулась и посмотрела на груду камней, засыпавших Джена. Фузгиг, скуля, преданно бежал за ней.

— Нет, Фузгиг! — закричала Кира. — Нет! Вернись! Останься с Дженом! Останься с Дженом, Фузгиг!

Фузгиг подчинился приказу и вернулся, смотря, как Кира, извиваясь в когтях Камергера, исчезла в конце туннеля.

Повелитель Гартимов с необычайной осторожностью сел на свой трон. Сейчас ему представляется хорошая возможность для общего блага вышвырнуть Распорядителя ритуалов и установить «золотой век» имперского правления после того, как Скексисы получат мощное подкрепление от Великого Слияния. В это время он не должен допустить ни одной ошибки.

Предположим: Гельфлинг, которому сочувствует Камергер, предположительно бродяжничающий где-то в пустыне. Живой Гельфлинг! Единственные, кто когда-либо угрожал власти Скексисов, согласно старому предсказанию, содержащему легенду о восстановлении стержня — поэтому они уничтожены. Даже сейчас он испытывал ужас от одной только мысли о Гельфлингах. Камергеру за его пленника надо будет снова оказать доверие, если только удастся отговорить его не разглашать своего успеха в деле, в котором подопечные Повелителя Гартимов дважды потерпели поражение. Но не надо слишком доверять ему. Выпросить у него Гельфлинга,

а затем спросить его о другом Гельфлинге, которого рассмотрел шпионский кристалл. Это выведет его из равновесия. Затем восстановить его в должности Камергера, второго министра в замке. Принять знаки его почтения. Следующее: Распорядитель ритуалов. Сейчас у него нет никаких оснований воспользоваться вызовом «Хаакскееках!» Угроза Гельфлинга возникла при императорском правлении Повелителя Гартимов. А споры о том, что угроза возникла из-за поражения Гартимов, подчиненных Повелителю Гартимов, в атмосфере всеобщего празднования и наступающего слияния, будут просто несущественны. По правде говоря, мелочность всегда была присуща Скексисам, однако Повелитель Гартимов все время демонстрировал, что он стоит выше подобных чувств, показывая окружающим свое благоразумие.

Итак, какого курса он будет придерживаться в ближайшее время? Больше всего он хотел бы использовать этого Гельфлинга для одной из своих целей: ритуального жертвоприношения. Он решил, что для своего блага необходимо смешать низменную жестокость с возвышенным ритуалом. Он должен завладеть Гельфлингом раньше других. Поможет ему в этом Ученый. Необходимо предупредить его об официальном требовании о передаче Гельфлинга в лабораторию — в таком случае Распорядитель ритуалов не сможет возразить, что интересы безопасности и исследования важнее чем ритуальная традиция. Повелитель Гартимов предоставит Ученому возможность расчленить Гельфлинга в поисках способа уничтожения этих существ навсегда. Повелитель Гартимов нахмурился. До сих пор все они полагали, что раса Гельфлингов уничтожена полностью. Откуда появились эти двое, для всех оставалось тайной. Может быть, спонтанное рождение? Ученый должен будет найти способы предотвращения этого, чтобы в будущем подобное не повторилось. И если он посоветует уничтожить жизнь, все живое и неживое, за пределами замка — так тому и быть. Для собственного выживания они могут разводить Небри в темницах замка, а Гартимам позволят разграбить и уничтожить все на планете. Конечно, останутся еще урРу. Скексисы не могут уничтожить их.

Но урРу определенно не представляют никакой угрозы для Скексисов, как отражение в зеркале не может причинить вреда лицу. Таким образом путь для осуществления двух заветных целей Повелителя Гартимов будет открыт: он навсегда останется на троне и, при содействии Ученого, выпьет влию этого Гельфлинга и другого, когда того найдут. И пусть тогда Распорядитель ритуалов сделает что-нибудь, если сможет.

Под пение Стручкового хора, с Кирой, зажатой в когтях, в Тронный зал ввалился оборванный Камергер. Другие Скексисы, выстроившись в два ряда, не могли удержаться, чтобы не посмотреть на это маленькое удивительное создание с едва сдерживаемыми возгласами. С того момента, как ворвался Скульптор, бормоча о Гельфлинге и Камергере, все находились в напряженном ожидании. А теперь вот он, маленький образец единственного вируса, который мог помешать им обновить свою силу, — схваченный, плененный и безопасный.

Камергер отвесил глубокий поклон своему всемудрому Императору. Держа перед собой Киру, он скороговоркой поведал о том, как хитро и настойчиво он преследовал и схватил ее. Он так бы и продолжал свое красочное описание того, какой трагичной оказалась бы судьба Скексисов, не будь он, Камергер, таким предприимчивым, был прерван Распорядителем ритуалов.

— Келффинк Краквееках! — пронзительно взвизгнул Распорядитель ритуалов.

В то же время он показал на Киру и провел когтем себе по глотке, давая понять значение сказанного.

Распорядитель ритуалов уже сделал шаг вперед, намереваясь завладеть жертвой и исполнить свой ритуальный долг, как Повелитель Гартимов неожиданно поднял скипетр, тем самым выражая свое недовольство.

Тем не менее Распорядитель ритуалов, остановившись, вытянул длинный сверкающий клинок своего жертвенного ножа. Поза его была недвусмысленна.

Тем временем Камергер тоже выразил свой протест. Гельфлинг — его пленник, и что с ним делать, решать ему.

Повелитель Гартимов подозвал Ученого для тайной консультации и о чем-то тихо поговорил с ним. Тот несколько раз согласно кивнул.

Наконец Повелитель Гартимов обратился к присутствующим.

— Келффинк на Ракхаш! — объявил он.

Однако не все Скексисы согласились с его заявлением. Некоторые сомневались в эффективности Зала Жизни Ученого. Скульптор претендовал на оторванную голову Киры. Обжора надеялся получить оставшуюся часть ее тела. И все они прекрасно понимали, куда клонит Повелитель Гартимов. Вероятно, ему нужна влия Гельфлинга, из-за отсутствия которой умер старый Император. И если Ученый сможет найти способы размножения Гельфлингов в плену, с регулярным производством влии, они будут чествовать его. Это откроет ему прямой путь к трону. Но пока Распорядитель ритуалов визжит на собрание, Ученый остается простым переработчиком Стручковых, самодовольным чудаком. Не лучше ли отпраздновать свое спасение посредством церемониального ножа, как требует Распорядитель ритуалов?

Повелителю Гартимов не понравилось, как развиваются события. Сам он не особо уважал Ученого, но пришел к заключению, что остальные уважают его. Кто из них смог бы оторвать собственные конечности во имя чистого, бескорыстного интереса?

Пока же несогласные продолжали настаивать, а Распорядитель ритуалов упорствовал в своем кровожадном намерении.

Повелитель Гартимов понял, что ему необходимо сменить тактику. Он снова тихо переговорил с Ученым, затем слез с трона, чтобы взять Гельфлинга.

Подняв ее, он торжественно объявил: — Келффинк кхо тенкха. Во олк Келффинк уллс?

Другой Гельфлинг? Возбужденно рассматривая этого, они совсем забыли о другом Гельфлинге. Воспользовавшись всеобщим замешательством, он передал Киру Ученому, который тихо удалился в Зал Жизни. На самом деле, где другой Гельфлинг?

Это была козырная карта Камергера. С невозмути-

мым видом он дал объяснения. Гельфлинг, которого он принес, все время скрывался среди Стручковых людей. Неудивительно, что он до сих пор не попался шпионскому кристаллу. Гельфлинг и Стручковые люди имеют одинаковые пропорции и одинаковые размеры. Второй Гельфлинг, появившийся в Обсерватории Агры неизвестно откуда, больше не представляет для них никакой опасности. Камергер уверен в этом. Однако он не подтвердит сказанное телом Гельфлинга до тех пор, пока не будет восстановлен в иерархии Скексисов на прежнем месте. Живое или мертвое, тело Гельфлинга было редкой ценностью, — это знали все. И если его, Камергера, не примут в замок, вернув ему прежние привилегии и власть, он может предпочесть завладеть телом единолично и самостоятельно вытягивать из него влию.

Повелитель Гартимов еще раз поднял скипетр и, подозвав Скульптора, велел ему принести награды и мантию Камергера. Поздравляя Камергера с его благополучным возвращением в общество Скексисов, Повелитель Гартимов приказал Распорядителю ритуалов возложить на возвратившегося брата все его прежние одеяния. Распорядитель ритуалов, обиженно зашипев, подчинился, не видя альтернативы. Пока продолжалось возложение одежд, Повелитель Гартимов, следуя принятой церемонии, держал над склоненной головой Камергера скипетр, восстанавливая его в прежней должности. Остальные Скексисы выкрикивали приветствия.

Камергер смиренно опустился на колени. Повелитель Гартимов с поднятым скипетром вплотную приблизился к нему и прошептал на ухо:

— Где другой Гельфлинг?

Камергер сказал ему.

Повелитель Гартимов кивнул. Он сказал, что они вместе пойдут за ним. Это разумнее, чем доверить такое дело Гартимам.

Они поднялись и вышли из зала. За их спинами не стихали крики благословления.

В это время в тоннеле Фузгиг обнюхивал кучу обломков. Он начал копать, однако с его маленькими слабыми лапами особого результата не было. После тяжелой работы он открыл одну руку Джена. Он обнюхал ее, облизал и даже мягко согнул пальцы, проверяя, жив ли тот. Рука не сдвинулась.

Фузгиг снова уселся и стал охранять.

Руки Ученого дрожали от возбуждения, когда он усадил Киру на железный стул напротив стены. Замешкавшись, он уронил ее, но поймал прежде, чем она упала на пол. Он испытывал не просто удовольствие от получения настоящей влии Гельфлинга после долгих лет употребления жизненных соков Стручковых людей, это сильно возбуждало его. Он знал, что Повелитель Гартимов не может точно помнить точного количества влии, выделяемой Гельфлингом. Однако Ученый помнил это и прекрасно понимал, что может выпить большую порцию этого напитка, не будучи разоблаченным. Он посмотрел на Агру, сидевшую в клетке. Он не доверял ей. Как только ей представится возможность, она выболтает все, что знает о нем. Но сейчас она вряд ли бодрствует. Эта старая злая карга пыталась укусить его, когда он отбирал у нее глаз. С тех пор она пребывала в угрюмом молчании. Он положил глаз на рабочий стол, не решив, что будет делать с ним.

Он тщательно установил кристалл и вдел в скобу стеклянную трубку, установив под ней большой сборный кувшин. Оттуда он отольет влию в драгоценный флакон для Повелителя Гартимов, а остальное допьет сам.

Он подошел к контрольной панели и оттянул рычаги.

Глаза Киры пронзил фиолетовый луч, перед ней стоял туман, однако эта процедура заняла больше времени, нежели со Стручковыми людьми. С кончиков пальцев к кристаллу напротив протянулось силовое поле. Тяжелые маслянистые капли сбегали по трубке вниз и спадали в сборный кувшин. Глаза Ученого сверкали, в отличие от глаз Киры.

Корчась на стуле, Кира отчаянно кричала:

— Джен! Помоги мне!

Мучительный крик достиг Джена, хотя он и не мог услышать ее голос. Придавленный кучей обломков, он зашевелился и застонал. Тяжесть на спине сокрушала его. Едва шевеля губами, он закричал в ответ:

— Кира! Сопротивляйся! Не сдавайся!

Фузгиг взбудоражился. Он снова попытался раскопать кучу и после нескольких безуспешных попыток стал грустно облизывать Джену пальцы.

Прикосновение языка Фузгига было первым показателем, что он был неполностью погребен. Он сжал и разжал пальцы, затем попытался согнуть руку, на которой до сих пор была наложена повязка из мха. Обломок покачнулся, затем упал.

Свободной рукой Джен успел вслепую нащупать обломки, хватать их и отбрасывать в сторону. Движения утомили его, однако с каждым убранным осколком он чувствовал, что ему дышится легче. Освободив голову, он положил ее на руку и пополз в обратном направлении. Со спины соскользнуло еще больше осколков, что позволило Джену присесть и использовать обе руки. Фузгиг заливался восторженным лаем.

Джен только начал расчищать ноги, как внезапно Фузгиг прекратил лаять и зарычал. Джен подумал, что на этот раз он понимает язык Фузгига. Он приказал тому умолкнуть и внимательно прислушался.

Из глубины туннеля доносились звуки приближающихся тяжелых тел и шипящего дыхания.

Последним усилием, превозмогая боль, он сбросил с себя остатки камней. Все тело болело, однако Джен мог двигаться. На цыпочках он бросился в начало туннеля. Достигнув развилки, он зашел в одно из ответвлений. Фузгиг следовал за ним и не издавал ни звука.

Пронзенная фиолетовым лучом, Кира снова закричала:

— Джен! Джен!

Глаза болели, все ее тело было словно налито свинцом. Сила воли еще оставалась, благодаря гневу, вскипевшему в ней. И она не давала ему угаснуть.

В один момент она чуть было не потеряла выдержку,

понимая, что если она сдастся, то с ней будет покончено. И когда в ответ на ее крик пришло пылкое увещевание Джена: «На сдавайся!», мужество вновь вернулось к ней. Молочная пелена стала спадать с ее глаз.

Неожиданно она услышала зовущий ее через Зал Жизни голос. Голос принадлежал старой женщине.

— Гельфлинг! — прокаркала Агра.

Глаз ее, хотя и лежал на рабочей лавке Ученого, смотрел на Киру.

— Позови тех, кто вокруг тебя. Если ты позовешь их, они смогут помочь тебе. Вы — Гельфлинги. Вы обладаете властью Гельфлингов. Используй ее. Поговори с теми, кто находится рядом с тобой. Если ты можешь общаться с ними, все вместе они сильнее Скексисов. А ты можешь.

Она сконцентрировала все свои силы во взгляде. За лучом, во мраке, она рассмотрела шкафы и клетки, но опознать лежащие там отвратительные бесформенные предметы было невозможно.

Она воззвала на всех языках диких животных, выученных и используемых в детстве. Она взывала о помощи, она взывала о свободе.

Вся комната заполнилась движением и шелестом. Впервые за многие годы в Зале Жизни заговорили голоса пленных животных. Сначала раздались трели, затем послышался лай, а остальные подхватили припев. Все больше и больше пленников вливалось в многоголосый хор, отвечая на призыв Киры.

Ученый был поражен. Испуганно оглядываясь, он подобрал трость и стал размахивать ею, захлопывая запоры и двери, с шипением произнося угрозы. Ничего не изменилось. Слаженная какофония визгов, тявканья, завывания, кваканья и рыков не прекращалась. Тела задвигались, наполняя свои тюрьмы грохотом, все громче и громче.

— Да, Гельфлинг, да, да! Объединившись, они смогут освободиться. О, да!

С надеждой, трепетавшей в голосе, она повторила свой призыв.

Придя в чувство, Ученый взялся за корень проблемы.

Он пересек лабораторию и своей когтистой лапой закрыл ей рот. Изо всех сил она укусила его. Теперь к концерту присоединились его вопли.

Под натиском многочисленных созданий двери клеток стали распахиваться. Сначала поодиночке, затем группами, пленники вырывались из своих клеток. И первое, что они сделали, было выполнение приказа напасть на Ученого. В них пробудилось достоинство, воля, которые, как он считал, были подавлены. Вновь были названы их имена, заговорили на их родном языке.

Птицы взлетели и вцепились в лицо Ученого. Он пошатнулся, тщетно пытаясь отмахнуться от них. Он спотыкался о круживших вокруг него животных. В ушах стоял хохот Агры. Теряя равновесие, ослепленный птицами, он сделал мстительный выпад в ее сторону. Промахнувшись, он миновал клетку Агры и вломился в открытый портал, сбив стержень с кристальной призмой.

Фиолетовый луч спал с лица Киры, а Ученый пошатнулся на краю портала и полетел в шахту, на дне которой очень глубоко плескалось огненное озеро.

Продолжая путешествие через пустыню, через запорошенный кратер, растянувшаяся утомленная группа урРу увидела, как Алхимик урТих неожиданно воспламенился. За считанные секунды он превратился в кучку пепла.

— Прикажи им освободить тебя, — сказала Агра.

Кира заговорила с животными. Когтями и клыками они перегрызли стягивавшие ее ремни. Кира сползла на пол.

Агра показала на сборочный кувшин.

— Выпей эту жидкость, — сказала она. — Это твое.

Кира подняла кувшин и выпила влию. В зеркале она увидела, как преобразился ее облик, — он становился отчетливее. Глаза полностью прояснились. Она чувствовала прилив сил, хотя тело еще болело. Однако даже когда влия завершила свое действие, последствия тяжелого испытания прошли не полностью. Остались морщины вокруг глаз и рта, да и волосы стали бледнее. Сейчас она выглядела намного старше.

Агра все еще кудахтала в своей клетке.

— Ты видишь мой глаз? — спросила она. — Вон там, на лавке.

— Как же ты видишь без глаза? — удивилась Кира.

— Я ничего не вижу. Но глаз-то видит, где он лежит.

Кира осторожно взяла глаз, переступая через животных, подошла к открытой клетке Агры и вручила той ее глаз.

Агра ввинтила на место свой глаз и уставилась на Киру.

— Ты хороший Гельфлинг, но стержень не у тебя, — сказала Агра, качая головой.

— Нет, — призналась Кира. — А что ты знаешь о стержне?

— О моем стержне, — сказала Агра немного высокомерно. — А что известно тебе?

— Он у Джена. Ты не собираешься выходить из этой клетки? — спросила Кира.

Ей было тяжело думать, так как сознание еще находилось в состоянии оцепенения.

— Сейчас выйду, — ответила Агра. — Где Джен?

— Мы находились в туннеле. Он был погребен под обвалом и, может быть, уже мертв.

Агра защелкал языком:

— Слишком поздно. Тц-тц.

— Слишком поздно для чего? — спросила Кира, пытаясь вспомнить, что она тут делала все это время.

— Ох, — покачала Агра седой головой. — Ты не знаешь предсказания? Скоро Скексисы получат силу — силу ото всех звезд. И никто не сможет сразиться с ними. Видишь солнца? В небе. Скоро, да?

— Я должна найти Джена, — заявила Кира. — Ты не знаешь дорогу к туннелю?

Вместо ответа Агра просто оскалила зубы.

Превозмогая боль, Кира оглянулась и выбежала из Зала Жизни, направившись в первый же проход, который, как казалось, ведет наверх. Она обнаружила, что

бежит по галерее над треугольным залом. Внизу она видела несколько Скексисов. Она нырнула под балюстраду. Кого бы она ни встретила сейчас, будь то Скексисы или Гартимы, — они немедленно уничтожат ее. Но пока она могла найти Джена, не все еще потеряно.

Неожиданно из-под балюстрады над залом она увидела какой-то предмет. Она вздрогнула. Кира смотрела на гигантский темный кристалл, висящий в воздухе.

Сидя в клетке посреди этого праздника свободы, Агра смотрела вслед Кире.

— Иди, Гельфлинг, — пробормотала она про себя. — Иди на поиски своего друга. Иди на поиски своей смерти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОГОНЬ ВНИЗУ

Джен так крепко сжал стержень, что суставы его побелели. Он сделает это, он обязательно закончит дело, ради которого пришел сюда, и он не поддастся отчаянию, пытающемуся заманить его в свои сети. Он подавит в себе страх. И, что самое тяжелое, он не упадет духом, думая об участи Киры. Он ничего, твердил себе Джен, ничего не мог для нее сделать — он ничем не может ей помочь. Будь она здесь, она заставила бы его думать только о восстановлении стержня. Он еще крепче сжал стержень и поклялся сделать это. Ради нее, будь она мертва или чудом жива.

Пока он осторожно пробирался по новому туннелю, за его спиной начал скулить и выть Фузгиг.

— Тихо, — сказал Джен, повернувшись к нему. — Сейчас нам нельзя шуметь.

Он сделал еще один шаг, и вдруг пол резко оборвался. Он отчаянно попытался схватиться за что-нибудь, но рядом ничего не оказалось, и Джен съехал вниз, очутившись на земляном полу.

После стольких ударов Джен подумал было о новых синяках. Однако сейчас его больше всего беспокоило, не

покалечился ли он. Он встал, проверил свои конечности. Кажется, работают не хуже, чем раньше. Положение было отвратительно. Он провалился в люк. Подняв голову, он увидел, что Фузгиг сидит у края люка и смотрит на него сверху. До него было слишком далеко, чтобы можно было выпрыгнуть. Есть ли какой-нибудь другой путь из этой ямы? Она была угольно-черной и освещалась только тусклым светом, падающим сверху, и, как заметил Джен, слабым мерцанием кристального стержня. Может быть, это следствие приближения стержня к породившему его кристаллу, который находился где-то недалеко в этом огромном замке?

Он держал стержень над головой, как факел. Это позволило ему разглядеть огромные очертания фигур вдоль стен ямы.

Внезапно раздались зловещие клацающие звуки. В свете мерцающего стержня Джен увидел сверкнувшие в темноте красные глаза. Клацанье нарастало, становясь громче, и вскоре яма Гартимов ожила. Здесь оказалась поисковая группа, получившая приказание найти и уничтожить Гельфлингов и недавно вернувшаяся из рейда; сейчас, потревоженные стержнем, они пришли в движение и, склонившись над Дженом, щелкали клешнями.

Не было времени ни на раздумья, ни на составление плана — бежать некуда. Его действия были продиктованы слепым инстинктом самосохранения. Он бросился на ближайшего Гартима, вытянув перед собой стержень, словно саблю, и дико закричав.

Два Гартима одновременно напали на него. Джен неожиданно замер, они столкнулись друг с другом и с оглушительным грохотом свалились. Когда они очнулись и попытались догнать его, он увернулся. Однако Гартимы потеряли равновесие, и, столкнувшись снова, мертвые рухнули на землю.

Снаружи, на открытой местности, Гартимы были прекрасными истребителями, однако в замкнутом пространстве они были малоподвижны и неповоротливы. Куча Гартимов пыталась перелезть через два борющихся тела на полу в погоне за Дженом, и в этой свалке никто не мог устоять на ногах.

Тем временем Джен подошел к стене в дальнем конце ямы. Дверей там не было. Единственным выходом был люк, через который он попал сюда, но он и не надеялся добраться до него. Джену вспомнились слова Кири: «Когда-то, очень давно, Гельфлинги умели по-настоящему летать». Уже не умеют. Он сжал стержень.

Над ним нависла и клацнула огромная клешня. Джен нырнул под нее, и клешня, не коснувшись его тела, захватила тунику. Клешня снова поднялась и оторвала Джена от земли, раскачивая его в воздухе. Край туники оборвался, и он с воплем полетел через всю яму, вытянув руку, чтобы зацепиться за что-нибудь и остановить падение.

Свалившись на спину Гартима, он ухватился за нечто антенноподобное, торчащее из его головы. Гартим стал раскачиваться и приседать, чтобы сбросить Джена со спины или захватить его клешней. Джен вонзил стержень в глаз Гартима, и тот вылетел из глазницы. Стержень издал гулкий звук и засиял еще ярче.

На Гартима, в которого вцепился Джен, взбирались остальные. Они сталкивались и валились один на другого, затем вся куча рухнула на раненого Гартима.

Один из них совершенно потерял ориентацию и с огромной силой врезался в стену, образовав там брешь, из которой просачивался тусклый свет. Джен понял, что расщелина выводит куда-то наружу. Только этим путем он мог спастись из ямы с Гартимами. Спрыгнув со спины Гартима в сторону бреши, Джен зацепился рукой за острый выступ и повис. В другой руке был зажат стержень; затем он спрятал стержень в своей изорванной тунике и стал держаться за выступ двумя руками.

Гартимы сгруппировались и окружили его. Подтянувшись на выступе, он обнаружил, что сквозь брешь можно протиснуть голову и плечи.

Через расщелину он увидел широкую и очень глубокую вертикальную шахту. На дне ее булькало и гудело огненное озеро — казалось, оно находится в самом центре планеты. На шероховатой поверхности скалы он увидел выступы и снова обрел надежду, что выберется наверх. Внезапно рядом с ногой щелкнула клешня. У

него не оставалось выбора. Держась за край скалы на уровне головы, он стремительно протиснулся через брешь и нащупал ногой узкий выступ. Словно колебание вулкана из-за бреши раздавался жуткий шум ударов, от которых вздрагивала стена.

Чуть выше он обнаружил выступ, ухватился за него и стал взбираться наверх. Подняв голову, прямо над собой он увидел поразивший его мрачным великолепием огромный Кристалл темно-вишневого цвета. Из Кристалла прямо на дно шахты спускался фиолетовый луч, растворяясь в огне.

Едва Джен поднялся на несколько дюймов, как под ударами гигантской клешни брешь превратилась в широкое отверстие. В него пролезла клешня, слепо рыская за своей добычей, и повисла над шахтой с дымящейся дырой, попав под фиолетовый луч.

Потрясенный, ошарашенно выпучив глаза, Повелитель Гартимов присел на краешек трона. Он не мог поверить в происходящее. Только недавно он думал, что провел несколько хитроумных комбинаций, нейтрализовавших претензии Распорядителя ритуалов, как ситуация изменилась коренным образом.

Сначала он последовал за Камергером в туннель, где он рассчитывал увидеть еле живого Гельфлинга с достаточным запасом сил, чтобы выкачать из него побольше влии. Все, что он нашел, была куча обломков. Камергер отчаянно заламывал руки и, запинаясь, лепетал, извинения.

Однако он еще надеялся поживиться полным флаконом с влией другого Гельфлинга, ранее доверенного Ученому. Намереваясь насладиться восстанавливающей мощью влии, Повелитель Гартимов ворвался в Зал Жизни. Вместо ожидаемого ему предстало потрясающее зрелище: стада выпущенных из клеток животных, громящих эту ненавистную им комнату или бегущих через разбитые окна, и Агра, сидящая на полу и дико хохочущая. Не было никаких признаков присутствия Ученого — он не появлялся и в церемониальных залах. Гельфлинг и флакон с влией также исчезли.

Было ясно, какую стратегию придумал Ученый. Чтобы создать хаос, он выпустил всех животных и скрылся, прихватив Гельфлинга и дистиллированную влию. Помолодевший, он скоро вернется и несомненно заявит претензии на престол. Это закончится вызовом «Хаакскееках!»

Такое положение дел не устраивало Повелителя Гартимов. Как только состоится церемония Великого Слияния, он пойдет на беспрецедентный шаг — натравит Гартимов на своего брата Скексиса. Хотя их не готовили для выполнения подобных заданий, они вряд ли откажутся выполнить его приказ. Этому решению Повелитель Гартимов нашел множество оправданий. Подобная мера должна повысить его авторитет среди Скексисов, в любом случае они станут уважать его больше.

Тем временем Распорядитель ритуалов узнал о случившемся, мгновенно оценил обстановку и решил воспользоваться этим. Разгуливая вдоль и поперек по залу, он наклонял свой клюв к каждому, готовому выслушать его, и напоминал, что он с самого начала требовал ритуального убийства Гельфлинга. Распорядитель ритуалов что-то нашептывал Казначею и искоса поглядывал на Повелителя Гартимов, барабаня пальцами по рукоятке ритуального ножа. Казначей кивал.

Повелитель Гартимов подался вперед и зарычал. Старый император не смирился бы с заговором. А как бы он поступил в случае угрозы церемонии Великого Слияния?

Если бы Повелитель Гартимов видел сейчас вход в замок, он бы поразился еще больше. УрРу приближались к концу своего долгого путешествия.

Тысячелетия назад, после Великого Слияния, Скексисы и урРу разделились. УрРу остались в своей долине, предоставленные самим себе. Это было необходимо: предмет и его зеркальное отражение не могут существовать вместе, если только не будут оба уничтожены. Как бы то ни было, Скексисы больше не нуждались в урРу: непрактичные, старые, поющие созерцатели, зам-

кнутые в своем внутреннем мире, — их ценности были диаметрально противоположны ценностям Скексисов.

Вскоре после разделения Скексисы обнаружили, что разбив Кристалл, можно получить злую энергию, скопившуюся на молекулярном уровне, проявляющуюся с потемнением Кристалла. После некоторых исследований Ученый объяснил, что молекулярная структура Кристалла состоит из спиральной связи, которая приобрела свойство изменять направление проекции луча поляризованного света. Когда три солнца сойдутся прямо над Кристаллом, излучаемая ими поляризованная энергия распрямит спиральную связь и обесцветит Кристалл, образовав направленный луч с очень мощной концентрацией энергии. Однако Кристалл раскололся, и спиральную связь распрямить стало невозможно. Свет Великого Слияния наполнит их энергией левой, темно-окрашенной половины, энергией, наполненной ненавистью.

Имея в замке Кристалл, зная его природу и контролируя его, Скексисы извлекали из этого огромную пользу. Вдоль опоясавших планету энергетических линий они запускали продолжительные смертоносные импульсы, несущие всему миру болезни и несчастья. На протяжении всех этих линий они впитывали из земли геодинамическую энергию. Молния, увиденная Дженом во время грозы, сфокусировалась на Стоячих Камнях и перенеслась к замку. Земными импульсами Скексисы контролировали все центральные точки планеты.

Таким образом Скексисы могли игнорировать урРу. Долина никогда не просматривалась шпионскими кристаллами и не посещалась Гартимами. Реальной тирании Скексисов ничего в долине не угрожало, кроме Стоячих Камней. Долина урРу была замкнутой территорией идей, областью грез, и ничем больше.

В это время в небе три солнца стояли на расстоянии диаметра друг от друга. Бесконечно усталые, опираясь на трости, урРУ медленно брели к воротам замка.

Дюйм за дюймом поднимался Джен по стволу шахты

цепляясь за каждый выступ в скале, попадающийся ему под пальцы. Он старался сконцентрировать свое внимание на каменной стене, чтобы заметить шаткие и опасные места. Он старался не смотреть наверх, чтобы не видеть, как еще далеко до Кристалла, и вниз, чтобы не видеть огненное озеро, ожидающее ошибочного решения, момента слабости. Ноги и руки его ужасно болели.

Невысоко над ним раздался прерывистый шум. Иногда он звучал как кашель, иногда как хихиканье. Он рискнул посмотреть вверх. Прямо над головой, в стене шахты он увидел отверстие. Он решился. По крайней мере, он сможет отдохнуть. Очевидно, шум исходил от чего-то, лежащего рядом с отверстием.

Когда он достиг его уровня, он схватился рукой за выступ и, взмахнув другой рукой, присоединил ее к первой и быстро подтянулся. Он вполз в Зал Жизни. Портал со времени падения Ученого был открыт.

Комната была разгромлена, очевидно, недавно. Клетки висели открытыми, по полу была разбросана солома, реторты, кувшины и шкафы валялись сломанными. Джен снова услышал кашель и повернулся, чтобы посмотреть, что это было. Посреди этого хаоса сидела Агра, жадно рассматривая книги Ученого. Карманы ее туники были набиты кусочками аппаратов и осколками камней, позаимствованными из покинутой лаборатории.

—Я... я подумал, что ты сгорела в пожаре Обсерватории.

Агра захихикала.

— Лучше поспеши, — ответила она. — До Великого Слияния осталось мало времени. Упустишь его — придется ждать еще тысячу лет, ха!

— «Когда три солнца засветят как одно», — процитировал Джен.

— Да, да, — нетерпеливо перебила его Агра. — У тебя нет времени. Иди к Кристаллу!

Джен потянулся, чтобы расправить затекшие конечности. С глубоким вздохом он направился к отверстию в шахту, ведущую наверх, к Кристаллу. Агра остановила его.

— Не туда, — она указала на дверь. — Легче пройти отсюда. Стержень у тебя?

— Да.

— Хорошо. Очень, очень интересно. Твоя подруга так и сказала.

— Кира?! — быстро спросил Джен. — Она была здесь?!

— Да.

— Она жива?

— Здесь — была жива.

— Где она? Куда они забрали ее?!

— Она ушла сама, вон туда. Возможно, искать Кристалл. Искать тебя.

Когда Джен исчез в дверях, Агра пробормотала себе под нос:

— Иди, Гельфлинг.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КОГДА ТРИ СОЛНЦА ЗАСВЕТЯТ КАК ОДНО

Повелитель Гартимов вернулся в спальню. Со скипетром в руке он повосхищался собою в зеркале и успокоился.

Теперь понятно, почему в последнее время Скексисы были подвержены истерическому страху. В самом конце солнечного цикла их энергия истощалась. Вскоре все снова будет под контролем. Повелитель Гартимов выйдет и поведет всех на церемонию Великого Слияния. Щедро наделенные энергией, Скексисы ничего больше не будут бояться. Власть Скексисов на планете усилится, а Повелитель Гартимов еще более упрочит свое положение на троне. Он уничтожит Ученого и вознаградит преданность Повелителя рабов, назначив его на вновь созданный пост Патриарха, который будет выше, чем посты Камергера и Распорядителя ритуалов, вместе взятые. Повелитель Гартимов был бы удивлен, если бы не смог взрастить новых союзников. Скульптор, возможно, мог бы отколоться от партии Камергера.

Глубоко тронутый новыми открытиями, Повелитель

Гартимов продолжал глазеть в зеркало и еще крепче, чем прежде, сжал скипетр.

За воротами замка Гартимы образовали неприступную линию защиты от всех незваных гостей, выставив перед собой клешни. Приближающиеся к подножию склона урРу напоминали паломников, завершающих покаянное путешествие всей их жизни. Их большие усталые головы свисали намного ниже рук, сжимавших посохи. Одеяния были покрыты таким слоем пыли, что невозможно было увидеть все сложные переплетения и узлы урУтта. Идя за урЗахом, они смотрели только перед собой, в землю. Вялые хвосты волочились по земле. Они направлялись прямо ко входу в замок. Вверху три солнца почти соприкасались.

Когда урРу были в четырех шагах от входа в замок, урСол мощным голосом затянул мелодию. Остальные семеро слили свои голоса вместе с его голосом в предельно величественное полифоническое созвучие. Это был девятитональный хор, созвучный с большим Кристаллом. Откуда же раздавался девятый голос? Могло случиться и так, что к пению присоединился урСол. Но как бы там ни было, результат проявился немедленно. Жестокие создания Скексисов, Гартимы, не терпели звука прозрачного Кристалла. Они опустили свои клешни и медленно отодвинулись в сторону, позволяя поющим урРу беспрепятственно войти в замок.

Стержень сиял в руке Джена холодным, бледным светом. Юноша с благоговением посмотрел на него, трепеща перед его внутренней силой. Какие бы слабости и сомнения они ни испытывал до сих пор, обратного пути уже не было. Он достиг завершающей стадии своих поисков. Джен больше не испытывал страха. Единственным его чувством было стремление к цели. Он достигнет ее или потерпит поражение — это были единственные условия его существования.

С изумительной, бесстрастной ясностью он представил себе ту, которая была для него ближе и ценнее всего. Он жаждал увидеть и прикоснуться к Кире или, по крайней мере, знать, что с ней стало. К тому же Кира и его забота о ней казались ему какой-то другой жизнью, параллельной, скорее всего прошлой. Может быть, эта жизнь еще вернется к нему в будущем, бесконечно желанная, более, чем та, которую он вынужден вести сейчас. Но пока он не закончил свою миссию, выбора у него было не больше, чем у выпущенной из лука стрелы.

Выбежав из Зала Жизни, он натолкнулся на нескольких Стручковых рабов, не обративших на него внимания. Он вышел на балюстраду Кристального Зала и, спрятавшись, стал наблюдать за Кристаллом, подвешенным в воздухе. Раздумывая, как ему добраться до Кристалла, он заметил высокий балкон рядом с Кристаллом и понял, что туда можно попасть.

Он покинул галерею, прошел по коридору и завернул за угол. Перед ним стояли десять Гартимов — по пять с каждой стороны лестницы, ведущей наверх.

Джен повернулся кругом и кинулся обратно за угол. Сердце его колотилось. Он крепко сжал стержень. Достигнув угла, он из-за плеча посмотрел назад. Гартимы не шевелились. Они стояли точно там, где и находились.

Джен ожидал, что Гартимы бросятся в погоню. Они по-прежнему не двигались. Он даже осознал, что они не издают прерывистый звук, обычно испускаемый ими перед очередной погоней.

Он очень осторожно сделал шаг в сторону Гартимов, и ни один из них не пошевельнулся и даже не подал признаков жизни.

Зная, что он должен найти дорогу на верхний балкон, Джен заставил себя на цыпочках шаг за шагом подвигаться к лестнице, по обе стороны которой стояли Гартимы. Войдя в пределы достижения клешни одного из них, Джен ощутил его дыхание. Он стрелой пронесся между двумя рядами Гартимов и остановился. Гартимы опять не показали, что заметили его присутствие.

Единственно правильным, что Джен не мог знать, было исполнение Гартимами приказа Скексисов. Гартимы, от которых спасся Джен, только что вернулись из

рейда, разгромив деревню Киры и сохраняя приказ уничтожить Гельфлинга. Те же, что стояли вдоль коридоров замка, такого приказа пока не получили. Они застыли, готовые подняться в случае любой опасности или чрезвычайной ситуации. Не получив команды Повелителя Гартимов или кого-нибудь из Скексисов, Гартимы ничего не предпринимали.

Джен побежал вверх по ступенькам и по коридору. Он ориентировался только на мерцания Кристалла между колоннами арки. За огромной дверью он заметил другой отряд Гартимов и осторожно отступил на цыпочках.

Когда и эти не пошевелились, Джен решил, что именно битва в яме лишила их силы. Тем не менее, каждый раз, когда ему на пути попадался отряд Гартимов, его сердце вздрагивало от страха.

Бесшумно поднимаясь по ступенькам, он наконец взбежал по короткому пролету и оказался на верхнем балконе. От зрелища внезапно возникшего перед ним гигантского Темного Кристалла у него перехватило дыхание. В Кристалле, как и на фреске в развалинах Гельфлингов с рисунком, была расщелина, рана в сердце бытия. Казалось, он пульсирует, так же, как стержень в руке Джена, со страстным желанием исцелиться. На мгновение Джен подумал, может ли стержень магнетически уложиться в расщелине, если его бросить на Кристалл.

Глядя вниз, он знал, что не имеет права вести себя так рискованно. Прямо под собой он увидел отверстие шахты, по которой поднимался наверх. Отсюда невозможно было определить насколько высоко висит Кристалл над шахтой. Если стержень упадет вниз, в огненное озеро, то мир не возродится.

Джен на глаз измерил расстояние между балконом и Кристаллом и пришел к выводу, что не сможет допрыгнуть до него. Самым сложным еще будет процесс восстановления стержня в Кристалле. Как он сможет удержать стержень на отполированных скользких гранях? К тому же, нужно будет найти опору для ног, чтобы запрыгнуть обратно на балкон.

Под ним простирался треугольный зал со сложным, тщательно выложенным лабиринтом по всему полу. Сейчас там никого не было, однако Джен полагал, что долго так продолжаться не будет. Треугольный портал на крыше был открыт. У каждого его угла расположилось солнце. Событие, которое предсказала Агра, показав его наглядно на примере своего глаза и треугольной рамы, свершится очень скоро.

Не сумев найти обратную дорогу в туннель, где был погребен Джен, Кира спряталась в нише за гобеленом на стене коридора. Там она от отчаяния разразилась слезами. Нет ни Джена, ни стержня, ни деревни, куда можно вернуться — ничего, ничего не осталось! Сейчас она почти сожалела, что встретила Джена. Однако до того времени она жила без надежды. Надеяться было не на что. Жизнь ее была замкнутым кругом существования среди Стручковых людей. Она пришла к заключению, что так бы продолжалось всегда. Кира тогда не могла нарисовать в воображении картину другой жизни. Правда, она, подобно Джену, иногда позволяла себе пофантазировать. Эти фантазии были рождены ее детскими мечтами о том, что появится другой Гельфлинг. Она видела свадьбы и помолвки Стручковых людей и понимала, что в другом мире она также могла бы иметь детей. Но жизнь Стручковых людей затягивала ее все глубже, воспоминания уходили в прошлое, и не было никакой надежды, что ее фантазии могут стать реальностью.

Затем появился Джен. На самом деле ее первым импульсом там, в болоте, было желание тихо скрыться. Она понимала, почему хотела это сделать. Джен принес ей надежду. И надежда, она знала это инстинктивно, всегда связана с болью. Точно так же ее отчаяние в нише за гобеленом было связано с чем-то, противоположным боли — бесконечным безразличием, почти лихорадочным желанием смерти.

Почти. Однако когда она услышала звуки приближающихся шагов и голосов, тело ее напряглось. Помимо всех желаний и сожалений, в ней одержал верх древ-

нейший и глубоко сидящий инстинкт — желание выжить. Вот что вызвало в ней напряжение. Если бы она могла убежать из замка — она бы сделалл это. Но Кира даже не представляла, как можно убежать.

Приближающиеся шаги были тяжелыми, однако голоса слились в один — шла монотонно поющая процессия. Кира очень осторожно выглянула через край гобелена. По направлению к ней в сопровождении Стручкового хора шли восемь Скексисов.

Она, дрожа, спряталась обратно за гобелен, пока туши Скексисов не миновали ее. Эта процессия была похожа на подготовку какой-то важной церемонии, связанной с Кристаллом, а может быть, имела отношение к Великому Слиянию. Если Джен выбрался из тоннеля — он несомненно найдет дорогу. Если же нет — что ж, куда бы ни привела ее эта процессия, хуже ей все равно не будет.

Она слышала, как прошли Скексисы, и теперь проходит Стручковый хор. Она снова выглянула из-за гобелена. По их глазам она определила, что Стручковые люди были рабами. Кира знала, что они ничего не видят и не чувствуют. Она надеялась незаметно присоединиться и спрятаться среди них.

Кира с опущенной головой и ссутулившись шагала вместе со Стручковым хором, так что ее невозможно было заметить. Они не обращали на нее никакого внимания. Таким образом она сможет пройти мимо Скексисов или Гартимов.

Затем во главе этой процессии она увидела фигуру, которую знала всю жизнь. Вне всяких сомнений это была Идра. Кира стала прокладывать себе путь вперед, пока не оказалась рядом с Идрой. Она похлопала свою приемную мать по руке и улыбнулась.

Повернувшееся к ней лицо Идры было безразлично. Глаза были покрыты молочной пленкой — затем она отвернулась.

— Идра, — зашептала Кира, — ох, Идра! Это же я, Кира! Ты не узнаешь меня?

Невыразительные глаза Идры метнулись в ее сторону, и на мгновение старая женщина сбилась с ритма.

Кира понимала, что если она будет продолжать теребить Идру и обращаться к ней на языке Стручкового народа, то сможет освободить ее, как это было в случае с дикими животными. Однако в настоящее время было бы лучше, чтобы Идра и остальные рабы оставались такими, какими они были. Позже, когда предоставится возможность бежать, она поможет им воспользоваться ею.

Сопровождаемые множеством рабов, Скексисы свернули к главному входу в зал. Однако большинство — с ними была и Кира — продолжало идти по коридору мимо Гартимов и стало подниматься по лестнице. Кира снова оказалась на галерее, с которой просматривался Кристальный Зал.

Взгляд ее был направлен на Кристалл и на портал в кровле. Положение трех солнц обеспокоило ее. Она знала, что это предвещает вечное разделение мира.

Рабы выстроились в ряды, продолжая петь триумфальный гимн. Их писклявое пение звучало причудливо. Внизу, на полу зала, занимали свои позиции вдоль стен остальные группы рабов.

Тем временем Скексисы во главе с новым Императором выстроились в круг под Кристаллом и хрипло запели в унисон с хором. Затем они пошли по кругу. За Императором шли Камергер и Распорядитель ритуалов, пытаясь оттеснить друг друга. Следующим был Повелитель рабов, без повязки на глазу. Он грозно сверкал глазом в сторону своих подопечных, предупреждая их о последствиях ошибки. За ним шел Скульптор, приказывая хору петь громче. Процессию завершали Казначей, Хранитель свитков и Обжора. Все они были в высшей степени возбуждены. Церемония послужит двоякой цели: как ритуал, она отметит и подтвердит варварскую власть Скексисов над миром; физически она придаст им моральных сил, и таким образом они смогут продолжить свое правление миром.

Повелитель Гартимов взошел на престол, Камергер пристроился по правую руку от Императора, а Распорядитель ритуалов, как всегда, встал лицом к трону. Среди них недоставало Ученого. Повелитель Гартимов постоянно думал о том, куда же скрылся Ученый с Гель-

флингом. Неужели, выпив влию, он ворвется сюда в самый критический момент и попытается все испортить? Он едва ли сможет прервать церемонию. Возможно, он омолодил свое тело. Однако ему необходимо еще получить порцию живительных лучей Кристалла, чтобы обрести силу. За дверями зала Повелитель Гартимов поставил получивших инструкции Гартимов.

Три солнца начали перемещаться к середине треугольного портала в крыше, наполняя сияющий Кристалл темным свечением. Кроме того, Джен услышал, как Кристалл начал издавать становящийся все более громким звук. Этот звук не был похож на звук стержня — он звучал на одной низкой ноте. Казалось, он воспроизводит множество разнообразных тонов, совершенно далеких друг от друга. Возможно, стены запомнили эту какофонию.

Джен сидел, согнувшись, за парапетом балкона. Внезапно из-за спины появилась процессия Скексисов. Джен метнулся обратно в тень. Отсюда он мог видеть большую часть зала, где шагали группы поющих рабов. Когда хор собрался на нижней галерее, Джен без всякого интереса оглядел его, раздумывая, что делать дальше.

Внезапно он выхватил взглядом Киру. Она стояла среди рабов. Непроизвольно Джен издал радостный крик. Он не осмелился привлечь ее внимание криком или жестами. Надеясь на телепатические каналы, он сконцентрировал на ней взгляд и пожелал, чтобы его немое послание дошло до нее.

— Кира! Кира! — направленно шептал он.

Распорядитель ритуалов поднял руки в знак начала церемонии.

— Кхавекх, — возвестил он, — Кхавекх, Кхавекх, Оркхасстим.

Торжественные слова Распорядителя ритуалов еще звенели в воздухе, когда внезапно были прерваны лаем. Это Фузгиг наконец нашел Киру. Он шастал по коридорам и галереям, прячась от Скексисов, строя гримасы Стручковым рабам, обнюхивая каждый угол в поисках Киры. На лестнице он почуял ее запах и понесся по

галерее. Сейчас он восторженно заливался лаем, ожидая и с ее стороны проявления радости.

Кира схватила Фузгига и попыталась прекратить его лай. Но было слишком поздно. Шум эхом разнесся по всему залу, расстроив тонкую гармонию пения Стручкового хора и сбив всю пышность выступления Распорядителя ритуалов.

Повелитель Гартимов посмотрел на галерею и увидел Киру. Она все пыталась утихомирить Фузгига.

Повелитель Гартимов взревел:

— Келффинк!

Из-за дверей появились Гартимы и бросились в сторону хора, где пряталась Кира.

На верхнем балконе Джен увидел, что произошло. Он вспрыгнул на парапет и что было сил закричал:

— Кира!

Повелитель Гартимов снова посмотрел вверх. Взгляд его выделил еще одного Гельфлинга.

— Гартимы! — заорал он. — Теен Келффинким!

И по коридорам замка протопал второй отряд Гартимов. Крик Джена отвлек Киру. Она с нескрываемой радостью посмотрела вверх. Даже когда в зал ворвались Гартимы и стали охотиться за Гельфлингами, Кира не сдвинулась с места. Она должна была видеть, что сделают с Дженом. В любом случае полет оказался бесполезным.

Дрожа всем телом, она со страхом смотрела на крошечную фигурку Джена, забиравшегося на парапет.

Он знал, что до того, как Гартимы появятся здесь, остались считанные секунды.

Когда они появились, Джен еще не принял решения. Единственным выходом было спрыгнуть с этого балкона, причем спрыгнуть прямо на Кристалл. Огромные Гартимы заполнили балкон, щелкая клешнями, однако не могли последовать его примеру.

Джен приземлился на ромбоэдрической грани Кристалла, разбросив руки и ноги, как лягушка, хватаясь за выпуклости и грани. Он вцепился в него пальцами, выронив при этом кристальный стержень.

Стержень падал как вертящийся осколок света. Он

упал на узорчатый пол, отскочил в сторону мерцающей арки и подкатился к самому краю шахты прямо под Кристаллом.

В зале установилось гробовое молчание. Оно прерывалось только писками Стручкового хора, пока Повелитель Гартимов продирался сквозь них. Распорядитель ритуалов первый среди всех Скексисов узнал стержень и осознал, насколько ужасающе близко они находятся от исполнения пророчества. С пронзительным визгом он предупредил всех:

— Клакк смайхх Сквии Крех!

Джен сидел высоко над всеми и видел, что произошло дальше.

Кира спрыгнула с галереи и мягко опустилась на своих крылышках. Увидев, что она опять уходит, Фузгиг кинулся за ней по лестнице. Тем временем все Скексисы двинулись к стержню. Первыми были Повелитель Гартимов, Распорядитель ритуалов и Камергер. Все трое горели желанием получить лавр спасителей расы и, отталкивая друг друга, никак не могли схватить стержень. В результате этого первым схватил стержень Фузгиг. Он озабоченно обнюхал его, не понимая, почему стержень находится не у Джена или Киры.

Затем Джен увидел, как Кира приземлилась и побежала к стержню.

В борьбе победил, как сильнейший из Скексисов, Повелитель Гартимов. Он уже схватил было стержень, как внезапно ему в руку вцепился Фузгиг.

Повелитель Гартимов заорал от боли и отдернул руку. Фузгиг потерял равновесие и с воем полетел в шахту, на дне которого его ожидало огненное озеро.

Благодаря вмешательству Фузгига к стержню никто не прикоснулся. Первой очнулась Кира и, протиснувшись между огромными тушами Скексисов, схватила стержень. Она снова повернулась и встала спиной к шахте, выставив перед собой стержень, как кинжал.

В треугольном портале крыши было видно, как три солнца частично зашли одно за другое. Кристалл загудел еще громче.

Скексисы хищными сверкающими глазами смотрели

на Киру и стержень. Они расставили когти и не нападали. Распорядитель ритуалов встал по одну сторону от Киры, в то время как Повелитель рабов заходил с другого фланга. Кира стояла, оглядываясь по сторонам, выставив угрожающе стержень. Перед ней возвышался Повелитель Гартимов. Он уставился на нее выпученными от ярости глазами. Рядом встал Камергер. Весь его вид выдавал коварство.

— Они боятся, — сказал про себя Джен. Затем он пронзительно закричал: — Они боятся тебя, Кира! Они боятся стержня!

Его крик отвлек внимание Киры. Как только она посмотрела в сторону Джена, на нее свирепо обрушились когти Распорядителя ритуалов.

Она вовремя заметила его и полоснула его по руке. Хотя контакт был мгновенным, Распорядитель ритуалов отскочил, словно от мощного удара. Стержень издал резонирующий звук. В ответ завибрировал большой Кристалл.

Камергер осторожно вытянул в сторону Киры руку. Он заговорил с ней вкрадчивым голосом. Кира слышала его прежде — в развалинах Гельфлингов.

— Келффинк, — начал клянчить он, — отдай мне этот кусок Кристалла. Да, отдай и ты уйдешь с миром. Разве я не обещал тебе? Мир Скексисам и маленьким Келффинкам. Отдай его мне.

— Нет, — твердо ответила Кира.

Она снова направила стержень в сторону его вытянутой руки и посмотрела на портал. Три солнца почти слились в одно.

Джен поймал ее взгляд и поворот ее головы в его сторону. Он понял, что она собирается сделать. Внезапно его ослепил сверкнувший клинок жертвенного ножа Распорядителя ритуалов.

— Кира! — закричал он. — Кира! Отдай им стержень!

Камергер повернулся и посмотрел на Джена. В зале все застыло. Было слышно только пищание Стручкового хора.

— Не трогайте ее! — закричал Джен Камергеру. — Вы получите стержень! Позвольте ей уйти!

Камергер, ухмыляясь, посмотрел на Киру.

Кира посмотрела прямо в глаза Камергеру и сказала:

— Нет, Джеи. Исцели стержень.

Она оттянула руку со стержнем, и снова посмотрела на Джена. Он продолжал уговаривать ее:

— Кира! Они убьют тебя!

Кира бросила ему стержень.

Стержень сверкнул в воздухе под высоким сводом арки и упал в руку Джену. Он посмотрел вниз, и из его глотки вырвался длинный отчаянный стон. Взгляд застыл на улыбающемся лице Киры и Распорядителе ритуалов, заносящем над ней жертвенный нож.

Снизу на него смотрели лица окруживших ее тело Скексисов. Джен с отвращением посмотрел на стержень. Сейчас он положит его на Кристалл, исцелит его рану.

Внезапно он перестал видеть. Вокруг было слишком много света. В лицо ударил луч совместившихся солнц.

Он на ощупь вставил стержень в углубление.

Огромный Кристалл соскользнул с вибрирующей поверхности Кристалла. Потеряв сознание, Джен полетел вниз. Удар был смягчен телом одного из Скексисов. Он покатился по полу и упал рядом с Кирой.

Ни один из Скексисов не двигался. Они зажали руками уши, а глаза их почти вылезли из орбит.

Происходящее осознавали только Стручковые рабы. Темный Кристалл стал почти прозрачным. Внутри исчезали все трещины и изломы. Кристалл освобождался от темной энергии и наполнялся энергией Великого Слияния. Вскоре Кристалл начал излучать свечение. Свет распадался на лучи и резко обрывался вниз.

С глаз Стручковых рабов исчезла молочная пелена, и появились черные зрачки. Они увидели, как Гартимы со скрежетом разваливаются на части и с грохотом валятся на пол. Вскоре от Гартимов ничего не осталось. На полу валялись только их панцири. Проснувшись после глубокого сна, Стручковые люди с удивлением рассматривали стены замка. Вдоль энергетических линий по всей планете звучала волшебная мелодия Кристалла, возвещавшая о победе над властью зла. Стены замка зашатались и стали рушиться.

В Зале Жизни Агра тоже услышала грохот.

— Ах! — воскликнула она. — Наконец!

Она уже бросилась к дверям, как услышала чей-то вой. Обернувшись, Агра увидела в отверстии шахты Фузгига, повисшего на конце стержня с кристальной призмой.

Агра нетерпеливо дернулась, однако схватила рогатку и просунула в отверстие. Она протянула ее к Фузгигу. Он зарычал, думая, что ему угрожают оружием. Только когда он увидел, что Агра собирается уходить, он запрыгнул на рогатку и очутился в безопасности.

Агра пошла к дверям, Фузгиг за нею.

— Наконец! — радовалась она. — Наконец Агра снова увидит это! Не зря я сберегла второй глаз.

Джен почти без сознания сидел на коленях на полу зала. В руках у него было тело Киры. Он безучастно взирал на происходящее.

В трясущийся сияющий зал вошли урРу. Они больше не были старыми трясущимися мудрецами — сейчас это была армия освободителей, несгибаемая как правда. Они пели во весь голос величественную восьмитональную мелодию, над которой возвышался высокий чистый звук Кристалла, ставший девятым тоном в этом созвучии. Скексисы с ужасом отпрянули от них. Они не могли укрыться от прозрачного белого свечения, проникавшего сквозь стены рушившегося замка.

Фузгиг бежал к Джену и Кире.

Агра стояла в дальнем конце зала и не мигая смотрела прямо на свет, боясь упустить момент. Теперь она будет жить вечно, храня воспоминания обо всем этом.

УрРу образовали под Кристаллом полукруг, встав под его лучами. Свет преломлялся в Кристалле и, пронизывая тела урРу, превращался в световые пятна за спиной каждого из них. Словно в вакууме, к этим пятнам подтягивались Скексисы. Ужасно шипя, они корчились и рушились на пол.

Тем временем УрРу продолжали петь. Они стали рас-

качиваться в странном ритме, стоя под пронзающими их световыми лучами.

Когда все парализованные Скексисы встали в световые круги напротив урРу, их тоже пронзили световые лучи. Они стали подтягиваться к урРу, пока не превратились в единые создания, как это было в прошлом и как должно было случиться: Двое, соединенных в одно. Казалось, существа появились из золотого света и были сделаны из неизвестного вещества. В кругу под Кристаллом стояли высокие и прямые урСкеки.

Сквозь рыдания Джен услышал чей-то зовущий его голос.

— Послушай меня, Гельфлинг.

Он посмотрел вверх. К нему обращался урСкек, состоящий из Целителя урИма и Повелителя Гартимов скекУнга. Он стоял под лучом Кристалла и из головы лился видимый поток энергии. На лице запечатлелись мудрость урРу и знание Скексисов.

С Кирой в руках Джеи поднялся и встал лицом к урСкекам.

Тот, что обратился к нему, заговорил снова.

— Мы урСкеки. Очень давно мы едва не уничтожили этот мир из-за нашей глупости и безразличия. Надеясь избавиться от несовершенства, мы вошли в Кристалл. Вместо этого мы раскололи Кристалл, а сами разделились на урРу и Скексисов. Но благодаря твоему мужеству и твоей жертве, ты сумел сделать разрушенный нами мир целым. Ты высвободил нас из этого мира. Теперь мы вернули себе наше настоящее обличие и можем вернуться в другой мир. И ты тоже станешь одним целым. Прижми ее к себе. Она часть тебя, как мы являемся частью друг друга. Ты восстановил настоящую силу Кристалла. Сотвори этот мир под светом Кристалла.

УрСкек поднял свою светящуюся руку и направил луч света на Киру. Она зашевелилась и открыла глаза. Рана затянулась. Пение достигло кульминации.

Обнявшись, Джен и Кира наблюдали, как урСкеки поднимаются по лучам света и, неузнаваемо изменившись, заходят в Кристалл и переносятся в другое измерение.

В зале воцарилась тишина. Три солнца над Кристаллом вышли из фазы Великого Слияния.

Конец, в котором бесконечно вращающийся мир получает новое начало.

СОДЕРЖАНИЕ

Лез Мартин

МОЛОДОЙ ИНДИАНА ДЖОНС И ПОТАЙНОЙ ГОРОД 5

Джон Томпсон

ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК 89

ЧАСТЬ 1 93

ЧАСТЬ 2 215

Э.С.Х. Смит

ТЕМНЫЙ КРИСТАЛЛ 347

Художник — В. Зорин
Корректор — *Н. Виноградова и И. Лобановская*

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Составители серии «БГ» просят Вас прислать перечень фильмов, которые Вы хотели бы увидеть в виде романов. Наиболее часто упоминаемые названия будут включены в серию «БГ»

Адрес для корреспонденции:
129090, г. Москва, ул. Гиляровского, д. 29.
Издательство «Эрика»

Подписано в печать 11.04.94г. Формат 84x108/32.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 26,04. Тираж 60000
Заказ 290

Фирма «БАДППР». Лицензия ЛР №382.
220034, Республика Беларусь, Минск, ул. Фрунзе, 5.

Отпечатано с готового оригинал-макета Марийским полиграфическо-издательским комбинатом Республики Марий Эл.

В СЕРИИ БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА ВЫШЛИ

1
ЧУЖОЙ
БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ
ВСПОМНИТЬ ВСЕ

2
КОШМАР НА УЛИЦЕ ВЯЗОВ
МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

3
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ
ЧУЖОЙ-3

4
ПРИВИДЕНИЕ
ПОПУТЧИК
РЕБЕНОК РОЗМАРИ

5
РОМАН О КАМНЕ
ЖЕМЧУЖИНА НИЛА

6
РОБОКОП
ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ
ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ

7
ХИЩНИК-III
КОКОН

8
ИСКАТЕЛИ ПОТЕРЯННОГО КОВЧЕГА
ИНДИАНА ДЖОНС И ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

9
КОММАНДО
ЗОЛОТО МАККЕННЫ
МЫС СТРАХА

10
ЧУЖИЕ
КРЕПКИЙ ОРЕШЕК
КОНАН-ВАРВАР

11
БЭТМЭН
БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ
БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА

12
КОБРА
СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

13
ДРАКУЛА
ПЯТНИЦА, 13-Е

14
ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ
КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА

15
КРАСНАЯ ЖАРА
ВОЕННЫЕ ИГРЫ
ПОЕЗД-БЕГЛЕЦ

16
ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА: МИЛЛИОНЫ ЛЕТ СПУСТЯ
КИНГ КОНГ

17
ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

18	КРЮК ЛАБИРИНТ
19	ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ
20	КРЕПКИЙ ОРЕШЕК II ШЕСТЬ ДНЕЙ КОНДОРА
21	ПАЛАЧ СМЕРТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ I, II, III
22—24	СЕГУН (часть 1, 2), (часть 3), (часть 4, 5, 6)
25	РОБОКОП II ЖАЖДА СМЕРТИ I, II
26	ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ ПСИХОЗ
27	ЧЕСТЬ СЕМИ ПРИЦЦИ
28	ЩЕПКА КОМА
29	В ОСАДЕ СКАЛОЛАЗ
30	ОДИН ДОМА I, II, III ГРЕМЛИНЫ
31	ИЛЛЮЗИЯ УБИЙСТВА I, II, III ХИЩНИК II
32	ГОРЕЦ I, II
33	НАЗАД В БУДУЩЕЕ I, II, III СУПЕРМЕН III
34	ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ ИНОПЛАНЕТЯНИН БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА
35	ПРОФЕССИОНАЛ МАЛЬЧИКИ ИЗ БРАЗИЛИИ НЕСКОЛЬКО ХОРОШИХ ПАРНЕЙ
36	НЕВЕЗУЧИЕ СОСЕДКА
37	ТЮРЯГА КОНВОЙ
38	РАЗРУШИТЕЛЬ ДРУЗЬЯ ЭДДИ КОЙЛА
39	РОБОКОП III БУЛЛИТТ
40	ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА I, II, III ГОТИКА
41	МОЛОДОЙ ИНДИАНА ДЖОНС И ПОТАЙНОЙ ГОРОД ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК I,II ТЕМНЫЙ КРИСТАЛЛ

POW
RANDY'S
DONUTS